

Священник Николай Агафонов

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Духовная проза (Никея)

Николай Агафонов

Непридуманные истории (сборник)

«Никея»

2013

Агафонов Н.

Непридуманные истории (сборник) / Н. Агафонов — «Никея», 2013 — (Духовная проза (Никея))

Священники живут в ином измерении, вернее, на грани измерений. Предстоящих пред Богом в алтаре освещает особый Свет, соприкосновение с Вечностью, а вот за воротами храма начинается мир, кипящий и бурлящий страстями. В рассказах отца Николая нет прямых проповеднических назиданий, но его герои, безусловно, запомнятся навсегда: ведь это люди, которые вселяют веру в добро, в любовь и в Бога. Автор точно передает дух эпохи: гибельные 20–30-е годы, подарившие надежду 80-е, разочарование 90-х и нынешнее, еще не совсем осмысленное время.

© Агафонов Н., 2013

© Никея, 2013

Содержание

Предисловие	6
Погиб при исполнении	7
Друзья	17
Колдовские сети	25
Безработный	32
Молитва алтарника	35
Мы очень друг другу нужны	38
Разведчик	46
По щучьему велению	63
Вика с Безымянки	72
Возмездие	82
Победа над смертью	88
Утешение в старости	94
Оборотень	103
Внук Шаляпина	111
Антисемит	115
Командировка в иную реальность	122
Путешествие в антимир	129
Выбор невесты	138
Отчего курица спятила с ума?	145
Шутник, или Рассказ о том, как установка американских крылатых ракет «Першинг-2» помогла провести отопление в Покровскую церковь	151
Соборный чтец	157
Попутчик	159
Нательный крестик	162
Высокая ставка	164
Отшельник поневоле	167
Юродивый Гришка	185
Чаю воскресения мертвых	194
«Нерушимая Стена»	203
Божий странник	207
Очень важный поступок	213
«Благоразумный разбойник»	221
Штрихи к портрету архиепископа Пимена	224
Как я поступал в духовную семинарию	227
Историческое событие	231
Чудо в степи	235
Я отпускаю его с миром	237
Собрание	239
Плавучий храм	241
Судовой журнал миссионерской плавучей церкви «Святитель Иннокентий»	246
Об авторе	255

Священник Николай Агафонов

Непридуманные истории. Рассказы

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 12-218-1567

© Агафонов Николай, свящ., 2013

© Издательство «Никея», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Чудесное всегда с нами рядом, но мы не замечаем его. Оно пытается говорить с нами, но мы не слышим его, потому что оглохли от грохота безбожной цивилизации. Оно идет с нами рядом, дышит нам прямо в затылок. Но мы не чувствуем его, ибо наши чувства притупились бесчисленными соблазнами века сего. Оно забегает вперед и заглядывает прямо в глаза, но мы не видим его. Мы ослеплены своим ложным величием – величием человека, могущего переставлять горы без всякой веры, лишь с помощью бездушного технического прогресса. А если вдруг увидим или услышим, то спешим обойти стороной, сделать вид, что не заметили, не услышали. Ведь в тайнике своего существа мы догадываемся, что, приняв ЧУДО как реальность нашей жизни, мы должны будем изменить свою жизнь. Мы должны стать неприкаянными в мире сем и юродивыми для разумных мира сего. А это уже страшно или, наоборот, так смешно, что хочется плакать.

Протоиерей Николай Агафонов

Погиб при исполнении Некриминальная история

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Ин. 15: 13

И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, – скажет, – и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свины вы! Образа звериного и печати его; но приходите и вы!» И возглаголют премудрые, возглаголют разумные: «Господи! Почто сих приемлешь?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...»

Ф. М. Достоевский.

Преступление и наказание

Было уже десять часов вечера, когда в епархиальном управлении раздался резкий звонок. Только что прилегший отдохнуть Степан Семенович, ночной сторож, недовольно ворча: «Кого это нелегкая носит?», шаркая стоптанными домашними тапочками, поплелся к двери. Даже не спрашивая, кто звонит, он раздраженно крикнул, остановившись перед дверью:

– Здесь никого нет, приходите завтра утром!

Но за дверью бесстрастный голос ответил:

– Срочная телеграмма, примите и распишитесь.

Получив телеграмму, сторож принес ее в свою каморку, включил настольную лампу и, нацепив очки, стал читать: «27 июля 1979 года протоиерей Федор Миролюбов трагически погиб при исполнении служебных обязанностей, ждем дальнейших указаний. Церковный совет Никольской церкви села Бузихино».

– Царство Небесное рабу Божьему отцу Федору, – сочувственно произнес Степан Семенович и еще раз перечитал телеграмму вслух. Смутила формулировка: «Погиб при исполнении...» Это совершенно не клеилось со священническим чином.

«Ну там милиционер или пожарный, в крайнем случае сторож, не приведи, конечно, Господи, это еще понятно, но отец Федор?» – пожал в недоумении плечами Степан Семенович.

Отца Федора он знал хорошо, когда тот еще служил в кафедральном соборе. Батюшка отличался от прочих клириков собора простотой в общении и отзывчивым сердцем, за что и был любим прихожанами. Десять лет назад у отца Федора случилось большое горе в семье – убит был его единственный сын Сергей. Произошло это, когда Сергей спешил домой порадовать родителей выдержанным экзаменом в медицинский институт, хотя отец Федор мечтал, что сын будет учиться в семинарии.

– Но раз выбрал путь не духовного, а телесного врача, все равно – дай ему Бог счастья... Меня будет на старости лечить, – говорил отец Федор Степану Семеновичу, когда они сидели за чаем в сторожке собора. Тут-то их и застала эта страшная весть.

По дороге из института увидел Сергей, как четверо парней избивают пятого прямо рядом с остановкой автобуса. Женщины на остановке криками пытались урезонить хулиганов, но те, не обращая внимания, уже лежащего молотили ногами. Мужчины, стоявшие на остановке, стыдливо отворачивались. Сергей, не раздумывая, кинулся на выручку. Кто его ножом пырнул, следствие только через месяц разобралось. Да что от этого проку, сына отцу Федору уже никто вернуть не мог.

Сорок дней после смерти сына отец Федор служил каждый день заупокойные обедни и панихиды. А как сорок дней прошло, стали частенько замечать отца Федора во хмелю. Бывало, и к службе приходил нетрезвым. Но старались не укорять, понимая его состояние, сочувствовали ему. Однако вскоре это стало делать все труднее. Архиерей несколько раз переводил отца Федора на должность псаломщика, для исправления от винопития. Но один случай заставил владыку пойти на крайние меры и уволить отца Федора за штат.

Как-то, получив месячную зарплату, отец Федор зашел в рюмочную, что находилась недалеко от собора. Завсегдатаи этого заведения относились к батюшке почтительно, ибо по своей доброте он потчевал их за свой счет. В тот день была годовщина смерти сына, и отец Федор, кинув на прилавок всю зарплату, приказал угощать всех, кто пожелает, весь вечер. Буря восторгов, поднявшаяся в распивочной, вылилась в конце пьянки в торжественную процессию. С соседней строительной площадки были принесены носилки, на них водрузили отца Федора и, объявив его Великим Папой Рюмочной, понесли через весь квартал домой. После этого случая отец Федор и угодил за штат. Два года он был без служения до назначения его в Бузихинский приход.

Степан Семенович в третий раз перечитал телеграмму и, повздыхав, стал набирать номер домашнего телефона владыки. Трубку поднял келейник владыки Слава.

– Его высокопреосвященство занят, зачитайте мне телеграмму, я запишу, потом передам.

Содержание телеграммы Славу озадачило не меньше, чем сторожа. Он стал размышлять: «Трагически погибнуть в наше время – пара пустяков, что весьма часто и происходит. Вот, например, в прошлом году погиб в автомобильной катастрофе протодиакон с женой. Но при чем здесь служебные обязанности? Что может произойти во время богослужения? Наверное, эти бузихинцы что-то напутали».

Слава был родом из тех мест и село Бузихино знал хорошо. Оно было знаменито строптивым характером сельчан. С необузданным нравом бузихинцев пришлось столкнуться и архиерею. Бузихинский приход доставлял ему хлопот более, чем все остальные приходы епархии, вместе взятые. Какого бы священника к ним архиерей ни назначал, долго тот там не задерживался. Прослужит год, ну от силы другой – и начинаются жалобы, письма, угрозы. Никто бузихинцам угодить не мог. За один год трех настоятелей пришлось сменить. Рассердился архиерей, два месяца к ним вообще никого не назначал. Бузихинцы эти два месяца, как беспоповцы, сами читали и пели в церкви. Только от этого мало утешения, обедню-то без батюшки не отслужишь, стали просить священника. Архиерей говорит им:

– Нет у меня для вас священника, к вам на приход уже никто не желает ехать!

Но те не отступают, просят, умоляют:

– Хоть кого-нибудь, хоть на время, а то Пасха приближается! Как в такой великий праздник без батюшки? Грех.

Смилоствовал над ними архиерей, вызвал к себе бывшего в то время за штатом протоиерея Федора Миролюбова и говорит ему:

– Даю тебе, отец Федор, последний шанс для исправления, назначаю настоятелем в Бузихино, продержишься там три года – все прощу.

Отец Федор от радости в ноги архиерею поклонился и, побожившись, что уже месяц, как в рот не берет ни грамма, довольный поехал к месту своего назначения.

Проходит месяц, другой, год. Никто архиерею жалоб не шлет. Это радует его высокопреосвященство, но в то же время и беспокоит: странно, что жалоб нет. Посылает благочинного отца Леонида Звякина узнать, как обстоят дела. Отец Леонид съездил, докладывает:

– Все в порядке, прихожане довольны, церковный совет доволен, отец Федор тоже доволен.

Подивился архиерей такому чуду, а с ним и все епархиальные работники, но стали ждать: не может такого быть, чтобы второй год продержался.

Но прошел еще год, третий пошел. Не вытерпел архиерей, вызывает отца Федора, спрашивает:

– Скажи, отец Федор, как это тебе удалось с бузихинцами общий язык найти?

– А это нетрудно было, – отвечает отец Федор. – Я как приехал к ним, так сразу смекнул их главную слабость, на ней и сыграл.

– Это как же? – удивился архиерей.

– А понял я, владыко, что бузихинцы – народ непомерно гордый, не любят, когда их поучают, вот я им и сказал на первой проповеди: так, мол, и так, братья и сестры, знаете ли вы, с какой целью меня к вам архиерей назначил? Они сразу насторожились: «С какой такой целью?» – «А с такой целью, мои возлюбленные, чтобы вы меня на путь истинный направили». Тут они совсем рты разинули от удивления, а я дальше валяю: «Семинариев я никаких не кончал, а с детских лет пел и читал на клиросе и потому в священники вышел как бы полуграмотным. И по недостатку образования пить стал непомерно, за что и был уволен со службы за штат». Тут они сочувственно закивали головами. «И, оставшись, – говорю, – без средств к пропитанию, я влачил жалкое существование за штатом. В довершение ко всему моя жена оставила меня, не желая разделять со мной моей участи». Как такое сказал, так у меня на глазах слезы сами собой навернулись. Смотрю, и у прихожан глаза на мокром месте. «Так бы мне и пропасть, – продолжаю я, – да наш владыка, дай Бог ему здоровья, своим светлым умом смекнул, что надо меня для моего же спасения назначить к вам на приход, и говорит мне: «Никто, отец Федор, тебе во всей епархии не может помочь, кроме бузихинцев, ибо в этом селе живет народ мудрый, добрый и благочестивый. Они тебя наставят на путь истинный». А потому прошу вас и молю, дорогие братья и сестры, не оставьте меня своими мудрыми советами, поддержите, а где ошибусь – укажите. Ибо отныне вручаю в руки ваши судьбу свою». С тех пор мы и живем в мире и согласии.

На архиерея этот рассказ, однако, произвел удручающее впечатление.

– Что такое, отец Федор? Как вы смели приписывать мне слова, не произносимые мной? Я вас послал как пастыря, а вы приехали на приход овцой заблудшей. Выходит, не вы паству пасете, а она вас пасет?

– А по мне, – отвечает отец Федор, – все равно, кто кого пасет, лишь бы мир был и все были довольны.

Этот ответ совсем вывел архиерея из себя, и он отправил отца Федора за штат.

Бузихинцы вновь присланного священника вовсе не приняли и грозились, что если отца Федора им не вернут, то они до самого патриарха дойдут, но от своего не отступят. Самые ретивые предлагали заманить архиерея на приход и машину его вверх колесами перевернуть, а назад не перевертывать, пока отца Федора не вернут. Но архиерей уже поостыл и решил скандала далеко не заводить. И отца Федора бузихинцам вернул.

Пять лет прошло с того времени. И вот теперь Слава держал телеграмму, недоумевая, что же могло произойти в Бузихине.

А в Бузихине произошло вот что. Отец Федор просыпался всегда рано и никогда не залеживался в постели, умывшись, прочитывал правило. Так начинался каждый его день. Но в это утро, открыв глаза, он почти полчаса понежился в постели с блаженной улыбкой: ночью видел свою покойную мать. Сны отец Федор видел редко, а тут такой необычный, такой легкий и светлый.

Сам отец Федор во сне был просто мальчиком Федей, скакавшим на коне по их родному селу, а мать вышла к нему из дома навстречу и крикнула: «Федя, дай коню отдых, завтра поедете с отцом на ярмарку». При этих словах отец Федор проснулся, но сердце его продолжало радостно биться, и он мечтательно улыбался, вспоминая детство. Видеть мать во сне он считал хорошим признаком, значит, душа ее спокойна, потому как в церкви за нее постоянно возносятся молитвы об упокоении.

Бросив взгляд на настенные ходики, он, кряхтя, встал с постели и побрел к умывальнику. После молитвы, по обыкновению, пошел пить чай на кухню, а напившись, расположился тут же читать только что принесенные газеты. Дверь приоткрылась – и показалась вихрастая голова Петьки, внука церковного звонаря Парамона.

– Отец Федор, а я вам карасей принес, свеженьких, только что наловил.

– Ну проходи, показывай свой улов, – добродушно пробасил отец Федор.

Приход Пети был всегда для отца Федора радостным событием, он любил этого мальчика, чем-то напоминавшего ему его покойного сына. «О, если бы он прошел мимо, не осиротил бы своего отца, сейчас у меня были бы, наверное, внуки. Но так, значит, Богу угодно», – мучительно размышлял отец Федор.

Петьку без гостинца не оставлял, то конфет ему полные карманы набьет, то пряников. Но, конечно, понимал, что Петя не за этим приходит к нему, а уж больно он любопытный, обо всем расспрашивает отца Федора, да такие вопросы иногда мудреные задает, что не сразу и ответишь.

– Маленькие карасики, – оправдывался Петя, в смущении протягивая целлофановый мешочек с дюжиной небольших, с ладонь, карасей.

– Всякое даяние благо, – прогудел отец Федор, кладя карасей в холодильник. – Да и самое главное, что от труда рук своих принес подарок. А это я для тебя припас. – И с этими словами он протянул Петьке большую шоколадную плитку.

Поблагодарив, Петя повертел шоколад в руке, попытался сунуть в карман, но шоколад не полез, и тогда он проворно сунул его за пазуху.

– Э-э, брат, так дело не пойдет, пузо у тебя горячее, шоколад растает – и до дому не донесешь, лучше в газету заверни. А теперь, коли не торопишься, садись, чаю попьем.

– Спасибо, батюшка, мать корову подоила, так молока уже напился.

– Все равно садись, что-нибудь расскажи.

– Отец Федор, мне дед говорит, что, когда я вырасту, получу от вас рекомендацию и поступлю в семинарию, а потом буду священником, как вы.

– Да ты еще лучше меня будешь. Я ведь неграмотный, в семинариях не учился, не те годы были, да и семинариев тогда уже не было.

– Вот вы говорите «неграмотный», а откуда же все знаете?

– Читаю Библию, еще книжки кое-какие есть. Немного и знаю.

– А папа говорит, что нечего в семинарии делать, так как скоро Церковь отомрет, а лучше идти в сельхозинститут и стать агрономом, как он.

– Ну, сказанул твой батя, – усмехнулся отец Федор. – Я умру, отец твой умрет, ты когда-нибудь помрешь, а Церковь будет вечно стоять, до скончания века.

– Я тоже так думаю, – согласился Петя. – Вот наша церковь сколько лет стоит, и ничего ей не деется, а клуб вроде недавно построили, а уж трещина по стене пошла. Дед говорит, что раньше прочно строили, на яйцах раствор замешивали.

– Тут, брат, дело не в яйцах. Когда я говорил, что Церковь будет стоять вечно, то имел в виду не наш храм, это дело рук человеческих, может и разрушиться. Да и сколько на моем веку храмов да монастырей взорвали и поломали, а Церковь живет. Церковь – это все мы, верующие во Христа, и Он – глава нашей Церкви. Вот так, хоть твой отец грамотным на селе слывет, но речи его немудрые.

– А как стать мудрым? Сколько надо учиться, больше, чем отец, что ли? – озадачился Петя.

– Да как тебе сказать... Я встречал людей совсем неграмотных, но мудрых. «Начало премудрости – страх Господень» – так сказано в Священном Писании.

Петя хитро сощурил глаза:

– Вы в прошлый раз говорили, что Бога любить надо. Как это можно и любить, и бояться одновременно?

– Вот ты мать свою любишь?

– Конечно.

– А боишься ее?

– Нет, она же не бьет меня, как отец.

– А боишься сделать что-нибудь такое, отчего мама твоя сильно бы огорчилась?

– Боюсь, – засмеялся Петя.

– Ну, тогда, значит, должен понять, что это за «страх Господень».

Их беседу прервал стук в дверь. Вошла теща парторга колхоза, Ксения Степановна. Перекрестилась на образа и подошла к отцу Федору под благословение.

– Разговор у меня, батюшка, наедине к тебе. – И бросила косой взгляд на Петьку.

Тот, сообразив, что присутствие его нежелательно, распрощавшись, юркнул в дверь.

– Так вот, батюшка, – заговорщицким голосом начала Семеновна, – ты же знаешь, что моя Клавка мальчонку родила, вот два месяца, как некрещеный. Сердце-то мое все изболелось: и сами невенчанные, можно сказать, в блюде живут, так хоть внучка покрестить, а то не дай Бог до беды.

– Ну а что не несете крестить? – спросил отец Федор, прекрасно понимая, почему не несут сына парторга в церковь.

– Что ты, батюшка, Бог с тобой, разве это можно? Должность-то у него какая! Да он сам не против. Давеча мне и говорит: «Окрестите, мамаша, сына так, чтобы никто не видел».

– Ну, что же, благое дело, раз надо – будем крестить тайнообразующе. Когда наметили крестины?

– Пойдем, батюшка, сейчас к нам, все готово. Зять на работу ушел, а евоный брат, из города приехавший, будет крестным. А то уедет – без крестного как же?

– Да-а, – многозначительно протянул отец Федор, – без кумовьев крестин не бывает.

– И кума есть, племянница моя, Фроськина дочка. Ну, я пойду, батюшка, все подготовлю, а ты приходи следом задними дворами, через огороды.

– Да уж не учи, знаю...

Семеновна вышла, а отец Федор стал неторопливо собираться. Перво-наперво проверил принадлежности для крещения, посмотрел на свет пузырек со святым миром, уже было почти на дне. «Хватит на сейчас, а завтра долью». Уложил все это в небольшой чемоданчик, положил Евангелие, а поверх всего облачение. Надел свою старую ряску и, выйдя, направился через огороды с картошкой по тропинке к дому парторга.

В просторной светлой горнице уже стоял тазик с водой, а к нему были прикреплены три свечи. Зашел брат парторга.

– Василий, – представился он, протягивая отцу Федору руку.

Отец Федор, пожав руку, отрекомендовался:

– Протоиерей Федор Миролюбов, настоятель Никольской церкви села Бузихино.

От такого длинного титула Василий смутился и, растерянно заморгал, спросил:

– А как же по отчеству величать?

– А не надо по отчеству, зовите проще: отец Федор или батюшка, – довольный произведенным эффектом, ответил отец Федор.

– Отец Федор-батюшка, вы уж мне подскажите, что делать. Я ни разу не участвовал в этом обряде.

– Не обряд, а Таинство, – внушительно поправил отец Федор совсем растерявшегося Василия. – А вам ничего и не надо делать, стойте здесь и держите крестника.

Зашла в горницу и кума, четырнадцатилетняя Анютка, с младенцем на руках. В комнату с беспокойным любопытством заглянула жена парторга.

- А маме не положено на крестинах быть, – строго сказал отец Федор.
- Иди, иди, дочка, – замахала на нее руками Семеновна. – Потом позовем.

Отец Федор не спеша совершил крещение, затем позвал мать мальчика и после краткой проповеди о пользе воспитания детей в христианской вере благословил мать, прочитав над ней молитву.

– А теперь, батюшка, к столу просим, надо крестины отметить и за здоровье моего внука выпить, – захлопотала Семеновна.

В такой же просторной, как горница, кухне был накрыт стол, на котором одних разносолов не пересчитать: маринованные огурчики, помидорчики, квашеная белокочанная капуста, соленые груздочки под сметанкой и жирная сельдь, нарезанная крупными ломтиками, посыпанная колечками лука и политая маслом. Посреди стола была водружена литровая бутылка с прозрачной, как стекло, жидкостью. Рядом в большой миске дымился вареный картофель, посыпанный зеленым луком. Было от чего разбежаться глазам. Отец Федор с уважением посмотрел на бутылку.

Семеновна, перехватив взгляд отца Федора, торопясь пояснила:

– Чистый первак, сама выгоняла, прозрачный, как слезинка. Ну что же ты, Вася, приглашай батюшку к столу.

– Ну, батюшка, садитесь, по русскому обычаю – по маленькой за крестника, – довольно потирая руки, сказал Василий.

– По русскому обычаю надо сперва помолиться и благословить трапезу, а уж потом садиться, – назидательно сказал отец Федор и, повернувшись к переднему углу, хотел осенить себя крестным знаменем, однако рука, поднесенная ко лбу, застыла, так как в углу висел лишь портрет Ленина.

Семеновна запричитала, кинулась за печку, вынесла оттуда икону и, сняв портрет, повесила ее на освободившийся гвоздь.

– Вы уж простите нас, батюшка, они ведь молодые, все партийные.

Отец Федор прочел «Отче наш» и широким крестом благословил стол:

– Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко свят еси всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Слово «питие» он как-то выделил особо, сделав ударение на нем. Затем они сели, и Василий тут же разлил по стаканам самогон. Первый тост провозгласили за новокрещеного младенца. Отец Федор, выпив, разглядел усы и прорек:

– Хорош первач, крепок, – и стал закусывать квашеной капустой.

– Да разве можно его сравнить с водкой, гадость такая, на химии гонят, а здесь свой чистоган, – поддакнул Василий. – Только здесь, как приедешь из города домой, и можно нормально отдохнуть, расслабиться. Недаром Высоцкий поет: «И если б водку гнать не из опилок, то чё б нам было с трех-четырех, с пяти бутылок?!» – И засмеялся. – И как верно подметил, после водки у меня голова болит, а вот после первака – хоть бы хны, утром опохмелишься – и опять целый день пить можно.

Отец Федор молча отдавал должное закуским, лишь изредка кивая в знак согласия головой.

Выпили по второй, за родителей крещеного младенца. Глаза у обоих заблестели, и, пока отец Федор, густо смазав горчицей холодец, заедал им вторую стопку, Василий, перестав закусывать, закурил папиросу и продолжил разглагольствовать:

– Раньше люди хотя бы Бога боялись, а теперь, – он досадливо махнул рукой, – теперь никого не боятся, каждый что хочет, то и делает.

– Это откуда ты знаешь, как раньше было? – ухмыльнулся отец Федор, глядя на захмелевшего кума.

– Так старики говорят, врать-то не станут. Нет, рано мы религию отменили, она ох как бы еще пригодилась. Ведь чему в церкви учат: не убий, не укради... – стал загибать пальцы Василий. Но на этих двух заповедях его запас знаний о религии кончился, и он, ухватившись за третий палец, стал мучительно припоминать еще что-нибудь, повторяя вновь: – Не убий, не укради...

– Чти отца своего и мать свою, – пришел ему на выручку отец Федор.

– Во-во, это я и хотел сказать, чти. А они разве чтут? Вот мой балбес в восьмой класс пошел, а туда же... Понимаешь ли, отец для него – не отец, мать – не мать. Все по подъездам шляется с разной шпаной, домой не загонишь, школу совсем запустил. – И Василий, в бес-силлии хлопнув руками по коленям, стал разливать по стаканам. – А ну их всех, батюшка, – и, схватившись рукою за рот, испуганно сказал: – Чуть при вас матом не ругнулся, а я ведь знаю: это грех... при священнике... меня Семеновна предупреждала. Ты уж прости меня, отец Федор, мы народ простой, у нас на работе без мата дело не идет, а с матом – так все понятно. А это грех, батюшка, на работе ругаться матом? Вот ты мне ответь.

– Естественно, грех, – сказал отец Федор, заедая стопку груздочком.

– А вот не идет без него дело! Как рассудить, если дело не идет? – громко икнув, развел в недоумении руками Василий. – А как ругнешься хорошенько, – рубанул он рукой воздух, – так пошло – и все дела, вот такие пироги. А вы говорите «грех».

– А что я должен сказать, что это богоугодное дело, матом ругаться? – недоумевал отец Федор.

– Э-э, да не поймете вы меня, вот так и хочется выругаться, тогда б поняли.

– Ну, выругайся, если так хочется, – согласился отец Федор.

– Вы меня на преступление толкаете, чтобы я да при святом отце выругался... Да ни за что!

Отец Федор видел, что сотрапезник его изрядно закосел, выпивая без закуски, и стал собираться домой. Василий, окончательно сморенный, уронил голову на стол, бормоча:

– Чтобы я выругался, да не х... от меня не дождетесь, я всех в...

В это время зашла Семеновна:

– У, нажрался, как скотина, пить культурно и то не умеет. Ты уж прости нас, батюшка.

– Ну что ты, Семеновна, не стоит.

– Сейчас, батюшка, тебя Анютка проводит. Я тебе тут яичек свежих положила, молочка, сметанки да еще кое-чего. Анютка снесет.

Отец Федор благословил Семеновну и пошел домой. Настроение у него было прекрасное, голова чуть шумела от выпитого, но при такой хорошей закуске для него это были пустяки.

На лавочке перед его домом сидела хромая Мария.

– Ох, батюшка, слава Богу, слава Богу, дождалась, – заковыляла Мария под благослове-ние отца Федора. – А то ведь никто не знает, куда ты ушел, уж думала – в район уехал, вот беда была бы.

– По какому делу, голубушка? – благословляя, спросил отец Федор.

– Ах, батюшка, ах, родненький, да у Дуньки Кривошеиной горе, горе-то какое. Сынок ее Паша, да ты его знаешь, он прошлое лето привозил на тракторе дрова к церкви. Ну так вот, позавчера у Агриппины, что при дороге живет, огород пахали. Потом, знамо дело, расплати-лась она с ними, как полагается, самогоном. Так они, заразы, всю бутылку выпили и поехали. «Кировец»-то, на котором Пашка работал, перевернулся, ты знаешь, какие высокие у трассы обочины. В прошлом году, помнишь, Семен перевернулся, но тот жив остался. А Паша наш, сердечный, в окно вывалился, и трактором-то его придавило. Ой, горе-то, горе матери евоной Дуньке, совсем без кормильца осталась, мужа схоронила, теперь сынок. Уж батюшка, дорогой наш, Христом Богом просим, поедем, послужим панихидку над гробом, а завтра в церковь повезут отпевать. Внучек мой тебя сейчас отвезет.

– Хорошо, поедem, поедem, – захопотал отец Федор. – Только ладан да кадило возьму.
– Возьми, батюшка, возьми, родненький, все, что тебе надо, а я пожду здесь, за калиткой.

Отец Федор быстро собрался и через десять минут вышел. У калитки его ждал внук Марии на мотоцикле «Урал». Позади его примостилась Мария, оставив место в коляске для отца Федора. Отец Федор подобрал повыше рясy, плюхнулся в коляску:

– Ну, с Богом, поехали.

Взревел мотор и понес отца Федора навстречу его роковому часу. Около дома Евдокии Кривошеиной толпился народ. Дом маленький, низенький, отец Федор, проходя в дверь, не нагнулся вовремя и сильно ударился о верхний дверной косяк; поморщившись от боли, пробормотал:

– Ну что за люди, такие низкие двери делают, никак не могу привыкнуть.

В глубине сеней толпились мужики.

– Отец Федор, подойди к нам, – позвали они.

Подойдя, отец Федор увидел небольшой столик, в беспорядке уставленный стаканами и нехитрой закуской.

– Батюшка, давай помянем Пашкину душу, чтоб земля была ему пухом.

Отец Федор отдал Марии кадило с углем и наказал идти разжигать. Взял левой рукой стакан с мутной жидкостью, правой широко перекрестился:

– Царство Небесное рабу Божию Павлу, – и одним духом осушил стакан.

«Уже не та, что была у парторга», – подумал он. От второй стопки, тут же ему предложенной, отец Федор отказался и пошел в дом.

В горнице было тесно от народа. Посреди комнаты стоял гроб. Лицо покойника, еще молодого парня, почему-то стало черным, почти как у негра. Но вид был значительный: темный костюм, белая рубашка, черный галстук, словно и не тракторист лежал, а какой-нибудь директор совхоза. Правда, руки, сложенные на груди, были руками труженика, мазут в них до того въелся, что уже не было никакой возможности отмыть.

Прямо у гроба на табуретке сидела мать Павла. Она ласково и скорбно смотрела на сына и что-то шептала про себя. В душной горнице отец Федор почувствовал, как хмель все больше разбирает его. В углу, около двери и в переднем углу, за гробом, стояли бумажные венки. Отец Федор начал панихиду, бабки тонкими голосами подпевали ему. Как-то неловко махнув кадилом, он задел им край гроба. Вылетевший из кадила уголек подкатился под грудy венков, но никто этого не заметил.

Только отец Федор начал зауспокойную ектенью, как раздались страшные вопли:

– Горим, горим!

Он обернулся и увидел, как ярко полыхают бумажные венки. Пламя перекидывалось на другие. Все бросились в узкие двери, в которых сразу же образовалась давка. Отец Федор скинул облачение, стал наводить порядок, пропихивая людей в двери. «Вроде все, – мелькнуло у него в голове. – Надо выбегать, а то будет поздно». Он бросил последний взгляд на покойника, невозмутимо лежащего в гробу, и тут увидел за гробом сгорбившуюся фигуру матери Павла – Евдокии. Он бросился к ней, поднял ее, хотел нести к двери, но было уже поздно, вся дверь была объята пламенем. Отец Федор подбежал к окну и ударом ноги вышиб раму, затем, подтащив уже ничего не соображавшую от ужаса Евдокию, буквально выпихнул ее из окна.

Потом попробовал сам, но понял, что в такое маленькое окно его грузное тело не пролезет. Стало нестерпимо жарко, голова закружилась; падая на пол, отец Федор бросил взгляд на угол с образами – Спаситель был в огне. Захотелось перекреститься, но рука не слушалась, не поднималась для крестного знамения. Перед тем как окончательно потерять сознание, он прошептал:

– В руце Твои, Господи Иисусе Христе, предаю дух мой, будь милостив мне, грешному.

Икона Спасителя стала коробиться от огня, но сострадательный взгляд Христа по-доброму продолжал взирать на отца Федора. Отец Федор видел, что Спаситель мучается вместе с ним.

– Господи, – прошептал отец Федор, – как хорошо быть всегда с Тобой.

Все померкло, и из этой меркнувшей темноты стал разгораться свет необыкновенной мягкости, все, что было до этого, как бы отступило в сторону, пропало. Рядом с собой отец Федор услышал ласковый и очень близкий для него голос:

– Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Через два дня приехал благочинный, отец Леонид Звякин, и, вызвав из соседних приходов двух священников, возглавил чин отпевания над отцом Федором. Во время отпевания церковь была заполнена до отказа народом так, что некоторым приходилось стоять на улице. Обнеся гроб вокруг церкви, понесли его на кладбище. За гробом, рядом со звонарем Парамоном, шел его внук Петя. Взгляд его был полон недоумения, ему не верилось, что отца Федора больше нет, что он хоронит его. В Бузихино на день похорон были приостановлены все сельхозработы. Немного посторонясь, шли вместе с односельчанами председатель и парторг колхоза. Скорбные лица бузихинцев выражали сиротливую растерянность. Хоронили пастыря, ставшего за эти годы всем односельчанам родным и близким человеком. Они к нему шли со всеми своими бедами и нуждами, двери дома отца Федора всегда были для них открыты. К кому придут они теперь? Кто их утешит, даст добрый совет?

– Не уберегли мы нашего батюшку-кормильца, – причитали старушки, а молодые парни и девчата в знак согласия кивали головами: не уберегли.

В доме священника для поминок были накрыты столы лишь для духовенства и церковного совета. Для всех остальных столы поставили на улице в церковной ограде, благо погода была хорошая, солнечная.

Прямо возле столов стояли фляги с самогоном, мужики подходили и зачерпывали, кто сколько хочет. Около одного стола стоял Василий, брат парторга, уже изрядно захмелевший, и объяснял различие между самогоном и водкой.

– А что ты в деревню не вертаешься? – вопрошали мужики.

– Э-э, братки, а жена-то! Она же у меня городская, едрена вошь! Так и хочется выругаться, но нельзя, покойник особый! Мировой был батюшка, он не велел – и не буду, но обидно, что умер, потому и ругаться хочется.

За другим столом Захар Матвеевич, сварщик с МТС, рассказывал:

– Приходит как-то ко мне отец Федор, попросил пилку. Ну мне жалко, что ли? Я ему дал. Утром пошел в сад, смотрю: у меня все яблони обработаны, чин чинарем. Тут я сообразил, для чего он у меня пилку взял: заметил, что я давно сад запустил, он его и обработал. Ну где вы еще такого человека встретите?

– Нигде, – соглашались мужики. – Такого батюшку, как наш покойный отец Федор, во всем свете не сыщешь.

В доме поминальная трапеза шла более благообразно, нежели на улице. Все молча кушали, пока наконец батюшка, сидевший рядом с благочинным, не изрек:

– Да, любил покойничек выпить, Царство ему Небесное, вот это его и сгубило. Был бы трезвый, непременно выбрался бы из дома, ведь никто больше не сгорел...

– Не пил бы отец Федор, так и пожара бы не случилось, – назидательно оборвал благочинный.

На сороковой день мужики снова устроили грандиозную пьянку на кладбище, проливая хмельные слезы на могиле отца Федора.

Прошел ровно год. Холмик над могилой отца Федора немного просел и зарос пушистой травкой. Рядом стояла береза, за ней, в сооруженном Петькой скворечнике, жили птицы. Они пели по утрам над могилой. По соседству был захоронен тракторист Павел. В день годовщины

около его могилы сидела, сгорбившись, Евдокия Кривошеина. Она что-то беззвучно шептала, когда к могиле отца Федора подошел Петя. На плече у него была удочка, в руках пустой мешочек.

– Эх, тетя Дуся, – с сокрушением вздохнул Петя, – хотел отцу Федору принести карасиков на годовщину, чтоб помянули, он ведь очень любил жареных карасей в сметане. Так на прошлой неделе Женька Путяхин напился и с моста трактор свалил в пруд вместе с тележкой, а она полная удобрений химических. Сам-то он жив остался, а рыба вся погибла.

Петя еще раз тяжело вздохнул, глядя на могилу отца Федора. На могиле лежали яички, пирожки, конфеты и наполовину налитый граненый стакан, покрытый сверху кусочком хлеба домашней выпечки. Петя молча взял стакан, снял с него хлеб, в нос ударил тошнотворный запах сивухи; широко размахнувшись рукой, он далеко от могилки выплеснул содержимое стакана. Затем достал из-за пазухи фляжку, в которую загодя набрал чистой воды из родника, что за селом в Большом овраге, наполнил водой стакан, положил снова на него хлеб и осторожно поставил на могильный холмик.

Затем внимательно взглянул на портрет на дубовом восьмиконечном кресте. С портрета на него смотрел отец Федор, одобрительно улыбаясь. Петя улыбнулся отцу Федору в ответ, а по щекам его текли чистые детские слезы.

1990. Волгоград

Друзья

Архиепископ Палладий сидел в своем любимом кресле, углубившись в чтение толстого литературного журнала. Вечерние часы по вторникам и четвергам он неизменно отдавал чтению современной прозы, считая, что архиерей обязан быть в курсе всех литературных новинок. Взглянув в угол на напольные часы, снял очки и, отбросив журнал, с раздражением подумал: «Чего это сын киргизского народа полез в христианскую тему? Какое-то наивное подражание Булгакову... Да и главный герой, семинарист Авель, какой-то неправдоподобный. Хотя бы съездил в семинарию, посмотрел. Наверное, мусульманину тоже становится смешно, когда приходится читать писателя-христианина, пытающегося наивно импровизировать на тему магометанства».

Его размышления прервал телефонный звонок. Владыка поднял трубку и важно произнес:

– Я вас слушаю.

– А я вот говорю и кушаю, – раздалось в трубке, и следом послышался смех.

Владыка, растерявшись вначале от такой наглости, услышав смех, сразу признал своего друга и однокашника по семинарии митрополита Мелитона и, расплывшись в улыбке, в том же тоне отвечал:

– Приятного аппетита, владыко, но будь осторожен, так подавиться недолго.

– Не дождетесь, не дождетесь, – рассмеялся митрополит.

– Ну, не тяни резину, говори: с хорошим аль с плохим звонишь?

– А это с какой стороны посмотреть: для меня – так с хорошим, а тебе – одни хлопоты.

– Чего это? – забеспокоился Палладий.

– Да вот в отпуск у Святейшего отпросился, еду к тебе в гости.

– О преславное чудесе! Мелитоша, дорогой, наконец-то ты вспомнил своего друга.

– Не юродствуй, брат, мы с тобой каждый год в Москве видимся.

– На то она и Москва, а к себе в гости заманить тебя никак не удавалось, а уж как белый клубок получил – совсем занятым стал, ну да, видать, Господь услышал молитву мою.

Владыка лично поехал на вокзал встречать дорогого гостя. Митрополит вышел из вагона не в архиерейском облачении, а в длинном летнем плаще, лакированных черных ботинках и сером берете, так как визит его был неофициальным. Но шлейф запаха розового масла и дорогих благовоний стелился за ним, как невидимая архиерейская мантия. Палладий тоже был в цивильном. Они крепко обнялись и расцеловались. Архиерейский водитель Александр Павлович, взяв один из двух здоровенных чемоданов у келейника митрополита, устремился вперед к машине, келейник кинулся вслед за ним. Вокзал был полон народу, но архиереи, не обращая ни на кого внимания, неторопливо шли с такой важностью и уверенностью, как будто они шествовали по своему собору к кафедре. И люди, чувствуя исходящую от этих двух импозантных бородачей власть, безропотно уступали дорогу.

Обед, начавшийся в архиерейских покоях, плавно перешел в ужин.

– А теперь, владыко, отведай вот это блюдо, рецепт его ты не найдешь ни в одной поваренной книге.

– Сжался надо мной, – взмолился митрополит. – Неужто решил меня прикончить таким способом? Все очень вкусно, просто нет слов, и ты знаешь, я никогда не страдал отсутствием аппетита, но, увы, это сверх моих сил.

– Тогда пойдем, владыко, в беседку пить чай.

Круглый стол в беседке весь был уставлен сладостями и фруктами. Но оба архиерея не притронулись к десерту и, попивая душистый чай с мятой, завели оживленную беседу на тему: «А ты помнишь?»

– А ты помнишь, – восклицал один, – профессора такого-то?

– А как же! – отвечал другой. – Умнейший был преподаватель, Царство ему Небесное, таких уж сейчас профессоров нет. А ты помнишь архимандрита Варсонофия?

– А как же! Великий был старец. Помню, как-то подошел он ко мне и говорит...

Темный сад окутала ночная тьма, легкий ветерок разогнал стусившийся над клумбой цветочный запах, который достиг беседки. Владыка вдохнул полной грудью прохладу вечера и произнес:

– Благодать у тебя, Палладий... Вели-ка ты постелить мне в саду.

– Ну что ты, владыко, еще какая муха или комар укусит тебя, а мне потом отвечать перед Синодом. Пойдем, брат, наверх, там тоже прохладно и свежо. Утром после завтрака едем в лес за грибами.

Рано утром митрополит проснулся от громких голосов во дворе. Взглянув в окно, увидел, как Палладий лично отдает распоряжения во дворе своему водителю Александру Павловичу, чтобы тот ничего не забыл. Увидев Мелитона, крикнул:

– Доброе утро, владыко, через полчаса завтрак.

Когда собрались, Палладий, посмотрев на ботиночки митрополита, изрек:

– Для леса обувь не подойдет. Тащи, Александр Павлович, мои старые боты. Поедем в лес не на «Волге», а вот на этом вездеходе, – указал владыка на стоящий во дворе темно-зеленый «уазик». – Военные списали, а я у них купил, специально, чтобы на рыбалку и по грибы ездить. Машина – зверь, никакого бездорожья не боится.

Когда свернули с дороги в лес, по стеклам машины захлестали упругие ветви деревьев.

– Нет, ты только гляди, – хвалился владыка, – ей все нипочем.

Заметив, что Александр Павлович собирается объезжать здоровую лужу, митрополит съехидничал:

– А вот и почем.

– Езжай, Павлович, прямо! – взревел уязвленный Палладий.

Водитель покорно поехал в лужу, «уазик» заехал почти по брюхо в грязь и забуксовал.

– Что теперь прикажете делать? – кисло улыбнулся митрополит.

– Прикажу включить блокировку и пониженную передачу, – пряча свое волнение и неуверенность в нарочито пафосном тоне, произнес Палладий.

Водитель переключил два рычажка, и машина, зарывав сердито, поползла по грязи, все увереннее набирая ход.

– Действительно, машина – зверь, – восхитился митрополит.

– То-то, владыко, – торжествовал Палладий.

Выехав на солнечную поляну, окруженную с одной стороны елями, с другой – березами, остановились.

– Вот там, в ельничке, маслят пособираем, а в березовый за белыми пойдём.

Маслят действительно набрали за час по полной корзине. А вот белых архиепископ только штук пять нашел, да с полкорзинки подберезовиков и подосиновиков. Митрополит и вовсе три гриба отыскал.

– Да, – сокрушался Палладий, – кто-то здесь до нас потрудился. В прошлом году, веришь ли, владыко, пять полных корзин на этом месте взял. Пойдем обедать, а после обеда еще в одно место проедем.

На поляне бессменный водитель, он же старший иподиакон архиепископа Александр Павлович, уже накрыл обед на раскладном столике, приставив к нему два походных раскладных креслица. Из термоса разлил суп с фрикадельками из осетрины, на второе – судак, запеченный в яйце.

Владыка Палладий достал маленькую походную фляжку из нержавеющей стали и разлил в пластиковые кружечки душистый коньяк.

– Ну, владыко митрополит, благослови нашу походную трапезу.

Митрополит повернулся на восток, прочел молитву и благословил стол.

– Что-то так хорошо здесь, может, не поедем больше никуда? – предложил он.

– Сделаем три кущи: мне, тебе и Александру Павловичу – и будем здесь жить, – засмеялся Палладий. – Вчера в саду рвался остаться, сегодня в лесу. Из тебя не синодал, а анахорет-пустынный неплохой получился бы.

– Такое житие надо было от юности выбирать, а сейчас мы с тобой только в архиереи годимся. Из нас, наверное, и путных настоятелей не выйдет.

– Твоя правда, владыко, никуда мы больше не годимся, – поддакнул Палладий, выпивая коньячок.

После обеда, попив кофейку, владыки прогуливались по поляне, пока Александр Павлович убирал посуду и раскладную мебель в багажник. Затем все сели в зверь-машину и поехали по лесной просеке вглубь леса. Побродили по лесу полчаса и, ничего не обнаружив, решили возвращаться домой.

Вдруг владыка Палладий неожиданно спросил водителя:

– Слушай, Александр Павлович, а что за этими холмами, мы ни разу туда не ездили?

– Там, владыко, прекрасная дубовая роща.

– Все, едем туда, – распорядился архиерей.

Прямо перед ними был высокий холм. Круто вверх на него уходила дорога, но было сразу заметно, что по ней мало кто ездил. Измерив глазом дорогу, Александр Павлович предложил:

– Давайте, владыко, в объезд, тут километров пятнадцать – двадцать будет, подъем затяжной и очень крутой, здесь можем не вытянуть, двигатель поизносился, слабоватый.

– Ну вот тебе и хваленая машина, – стал подтрунивать митрополит.

– Благословляю напрямую, – решительно сказал уязвленный архиепископ Палладий.

– Как благословите, владыко, – покорно вздохнул Александр Павлович.

«Уазик» взревел и понесся в гору, но с каждой минутой уверенный ход его становился все тише. Александр Павлович переключился на первую скорость, до спасительной вершины оставалось метров пятьдесят, когда на дорогу вышло стадо баранов. Автомобиль, дернувшись, заглох и остановился, покотившись назад. Александр Павлович нажал до отказа на педаль тормоза, но автомобиль продолжал катиться назад, набирая скорость. Водитель дернул ручник и резко вывернул влево. Автомобиль, качнувшись вправо, все же устоял и остановился поперек дороги. Александр Павлович, выскочив из машины, заглянул под днище и сразу понял: тормозной шланг лопнул.

Стали спускаться, двигатель ревел как раненый зверь, машину трясло, она неслась вниз с ускорением. Уже в конце спуска как-то мягко покатила по накатанной колее.

– Все, владыко, кажется, приехали, – печально сказал Александр Павлович.

Архиереи прогуливались около машины, пока Александр Павлович, лежа под ней, что-то подкручивал. Наконец он вылез из-под машины и с сокрушением сказал:

– Ну так и есть, как я предполагал, рассыпался диск сцепления, сами мы, владыко, ехать не сможем, только на буксире. Если вы благословите, то я схожу в ближайшую деревню и приведу подмогу.

Архиепископ растерянно развел руками, а митрополит расхохотался:

– Ну, как там Александр Сергеевич Пушкин говаривал: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной»? Взял бы себе новую «ниву» и сейчас бы беды не знал, а хвастал: военная, ничего не боится. Да ее потому военные и списали, что она ничего не боится, а на ней-то страшно уже ездить.

Перестав смеяться, спросил Александра Павловича:

– Где тут ближайшая деревня?

– По дороге в ту сторону, километра три-четыре, Благодатовка будет, я быстро схожу.

– Нет, брат, ты оставайся здесь, а мы с твоим архиереем тряхнем стариной, прогуляемся, погода хорошая, а прогулка на пользу пойдет, а то весь мир только из окна персонального автомобиля видим, так и ходить разучимся.

Владыка Палладий как-то вяло согласился.

– Ну, раз желаешь, пойдём.

И два архиерея, надев подрясники и подпоясав их поясками, не торопясь зашагали в указанном направлении. С одной стороны дороги колосилась пшеница, а на другой, холмистой, росли трава да полевые цветы. Давно перевалило за полдень, солнце не сильно припекало, легкий ветерок обдувал путников, а тихий шелест травы и стрекотание кузнечиков улаждали слух. Некоторое время шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Потом вдруг митрополит рассмеялся:

– Ты знаешь, я вспомнил, как студентами я, ты и Колька Терентьев угнали ректорский «ЗИМ» покататься, а он в дороге сломался, вот уж бледный у нас был вид! Все, думаю, вещи домой собирать надо, выгонят как пить дать.

– Так и выгнали бы, если б не Николай, он же всю вину на себя взял.

– Это, конечно, благородно, но я его не просил об этом, он сам захотел. Кстати, где он сейчас, ты ничего о нем не знаешь?

– Как же не знаю?! Он в моей епархии служит, и по стечению обстоятельств мы сейчас прямо к нему шагаем, в деревню Благодатовку.

Митрополит резко остановился:

– Да не может быть!

– Почему же не может, если так и есть.

– Да-а, неисповедимы пути Господни, ну, значит, так Богу угодно. – И, как-то помрачнев, митрополит решительно зашагал дальше.

– Что с тобой, ты вроде как не рад предстоящей встрече с другом? Мы же, как три мушкетера, были неразлучными друзьями в семинарии.

– Были, так вот судьба разлучила, – печально сказал митрополит.

– Ну что ж, а теперь радуйся, что опять соединяет.

Митрополит ничего не ответил, лишь как-то засопел и ускорил шаг, так что Палладий, едва поспевая за ним, взмолился:

– Куда ты так припустил? Мы не студенты, давно за шестой десяток перевалило, я так задохнусь.

Митрополит замедлил шаг. Вдруг остановившись, он схватился за левый бок, повернул к Палладия побледневшее лицо, произнес почти шепотом:

– Ваня, мне чего-то нехорошо, и голова кружится.

Палладия давно уже никто не называл его мирским именем и, услышав его, он вдруг увидел не грозного митрополита, постоянного члена Синода, а своего близкого и теперь такого родного друга – Мишку Короткова. Слезы покатались из его глаз и, подхватывая падающего митрополита, он воскликнул:

– Миша, друг, что с тобой, милый, я сейчас.

Ухватив под мышки обессиленное тело митрополита, он поволок его к стоящему у дороги стогу свежескошенного сена.

Привалив митрополита к стогу, он, упав с ним рядом, стал лихорадочно шарить в глубоких карманах подрясника. Наконец достал металлическую колбочку.

– Вот, Миша, валидол, я его всегда с собой ношу, на, положи под язык.

Митрополит молча лежал на сене, устремив взгляд, затуманенный слезой, в бездонное синее небо, по которому бежали редкие пушистые белые облачка. Он вдруг вспомнил, как в далеком детстве любил лежать на траве и наблюдать движение облаков, представляя, что на этих облаках живут ангелы и святые. Как много прошло с тех пор лет! И он поймал себя на

мысли, что ни разу с того времени не смотрел вот так на небо, как-то было не до того. А теперь он понял: надо было чаще смотреть на небо. Вся жизнь в какой-то постоянной суете. Вот она прошла, эта жизнь, а он и не заметил.

– Ваня, ты заметил, как жизнь прошла?

– О чем ты говоришь, почему прошла, что за пессимизм, ты всегда оптимистом был.

– Да я не о том, Ваня.

– А о чем? Ну как, тебе лучше?

Палладий не сводил тревожного взгляда с лица своего друга, на щеке которого застыла слеза.

– Я всегда боялся умереть без покаяния, – сказал митрополит, – хорошо, что ты здесь, прими мою исповедь и разреши меня от греха моего.

– У меня епитрахили с собой нет, – растерялся Палладий.

– Эх, Ваня, на старости лет ты совсем в детство впал, дружище. Для чего же тебе дана благодать такого высокого сана, или забыл уроки по литургике профессора Георгиевского? Да любую веревку или полотенце благослови, на шею надень – вот тебе и епитрахиль.

– Да где же я веревку возьму, – оправдывался архиепископ.

Митрополит стащил пояс со своего подрясника.

– Вот тебе епитрахиль, извини, что омофора нет, – не удержался, чтобы не съязвить, он. Видя растерянность друга, закричал: – Господи, тебе еще святую воду принести? Так я его своими слезами окроплю, – и, утерев пояском глаза, накинул его на шею Палладия.

Архиепископ стал произносить молитвы, а митрополит повторял их вслед за ним, глядя в небо и часто осеняя себя широким крестным знаменем.

Так, глядя в небо, он и заговорил, как будто сам для себя:

– Кроме многочисленных моих грехов, в которых я исповедуюсь регулярно перед своим духовником, есть один грех, который меня тяготит уже много лет. Одним словом можно его назвать: малодушие и предательство друга. Когда рукоположили меня во епископы, приехал в Москву Николай Терентьев. Приехал за помощью и поддержкой. Его тогда уполномоченный регистрации лишил, и он приехал ко мне, чтобы я посодействовал ему устроиться на приходское служение. Я увидел его во время всенощной в патриаршем соборе. Он подошел ко мне под елеопомазание в старом плаще, в сапогах, весь мокрый от дождя, и вид его был какой-то жалкий. Я его даже сразу не узнал. А как узнал, обрадовался, говорю: «Николай, ты ли это, каким ветром?» Он отвечает: «Надо, владыко, встретиться, поговорить. Я сейчас без места, может, чем поможешь?» Я говорю: «Конечно, какой разговор между друзьями?! Сегодня, – говорю, – не могу – ужин в нидерландском посольстве, – а завтра приходи к четырнадцати часам в ОВЦС». На следующий день жду его у себя в кабинете, заходит ко мне архимандрит Фотий и говорит: «Там, владыко, вас дожидается священник Николай Терентьев. Так вот, я не рекомендую его вам принимать». – «Почему это?» – удивился я. А Фотий говорит: «Я навел о нем справки через Совет по делам религии, его уволили за антисоветскую деятельность». – «Какую антисоветскую деятельность?» – совсем опешил я. «Он занимался с молодежью, вел, так сказать, подпольный кружок по изучению Священного Писания». – «Не понимаю, – говорю я, – Священное Писание – это что – антисоветская литература?» – «Да все вы понимаете, владыко, я же вам блага желаю. Вас собираются командировать в Америку служить, а это вам может сильно подпортить, но поступайте как хотите». Я, конечно, подумал, все взвесил и не стал принимать Николая. Ему сказали, что я уехал по вызову патриарха. Он неглупый, все понял и больше ко мне не приходил. Вот такой мой тяжкий грех. – И, немного помолчав, добавил: – А ведь тем, что я митрополит, я ему, Николаю, обязан.

– Как так? – не понял Палладий.

– Так ведь я жениться собирался, влюбился в Ольгу Агапову, а Николай ее у меня отбил. Я вначале обижался на него, а потом думаю: хорошо, что не женился, семейная жизнь не для меня, и пошел в монахи, потому и митрополит сейчас. Как она сейчас, кстати, матушка Ольга?

– Да уже лет пять, как померла от рака, – сказал Палладий и вдруг зарыдал во весь голос.

– Царство ей Небесное, – перекрестился митрополит. – Теперь ее душа у Бога. Ты-то чего убиваешься?

– Да я над своими грехами тяжкими плачу. Исповедуй и ты меня, брат. – И он дрожащими руками снял с шеи пояс и, сотрясаясь от рыданий, подал его Мелитону.

– Ну-ну, успокойся, друг мой, и облегчи свою душу покаянием.

– Кроме вас с Николаем, был еще и третий, кто влюбился в Ольгу.

– Неужто и ты? – удивился митрополит.

– Да, я, только когда ей признался, она тоже мне призналась, что влюбилась в Николая, а меня любит, как брата. Я хоть и опечалился, но в то же время порадовался, что у них такая взаимная любовь, а сам стал готовиться к монашеству. Меня ведь после тебя через пять лет в архиереи рукоположили. Все это время отец Николай с матушкой Ольгой где-то скитались, он работал то сторожем, то кочегаром. А как я стал архиереем, они ко мне в епархию приехали. Я тогда лично пошел к уполномоченному хлопотать за Николая, взял с собой здоровенный конверт с одними сотенными. Конверт-то уполномоченный принял с радостью, да на следующий день говорит: «Ничем не могу помочь, комитетчики не пропускают. Правда, есть выход. Обком предлагает собор отдать под нужды города, а вам дадут другой храм, где сейчас государственной архив, размером он почти такой же, да не в центре». Я, конечно, с негодованием отверг это предложение. Вечером ко мне пришла матушка, вся в слезах. Говорит: «У меня, владыко, рак врачи обнаружили, не знаю, сколько проживу, а вот Николай без службы у престола Божия еще раньше от тоски померет, совсем плох последнее время стал». Упала на колени, плачет, я тоже на колени встал, плачу. Отпустил ее, обнадежив обещанием что-то сделать. Всю ночь молился, а наутро пришел к уполномоченному и дал согласие на закрытие собора и переход в другой храм. Отца Николая отправил служить в Благодатовку. А потом меня такая досада за свой поступок взяла, что прямо какая-то неприязнь к отцу Николаю появилась. За все время ни разу к нему в Благодатовку не приезжал служить, да и к себе в гости не звал. Вот какие грехи мои тяжкие. Простит ли Господь?

– Господь милостив. Может быть, Он нас сюда для этого прощения и привел. Ты знаешь, удивительно на меня твой валидол подействовал. Вставай, старина, пойдем к Кольке, он простит – и Бог нас тогда простит.

В это время напротив стога остановилась лошадь, запряженная в телегу. Соскочив с телеги, к ним подошел мужик и, поздоровавшись, спросил:

– Вы, отцы честные, отколь и куда идете?

– Да вот направляемся в Благодатовку к отцу Николаю.

– Ой, мать честная, и я туда же, договориться с батюшкой хлеб освятить, а то скотинка часто болеть начала. Садитесь на телегу, подвезу.

Он подобросил на телегу сена и помог усесться владыкам. Затем, звонко причмокнув, встряхнул вожжами:

– Н-но, родимая!

И лошадка покорно зашагала, пофыркивая на ходу.

Мужичок оказался словоохотливый. Рассказал, какой хороший у них батюшка Николай и как все его любят не только в Благодатовке, но и у них в Черновке.

– Матушка у него больно хорошая была, такая добрая, ласковая со всеми. Только шибко хворала, да Господь смилостивился над нею: на Пасху причастилась, сердешная, и померла. Говорят, коли после причастия, да и на Светлой помер, то прямиком в рай. Так ли это?

– Так, так, – подтвердил Палладий.

За перелеском открылся вид на деревню Благодатовку. Посреди деревни стоял однокупольный деревянный храм с колокольней. Вокруг него, как сиротинушки, жались около пятидесяти крестьянских дворов. Около деревни пробегала небольшая речка, а сразу за деревней начиналась березовая роща.

– Красота-то какая, – восхитился митрополит.

– Да, красота, – поддакнул мужик. – Только все равно молодежь бежит в город. Тут ведь у нас развлечений никаких нет, а работа крестьянская тяжелая. А в городе что? Отработал смену – и ноги на диван.

Мужик довез их до самой церковной ограды и, высадив, сказал:

– Я тут к куме заеду, хозяйшка моя велела кое-чего передать. Потом приеду к батюшке, надо договориться к нам поехать в Черновку.

Архиереи поблагодарили мужика и, открыв калитку, вошли в церковную ограду, крестясь на храм. В глубине двора, около сарая, они увидели мужика, который колот дрова. Рядом священник в коротком стареньком подряснике собирал поленья и носил их в сарай. Набрав очередную охапку, он обернулся на скрип калитки и замер в удивлении, воззрившись на двух идущих к нему архиереев. Потом дрова посыпались из его рук на землю, и отец Николай почти бегом устремился навстречу владыкам. Оба архиерея повалились перед ним на колени. Отец Николай, оторопев, остановился, пробормотав:

– Господи, что это со мной творится, – и осенил себя крестным знамением: – Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...

– Ну вот, Ваня, мы теперь не дружи ему, а врази. Мы к тебе, Николай, с покаянием. Прости нас, Христа ради.

Отец Николай подбежал к ним, бухнулся на колени:

– Благословите, владыки, меня, грешного, я уж было подумал – наваждение бесовское.

Он обнял их обоих. Три поседевшие головы соединились вместе. Так, прижавшись друг к другу, они простояли минут пять молча. Затем отец Николай вскочил и помог подняться архиереям. Все стали смеяться, хлопать друг друга по плечам, что-то говорить в радостном волнении. Говорили все разом, никто никого не слышал, но все были счастливы. Потом вместе пошли на сельское кладбище и отслужили литию на могиле матушки Ольги. Когда пришли в дом, там был накрыт ужин. К этому времени по распоряжению отца Николая на буксире притащили «уазик». За столом сидели долго, вспоминая былое и радуясь, что они теперь все вместе, как когда-то в студенческой юности. Трое друзей помолодели не только душой: глаза горели молодым блеском и морщины расправились.

Спохватившись, отец Николай сказал:

– Я ведь сегодня собирался служить службу полиелейную, завтра празднуем память равноапостольной княгини Ольги, матушкин день ангела. Каждый год службу в этот день правлю, сегодня-то мало кто будет, а завтра к литургии народу много придет и из соседских деревень.

– Ну вот что, – сказал митрополит, – мы будем с тобой служить.

– Архиерейских облачений у меня нет.

– А мы с Палладием и иерейским чином послужим с удовольствием, две ризы-то у тебя еще найдутся?

– Конечно, владыко, как благословите. – И отец Николай мечтательно добавил: – Вот бы архиерейское богослужение... Народ здешний такого еще ни разу не видывал.

– Будет тебе завтра архиерейская служба, – заверил Палладий. – Где у тебя тут телефон?

Дозвонившись до секретаря, он распорядился:

– Завтра к половине девятого утра с протодиаконом и иподиаконами – в деревню Благодатовку. Будем литургию служить, да не забудьте для митрополита облачение взять.

Утром, еще не было восьми часов, а уж иподиаконы суетились в храме, расстилая ковры и раскладывая облачения. Слух быстро разошелся по народу о прибытии архиереев, и в храм пришли даже те, кто туда никогда не ходил.

На малом входе архиепископ Палладий склонился к митрополиту и спросил:

– Если я надену на отца Николая крест с камнями, ты у Святейшего подпишешь ходатайство?

– Не мелочись, я и митру подпишу.

Палладий снял с себя крест, надел его на отца Николая, а митрополит снял свою митру и, провозгласив «аксиос», водрузил на голову совсем ошарашенного настоятеля.

После службы и обеда Палладий засобирался домой, а владыка митрополит сказал:

– Ты не обижайся, но чего я поеду в город? И так надышался в Москве всякой гари. Поживу здесь с недельку как человек.

Но недельку митрополиту как человеку пожить не удалось. Назавтра позвонили из Патриархии и сказали, что вместо заболевшего Никанора ему надо срочно лететь в Африку на международную конференцию «Мир без ядерного оружия».

Прощаясь с отцом Николаем, он грустно спросил:

– Ты ни разу не видел танец эфиопских епископов под барабан?

– Нет, – ответил озадаченный отец Николай.

– Счастливый ты человек, хотя, впрочем, зрелище это прелюбопытное.

Октябрь 2002. Село Нероновка Самарской области

Колдовские сети

Светлана ничему не верила до последней минуты. Не верила, когда шла по тому адресу, который ей указала подруга. Не верила, когда поднималась по заплыванной лестнице вонючего подъезда блочной пятиэтажки. Не верила, когда остановилась перед обшарпанной дверью указанной квартиры. Не верила, а потому и не решалась нажать кнопку звонка. Стояла, размышляя о том, какой же она может оказаться дурой, если на вопрос: «Не у вас ли мой муж Слава?» – ее поднимут на смех. Терзаясь сомнениями, она вдруг ясно осознала, что еще больше боится другого. Боится, что все это окажется правдой. Как тогда эту правду принять? Светлана повернулась к лестничному маршу и уже взялась за перила, но потом, пересилив желание капитулировать, так ничего и не узнав, снова вернулась к двери. Вместо того чтобы нажать на кнопку звонка, она робко постучала. Дверь тут же открылась, как будто ее ждали. На пороге стояла миловидная девушка, вопросительно улыбаясь. Света в растерянности улыбнулась девушке в ответ.

– Вам кого? – спросила та, видя замешательство Светланы.

Но Света смотрела уже не на девушку, а на коричневые мужские ботинки, стоящие в прихожей. Сомнений быть не могло – это Славины ботинки. Робость как рукой сняло. Она молча оттолкнула девушку и решительно шагнула в квартиру. За кухонным столом сидел ее муж Слава в стоптанных домашних тапочках на босу ногу, в трикотажных спортивных штанах и майке. Он спокойно покуривал сигарету, как у себя дома. На столе стояли бутылка шампанского и букет гвоздик, лежала коробка конфет. Увидев Свету, Слава поперхнулся дымом и растерянно залепетал:

– Светик, ты как? Ты откуда?

Светлана в молчаливой ярости подошла к столу, выхватила из воды гвоздики и с размаху хлестко ударила ими мужа по лицу раз и другой, так что головки цветов брызнули в разные стороны алым фейерверком. Сзади в Светлану вцепилась хозяйка квартиры. Лучше бы она этого не делала. Остатки букета прошлись и по ее лицу. Так же молча Света развернулась и выбежала из квартиры. Сбегая вниз по лестнице, она истерически хохотала, а сердце ее в это время сжималось от нестерпимой боли, причиненной предательством самого дорогого человека. Она быстро шла по улице, до ее сознания стала доходить суть происходящего. А суть эта была страшна: рухнула вся ее жизнь, надежды и мечты, а главное, любовь. Чтобы хоть как-то отогнать от себя осознание этой ужасной реальности, она без конца повторяла: «Это подлость, какая же это подлость!»

Холодный мартовский ветер сушил ее горячие слезы, которых, впрочем, она не замечала. Уже подходя к своему дому, Света вспомнила растерянную физиономию мужа, и у нее снова вырвался истерический хохот. При этом мелькнула досадливая мысль: «Как жаль, что Славка продешевил и не купил вместо гвоздик розы». В своем мстительном воображении она еще раз отхлестала мужа и его подружку, но уже розами с длинными крепкими шипами. Поднимаясь в лифте, она продолжала мысленно охаживать своих обидчиков букетом роз, пока их физиономии не превратились в сплошное кровавое месиво.

Дома она скинула в прихожей прямо на пол пальто и, пройдя в комнату, легла на диван, устремив в потолок отрешенный взгляд. Так она пролежала до самого вечера. Кот Барсик, забравшись к ней, стал тереться и настойчиво мяукать, призывая свою хозяйку вспомнить о том, что он с утра ничего не ел. Света встала, механически дошла до холодильника, налила коту молока и вернулась в комнату. Она присела на диван и, взяв со стола пульт, включила телевизор. Шел ее любимый сериал, но теперь он ей показался пошлым и неинтересным. Она стала бесцельно переключать каналы. Наконец, осознав, что ей не удастся отвлечься от неведомых дум, побрела в ванную комнату. Долго стояла под душем. Затем, завернувшись в халат,

снова села перед телевизором. После душа она почувствовала некоторое облегчение и решила спокойно обдумать свое положение.

Со Славой они прожили уже четыре года. Жили хорошо, в достатке. Правда, в последнее время она замечала, как в их отношениях что-то разладилось. Муж стал частенько задерживаться на работе допоздна и уезжать в командировки чуть ли не каждый месяц. Женское чутье подсказывало худший вариант: у Славы есть другая. Но верить этому не хотелось, ведь они любили друг друга со школьной скамьи. Она бы так и продолжала сомневаться, если бы Танька, ее подруга, не открыла ей глаза на правду.

Пока Светлана пребывала в своих горестных размышлениях, на местном канале началась программа «Встреча с интересными людьми». Телеведущая беседовала с приехавшим в их город знаменитым колдуном Русланом Эдуардовичем Лонгиным. Светлана вначале передачу смотрела рассеянно, но потом со все большим и большим интересом.

– Я – потомственный колдун уже в девятом поколении, – вальяжно развалился в кресле перед телекамерой, говорил Лонгин, – моя бабушка была колдунья, она и передала мне свои способности. Теперь я являюсь председателем Всероссийского общества магов и экстрасенсов.

– Руслан Эдуардович, – обратилась к нему ведущая, – сейчас стало модным интересоваться магией и экстрасенсорикой, но скажите, пожалуйста, откуда же взялось сразу так много специалистов в этой доселе неизвестной области?

– Несомненно, мало проку от дилетантов и самоучек, не все в одинаковой степени обладают способностью к магии. Но наше сообщество для того и существует, чтобы в этом архиважном для людей деле преобладал профессионализм. Сейчас для этого в нашем государстве созданы очень благоприятные условия. В эпоху демократических преобразований и гражданских свобод мы можем заявить о себе во всеуслышание. На самом же деле наше сообщество зародилось не сейчас, а уже более четырехсот лет тому назад. Оно было создано в год установления в Русской Церкви патриаршества.

– Но при чем здесь патриаршество?

– Именно в знак протеста против патриаршества на Руси и было создано наше сообщество из оставшихся языческих волхвов и разного рода способных к магии людей.

– Какую же задачу ставит ваше сообщество перед собой?

– Задача у нас одна – помогать людям в их повседневных нуждах и лечить от разных болезней.

– От болезней – это понятно, а вот что за нужды, в которых вы можете помочь?

– Практически во всем, так же как и лечим от всех болезней. Например, отвести от человека сглаз или порчу, вернуть ушедшего от вас любимого человека или сделать так, чтобы вы понравились человеку, которого любите, но он пока не расположен к вам. В этом деле у меня есть незаменимая помощница, мой ассистент Клара Негодина. Она специализируется как раз в этой области и проходит у меня курс магических наук. Между прочим, я нашел ее в вашем городе, она работала в салоне красоты маникюршей.

При этих словах объектив телекамеры взял крупным планом сидевшую рядом с колдуном девушку, коротко стриженную, с ярко накрашенными губами. Она улыбнулась во весь рот, помачала телезрителям рукой и подмигнула. Светлане показалось, что она подмигивает именно ей.

– Это очень интересно, – восторженно воскликнула ведущая, обращаясь уже к девушке. – И куда можно человеку, попавшему в такую беду, обратиться за помощью?

– В бывшем салоне красоты на пересечении улиц Карла Маркса и Ленина теперь открыт Центр нетрадиционной медицины. Я веду прием всех желающих каждый день с шести часов вечера.

Приход подруги Татьяны оторвал Светлану от просмотра передачи.

– Ну, ты как, Светик? Хотя сама вижу, но все же рассказывай, как все было. – И она, плюхнувшись на диван, вопросительно уставилась на Светлану.

Когда та все рассказала, Татьяна всплеснула руками:

– Ну, кобели эти мужики! Все, все кобели! И мой тоже хорош. Недавно вернулся, паразит. Три дня пропал, а сейчас вернулся. Да лучше бы и не возвращался, пьет почему зря. Я ему говорю: «Ну кому ты, такая пьянь, нужен? Гулял, гулял, а теперь опять ко мне пришел под теплый бочок». Твой-то хоть не пьет так. Вот позавидовали, поди, и увели его у тебя. Тут, я думаю, без воровства не обошлось. Тебе, Светка, надо к какой-нибудь бабке сходить. Я тоже ходила, мне сказали, что порча на моего наведена, вот и пьет. Если подумать, чего твоему-то не хватало? Женщина ты видная, мужики заглядываются. Всегда у тебя дома чисто, и готовишь, как в ресторане. Нет, видать, сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит. Наверное, детей вам надо было завести, они, бывает, крепко привязывают.

– Ну о чем ты, Таня, говоришь? Я ведь давно забеременеть хотела, да что-то не получалось. И к врачу ходила. Вроде все в порядке.

– Да может, это не от тебя зависит, ему тоже надо провериться.

– Теперь-то что об этом говорить? – подвела итог Светлана и заплакала, уткнувшись в плечо подруги.

– Ну поплачь, поплачь, Светик, легче будет, – стала та утешать ее.

Всю ночь Светлана не могла толком уснуть, ворочаясь в постели, вздыхала и всхлипывала. На следующий день после работы домой не пошла, а направилась прямо в Центр нетрадиционной медицины. Перед тем как впустить ее, охранник долго изучал паспорт Светланы, потом, записав что-то, вернул и указал, куда пройти. На прием к Кларе Негодиной уже сидели несколько женщин. Светлана хотела занять очередь, но женщины ей пояснили, что очереди тут нет, Клара сама выходит и выбирает из очереди любого.

Ровно в шесть вечера дверь открылась, вышла Клара в длинном черном платье, в парике из черных, ниспадающих на плечи волос. Голову ее венчала диадема, посредине которой красовался перевернутый треугольник рубинового цвета. На груди висел медальон на толстой серебряной цепи. В центре медальона была изображена перевернутая пятиконечная звезда. Все пальцы колдуньи были унизаны перстнями, украшенными знаками зодиака. В талии платье перехватывал золотистый пояс с пряжкой в виде китайского дракона. Посетители и Светлана невольно встали при ее появлении. Клара обвела всех внимательным взглядом, задержав его на Светлане, затем ткнула в ее сторону пальцем:

– Следуй за мной.

В комнате, куда вместе с колдуньей вошла Светлана, был полумрак. На круглом столе, стоявшем посередине, горело шесть свечей. В четырех углах размещались большие зеркала, в которых многократно отражались горевшие свечи.

Молодая колдунья усадила Светлану напротив себя:

– Здесь мы можем говорить с тобой обо всем, и чем подробнее ты мне расскажешь о себе, тем быстрее я смогу тебе помочь.

Светлана стала рассказывать, Клара слушала не перебивая, а лишь кивая головой и изредка вставляя наводящие вопросы. Когда Светлана закончила, она сказала:

– Ну вот что, моя дорогая. Сложно твое дело, но я помогу, если ты в точности будешь выполнять мои инструкции. Помни – в точности, любое отступление от них может сорвать все. Вот что ты должна сделать для начала: пойди в ближайшую к твоему дому церковь, купи там шесть свечей. Зажги их о здравии твоего мужа и твоей соперницы. Так и говори: «Эти свечи я ставлю о здравии такого-то и такой-то». Потом тут же их затуши. Подойди к столику, где ставят свечи за упокой об умерших. Переверни свечи книзу подожженными фитилями, поставь и зажги. Потом скажи: «Свечи эти – за упокой души такого-то и такой-то». Потом приходи ко мне, и я дам тебе следующее задание.

– Зачем же за упокой? – забеспокоилась Светлана.

– Они не умрут от этого, – успокоила ее Клара, – они просто разбегутся в разные стороны. Потом мы с тобой предпримем другие магические действия. Оставь на столе восемьсот рублей за консультацию, иди и не задавай больше глупых вопросов. И помни: все нужно выполнять в точности, как я говорю.

Светлана вышла из полутемной комнаты на свет. На душе было очень тяжело, как будто там, в душе, она вынесла из этой комнаты частицу темноты и той мрачно-торжественной обстановки, которая завораживала сознание и давила необъяснимым страхом на сердце. «Больше я сюда не вернусь, – подумала она, – и свечи не пойду за упокой ставить».

Но на следующий день Светлана стала вспоминать фразу колдуньи: «Они не умрут от этого, они просто разбегутся в разные стороны».

«Пусть он даже не придет ко мне, но и своей разлучнице я не дам наслаждаться ворованным счастьем. Пойду поставлю свечи», – решила она.

После работы Светлана пошла в храм. Подойдя к свечному ящику, купила шесть свечей. Шла вечерняя служба. День был будний, и народу в храме стояло мало. Посреди храма молодой человек читал молитвы. Женщина, продававшая свечи, шепнула ей:

– Ты, доченька, постой, помолись, сейчас читают Шестопсалмие. Ходить по храму нельзя, вот закончат читать, начнут петь, тогда пойдешь и поставишь свечи.

Света зажала свечи в руке, встала около колонны и так стояла, прислушиваясь к словам читаемых молитв. Понять она их не смогла, так как читали на церковнославянском, но отдельные фразы, входя, помимо ее сознания, прямо в сердце, приносили некое умиротворение душе.

Когда закончили читать Шестопсалмие, она пошла к заупокойному кануну, зажгла сразу все шесть свечей и сказала: «За здравие Вячеслава и Марины», – затем затушила их и уже хотела поставить фитилями вниз, как учила ее колдунья, но что-то остановило ее. Хотя никого рядом с ней не было и можно было все сделать незаметно, но ее не покидало ощущение, что кто-то на нее смотрит. Женщина подняла голову и вздрогнула: на нее пристально глядел святой, написанный на колонне, что была как раз напротив. «Господи, – подумала она, – ну как он может смотреть, если нарисован?» Она обошла столик, на котором ставят свечи за упокой, и встала с другой стороны, так, чтобы колонна оказалась сбоку от нее. Но ощущение, что на нее смотрят, не пропало. Светлана подняла глаза и опять встретилась со взглядом того святого. Святой держал в одной руке меч, в другой – храм. Старец с иконы смотрел не то чтобы строго, но внимательно. Его взгляд как бы говорил: «Не делай этого. Не делай того, о чем будешь жалеть всю свою жизнь».

И она поняла, что не сможет сделать то, от чего ее предостерегает святой. Подойдя к иконе, зажгла все свечи, поставила их о здравии за Славу и свою соперницу Марину и, заплакав, выбежала из церкви. Когда она пришла домой, на душе было легче оттого, что она не послушалась колдуньи.

Через два дня, возвращаясь с работы домой, Светлана заметила, что в ее почтовом ящике что-то белее. Открыв ящик, обнаружила там шесть обожженных свечей и листок белой бумаги, посередине которого стояло только одно слово, отпечатанное жирным курсивом: «Поставь!»

Женщина в страхе разорвала записку и, смяв свечи в большой комок, кинула их в мусоропровод. Когда на следующий день она пришла с работы, то старалась не смотреть в сторону почтового ящика, а сразу поднялась к себе в квартиру. Рядом с ее дверью лежал восковой шарик, скатанный из церковной свечи, из которого торчал клочок волос. Приглядевшись внимательно, женщина, к своему ужасу, увидела, что это ее волосы. Светлана отшвырнула шарик ногой и, вбежав в квартиру, разрыдалась. Затем стала сквозь всхлипы набирать номер телефона подруги Татьяны. Та приехала сразу.

– Не реви, – властно сказала она, – давай все по порядку.

Выслушав Светлану, констатировала:

– Ну и вляпалась же ты, Светка! Я думаю, что ты попала на колдунью, которая занимается черной магией, а надо было идти к знахарке, которая занимается белой. Тебе понятно?

– Непонятно, – замотала головой Светлана, – какая разница, черная или белая магия?

– Какая же ты, Светка, бестолковая! Черная – это злая магия, а белая – добрая магия.

– Ты знаешь, Таня, я понимаю, когда есть белое пальто, а когда – черное пальто. На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. Но между двумя этими пальто нет никакой разницы, кроме цвета. Служат они для одного и того же – прикрыть тело от холода. Не пойду я больше ни к каким магам и колдунам.

– Дуреха ты, Светка, сравнила пальто и магию. Тебя же теперь эта Клара не отпустит. Надо клин клином вышибать. Пойдем к одной знахарке, она белой магией занимается, одними молитвами лечит, и порчу, и сглаз снимает.

Светлана вспомнила, каких страхов она натерпелась за последние дни, и поняла: надо что-то делать. Подумав немного, она согласилась:

– Хорошо, пойдем.

Татьяна привела ее к домику из красного кирпича, они позвонили. Калитку открыл мужчина средних лет, чуть лысоватый, его взгляд настороженно изучал Светлану и ее подругу.

– Вы к кому?

– К Елизавете Петровне, мы по рекомендации Юлии Гавриловны, – ответила бойко Татьяна.

– Тогда проходите. – Взгляд мужчины сразу потеплел.

Света с Татьяной прошли в чистенький уютный домик, предварительно разувшись на пороге. В горнице, куда их провел мужчина, сидела за столом пожилая женщина в косынке и раскладывала на белой скатерти карты. Когда подруги зашли, она, улыбаясь, устремилась им навстречу.

– А я карты раскинула, вижу, две дамы: одна – червовая, другая – трефовая. Значит, у одной сердечные дела, а у другой, трефовой, – переживательные за червовую даму.

– Правда ваша, – сказала Татьяна, – надо помочь моей подруге.

– Помогу, помогу, голубушка. Что сама не смогу, то карты подскажут. Первый прием у меня пятьсот рублей, зато остальные – по двести пятьдесят. Бесплатно не могу, нынче жизнь дорогая. А мне еще налоги платить.

– Кому же вы платите налоги? – удивилась Татьяна. – Государству, что ли?

– Зачем государству, и без него есть кому собирать. Ну, давайте посмотрим, – перетасовав колоду, она стала раскладывать карты и, проделав с ними какие-то манипуляции, покачала головой. – Да, плохи ваши дела, видите, вас преследует пиковая дама, бойтесь ее, она может здорово вам навредить, если уже не навредила. Как вы думаете, кто это?

– Это, наверное, та, из салона красоты, – вставила Татьяна, – Кларой ее зовут.

– Так вы знакомы с Кларой Негодиной?

– Да, я у нее была, но не выполнила то, что она мне говорила, и теперь меня эта Клара преследует, потому и пришли к вам. Вы же мне поможете? – с надеждой в голосе спросила Светлана.

После этих слов Елизавета Петровна помрачнела:

– Что же вы мне сразу не сказали об этом? Я женщина порядочная, не стала бы на вас время понапрасну тратить, так как ничем помочь не могу. Эта Клара – близкий к Руслану Эдуардовичу человек, а тот шутить не любит. Так что, девочки, разберитесь сначала с Кларой, что вы там ей задолжали, а потом приходите ко мне, буду рада помочь. Методы работы у нас разные, но поперек друг друга идти мы не можем.

– Вот тебе и белая магия! – удивленно сказала Татьяна, когда они вышли на улицу. – Выходит, черная-то магия сильнее белой.

– Не знаю, кто из них сильнее, но я пойду сейчас прямо в милицию и заявлю, что меня преследуют. Дальше я так жить не могу.

– Правильно, Светка, развели тут, понимаешь, профсоюз колдунов! Куда ни сунься – везде деньги и обман.

Распрощавшись с подругой, Светлана по дороге домой зашла в опорный пункт милиции. Там сидел, скучая, участковый милиционер.

– Я пришла подать заявление по поводу того, что меня преследуют и что мне угрожают, – с ходу выпалила Светлана.

– Не волнуйтесь, гражданка, вы из какого дома?

– Сто восемь по улице Липецкой.

– Это мой участок. Вот вам листок, садитесь и подробно напишите, кто преследует и чем угрожает.

Светлана села, немного подумав, стала писать. Через пятнадцать минут кропотливой работы она отдала исписанный листок участковому. Тот прочел и поднял удивленный и растерянный взгляд на Светлану:

– А вы, гражданка, часом, не состоите на учете в психдиспансере?

– Нет, не состою! – вдруг заорала что было сил Светлана. – Вы что тут, все заодно с этими колдунами? Что я вам всем такого сделала? Муж от меня ушел к другой женщине, так меня за это надо убить? Ну, убивайте, убивайте, сейчас я больше не хочу жить, понимаете, не хочу!

– Успокойтесь, успокойтесь, гражданка, – лепетал перепуганный участковый, набирая дрожащей рукой номер «Скорой помощи». Ему уже казалось, что эта сумасшедшая сейчас схватит какой-нибудь тяжелый предмет и огреет его по голове. – «Скорая», «Скорая», выезжайте быстрее, с женщиной плохо. Психический срыв, записывайте адрес...

– Да вы что, совсем идиот? – буквально завизжала Светлана и выбежала из опорного пункта правопорядка.

Она уже почти добежала до своего подъезда, когда санитары, вызванные участковым, преградили ей путь. В машине «Скорой помощи» Светлана почувствовала, что в руку ей сделали укол. Вскоре наступило тупое безразличие. В больнице Светлану привязали к койке ремнями и насильно влили в рот какое-то лекарство. Она не помнила, сколько дней провела в больнице. Каждый день ей делали уколы и пичкали таблетками. Когда ее выписали из больницы и она приехала домой, то, глянув в зеркало, не узнала себя. На нее смотрела незнакомая женщина. Осунувшееся, постаревшее лицо. Когда-то темно-карие искрившиеся глаза глядели на мир с безразлично-тоскливым выражением. На работе ее должность сократили, хотя, как уверяла Татьяна, не имели права этого делать по закону, пока она находилась в больнице.

– Надо бороться, Светка, за свои права.

Но бороться Светлана ни с кем не собиралась. Ей было наплевать на работу. Жить тоже не хотелось. «Зачем тянуть с этим? – подумала она. – Пора решить проблему самой».

Готовилась она к этому «торжественному» часу не торопясь. Вначале тщательно помылась, спустила воду и ополоснула ванну: «Помирать надо в чистоте». Аккуратно положила на край ванны лезвие бритвы, стала заполнять ее горячей водой. Потом неспешно села в ванну. Было горячо, но скоро она привыкла. Распарившееся тело блаженно покоилось в воде. «Полежу вначале просто так». Полежав, взяла в руки лезвие и долго держала его, не решаясь провести им по своим запястьям. «Полежу еще немного», – она прикрыла веки.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо, и почудилось, что над ней склонился тот самый святой старец с иконы. Он ласково улыбался: «Вставай, милое дитя. Вставай, тебе говорю, в горячей воде вредно долго лежать. Сегодня приходи ко мне в гости, я давно тебя жду».

Света открыла глаза – никого рядом не было. Она выскочила из ванны и вытерлась полотенцем. Надела джинсы и свитер, накинула на ходу дубленку и стремглав выбежала на улицу.

Куда ни глянь – везде лежал ослепительно-белый снег. Он играл на декабрьском солнце, как миллионы рассыпанных алмазов. Она схватила пригоршню этого снега и растерла им лицо. Тут словно какая-то пелена спала с нее. Светлана полной грудью вдохнула морозный воздух и бодро зашагала в сторону храма. Еще издали она услышала веселый перезвон колоколов. «Господи, как хочется жить! Интересно, что сегодня за праздник такой – 19 декабря? Наверное, это мой новый день рождения», – подумала Светлана и радостно засмеялась.

Ноябрь 2003. Самара

Безработный

Инженер Полетаев Евгений Николаевич стоял, облокотившись на каменный парапет набережной, и смотрел в воду. Вода плыла медленным течением вместе с падавшими в нее желтыми осенними листьями и каплями дождя. Этот дождь моросил однообразно, скучно, по-осеннему с утра, и всю прошедшую ночь, и вчера, и третьего дня. Полетаеву стало казаться, что пасмурная погода будет длиться вечно. Сыро, серо, беспросветно, как, впрочем, и сама жизнь. Сегодня его супруга, всегда такая тихая и скромная, вдруг впала в неистовство, когда дочка попросила денег на школьный завтрак. Что же тут началось, Боже мой: слезы, истерические выкрики. Чего только не услышал Полетаев в свой адрес. Что он никчемный человек, эгоист, которому нет никакого дела до семьи, и тому подобное. Он пытался оправдываться: где, мол, найдешь работу, везде на производствах сокращения. «Сделай что-нибудь, – плакала жена, – так дальше жить невозможно». «Действительно, невозможно», – подумал Полетаев и, хлопнув дверью, ушел. Его взяла такая досада, такое отчаяние на жену, на себя и на всю эту, как ему казалось, никчемную жизнь. Опять зашел в какую-то фирму насчет работы, но дальше вестибюля не прошел, охранник выгнал. Домой возвращаться не хотелось, да и что он скажет Люсе, своей жене. Потому бесцельно ходил по городу.

На одном из уличных рынков увидел бывшего своего мастера цеха Уткина, торговавшего с лотка гайками, шурупами и прочей мелочью. Поболтали о том о сем, Полетаев посетовал на жизнь, тот посоветовал ему заняться торговым делом.

– У меня такое впечатление, что вся страна чем-то торгует, – с досадой сказал Полетаев.

– Так оно и есть, – весело подтвердил Уткин.

– Но если все только торгуют, то кто же все это тогда покупает?

– Друг у друга и покупаем, – не задумываясь, ответил тот.

– Идиотизм какой-то, – пробормотал Полетаев. – Я инженер автоматизированных поточных линий, почему я должен торговать? Мое дело – производить товары, пусть торгуют другие, кто этому обучался.

Теперь, дойдя до набережной, он просто стоял и смотрел в воду. Почему-то вспомнилось изречение Гераклита, что в одну и ту же реку нельзя ступить дважды. «Не прав этот Гераклит, – подумал Полетаев, – я хоть сто раз могу ступить в одну и ту же реку. Река остается рекой, какие бы струи воды в ней ни протекали и в какие бы цвета в зависимости от погоды и времени дня эти струи ни окрашивались. Вода в ней меняется, но само понятие «река» неизменно. А вот утонуть в одной и той же реке дважды нельзя, – размышлял он, – утонул – «и все твои печали под темною водой»», – вспомнил он слова песни Аллы Пугачевой. Вода вдруг стала чем-то манящим и притягивающим к себе, как бы указывая на выход из тупиковой ситуации. Все очень просто, надо приложить немного усилий, перевалиться через парапет и уйти из неприятного, холодного мира, где ты никому не нужен, где только одни нерешенные проблемы. Как только он это подумал, на него сразу как будто что-то навалилось, пригибая ниже и ниже к воде. Он подтянулся, лег животом на гранитный парапет и стал клониться головой вниз. Ноги уже почти оторвались от асфальта, когда рядом с собой он услышал бодрый старческий голос:

– Прескверная погода, молодой человек, не правда ли? Как вы думаете, за что же Пушкин любил осень?

Ботинки Полетаева вновь обрели твердую почву. Он, выпрямившись, повернулся к говорившему с чувством раздражения. Перед ним стоял старичок под зонтом – в сером плаще, старомодных калошах, сером берете.

Старик улыбался. Добродушная улыбка вступала в явное противоречие со всем окружающим миром осеннего увядания, противоречила и побеждала его.

– «Унылая пора...» Ну что мог любить в унылой поре Александр Сергеевич? – Незнакомец нагнулся и поднял с асфальта красный кленовый лист, повертев его, продолжил: «Люблю я пышное природы увяданье...» Если бы просто увяданье, то это любить нельзя. Но Пушкин добавляет только одно прилагательное «пышное», и сразу все становится иным. Одним словом – гений. Извините, не представился – Геннадий Петрович Суваров, бывший преподаватель Ленинградского государственного университета, теперь пенсионер.

– Евгений Николаевич Полетаев, бывший инженер, теперь безработный, – в тон ему представился Полетаев и спросил: – Вы, наверное, литературу преподавали?

– А вот и не угадали. Я, молодой человек, физик-математик, а супруга моя, Ксения Александровна, та, действительно, литературу преподавала. Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. За почти полвека совместной жизни и я стал немного филологом, чего не скажешь о Ксении Александровне: как не любила физику, так и сейчас не любит.

Удивительно, но раздражение у Полетаева куда-то улетучилось. Было видно, что старому физику хочется с кем-нибудь поговорить, да и самому Полетаеву некуда было торопиться. Старик, обрадовавшись благодарному слушателю, продолжал:

– Супруга моя Ксения Александровна в церкви на службе. – Он указал на храм через дорогу.

Странно, но Полетаев заметил храм только сейчас, хотя шел сюда именно по этой улице.

– А у меня не получается всю службу отстоять. С Богом-то примирился, а к храму привыкнуть пока еще не могу.

– То есть как – примирились? – не понял Полетаев.

– В том смысле, что я раньше в Него не верил, атеистом был, сами понимаете – физико-математический факультет, а теперь поверил в Бога, значит, примирился.

– Что же вас к этому подвигло, супруга, наверное, повлияла? – заинтересовался Полетаев.

– Может, в чем-то и супруга, но серьезно задуматься над этим вопросом меня заставил мой коллега. Было это еще в советские времена, у нас один молодой талантливый физик вдруг во всеуслышание объявил о своей вере в Бога и ушел в Церковь. Как-то мы с ним повстречались на улице, поздоровались и не знаем, о чем дальше говорить, аж неловко стало. Но он заговорил первым: «Вас, наверное, Геннадий Петрович, удивил мой поступок?» Я говорю: «Да, конечно, ведь не каждый день от нас физики уходят. Но почему, почему вы верите в Бога?» – «Почему? – переспросил он, глядя мне прямо в глаза. – А почему вы в Него не верите?» Я растерялся, поняв, что не могу ему ответить ничего вразумительного. Вот тогда-то я серьезно и задумался над этим вопросом. Из математики я прекрасно знаю, что как положительные, так и отрицательные суждения нуждаются в доказательстве.

– Но почему вы пришли к заключению, что Бог существует? Ведь вы же физик, в конце концов, – недоумевал Полетаев, – а физика это наука, формирующая у нас представление о мире и материи.

– Правильно мыслите, молодой человек, но мы не учитывали, что:

Физика – опасная наука,
Для материалистов не порука.
А еще нашла родного братика
Атомного века – математику,
И вдвоем они ведут дорогу
Прямо к Богу, —

торжественно произнес Геннадий Петрович, подняв указательный палец вверх.

– Это вы сами сочинили?

– Не я, конечно, – засмеялся старый профессор, – но поверьте мне, это стихотворение отражает подлинные проблемы современного естествознания.

– А нас в школе убеждали, что вера в Бога появилась у первобытных людей от незнания законов природы, – как-то неуверенно произнес Полетаев.

– Хе-хе-хе, – сотрясался от смеха профессор, – не знаю, что там было в головах у этих дикарей, но точно знаю одно, что, если мы даже будем знать все законы Вселенной и всё в мире этими законами сможем объяснить и разъяснить, двух вещей с помощью науки мы объяснить никогда не сможем: первое – откуда появился этот самый мир, и второе – кто дал эти законы. Вот так-то, молодой человек. Вот и моя Ксения Александровна идет.

К ним приближалась очень милая интеллигентная старушка в старомодной шляпке. Профессор представил их друг другу, и, когда они поздоровались, она сказала, пожимая Полетаеву руку, как будто обращалась к давнишнему знакомому:

– Милый Евгений Николаевич, вас, наверное, мой супруг замучил – стихами об опасной науке да рациональным доказательством бытия Божия? Поверьте, самые сильные доказательства не в области разума, а в сердце человека. Пойдите сами в храм и постарайтесь увидеть то, что невозможно увидеть глазами, и понять то, что невозможно понять разумом, и тогда ваша жизнь изменится. Вы вдруг поймете, что до этого момента вы не жили, а существовали.

Они попрощались с Полетаевым и пошли под одним зонтом вдоль набережной, о чем-то беседуя. Полетаев долго смотрел им вслед, затем решительно повернулся и пошел в храм.

Октябрь 2002. Самара

Молитва алтарника Святочный рассказ

В Рождественский сочельник после чтения Царских часов протодиакон сетовал:

– Что за наваждение в этом году? Ни снежинки. Как подумаю, завтра Рождество, а снега нет – никакого праздничного настроения.

– Правда твоя, – поддакивал ему настоятель собора, – в космос летают, вот небо и издырвали, вся погода перемешалась. То ли зима, то ли еще чего, не поймешь.

Алтарник Валерка, внимательно слушавший этот разговор, робко вставил:

– А вы бы, отцы честные, помолились, чтобы Господь дал нам снежку немножко.

Настоятель и протодиакон с недоумением воззрились на всегда тихого и безмолвного Валерия: с чего это он осмелел? Тот сразу и заробел:

– Простите, отцы, это я так просто подумал, – и быстро юркнул в пономарку.

Настоятель повертел ему вслед пальцем у виска. А протодиакон хохотнул:

– Ну, Валерка, чудак, думает, что на небесах как дом быта: пришел, заказал и получил, что тебе надо.

После ухода домой настоятеля и протодиакона Валерка, выйдя из алтаря, направился к иконе Божией Матери «Скоропослушница». С самого раннего детства, сколько он себя помнит, его бабушка всегда стояла здесь и ухаживала за этой иконой во время службы. Протирала ее, чистила подсвечник, стоящий перед ней. Валерка всегда был с бабушкой рядом: она внука одного дома не оставляла, идет на службу – и его за собой тащит. Валерка рано лишился родителей, и поэтому его воспитывала бабушка. Отец Валерки был законченный алкоголик, избивал частенько свою жену. Бил ее, даже когда она была беременна Валеркой. Вот и родился он недоношенный, с явными признаками умственного расстройства. В очередном пьяном угаре Валеркин папа ударил его мать о радиатор головой так сильно, что она отдала Богу душу. Из тюрьмы отец уже не вернулся. Так и остался Валерка на руках у бабушки.

Кое-как он окончил восемь классов в спецшколе для умственно отсталых, но главной школой для него были бабушкины молитвы и соборные службы. Бабушка умерла, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Настоятель пожалел его – куда он такой, убогий? – и разрешил жить при храме в сторожке, а чтобы хлеб даром не ел, ввел в алтарь подавать кадило. За тихий и боязливый нрав протодиакон дал ему прозвище Трепетная Лань. Так его и называли, посмеиваясь частенько над наивными чудачествами и бестолковостью. Правда, что касается богослужения, бестолковым его назвать было никак нельзя. Что и за чем следует, он знал наизусть лучше некоторых клириков. Протодиакон не раз удивлялся: «Валерка наш – блаженный, в жизни ничего не смыслит, а в уставе прямо дока какой!»

Подойдя к иконе «Скоропослушница», Валерий затеплил свечу и установил ее на подсвечник. Служба уже закончилась, и огромный собор был пуст, только две уборщицы намывали полы к вечерней службе. Валерка, встав на колени перед иконой, опасливо оглянулся на них.

Одна из уборщиц, увидев, как он ставит свечу, с раздражением сказала другой:

– Нюрка, ты посмотри только, опять этот ненормальный подсвечник нам воском зальет, а я ведь только его начистила к вечерней службе! Сколько ему ни говори, чтобы между службами не зажигал свечей, он опять за свое! А староста меня ругать будет, что подсвечник нечищенный. Пойду пугану эту Трепетную Лань.

– Да оставь ты парня, пушай молится.

– А что он тут, один такой? Мы тоже молимся, когда положено. Вот начнет батюшка службу, и будем молиться, а сейчас не положено! – И она, не выпуская из рук швабру, направилась в сторону коленопреклоненного алтарника. Вторая, преградив ей дорогу, зашептала:

– Да не обижай ты парня, он и так Богом обиженный, я сама потом подсвечник почищу.
– Ну, как знаешь, – отжимая тряпку, все еще сердито поглядывая в сторону алтарника, пробурчала уборщица.

Валерий, стоя на коленях, тревожно прислушивался к перебранке уборщиц, а когда понял, что беда миновала, достал еще две свечи, поставил их рядом с первой, снова стал на колени:

– Прости меня, Пресвятая Богородица, что не вовремя ставлю тебе свечки, но когда идет служба, тут так много свечей стоит, что ты можешь мои не заметить. Тем более они у меня маленькие, по десять копеек. А на большие у меня денег нету и взять-то не знаю где. – Тут он неожиданно всхлипнул: – Господи, что же я Тебе говорю неправду. Ведь на самом деле у меня еще семьдесят копеек осталось. Мне сегодня протодиакон рубль подарил: «На, – говорит, – тебе, Валерка, рубль, купи себе на Рождество мороженое крем-брюле, разговейся от души». Я подумал: «Крем-брюле стоит двадцать восемь копеек, значит, семьдесят две копейки у меня останется и на них я смогу купить Тебе свечи». – Валерка наморщил лоб, задумался, подсчитывая про себя что-то. Потом обрадованно сказал: – Тридцать-то копеек я уже истратил, двадцать восемь отложил на мороженое, у меня еще сорок две копейки есть, хочу купить на них четыре свечки и поставить Твоему родившемуся Сыночку. Ведь завтра Рождество. – И тяжело вздохнув, добавил: – Ты меня прости уж, Пресвятая Богородица. Во время службы около Тебя народу всегда полно, а днем – никого. Я бы всегда с Тобой здесь днем был, да Ты ведь Сама знаешь, в алтаре дел много. И кадило почистить, и ковры пропылесосить, и лампадки завести. Как все переделаю, так сразу к Тебе приду. – Он еще раз вздохнул: – С людьми-то мне трудно разговаривать, да и не знаешь, что им сказать, а с Тобой так хорошо, так хорошо! Да и понимаешь Ты лучше всех. Ну, я пойду.

И, встав с колен, повеселевший, он пошел в алтарь. Сидя в пономарке и начищая кадило, Валерий мечтал, как купит себе после службы мороженое, которое очень любил. «Оно вообще-то большое, это мороженое, – размышлял парень, – можно на две части его поделить, одну съесть после литургии, а другую – после вечерней».

От такой мысли ему стало еще радостнее. Но что-то вспомнив, он нахмурился и, решительно встав, направился опять к иконе «Скоропослушница». Подойдя, он со всей серьезностью сказал:

– Я вот о чем подумал, Пресвятая Богородица, отец протодиакон – добрый человек, рубль мне дал, а ведь он на этот рубль сам мог свечей закупить или еще чего-нибудь. Понимаешь, Пресвятая Богородица, он сейчас очень расстроен, что снега нет к Рождеству. Дворник Никифор, тот почему-то, наоборот, радуется, а протодиакон вот расстроен. Хочется ему помочь. Все Тебя о чем-то просят, а мне всегда не о чем просить, просто хочется с Тобой разговаривать. А сегодня хочу попросить за протодиакона, я знаю, Ты и Сама его любишь. Ведь он так красиво поет для Тебя «Царице моя Преблагая...».

Валерка закрыл глаза, стал раскачиваться перед иконой в такт вспоминаемого им мотива песнопения. Потом, открыв глаза, зашептал:

– Да он сам бы пришел к Тебе попросить, но ему некогда. Ты же знаешь, у него семья, дети. А у меня никого нет, кроме Тебя, конечно, и Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа. Ты уж Сама попроси Бога, чтобы Он снежку нам послал. Много нам не надо, так, чтобы к празднику беленько стало, как в храме. Я думаю, что Тебе Бог не откажет, ведь Он Твой Сын. Если бы у меня мама чего попросила, я бы с радостью для нее сделал. Правда, у меня ее нет, все говорят, что я – сирота. Но я-то думаю, что я не сирота. Ведь у меня есть Ты, а Ты – Матерь всем людям, так говорил владыка на проповеди. А он всегда верно говорит. Да я и сам об этом догадывался. Вот попроси у меня чего-нибудь, и я для Тебя обязательно сделаю. Хочешь, я не буду такое дорогое мороженое покупать, а куплю дешевенькое, за девять копеек – молочное.

Он побледнел, потупил взор, а потом, подняв взгляд на икону, решительно сказал:

– Матерь Божия, скажи Своему Сыну, я совсем не буду мороженое покупать, лишь бы снежок пошел. Ну пожалуйста. Ты мне не веришь? Тогда я прямо сейчас пойду за свечками, а Ты, Пресвятая Богородица, иди к Сыну Своему, попроси снежку нам немного.

Валерий встал и пошел к свечному ящику, полный решимости. Однако чем ближе он подходил, тем меньше решимости у него оставалось. Не дойдя до прилавка, он остановился и, повернувшись, пошел назад, сжимая во вспотевшей ладони оставшуюся мелочь. Но, сделав несколько шагов, повернул опять к свечному ящику. Подойдя к прилавку, он нервно заходил около него, делая бессмысленные круги. Дыхание его стало учащенным, на лбу выступила испарина. Увидев его, свечница крикнула:

– Валерка, что случилось?

– Хочу свечек купить, – остановившись, упавшим голосом сказал он.

– Господи, ну так подходи и покупай, а то ходишь, как маятник.

Валерка тоскливо оглянулся на стоящий вдали киот со «Скоропослушницей». Подойдя, высыпал мелочь на прилавок и осипшим от волнения голосом произнес:

– На все, по десять копеек.

Когда он получил семь свечей, у него стало легче на душе.

Перед вечерней рождественской службой неожиданно повалил снег пушистыми белыми хлопьями. Куда ни глянешь, всюду в воздухе кружились белые легкие снежинки. Детвора вывалила из домов, радостно волоча за собой санки. Протодиакон, солидно вышагивая к службе, улыбался во весь рот, раскланиваясь на ходу с идущими в храм прихожанами. Увидев настоятеля, он закричал:

– Давненько, отче, я такого пушистого снега не видел, давненько. Сразу чувствуется приближение праздника.

– Снежок – это хорошо, – ответил настоятель. – Вот как прикажете синоптикам после этого верить? Сегодня с утра прогноз погоды специально слушал, заверили, что без осадков. Никому верить нельзя.

Валерка, подготовив кадило к службе, успел подойти к иконе:

– Спасибо, Пресвятая Богородица, какой добрый у Тебя Сын, мороженое-то маленькое, а снегу вон сколько навалило.

«В Царствии Божиим, наверное, всего много, – подумал, отходя от иконы, Валерка. – Интересно, есть ли там мороженое вкуснее крем-брюле? Наверное, есть», – заключил он свои размышления и, радостный, пошел в алтарь.

Январь 2003. Самара

Мы очень друг другу нужны

Светлой памяти клириков и мирян блокадного Ленинграда посвящается

I

В Центральном парке культуры и отдыха на Петроградской стороне Ленинграда из всех репродукторов неслись бравурные звуки маршей. Воскресный день 22 июня 1941 года выдался солнечный и ясный.

Молодые супруги Пестровы Саша и Лиза прогуливались по дорожкам парка, счастливо улыбаясь. Рядом с ними, а вернее вокруг них, весело хохоча, бегали две их очаровательные пятилетние дочурки-близняшки. Обе в нарядных матросках, в коричневых сандалиях и с большими шелковыми бантами, вплетенными в косички. Причем у одной банты были красные, а у другой – голубые. Для того чтобы их можно было различить даже издалека. Сестренки как две капли воды были похожи друг на друга. Родители, конечно, различали их и без бантов, но все же, для порядка, каждый раз вносили в наряды девочек какие-нибудь отличия.

Завидев издали киоск с газированной водой, сестренки радостно закричали:

– Папа, мама, давайте попьем водички с сиропом, это так вкусно!

Когда пили газировку, вдруг смолкли репродукторы, а через какое-то время диктор объявил, что сейчас будет срочное правительственное сообщение. Весь парк замер. Встревоженные люди стали собираться возле динамиков. Объявление о начале войны слушали в гробовом молчании. А затем над толпой пронеслось тревожное: «Товарищи, это война, война, война...»

Дети, еще не понимая значения всех слов, но, почувствовав тревогу взрослых, инстинктивно прижались к родителям, как бы ища у них защиты.

– Сашенька, миленький, что же теперь будет? Как страшно, – пролепетала в растерянности Лиза.

– Не бойся, милая, я ведь с тобой, – успокаивал ее муж, обняв за плечи и прижав к себе.

II

Уже на следующий день Александр настоял на отъезде жены вместе с девочками в Костромскую область, к матери. Живя у матери, Лиза не находила себе места, тревожась за Александра.

Мать, видя, как мается ее дочь, сказала:

– Поезжай, Лиза, к мужу, а я тут с внучками поживу. Закончится все, и приедете вместе.

Лиза кинулась на вокзал. До Ленинграда еле добралась и то обходными путями. Как оказалось, очень вовремя. Александр как раз собирался уходить добровольцем в народное ополчение, на оборону Ленинграда. Он хотя и поворчал, зачем, мол, приехала, но в душе был рад, что удастся проститься с любимой супругой. К месту сборов шли в обнимку. Когда проходили мимо Князь-Владимирского собора, Александр неожиданно предложил:

– Давай зайдем в церковь, поставим свечи.

– Давай, – обрадовалась Лиза.

Мысль посетить храм ей почему-то понравилась, хотя они никогда раньше в церковь не ходили. Когда супруги робко перешагнули порог собора, Лиза шепотом спросила:

– А ты, Саша, крещеный?

– Я детдомовский, кто же меня мог крестить, – так же шепотом ответил Александр. – А ты крещеная? – в свою очередь спросил он.

– Конечно, Сашенька, крещеная. У нас в селе, когда я родилась, еще церковь работала. У меня даже крестная есть, мамина сестра, тетя Катя. Слушай, Саша, давай тебя окрестим, а то ведь на войну идешь.

– Кто же меня, комсомольца, крестить будет? Да и времени нет, до сборов час остался.

– Сашенька, миленький, – взмолилась Лиза, – давай окрестим тебя, чтобы душа моя была спокойна. У тебя же не будут комсомольский билет здесь спрашивать. Пожалуйста, Саша, ведь ты меня любишь?

– Конечно люблю, дуреха. Я не против креститься, только как?

– Вон батюшка стоит, я сама пойду к нему договариваться.

Лиза подошла к священнику и стала ему что-то горячо говорить. Затем, радостная, повернулась к Александру и подала знак рукой, чтобы подошел к ним. Александр подошел и в смущении, понурив голову, остановился перед священником.

– Ну что, молодой человек, идешь Родину защищать, а здесь жена смелей тебя оказалась. Александр продолжал в смущении молчать.

– Хорошо, – сказал священник, – отвечай мне прямо: хочешь креститься? И веруешь ли в Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего в мир спасти людей, и ради этого пострадавшего, и воскресшего, и обещавшего воскресить в последний день мира всех верующих в Него? Говорю это все очень кратко, так как нет времени для оглашения. Случай особый, ведь на святое дело идешь.

Александру очень понравились последние слова священника о том, что он идет на святое дело, и он уверенно сказал:

– Я креститься хочу. А насчет веры, если что не так, пусть уж меня Бог простит. Нас ведь этому не учили. Если окрестите меня, буду верить, как скажете.

– Достойный ответ, – сказал довольный священник. После крещения священник сказал Александру:

– Благословляю тебя, сын мой, на ратный подвиг. Не щади жизни своей ради Родины и веры нашей православной. Бей фашистов так же, как и твой небесный покровитель, благоверный князь Александр Невский, который бил немецких псов-рыцарей, посягнувших на наше святое Отечество.

– Спасибо, батюшка, – ответил растроганный Александр, – буду бить.

Обнимаясь на прощанье перед посадкой в грузовик, Александр шепнул Лизе:

– Теперь я крещеный, не переживай, хоть на том свете, но встретимся.

– Вот дурак, – возмутилась Лиза, – типун тебе на язык. Чего несешь, ты мне живой нужен.

– Да не сердись ты. Это я так шучу, для поднятия настроения.

– Ничего себе шуточки, – заплакала Лиза.

– Лизонька, родная моя, прости меня и не плачь. Нас, детдомовских, другим шуткам не научили. Я тебя очень люблю и скоро вернусь, – крикнул он, догоняя отходящую полуторку и запрыгивая в кузов на ходу.

Лиза бежала вслед за грузовиком. Косынка ее сползла на плечи, волосы растрепались:

– Сашенька, я тебя тоже очень люблю, возвращайся, родной, мы тебя будем ждать.

Полуторка скрылась за поворотом, а Лиза, пробежав еще немного, остановилась посередине дороги, растерянно оглядываясь кругом. Затем сорвала с плеч платок, уткнулась в него заплаканным лицом и побрела назад к дому.

III

Через месяц от Александра пришла весточка – небольшая записка, которую он передал через одного ополченца, лежавшего в госпитале после ранения. Там всего-то было три строчки: «Милая Лиза, я жив и здоров. Воюем с фашистскими захватчиками. Признаюсь честно, нелегко нам, но город родной не сдадим. Зайди в церковь, помолись за нас всех. Скучаю по тебе и детям. Целую, твой Саша».

Она по несколько раз в день перечитывала эту записочку. Прочитает, поцелует ее, прижмет к груди и снова читает, и снова целует. Тут же побежала в церковь молиться за своего любимого. Хотя она и так теперь туда часто ходила. Народу за службой день ото дня становилось все больше и больше. Даже по будням храмы не пустуют. Ленинградцы приходят помолиться за своих родных, воюющих на фронтах, за живых и погибших. Записок об упокоении с каждым днем все больше, целые горы, священники едва справляются, чтобы успеть помянуть всех за богослужением. Лиза, подавая записки о здравии Александра, радовалась, что он жив и здоров. Она не раз ловила себя на мысли: «Какая же я молодец, что настояла на крещении Саши».

Когда Лиза получила извещение о том, что «Пестров Александр Петрович пал смертью храбрых...», она этому не захотела поверить. Побежала в военный комиссариат.

– Тут произошла какая-то ошибка, – с дрожью в голосе говорила Лиза, протягивая извещение седоусому капитану.

Тот смотрел на нее печально и молчал.

– Чего же вы молчите? Я же говорю, произошла ошибка! – пугаясь красноречивого молчания, крикнула Лиза.

– Как бы я, доченька, хотел, чтобы это была ошибка, – вздохнул капитан, – и чтобы были ошибками десятки других похоронок, ежедневно приходящих к нам.

Лиза растерянно заморгала, потом достала с груди записку от Александра и как-то робко протянула ее капитану:

– Вот посмотрите, он тут сам пишет: жив, здоров... А тут пишут: погиб. Я Саше своему верю, – упавшим голосом проговорила Лиза.

– На войне так, милая барышня, сегодня ты жив, а завтра – один Бог знает.

– Как же я теперь одна? – проговорила Лиза, выражая вслух сердечную мысль, что жизнь без любимого для нее невыносима.

Капитан это понял по-своему и сказал:

– У нас имеется распоряжение: вдов погибших добровольцев устраивать на работу в хорошие места. Так что заходи через неделю, что-нибудь подыщем.

– Спасибо, – чуть слышно проговорила Лиза и пошла домой.

– Так ты приходи! – крикнул ей вдогонку капитан.

Целый день она бесцельно бродила по Ленинграду, окончательно продрогнув, повернула домой. Когда подходила к дому, раздался вой сирены, объявляющей воздушную тревогу. Она и не подумала идти в бомбоубежище, а стала подниматься по лестнице в свою квартиру. Навстречу спускалась соседка, школьная учительница Анна Михайловна, с двумя своими детьми.

– Куда же вы, Лиза? Ведь тревога объявлена! Пойдемте с нами в бомбоубежище.

– У меня Сашу убили, мне все равно, – отрешенным голосом ответила Лиза и стала подниматься дальше.

Но Анна Михайловна кинулась вслед за ней, догнав, развернула ее за плечи к себе лицом и сурово спросила:

– Дочек твоих тоже убили?

- Что вы, – испуганно сказала Лиза, – они у мамы в деревне.
- Так вот, дорогая моя, – жестко продолжила Анна Михайловна, – сейчас у всех горя достаточно, но твоим детям нужна мать. – И, взяв властно Лизу за руку, повела ее за собой.

IV

Наступила голодная зима сорок первого. Лиза, вспомнив обещание капитана, пошла в комиссариат. Тот встретил ее недовольно:

- Я же сказал прийти через неделю, а ты где была? Все вакансии разошлись.

Лиза молча развернулась, чтобы идти обратно.

– Да погоди ты, – с досадой сказал капитан, – вот возьми направление в столовую госпиталя, посудомойкой.

Когда Лиза, поблагодарив капитана, уже ушла, он пробурчал себе под нос:

– Не меня надо благодарить, а твоего мужа. Считай, что своей смертью он тебя от голодной смерти спас.

С гибелью Александра в душе Лизы поселилась какая-то холодная пустота, теплилась там только обида на Бога за Сашу. В церковь ходить перестала. Но все же когда проходила мимо храма, останавливалась и подолгу стояла в задумчивости. Храм был тем местом в их жизни, где они, по сути дела, провели последние счастливые минуты. Как-то раз, когда она стояла возле храма, у нее появилось ощущение, что ее Саша сейчас там и ждет ее. Она без раздумий вошла в храм и огляделась. Саши, конечно, она не увидела, но ощущение, что он именно здесь, не пропало. Лиза купила свечку и пошла к заупокойному кануну. Поставить свечку было некуда, так как весь канунный столик был заставлен ими. Тогда она зажгла свою свечу, прошла к иконе Александра Невского. Поставив перед иконой свечу, она вопросительно посмотрела на святого князя, спрашивая про себя: «Святой Александр, мой Саша с тобой?» Ответа она не услышала.

- Молчишь, – с горечью вымолвила Лиза, – а что мне делать?

Последние ее слова расслышала рядом стоявшая старушка.

– Надо тебе, сердешная, пойти к батюшке на исповедь, тебе сразу станет легче. Вон там, в правом приделе, идет сейчас исповедь.

Лиза направилась в указанном старушкой направлении. Там, возле аналоя с лежащими на нем Евангелием и крестом, стоял еще не старый, лет пятидесяти пяти, но уже сторбившийся и седой священник. Люди подходили к нему и что-то говорили, а он, казалось, не слушал их, а стоял как-то безучастно, никого не замечая. Когда прихожанин наклонял голову, он молча, как бы механически, накидывал на нее епитрахиль и осенял крестным знаменем. Подошла очередь Лизы. Она стояла перед священником и молчала. Он тоже молчал. Неизвестно, сколько еще бы продлилось это молчание, если бы священник не заговорил первым:

- Что же вы молчите? Вы пришли исповедоваться?

– Нет, – коротко ответила Лиза.

– А для чего вы тогда пришли, у вас какой-то вопрос ко мне?

– Нет, – снова ответила Лиза.

– Нет! – удивленно повторил священник. – А что тогда?

– У меня погиб муж, и я больше не хочу жить, – с вызовом произнесла Лиза.

Священник задумчиво сказал:

- Я ведь тоже не хочу жить.

Лиза растерялась. В глубине души она надеялась, что священник ее будет утешать.

– Да как же вы можете так? – невольно вырвалось у нее.

Лицо священника, передернувшись, искривилось, отчего на нем изобразилась некрасивая гримаса. Нижняя губа выпятилась и завернулась к подбородку. Точь-в-точь как у ребенка, собирающегося расплакаться. Осипшим голосом, видно спазм сдавил горло, он произнес:

– Могу, я-то как раз могу, – больше он ничего не мог сказать, собирая последние усилия воли, чтобы сдержать слезы. Но они, не спросясь, уже катили по его щекам.

Священник весь как-то осунулся, окончательно потеряв свой еще недавно величественный вид.

– Что с вами, батюшка? – прошептала испуганно Лиза.

– Ничего, – ответил он, – прихожу после службы домой – а там ничего. Одни развалины. Нет больше моей доченьки, нет моей доброй Танюшки. Я говорю: «Господи, почему дитя мое там, под развалинами? Почему не я?» Почему? – требовательно обратился он уже к Лизе.

– Не знаю, – ответила Лиза, с жалостью посмотрев на священника.

– Вот и я не знаю, – печально вымолвил священник, и Лиза в смущении отошла.

V

Лиза решила дожидаться, когда закончится вечерняя служба, и подойти опять к священнику. Из разговоров с одной прихожанкой она уже знала, что священника зовут Всеволод. Он вдовец. Жил вместе со своей взрослой дочерью, в которой души не чаял. Есть у него еще сын, он на фронте, и от него вообще никаких вестей нет. Вот уже неделя, как его дочь погибла в собственной квартире при бомбежке. Сейчас батюшка живет при храме, но тут очень холодно. Часто голодает, так как отдает свою хлебную пайку другим голодающим.

Отец Всеволод вышел из храма, Лиза решительно подошла к нему и сказала:

– Батюшка, пойдете ко мне жить. У меня свободная комната. Я буду о вас заботиться. Вы мне нужны, а я вам. Ведь так?

Отец Всеволод внимательно посмотрел на Лизу и кивнул головой. Помолчав немного, добавил:

– Да, пожалуй, мы друг другу нужны.

Работала Лиза в госпитале с утра и до вечера, выходные выпадали редко. Но теперь после работы она спешила домой. Капитан оказался прав. Благодаря работе в столовой госпиталя, она не только сама не померла с голоду, но и поддерживала свою соседку с двумя ее детьми. Дело в том, что когда после работы она чистила кухонные котлы из-под каши, то поскребки со стенок котлов ей разрешали уносить домой. Набиралось поскребок по полбидончика и больше. Вот этими поскребками и спасались от голода.

Отец Всеволод старался каждый день ходить на службу в собор. Но делать это становилось с каждым днем все труднее. Болели застуженные ноги. Сказывался каторжный труд на Соловках, где по колено, а то и по пояс в холодной воде приходилось вылавливать бревна. Да к тому же после гибели дочери, на нервной почве, он стал слепнуть. О нелегкой судьбе отца Всеволода Лиза узнала из бесед, которые они проводили долгими зимними вечерами.

В двадцать пятом году отца Всеволода по обвинению в контрреволюционной деятельности приговорили к расстрелу, который заменили десятью годами Соловков. Хотя вся его контрреволюционная деятельность заключалась в том, что он выступил против передачи храма обновленцам. Когда умерла его жена, их малолетние дети были определены в детский дом. После Соловков ему добавили три года ссылки в Пермь.

Возвратясь после ссылки в тридцать восьмом в Ленинград, он сразу отыскал детей. Они уже были взрослые. Сын Владимир учился в военном училище и как будущий офицер Красной армии стеснялся отца священника, да еще и «врага народа». Поэтому демонстративно стал избегать отца, а потом и вообще заявил, что он теперь ему не отец. Отец Всеволод так сильно этим огорчился, что даже заболел. Зато дочка Татьяна с радостью восприняла отца, окружив его заботой и вниманием. Во время его болезни, ни на шаг не отходя от постели, пыталась, как могла, сгладить поступок брата своей любовью. Тот, в свою очередь, также всю свою нерастратченную родительскую любовь обратил на дочь. И хотя Татьяна была воспитана вне Церкви, но,

повстречавшись с отцом, стала очень религиозной девушкой. Вместе с ним ходила на службы и вместе молилась дома, находя в этом для себя большую радость.

Теперь и Лиза, приходя с работы, становилась с отцом Всеволодом на молитву. Они каждый день пели заупокойную литию по Александру и Татьяне. Служили молебен за победу над врагом и о здравии воина Владимира. Просыпаясь по ночам, Лиза слышала, как отец Всеволод горячо молится за сына. Ей он дал поручение: регулярно заходить на почту справляться, нет ли для него письма. Было ясно, он все еще надеялся и ждал весточки от Володи. И его надежды наконец-то оправдались. В один из дней Лизе вручили на почте треугольный конвертик, адресованный отцу Всеволоду. Когда она, радостная и взволнованная, пришла домой, то с порога закричала:

– Батюшка, пляшите!

Отец Всеволод побледнел, медленно приподнялся со стула и, повернувшись к иконам, перекрестился:

– Слава Тебе, Господи, услышана молитва моя.

Сев за стол, требовательным голосом сказал:

– Читай, дочка.

Лиза развернула треугольник и дрожащим от волнения голосом начала читать:

– «Дорогие мои родные, папа и Танюшка...»

– Бедный сынок, он еще не знает о гибели сестры, – сокрушенно произнес отец Всеволод. – Ну продолжай, Лизонька.

– «Пишу «дорогие», – продолжала Лиза, – потому что здесь, на фронте, понял, что дороже вас у меня нет никого на свете. Перед моим уходом на фронт ты подарил мне, папа, очень нужный подарок. Но оценил я это только теперь, когда вокруг меня гибнут мои боевые товарищи, а завтра и я могу пойти за ними следом. Книга, подаренная тобой, говорит, что нет больше той любви, как душу положить за друзей своих. Не сомневайтесь, я выполню свой воинский долг до конца. Но прежде хочу попросить у тебя, папа, прощения за то, что я так огорчал тебя. Прости меня. Я раскаиваюсь, как тот блудный сын, о котором написано в книге, подаренной тобой. Меня эта притча потрясла до глубины души, и вот чем. Ведь по сути дела, сын пришел к отцу и сказал: ты, отец, мешаешь мне жить, умри для меня, чтобы мне жить было свободно и хорошо. А потом, когда он возвращался, ведь отец выбежал ему навстречу. Значит, все это время он ждал: не придет ли? Значит, выходил каждый день на дорогу. Каждый день смотрел, не идет ли его сын. Смотрел и ждал, потому что любил сына. И я тогда понял, что ты тоже ждешь. Ведь не мог же я не заметить, как ты любишь меня и как ты страдаешь, видя мое отношение к тебе. Таня, сестренка, береги папу. Я хочу прийти после Победы и встать перед ним на колени, за все его страдания, которые он перенес за веру и за нас, его детей. Я знаю, он обнимет меня и в тот день не будет счастливей меня человека в целом свете. Целую вас и крепко обнимаю, ваш сын и брат Владимир».

Лиза подняла заплаканные глаза и увидела, что отец Всеволод тоже плачет, но при этом все лицо его светится счастьем.

– Лиза, доченька моя, зови скорее Анну Михайловну. Неразделенная с ближним радость – это неполная радость.

Когда Лиза и Анна Михайловна вошли в комнату, отец Всеволод был уже в рясе с епитрахилью перед иконами.

– Давайте вместе отслужим благодарственный молебен Богу, а затем посидим, отметим эту радость.

После молебна все сели за стол. Отец Всеволод достал откуда-то начатую бутылку кагора.

– Это неприкосновенный запас, – пояснил он, – но сегодня как раз тот случай. Ставь, Лиза, рюмочки, сегодня большой праздник.

Истощенные постоянным недоеданием, все трое захмелели сразу, после первой рюмочки. Отец Всеволод попросил Лизу прочесть второй раз письмо. Потом Анна Михайловна затянула песню «Летят утки...» и все дружно подтянули. Просидели до глубокой ночи, забыв на время, что идет война, что город находится в блокаде. Всем троим казалось, что самое худшее позади, а впереди их ждет только хорошее.

VI

Назавтра отец Всеволод попросил Лизу написать сыну ответ. Когда встал вопрос, писать ли о гибели Татьяны, он сказал:

– Нельзя сына обманывать, пусть горькая, но правда.

Володино письмо отец Всеволод просил Лизу читать чуть ли не каждый день, так что вскоре она выучила его наизусть. Заинтересовавшись, что так могло поразить Владимира в Евангелии, сама стала читать его каждый день. Чего не понимала, спрашивала у отца Всеволода, и тот с удовольствием ей разъяснял. Второе письмо от Володи пришло уже весной, незадолго до Пасхи.

«Дорогой папа, – писал Володя, – с глубокой скорбью узнал я о гибели Танюшки. Почему гибнут самые лучшие и добрые? Я задаю себе этот вопрос вот уже который раз. Есть ли на него вообще ответ? Мой ответ на гибель сестры один: буду бить гитлеровскую сволочь, пока хоть одна фашистская гадина ползает по земле. Я так же, как и ты, папа, верю, что наша Танечка за ее кроткий нрав и душевную доброту пребывает сейчас у Бога в Царствии Небесном. А иначе нет вообще никакой справедливости, не только на земле, но и на Небе. А она должна быть, эта справедливость, обязательно, иначе за что же мы воюем? Я рад, что есть такая Лиза, которая заботится о тебе, как родная дочь. Значит, для меня она будет сестрой. Я беспокоюсь за твое здоровье, береги себя. Твой сын Владимир».

Отец Всеволод, слушая письмо, счастливо улыбался.

– Сын у меня прямо философ, весь в деда. Дед у него был преподавателем в духовной семинарии.

На пасхальную службу пошли впятером, прихватив детей Анны Михайловны. За зиму в храме умерли два священника и протодиакон. Но несмотря ни на что, первую блокадную Пасху, 18 апреля 1942 года, праздновали торжественно. Тем более что время празднования Пасхи совпало с семисотлетием разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище святым князем Александром Невским. У всех появилась надежда на победу и освобождение Ленинграда от блокады. Многие верующие вместо куличей принесли освящать кусочки блокадного хлеба. Отец Всеволод после службы принес домой пять маленьких кусочков настоящего кулича и одно вареное крашеное яйцо. Все с удовольствием съели крохотные кусочки кулича, а яйцо разделили пополам детям. Когда разрезали яйцо, по комнате разнесся яичный дух. Отец Всеволод, втянув ноздрями воздух, с улыбкой сказал:

– Пасхальным духом наполнилась наша квартира.

По прошествии праздничных дней отец Всеволод сказал Лизе:

– У меня какое-то недоброе предчувствие. Наверное, что-то с Володей. Может, его ранили? Сходи-ка, доченька, на почту, нет ли там от него письмеца.

Когда Лизе подавали на почте вместо треугольного солдатского письма казенное извещение, сердце у нее похолодело: такое она уже получала, когда ее извещали о смерти мужа.

– Кому это? – в испуге отдергивая руку, спросила она.

– Вот тут читайте, написано: Троицкому Всеволоду Ивановичу, – сказала работница почты, протягивая извещение Лизе.

Выйдя на улицу, Лиза дрожащими руками достала извещенье из сумочки. Буквы прыгали у нее перед глазами. На казенном бланке было написано: «Сообщаем Вам, что Ваш сын, капитан Троицкий Владимир Всеволодович, в бою за город Демьянск пропал без вести...»

«Что это значит – без вести?» – размышляла по дороге Лиза. Вначале она зашла к Анне Михайловне, посоветоваться.

– Говорят, что без вести – это все равно что убит. Но все же, я думаю, есть надежда. Надо сообщить отцу Всеволоду, – подытожила разговор Анна Михайловна.

– Может быть, вы сами это сделаете, – попросила Лиза.

– Нет, Лиза, это должны сделать вы. Ведь вы ему как дочь родная.

Когда она вошла в комнату, отец Всеволод встал и, подслеповато щурясь, с тревогой разглядывал Лизу, пытаясь угадать, какую весть она ему принесла.

– Ну, что там у тебя? Я же чувствую: что-то от Володи. Я оказался прав? Он ранен? – с тревогой вопрошал он.

– Не волнуйтесь, батюшка, он не ранен, он просто пропал без вести.

– Что значит «пропал»? Как может человек пропасть без вести, это же не иголка?

– На войне все может случиться, – успокаивала его Лиза, – надо надеяться, что он жив.

– Что значит «надеяться, что он жив»? Я уверен, Володя жив, – начал сердиться отец Всеволод. Затем он, как-то сникнув, сел на стул, бледный и какой-то жалкий, посмотрел на Лизу: – Ты ведь, Лизонька, тоже веришь, что он жив?

– Конечно, батюшка, я верю! – горячо воскликнула Лиза. – Он жив, он вернется, как обещал, вы же за него так молитесь!

– Да, – словно очнувшись, сказал отец Всеволод, – моему сыночку сейчас плохо, ему надо помочь, а я здесь расселся. – Он встал и пошел в свою комнату.

Из своей комнаты он не выходил три дня и три ночи. Лиза уж думала, не случилось ли чего. Но когда она подходила к двери, то слышала оттуда молитвенные вздохи и понимала: отцу Всеволоду не надо мешать.

VII

Наступил январь 1944 года. Объявили о снятии блокады и служении 23 января благодарственного молебна по всем храмам. Отец Всеволод в сопровождении Лизы и Анны Михайловны шел в церковь на молебен. После молебна священник с амвона зачитал послание митрополита Ленинградского Алексия: «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли...»

Из храма все выходили в пасхальном настроении, казалось, еще немного, и в морозном январском воздухе зазвучит тропарь «Христос воскрес из мертвых...».

Женщины шли, с двух сторон поддерживая отца Всеволода. Навстречу им двигался, широко улыбаясь, высокий статный майор. Увидев его, отец Всеволод, вздрогнув, отстранил от себя женщин. Потом как-то весь распрямился и шагнул вперед, протянув навстречу офицеру руки. Майор подбежал к священнику и упал перед ним на колени, прямо в снег.

– Папа, родной мой, я вернулся к тебе.

– Я ждал, сынок. Знал и верил, – сказал счастливый отец, прижимая к себе сына.

Февраль 2005. Село Нероновка Самарской области

Разведчик

I

Капитан Курт Биргер, он же советский разведчик Глеб Эдуардович Серьговский, шел по перрону Берлинского вокзала, направляясь к пассажирскому поезду. Дорогу к вагону ему преградил патруль железнодорожной охраны. Молоденький лейтенант, козырнув, вежливо попросил предъявить документы. Серьговский поставил свой чемодан, затем не торопясь снял перчатки, достал из внутреннего кармана шинели документы и протянул их начальнику патруля. Ему не о чем было беспокоиться, документы подлинные, а печать на его вклеенной фотографии так искусно подделана, что этого не заметили даже в комендатуре, куда он заходил отмечать свой отъезд на фронт после отпуска. Лейтенант, внимательно изучив документы, возвратил их Серьговскому и, пожелав ему счастливого пути, направился к другому офицеру, спешащему на поезд. В купе Серьговский с педантичной немецкой аккуратностью разложил свои вещи и сел к окну.

Поезд тронулся. Глядя на проплывающие мимо окна предместья Берлина, он вспоминал довоенную Германию и невольно сравнивал с тем, что видел. Затем мысли его вернулись к предстоящей операции. Задание было необычное, такого опыта у него еще не было. Более десяти лет работы в Европе на «нелегалке», это, конечно, неплохая школа для разведчика. Но одно дело выступать в мирной роли журналиста, а другое – перевоплотиться в немецкого офицера, стать одним из них, да так, чтобы поверили. Страха не было. Скорее было чувство беспокойства: справится ли с заданием, оправдает ли высокое доверие?

Вообще, Серьговского можно было бы считать человеком бесстрашным. Но один раз в жизни страх все же завладел его сердцем, да так, что сковал всю волю и довел до состояния безысходного отчаяния. Это было, когда он попал в подвалы собственного ведомства на Лубянке, перед самым началом войны. Отозвали его из Германии после того, как он передал сведения о готовящемся скором нападении Германии на Советский Союз. Уже первые допросы убедили его, что живым он отсюда не выйдет. Вот это полное бессилие что-либо изменить в своей судьбе, полная абсурдность положения и приводили в отчаяние, поселяя в душе липкий холодный страх обреченной жертвы. Сидя в камере после вынесения смертного приговора 21 июня 1941 года, он вспомнил, как сам, будучи молодым следователем ЧК, подводил под расстрел бывших офицеров царской армии, священников и профессоров, дворян и купцов только за то, что они являлись классовыми врагами. Он верил, или, вернее, хотел верить, что если подследственные ничего не совершили в данное время, то при благоприятной возможности обязательно бы совершили, а коли так, значит, они контра. Времена изменились, теперь НКВД отдыхало в выходные дни. Работа была отлажена, торопиться было некуда. Расстрелять можно и 23 июня. Но 22-го началась война, и это спасло Серьговского. А вскоре он, по ходатайству самого Судоплатова, уже трудился в аналитическом отделе разведки Генштаба.

В купе постучали, и сразу же ввалился полный лысоватый оберст-лейтнант¹. Отирая вспотевшее лицо платком и отдуваясь, он буквально повалился на диван:

– Простите, господин капитан, но этот патруль меня чуть до инфаркта не довел. Видите ли, ему не понравилось, что у меня нет отметки комендатуры. Этот лейтенант, видимо, здесь шпионов ищет. Пришлось звонить в канцелярию Канариса, чтобы поставить этого сопляка на место.

¹ Звание «оберст-лейтнант» (нем. *Oberstleutnant*) в германской армии соответствует званию подполковника.

– Что же поделаться, господин оберст-лейтенант, – развел руками Серьговский, – идет война, бдительность необходима.

– Да это я понимаю, – махнул тот платком, – сам шпионов выявляю. – И с усмешкой добавил: – Только ведь когда на поезд опаздываешь, своя же собственная национальная черта – пунктуальность и исполнительность – начинает действовать на нервы. Ладно, не будем больше об этом. Простите, не представился. Эрих фон Кюхельман, – протянул он для пожатия свою потную руку.

– Курт Биргер, – пожал ему руку Серьговский.

– Куда держите путь, господин Биргер? – поинтересовался Кюхельман.

– Был в отпуске после ранения, теперь возвращаюсь на восточный фронт, под Сталинград.

– Ого! – присвистнул Кюхельман. – И какого черта вас туда несет, ведь армия Паулюса уже окружена, все только и мечтают, как бы оттуда выбраться, а вы, наоборот, стремитесь прямо в лапы к русским.

– Что за пессимизм я слышу от немецкого офицера! – с деланным негодованием произнес Серьговский. – Нас окружили, но трехсоттысячная армия продолжает героически сражаться, это еще не конец, фюрер пришлет подмогу.

– Не будьте наивны, господин капитан. Окружение очень плотное. Чтобы сражаться, нужно подвозить боеприпасы и продовольствие. Завтра нечем будет воевать, а послезавтра нечего будет жрать. Я думаю, фюрер уже осознал, что эта битва проиграна, и готовится взять реванш в другом месте.

При этих словах у Серьговского замерло сердце, ведь его главное задание узнать, в каком месте необъятного Восточного фронта Гитлер готовит наступательный прорыв. Но вида он не подал, а с пафосом в голосе произнес:

– Может быть, вы и правы, господин фон Кюхельман, но у меня нет другого предписания, и долг солдата мне велит возвращаться в свою армию. А уж погибать вместе с ней или побеждать, пусть решит судьба.

– Хороший ответ, господин Биргер, если бы так рассуждали все немцы, мы бы давно одолели русских. Как же вы предполагаете добираться до Сталинграда?

– Поездом до Смоленска, а оттуда уже самолетом, хотя я не очень-то люблю этот транспорт.

– Полностью с вами солидарен, – обрадовался Кюхельман, – меня просто мутит от этих самолетов. Мой шеф после совещания в Берлине возвратился на самолете, а я сразу сюда, на вокзал, потому и не поставил отметки в комендатуре. Ехать мне, собственно, недалеко, до города Волуйска.

При этих словах Серьговский еле сдержал свое радостное ликование. Такой удачи он никак не мог ожидать. Теперь-то у него появилась уверенность, что задание он выполнит. Хотя в его воинском требовании на проезд значился город Смоленск, но истинной целью его был город Волуйск с его штабом Восточной резервной армии. Из разговора с Кюхельманом он уже сумел сделать вывод, что тот является сотрудником штаба армии и, скорее всего, работает в контрразведке, раз обмолвился о том, что выявляет шпионов. Возможность завести приятельские отношения с Кюхельманом была не просто большой удачей, это была уже половина самого сложного дела во всей операции. Серьговский сразу же полез в свой чемодан и достал бутылочку французского коньяка.

– Подлечивался на курортах Франции и прихватил оттуда пару бутылочек хорошего коньяка.

При этих словах Серьговского Кюхельман облизнул свои губы и, радостно потирая руки, воскликнул:

– Что же мы с вами, господин капитан, напрасно теряем время?

Первую рюмку коньяка Кюхельман проглотил сразу, в два глотка. А вторую, тут же налившую ему Серьговским, смаковал уже не торопясь.

– Вот вы, капитан, наверное, думаете, что мы в тылу отдыхаем, а вы воюете. Ошибаетесь, дорогой, в России нет тыла, везде фронт. Партизаны так обнаглели, что я даже сомневаюсь: доедете ли вы до Смоленска.

– Все так серьезно? – ухмыльнулся Серьговский. А про себя подумал: «Кюхельман как в воду глядит».

– Не ухмыляйтесь, Биргер, все на самом деле очень серьезно. Даже у нас под носом в Волуйске эти бандиты орудуют, и никакие меры не помогают. Осведомители их действуют четко, передавая информацию о всех наших передвижениях. А потом ищи их в этих непроходимых лесах с проклятыми болотами.

Серьговский, незаметно наблюдавший за Кюхельманом, делал вывод, что тот не так прост, как хочет казаться. «Человек он наверняка умный и наблюдательный, – отмечал про себя Серьговский, – просто, по всей видимости, относится к той породе людей, которые, разыгрывая из себя простачков, ловят на этот крючок наивных собеседников, вызывая на ответную откровенность. Потому надо быть с ним начеку».

– А вы, Биргер, человек скрытный, – неожиданно переменив тему разговора, сказал Кюхельман, – но честный. Я физиономист, сразу вижу.

II

Утром на перроне Волуйска они прощались, как старые друзья. Едва поезд отъехал от Волуйска, Серьговский стал собираться. Он накинул на плечи мундир, взял полотенце и направился в туалет. Тщательно заперев дверь, Серьговский стал внимательно наблюдать в окно. Мимо проплывал лес, вырубленный немцами от дороги метров на пятьдесят из-за страха перед диверсиями партизан.

Наконец он увидел условный знак и решительно открыл окно. Затем вылез в него и повис на раме, болтая ногами в воздухе. В это время поезд как раз замедлил скорость на повороте. Если бы Серьговский просто отпустил руки, то наверняка угодил бы под колеса поезда. Но он этого делать не стал. Разведчик уперся ногами в вагон, а потом, с силой оттолкнувшись от него, прыгнул. В прыжке он сгруппировался и, свалившись на покрытую снегом насыпь, перекатился по откосу и стал быстро отползать подальше от поезда.

Как только мимо него проехал последний вагон, раздался взрыв. Вагоны вздрогнули и со страшным скрежетом, разрывая сцепления и нагромождаясь друг на друга, устремились под откос. Тут же раздалась пулеметные очереди. Серьговский подскочил и, пригибаясь, побежал в сторону поезда.

Уцелевшие немцы из разбитых вагонов отстреливались от партизан, кто как мог. Серьговский прилег у одного из вагонов, достал из кармана револьвер, обмотал дуло тряпкой, наставил его на предплечье левой руки, затем, зажмурившись, выстрелил. Замычав от боли, он достал из кармана свое полотенце и с помощью зубов правой рукой кое-как перетянул рану прямо поверх мундира. Револьвер зашвырнул далеко в снег, а из кармана достал немецкий пистолет «вальтер» и выстрелил из него всю обойму в воздух.

Вскоре загудели моторы подъезжающих немецких грузовиков с солдатами. Солдаты выпрыгивали из машин и тут же, рассредоточиваясь вдоль железнодорожного полотна, открывали огонь в сторону леса. Но ответного огня не последовало. Партизаны словно растворились в лесу. Свое дело они сделали. Теперь Серьговский вполне официально мог остаться в Волуйске, по крайней мере, до излечения раны, полученной в результате «геройского сражения с партизанами». Здесь же, под вагоном, его и обнаружил заместитель начальника контрразведки

штаба Восточной резервной армии, оберст-лейтенант Эрих фон Кюхельман. Увидев окровавленную повязку на руке Серьговского, как-то обрадованно воскликнул, протягивая ему руку:

– Вы, Биргер, прямо счастливчик, в такой переделке остались живы, да еще и Сталинграда избежали.

– Я думаю, рана несерьезная, – небрежно бросил Серьговский, – еще повоюем.

– Непременно повоюем, капитан, – сказал Кюхельман, помогая подняться Серьговскому. – Но пока я лично отвезу вас в госпиталь.

На следующий день Кюхельман приехал в госпиталь. Внимательно осмотрел револьверную пулю, вынутую хирургом, и, довольно хмыкнув, пошел к Серьговскому.

– Вот ваш чемодан, господин Биргер, мои люди разыскали его. Все цело, даже ваша вторая бутылка французского коньяка.

– Возьмите коньяк себе, вы его заслужили.

– Нет, Биргер, мы его вместе разоъем после вашего выздоровления. Между прочим, я передал в штаб армии Паулюса сообщение о том, что с вами случилось. Пришел ответ, что они очень сожалеют и желают вам скорейшего выздоровления. Кстати, вас там хорошо характеризуют. Оказывается, вы служили в разведывательном отделе штаба. Тогда мы с вами коллеги, это еще приятней. Вот вам на память пуля, которую вы получили в подарок от партизан, теперь, надеюсь, вы их не будете недооценивать.

III

Через неделю Серьговского выписали, назначив ему двухнедельные лечебные процедуры. Но теперь он мог жить в городе. В первый же день он решил наладить связь с агентурой советской разведки в Волуйске, чтобы передать в Центр информацию. Серьговский зашел в ресторан и сел за крайний столик у окна. Подошедшему официанту он сказал:

– Говорят, в вашем ресторанчике можно отведать блюда местной национальной кухни.

Это было условным паролем. В ответ прозвучало:

– У нас несколько национальных традиций: польская, белорусская и литовская, но все они чем-то похожи.

– Тогда принесите чего-нибудь на ваш вкус.

После обеда официант принес ему счет, на котором внизу было подписано карандашом: «Через час, ул. Глухая, 15».

Ровно через час Серьговский был возле дома по указанному адресу. Там его поджидал официант ресторана Владислав Круцильский, резидент советской разведки в городе Волуйске с 1939 года. Еще до освобождения Западной Белоруссии Советской армией его забросили сюда для агентурной работы, да так и оставили потом. Как оказалось, не напрасно. Серьговский прошел с Владиславом в небольшой одноэтажный домик, крытый красной черепицей.

– Вам ведь надо все равно снимать квартиру, эта могла бы вам подойти. Хозяйка дома пожилая одинокая полячка. Женщина она тихая, скромная. Ревностная католичка. Я уже ей сказал про вас, что вы подыскиваете квартиру, так она первым делом спросила: не лютеранин ли вы? Я ее заверил, что вы католик, вам ведь все равно.

– Да, мне все равно, – засмеялся Серьговский, – ведь на самом деле я атеист.

– Ну, теперь о деле, – сразу посерьезнел Владислав. – Обстановка напряженная. Здесь, как вы знаете, располагается штаб Восточной резервной армии. Вокруг аэродромы, склады. В городе полно офицеров. Естественно, все держится под строгим контролем. Боятся диверсий партизан. Приход в этот дом у вас оправдан поиском квартиры. А так нам не стоит рисковать. Встречаться будем только в ресторане. Свою информацию я буду писать вам на бланке счета. Сведения для Центра вы будете передавать мне вместе с деньгами за обед. Я уже их буду пере-

давать Коле Пашкевичу, это связной с партизанами. Он будет доставлять ваши донесения в партизанский отряд радисту.

– А разве нельзя, чтобы радист работал здесь, в городе? – поинтересовался Серьговский.

– Здесь день и ночь разъезжают пеленгаторы. Городок маленький, быстро вычислят место нахождения рации. Коля парень надежный, комсомолец. Правда, для прикрытия мы его в церковь устроили работать, алтарником.

– Как «в церковь»? – удивился Серьговский.

– Это очень удобное и надежное место. Священник, который там служит, сотрудничает с партизанами.

– Вы доверяете попу?

– А что делать, приходится. Тем более поп – наш проверенный товарищ, – усмехнулся Владислав.

– Это еще как понять? – продолжал удивляться Серьговский.

– Зовут его отец Венедикт. В двадцатые годы он переметнулся к обновленцам, активно сотрудничал с советской властью по разоблачению тихоновцев. Но незадолго перед войной порвал с обновленцами, раскаялся и вернулся в лоно Московского Патриархата. В то же время к советской власти продолжал оставаться активно лояльным. Через него-то мы Колю в церковь пристроили. Второй священник, отец Пахомий, ярый тихоновец, сидел на Соловках. С ним все ясно. Советскую власть ему не за что любить, потому от него мы держимся подальше. Меня только беспокоит, что он дурно влияет на Колю Пашкевича. Я последнее время стал замечать, что парень слишком уж вживается в образ верующего человека, и здесь не последняя роль отца Пахомия.

– Какие у нас есть резервные варианты связи с Центром на случай непредвиденных обстоятельств? – перебил его Серьговский.

– Если что-нибудь случится с Колей, из партизанского отряда пришлют нового связного, который выйдет на меня. Со мной уже сложнее. Вы же знаете, что Центр сузил круг лиц, знающих вас лично, до минимума, ограничившись только мной. Если со мной что-то случится, то придется рисковать и выходить на прямой контакт с Колей. Мы с ним договорились о контрольной встрече. На каждой неделе в субботу и воскресенье третья скамейка от храма в сквере с левой стороны по ходу, ровно в пятнадцать ноль-ноль. Пароль: «Ваши молитвы кому-нибудь помогают?» Он ответит: «Помогают всем, кто в это верит».

– Странный пароль, – хмыкнул Серьговский.

– Такой сам Коля предложил, сказал, что ему легче его запомнить.

IV

Серьговский не терял времени даром. Прогуливаясь по городу, неизменно заходил на вокзал, подсчитывал прибывшие составы с танками и другим вооружением. Вечерами, сидя в ресторанчике или пивном баре, внимательно прислушивался к разговорам офицеров, выуживая из них нужную для себя информацию. Аналитический склад ума позволил ему, сопоставляя и анализируя все увиденное и услышанное, сделать вывод, что немцы готовятся к серьезному прорыву на Восточном фронте. Но где? Ведь это так важно знать, чтобы советское командование смогло заранее перегруппировать свои силы и не дать застать себя врасплох. Несколько раз удалось повстречаться с Кюхельманом. Чувствовалось, что он что-то знает, но излишнее любопытство могло насторожить контрразведчика. А он был необходим на будущее. В один из вечеров, во время ужина, Владислав, меняя у Серьговского тарелку, шепнул ему:

– По радио из Москвы сообщили, Паулюс сдался.

Это было известие, которого Серьговский давно с нетерпением ждал и на которое был весь расчет операции. Через несколько минут в зале появился Кюхельман. Он подсел к его сто-

лику и заказал себе ужин. Ожидая заказ и потягивая пунш, Кюхельман испытывающе посматривал на Серьговского. Тот сидел с беспечным видом, не торопясь жевал бифштекс, искусно скрывая свое волнение. Наконец Кюхельман не выдержал:

– Ну, что, капитан, доживаете последние деньки мирной жизни и собираетесь опять в Сталинград?

– Да, уже надоело бездельничать, – как можно равнодушнее промолвил Серьговский.

– Можете не спешить, господин Биргер, в этом уже нет нужды. Сегодня Паулюс сдался русским со всей своей трехсоттысячной армией.

– Не может быть! – воскликнул Серьговский.

– Может, дорогой мой друг, может. Возблагодарите Бога, что вы сейчас не там.

– Но где же честь мундира? Уж лучше бы он застрелился, – продолжал изображать негодование Серьговский.

После ужина, прощаясь, Кюхельман сказал:

– Выздоровливайте, голубчик, и приходите к нам в штаб, люди с вашим опытом всегда нужны.

Это было как раз то, что хотел услышать Серьговский. Первая часть плана операции удалась на славу.

V

Вот уже неделя, как Серьговский служил при штабе Восточной резервной армии. К серьезной информации его не допускали. Но даже те сведения, которые он сумел собрать из косвенных источников, вызвали интерес и одобрение Центра. Серьговский понимал, что спешить и рисковать по пустякам пока не стоит. Необходимо выждать момент, когда откроется возможность добыть главную информацию, ради которой его сюда и направили. А такой информацией могли быть только данные о дислоцировании резервной армии на Восточном фронте.

Как-то раз, прогуливаясь в воскресенье по городу, он вспомнил о Коле Пашкевиче и решил посмотреть на паренька. Было около трех дня. Он прошел в сквер и сел на противоположной стороне от условленного места. Ровно в пятнадцать часов подошел паренек лет восемнадцати и присел на ту самую скамейку. Посидел со скучающим видом минут пять, встал и пошел в сторону храма. Взойдя по ступенькам на паперть храма, он три раза перекрестился и зашел внутрь. «Молодец, – про себя отметил Серьговский, – делает все натурально. Из такого паренька получится неплохой разведчик».

В это время мимо него проходил высокий худой священник, в длинном сером пальто поверх подрясника и с надвинутой на глаза черной скуфьей. Проходя мимо Серьговского, он мельком глянул на него. Тому показалось, что священник вздрогнул. Уже отходя от Серьговского, священник еще раз оглянулся на него каким-то странным взглядом. То ли удивленным, то ли испуганным. «Неужели он меня узнал?» – эта первая мысль обожгла душу разведчика. Но уже другая мысль посмеялась над первой: «Кого, собственно, узнавать? С двадцать пятого года я за границей, после сразу арест, а там война. Собственно, в России меня никто и не видел. Здесь я вообще никогда в жизни не появлялся. Ерунда, это у меня от переутомления воображение разыгралось». Но как бы Серьговский себя ни успокаивал, в душе все равно остался неприятный осадок.

VI

Прошел март с его переменчивым настроением, то мороз, то оттепель. Апрель сразу заявил свои права бурным таянием снегов. Серьговский в свое обычное время шел, перешаги-

вая через ручки, в ресторан обедать. Настроение у него, как и всегда весной, было приподнятое. Появилось предчувствие каких-то хороших перемен. Но когда его подошел обслуживать какой-то другой официант, хорошее настроение словно испарилось. Отсутствие Владислава его очень взволновало. Но выяснять причину этого он не стал, это могло вызвать подозрение. Вечером он снова пришел в ресторан и опять не обнаружил Владислава. Ночь спал плохо, перебирая все возможные варианты исчезновения Владислава. Утром следующего дня принял решение идти на контакт с Колей Пашкевичем. Другого выхода не было. Во-первых, надо было выяснить, что случилось с Владиславом, а во-вторых, срочно нужна была связь с Центром. Была как раз суббота. Без четверти пятнадцать он направился в сквер. В сквере он, заложив руки за спину, не торопясь прогуливался. Увидев, что Коля идет к скамейке, он пошел ему навстречу. Проходя мимо, он как бы нечаянно задел его плечом и извинился, в то же время незаметно подложил ему в карман записку. Коля присел на лавочку, а Серьговский, пройдя до конца сквера, тут же развернулся и пошел неторопливой походкой назад. Проходя мимо Коли, он, не глядя в его сторону, произнес:

– Ваши молитвы кому-нибудь помогают?

Коля, растерявшись от неожиданности, не сразу произнес ответ.

А Серьговский, не останавливаясь, сказал:

– В правом боковом кармане, – и последовал дальше.

– Помогают всем, кто в это верит, – с запозданием произнес Коля, с удивлением глядя вслед уходящему Серьговскому.

Засунув руку в правый боковой карман пальто, он обнаружил там клочок бумаги, но доставать ее не стал, а пошел в храм. Там в укромном месте он развернул записку и прочел: «16:00 – ул. Глухая, 15. Записку уничтожь». Коля отнес записку в пономарку алтаря и сжег ее в печке. Затем, переждав немного времени, пошел по указанному адресу. Он специально прошел по нескольким близлежащим переулкам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. В доме его встретил сам Серьговский и, крепко пожав руку, провел в свою комнату.

– Что случилось с Владиславом? – сразу же задал он вопрос, больше всего волновавший его.

– Заболел. Воспаление легких. Очень высокая температура. Проболеет не менее двух недель. Он меня предупредил, что вы со мною свяжетесь.

– Да, плохи наши дела, Коля. Но ничего, как-нибудь продержимся. Теперь слушай меня внимательно. Встречаться мы с тобой больше не будем, это опасно. Давай подумаем, где мы будем передавать друг другу сообщения.

– Лучше всего это делать на той самой скамейке, – предложил Коля. – С левой крайней ее стороны есть сбоку небольшое углубление. Когда сидишь, можно незаметно положить, а также взять небольшую бумажку, свернутую трубкой.

– Хорошо, будь осторожен. Вот тебе очередная шифровка для передачи.

VII

Коля, как обычно, подошел к скамейке, присел на ее край и, закинув ногу на ногу, стал беспечно оглядываться кругом. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, сунул записку в щель скамейки и, посидев немного, направился в сторону храма. Но на самом деле за ним наблюдали, и очень внимательно. С одной стороны, сотрудники контрразведки штаба резервной армии «Восток», а с другой, отец Пахомий, стоявший у церковного окна. Как только Коля зашел в храм, он сразу подошел к нему и шепнул:

– Пройди за мной в ризницу.

Коля повиновался. Когда он зашел в ризницу, отец Пахомий с жаром заговорил:

– Времени у нас крайне мало. Потому слушай меня и, ради Бога, верь мне. Я давно догадывался, что ты сотрудничаешь с партизанами. Как это ни горько, но я должен открыть тебе правду, отец Венедикт вас предал. Об этом я узнал случайно. Не удивляйся этому, предавший однажды, предаст и второй раз. Теперь за тобой следят, но им нужен не столько ты, сколько тот, кто придет за посланием, оставленным тобою в скамейке.

– Тогда, отец Пахомий, я должен немедленно пойти и предупредить его, – решительно сказал Коля.

Отец Пахомий схватил его за руку:

– Доверься мне, я все устрою, а ты только навредишь делу. Я сейчас пойду и сяду там, меня ведь не подозревают. А ты выходи через дверь ризницы прямо на кладбище и жди нас у Нюры, она тебя спрячет. Только, ради всего святого, никуда не выходи. – Он открыл дверь ризницы и вытолкнул Колю наружу. Затем, прикрыв дверь, пошел к выходу из храма.

Серьговский в это время шел в сквер, для выемки шифровки из Центра. Но как только он вступил в сквер, сразу почувствовал что-то неладное. Доверяясь своей интуиции, он тут же замедлил шаг, а затем свернул в рядом расположенный пивной бар. Пристроившись с кружкой пива у окна, он стал внимательно наблюдать. Он увидел, как из дверей храма вышел тот самый священник, который когда-то его так озадачил. Но то, что произошло на его глазах в данное время, не просто озадачило Серьговского, а прямо-таки ошеломило. Священник быстрым шагом подошел к скамейке, не таясь, вытащил сообщение Центра и опять быстро пошел к храму. За ним с разных концов сквера устремились несколько человек в штатском. Они забежали в храм вслед за священником.

Отец Пахомий, зайдя в храм, направился к алтарю. Когда он уже собирался зайти в алтарь, то увидел, как в храм ворвались преследователи. Он решительно вошел в алтарь, около жертвенника стоял отец Венедикт и облачался в ризы к вечернему богослужению. Отец Пахомий подбежал к столику, запихивая на ходу бумагу с шифровкой себе в рот. Налил в ковшик кагора и, проглотив бумагу, запил ее вином на глазах совсем оторопевшего отца Венедикта.

– Отец Пахомий, что вы делаете? – воскликнул он.

– Молчи, иуда! – гневно сверкнул глазами на Венедикта отец Пахомий.

В это время в алтарь ворвались сотрудники контрразведки и набросились на священника.

VIII

Когда отца Пахомия привезли к начальнику контрразведки Эриху фон Кюхельману, тот пришел в ярость. Таким его подчиненные еще не видели. Он топал ногами и, брызгая слюной, кричал:

– И это, по-вашему, резидент советской разведки? Даже дураку ясно: для того, чтобы Пашкевичу передавать сведения священнику, их не надо прятать в скамейку. Кстати, где этот Пашкевич? Исчез? Из-под носа контрразведчиков этот сопляк исчез. Да с кем же я здесь тогда работаю? Если упустите официанта, я всех вас отправлю на Восточный фронт, сегодня же. И помните, официант мне нужен живым, и только живым.

Владислав сегодня почувствовал себя намного легче, перелом в болезни произошел. Лежать ему надоело. Он встал, надел халат и присел в кресло, собираясь почитать своего любимого Шекспира. Но только он присел, как раздался стук в дверь. Владислав передернул затвор пистолета и, подойдя к двери, спросил, кто стучит.

– Это я, ваша соседка, Владислав Михайлович. К вам врач пришел, откройте.

«Странно, – подумал Владислав, – никакого врача я не вызывал». Голос соседки ему тоже показался странным. Обычно она так не говорила. Просто говорила: «Открывай, Влад, свои».

– Сейчас, Людмила Кузьминична, открою, только оденусь, – крикнул он и побежал в комнату.

Быстро надел валенки, пальто и шапку. Открыл крышку погреба и юркнул вниз. В погребе включил фонарик и сдвинул в сторону полку с банками, за ней оказался лаз. Прополз метров пять и, выбравшись на поверхность, оказался в своем сарайчике. Отодвинув в сторону две доски, выбрался наружу. Теперь он был на городском кладбище. Идя по кладбищу, он боковым зрением заметил двух в штатском и сразу все понял. Развернувшись, Владислав пошел в глубь кладбища по центральной дорожке. Навстречу ему двигались сразу три человека. Владислав резко свернул в сторону на узкую дорожку и пошел между могильных надгробий. Но увидев впереди себя еще двоих, словно выросших из-под земли, он понял, что обложен со всех сторон и ему не уйти. Тогда приостановившись, Владислав спокойно, с улыбкой, пошел им навстречу. Они тоже одобрительно улыбнулись ему в ответ: мол, правильно делаешь, суетиться бесполезно. Когда расстояние между ними сократилось до пяти шагов, Владислав выхватил пистолет и уложил обоих наповал двумя выстрелами. А сам тут же укрылся за могильными плитами. Окружавшие его люди в штатском тоже попрятались. Затем стали перебежками, от могилы к могиле, сужать вокруг него кольцо. Владислав скинул шапку и, прислонившись головой к холодному гранитному надгробию, с иронией произнес:

– Нет, ребятки, в кошки-мышки я с вами играть не буду. – Затем подняв голову и посмотрев в бездонную глубину неба, печально сказал: – Хотелось бы в рай, да грехи не пустят. Но уж к вам, фашистам, в ад, точно не хочется. С этими словами он приставил ствол пистолета к виску и выстрелил.

IX

В этот же день, придя в штаб, Серьговский узнал все подробности. Причем все это ему рассказал сам Кюхельман. О том, что Колю Пашкевича выдал отец Венедикт. Кюхельман велел установить за Колей наблюдение. Проследили, как он ходил навещать больного Владислава. А затем выследили, как он закладывал передачу в скамейку. Решили дождаться основного резидента советской разведки, но все дело испортил отец Пахомий.

– Итак, что мы с вами имеем, капитан Биргер. Официант, несомненно резидент советской разведки, убит. Пашкевич, исполняющий роль связного, исчез неизвестно куда. В наших руках только этот русский священник, это единственная пока ниточка к шпионской резидентуре. Я уверен, он много знает. Мои ребята уже работают с ним, результатов пока нет. Поезжайте, Биргер, в тюрьму и сами допросите этого священника. Я уверен, у вас это получится.

Подходя к тюрьме, Серьговский в который раз задавался вопросом: «Почему Кюхельман так со мной разоткровенничался? Ведь до этого момента он даже не посвящал меня в план операции. А теперь поручает допрос священника. Значит, он меня подозревает».

Когда Серьговский расположился в кабинете, куда должны были привести на допрос священника, то его подозрения подтвердились. Достаточно было беглого взгляда, натренированного замечать разные мелочи, чтобы понять: у этого кабинета есть глаза и уши. «По всей видимости, Кюхельман сам лично будет наблюдать за этим допросом», – подумал Серьговский.

Вскоре ввели, а вернее, вволокли в кабинет отца Пахомия и усадили его на табуретку. Серьговский взглянул на священника, и память разведчика мощным рывком отбросила его на два десятилетия назад.

Вот он, молодой следователь ЧК, сидит в своем кабинете на Лубянке, к нему так же вот вволакивают священника. Лицо, отекающее от избиений, да и весь вид его какой-то жалкий. В глазах – боль, тревога, скорбь. Нет в них только страха и смятения, а скорей наоборот, решимость страдать до конца. Потому Серьговский понимает, что ему нечего спрашивать у этого человека, он никого не назовет и ничего не подпишет. Да и, собственно, руководство ЧК не требует какого-то расследования. Виновность всех попавших сюда предрешена. Нужно только, чтобы один подследственный потянул за собой как минимум еще нескольких человек. А отец

Пахомий упрямится, никого не называет, хотя ему даже подсказывают, кого можно назвать соучастником.

– Вы продолжаете упорствовать, гражданин Ключаев, и не хотите признать, что создали тайную контрреволюционную организацию?

– То, что вы называете контрреволюционной организацией, было всего лишь кружком любителей богословия и философии.

– Ну хорошо, назовите участников этого так называемого кружка.

– Я никого называть не буду.

– Почему бы не назвать, если это всего лишь безобидный философский кружок?

– Потому что вы их тоже будете обвинять в заговоре.

– Но мы их и так всех знаем.

– Для чего же тогда спрашиваете?

– Для того, чтобы сверить ваши показания с нашими данными.

– Сверяйте лучше свою совесть с тем, что вы делаете, а я больше ничего не скажу, – сказал устало священник и стал что-то беззвучно шептать.

Серьговский догадался, что отец Пахомий читает молитвы. Больше он действительно ничего не сказал до самого конца следствия. Но его последней фразы хватило Серьговскому на всю жизнь. Ему вдруг стало мерзко и противно от того, что он делал в ЧК. Поэтому, когда его вскоре перевели благодаря знанию немецкого языка в разведку, он вздохнул с большим облегчением.

Да, перед ним опять сидел отец Пахомий. Изменившийся, постаревший, но глаза все те же. Хотя в его взгляде есть что-то новое, в нем сквозит насмешка: «Что, мол, гражданин следователь, вот мы и повстречались». Как он мог не узнать его там, в сквере? Наверное, потому, что все эти годы упорно изгонял из своей памяти все связанное со следовательской работой в ЧК. И все равно, время от времени, а иногда и во сне, приходят к нему подследственные и молча, с укором смотрят на него. Усилием воли он отогнал от себя нахлынувшие воспоминания и, кивнув переводчику, начал допрос:

– Вы работаете на советскую разведку?

– Я служу только одному Богу.

– Если бы вы служили только Богу, то не оказались бы здесь. Вас видели, как вы из тайника взяли записку, положенную партизанским связным. Затем, по свидетельству священника Венедикта, вы съели эту записку. Почему вы это сделали?

– А вы догадайтесь сами, почему я это сделал, – криво улыбнувшись разбитой губой, сказал отец Пахомий.

– Мы ни о чем догадываться не будем, нам нужны только факты. И мы их от вас получим, чего бы это ни стоило. Но мы можем не доводить до крайностей, если вы скажете, кому предназначалась эта записка и где сейчас Пашкевич.

Отец Пахомий посмотрел печально на Серьговского и с тоской в голосе воскликнул:

– Как же вы все одинаковы и зачем вы друг с другом воюете, если вы похожи как две капли воды? Зачем льете кровь человеческую?

Серьговский растерялся от такой неожиданной тирады. Но понимая, что молчать нельзя, спросил:

– О чем вы говорите?

– О том, что фашисты ничем не отличаются от коммунистов. Красные флаги, партийные съезды, тюрьмы и лагеря и та же цель: погасить в человеке образ Божий и превратить его в бессловесного раба. Но если бы это было только так, я бы не стал брать ту записку. На самом деле это не так, враг попирает мое Отечество, и я плюю на ваши угрозы. – При этих словах отец Пахомий встал и плюнул на Серьговского, попав ему прямо в лицо.

Серьговский растерянно подскочил со своего стула. А конвоиры, набросившись на священника, сбили его на пол и стали пинать ногами.

– Прекратить! – закричал Серьговский и потом уже более спокойно добавил: – Нам он нужен живой. Увести арестованного и до особого распоряжения оберст-лейтенанта Кюхельмана не трогать.

Кюхельман остался доволен результатами допроса.

– Молодец, Биргер, вы этого священника вывели из себя, это уже хорошо. До вас он на допросе просто молчал. Думаю, результаты будут. Завтра возьму одного специалиста из гестапо, у него он заговорит. Это я вам обещаю.

Х

Серьговский в смятенных чувствах сидел в отделе контрразведки штаба. Как помочь отцу Пахомию? У него не было и тени сомнения в том, что тот его не выдаст. Но имеет ли он моральное право оставить священника на мучения фашистам? Ведь по сути дела, отец Пахомий, подставив себя, спас его. Серьговский поймал себя на мысли, что он рассуждает о морали, когда для разведчика существует одна мораль: цель оправдывает средства. Другой морали для него инструкциями не предусмотрено. Имеет ли он право рисковать выполнением задания ради спасения человека? «Не имеет», – подсказывал холодный рассудок разведчика. «Имеет», – говорило его сердце. И впервые в своей жизни Серьговский послушал свое сердце, вопреки здравому рассудку. Когда он принял это безрассудное решение, ему стало легко и радостно на душе. Он даже тихо засмеялся, и тут же в его голове родился план, смелый, отчаянный, но безрассудный.

Рабочий день подошел к концу, и пунктуальные во всем немцы ровно в шесть часов стали расходиться. В отделе должен остаться только дежурный офицер и охрана. Серьговский заранее отпечатал на гербовом бланке требование к начальнику тюрьмы выдать ему отца Пахомию на два часа для следственного эксперимента. Он старательно подделал подпись Кюхельмана, теперь необходимо поставить печать. Ровно в восемнадцать часов все сотрудники выходят, а в восемнадцать десять дежурный офицер обходит кабинеты с проверкой. Значит, у него в запасе только десять минут, чтобы достать печать из сейфа Кюхельмана. Ровно в шесть вечера Серьговский вышел из своего кабинета, но направился не к выходу, а в кабинет Кюхельмана. Открывать замки любой сложности он обучался в Москве у лучшего медвежатника России, которого специально из Бутырок привозили к ним в учебный центр каждый день в течение месяца. Дверь в кабинет открыл за пять секунд. С замком сейфа пришлось повозиться. Когда он уже шел на выход, в коридоре его встретил дежурный офицер:

– Что-то вы сегодня задержались, господин капитан. Серьговский, козырнув офицеру, пожаловался:

– Кюхельман столько работы навалил, что скоро будем ночами здесь просиживать.

– Сегодня я буду за вас ночью отдуваться, а вы пропустите за меня рюмочку пунша.

– Я как раз иду в бар и с удовольствием это сделаю, – засмеялся Серьговский.

Пока было еще светло, он действительно решил зайти в бар. Там за столиком с картами он увидел Кюхельмана. Тот подозвал его к себе:

– Не хотите ли составить нам компанию в преферанс?

– Нет, господин оберст-лейтенант, у меня что-то разболелась голова, хочу пропустить рюмочку бренди и идти спать.

– Это у вас после допроса. Хотя, надо заметить, выдержка у вас завидная. Я бы, наверное, не сдержался так, если бы мне плюнули в лицо. Хорошо, идите отдыхать, завтра вы мне нужны свежим, будет много работы. Сегодня прилетает начальник штаба с совещания из Берлина, так что вскоре, думаю, начнем выдвигаться на Восточный фронт.

Это известие бросило в пот Серьговского. Вот оно, ради чего он сюда прибыл, и потому священником придется пожертвовать. Разум делал последние отчаянные попытки убедить Серьговского не слушаться сердца. Серьговский вышел из бара, вновь раздираемый сомнениями. До начала сумерек у него был почти час времени. Он зашел к себе домой.

Хозяйка дома, пани Залковская, предложила ему чашечку кофе. Он в знак согласия кивнул головой и молча сел в кресло. Когда она принесла ему кофе, Серьговский вдруг обратился к ней с вопросом:

– Я вижу, пани Катрин, вы человек религиозный. Ответьте мне на вопрос, допустимо ли с христианской точки зрения замучить пытками одного человека, чтобы через это спасти многих?

– Как это? – не поняла вопроса женщина.

– Идет война, – начал он свое объяснение, – в плен попадает вражеский солдат. Он знает военные секреты, благодаря которым бой можно провести более успешно и тем самым сохранить жизни сотням людей. Но этот человек не хочет рассказывать эти секреты. Можно ли его с христианской точки зрения пытаться, чтобы спасти жизни сотням своих солдат?

– Я поняла вопрос, – сказала пани Залковская и замолчала, обдумывая ответ. – Думаю, – начала она, – что пытаться и убивать беззащитного человека нельзя, даже ради спасения тысяч людей, и вот почему. Пока он в бою идет на тебя с оружием, он враг твоего Отечества, и христианский, и воинский долг велит остановить его, тоже с помощью оружия. А значит, это уже не убийство. Но как только он попал к тебе в плен, он уже не может причинить вреда твоей стране, а значит, он не враг, а человек, находящийся всецело в твоей воле. Он, как и ты, создан по образу Божию. Ты обязан исполнить заповедь любви, даже к врагу, так учит Господь. Ты должен позаботиться о нем, вылечить и накормить его. Если он совершил преступления во время войны, тогда судить по закону, а не пытаться. Представьте себе, если бы ученый врач мучил людей, ставя на них жестокие опыты, и в результате этого достиг бы очень хороших результатов. Эти результаты бесчеловечных экспериментов на людях позволили бы потом спасти жизнь тысяч больных. Спрашивается, можно ли ради этого оправдать палача в белом халате? Простите, что так долго и путано объясняла, но вопрос очень сложный.

– Спасибо, пани Катрин, вы очень хорошо все объяснили. Я пойду, у меня еще есть дела.

– Помогите вам Бог в ваших делах, я уверена, что вы пойдете делать доброе дело.

XI

После беседы с хозяйкой дома у Серьговского наступила спокойная уверенность в том, что он выбрал правильный путь. Больше нельзя было терять ни минуты. Он решительно направился в сторону тюрьмы. Дежурному начальнику тюрьмы он сунул под нос бумагу:

– Распорядитесь немедленно привести ко мне арестованного священника и выделите для его перевозки автомобиль. Его необходимо свозить для опознания убитого русского шпиона. Через два часа он будет доставлен назад в тюрьму.

Изучив бумагу, дежурный начальник тюрьмы все же возразил:

– Но я не могу выдать вам его без личного распоряжения господина Кюхельмана.

– Это и есть личное распоряжение Кюхельмана, разве вы не видите бумагу?

– Но почему тогда он мне не позвонил? – не сдавался дежурный.

– Потому что плохо работала телефонная связь, а теперь господин Кюхельман выехал встречать начальника штаба, которому сегодня же надо доложить о результатах нашей работы. Если мы не выполним приказа, то будет плохо нам всем, а в первую очередь вам. Поезжайте тогда со мной вместе, если не доверяете документу.

– Да я доверяю, – смутился дежурный, – просто порядок есть порядок. Хорошо, я позвоню начальнику тюрьмы, и если он разрешит, то пожалуйста.

– Звоните кому хотите, только побыстрее, время не терпит, – сказал раздраженно Серьговский, а в душе у него все сжалось в стальную пружину. В голове стали прокручиваться всевозможные варианты действий в случае отказа начальника тюрьмы.

Начальник тюрьмы, к счастью, оказался в прекрасном расположении духа, так как обыграл в преферанс Кюхельмана. На радостях он изрядно выпил. Вспомнив, что сегодня он уже видел, как Серьговский приезжал в тюрьму допрашивать священника, а потом видел его в баре о чем-то беседующим с Кюхельманом, он даже не стал напрягаться, чтобы поразмыслить, надо ли выдавать задержанного священника без личного звонка Кюхельмана, а закричал в трубку:

– Вы что там, совсем разучились самостоятельно думать? Пусть расписывается и забирает попа, больше мне по таким пустякам не звоните!

Дежурный по тюрьме тут же велел привести священника и спросил:

– Вам в сопровождение дать двух конвойных или хватит одного?

– Я что же, с одним священником не справлюсь? Давайте мне только водителя и машину.

Отца Пахомия вывели со связанными руками. К дверям тюрьмы подогнали грузовую машину. Серьговский распорядился гнать в сторону аэропорта. Сам со священником сел в кузов. Когда проехали два квартала от тюрьмы, Серьговский постучал по кабине водителя и попросил остановиться.

– Помогите мне снять с машины задержанного, – прокричал он водителю.

Водитель вышел из кабины и пошел открывать задний борт машины.

Но только он подошел, как Серьговский ударил его по голове рукояткой пистолета и, уже обмякшего, быстро связал по рукам и ногам. Затем, сунув в рот кляп, отволок за дорогу в кусты. Перерезав веревки на руках священника, он попросил его пересест в кабину. Сам сел за руль и погнал машину.

– Вы куда? – спросил отец Пахомий.

– До леса, а там к партизанам будем пробираться. Жаль, Коли с нами нет, он-то дорогу хорошо знает.

– Я знаю, где Коля, сворачивайте сейчас налево, тут совсем рядом.

Серьговский послушно повернул. Но когда уже должен был переезжать дорогу, ведущую в аэропорт, то увидел несущийся по ней автомобиль начальника штаба в сопровождении двух мотоциклов. Разум сработал мгновенно, он прибавил газу и, выскочив из переулка, протаранил впереди идущий мотоцикл. Легковая машина едва успела уйти от удара, резко свернув вправо, но водитель заднего мотоцикла не справился с управлением и, перевернувшись, полетел в кювет. С переднего сиденья легкового автомобиля выскочил офицер сопровождения с пистолетом в руке. Но Серьговский опередил его. В прыжке из своей кабины он успел выпустить в него две пули.

Водитель автомобиля попытался завести машину, но в это время, привлеченный выстрелами, выбежал из дома Коля и, в два прыжка подскочив к машине, рванул дверцу и выволок водителя. Тот было хотел схватиться за пистолет, но юноша нанес ему мощный удар в челюсть. Немец полетел и, стукнувшись головой об автомобиль, затих. Серьговский подскочил к задней дверце. Распахнув ее, он увидел на заднем сиденье начальника штаба, сидевшего в каком-то оцепенении, с зажатым в руках портфелем. Нападение было столь молниеносно, что он даже не успел сообразить, что ему делать. Увидев Серьговского, он облегченно вздохнул:

– Капитан Биргер, доложите, все ли бандиты уничтожены.

– Все, кроме вас, – с усмешкой сказал Серьговский.

– Как прикажете это понимать?! – вскричал в гневе полковник.

– А так и понимайте, что вы взяты в плен, и я гарантирую вам жизнь, если вы не будете сопротивляться.

– Так вы предатель?! – воскликнул полковник.

– Я не предавал своей Родины, просто они у нас с вами разные. Вы на мою напали, и я защищаюсь.

И уже по-русски крикнул:

– Все в машину!

Коля сел за руль, рядом с ним Серьговский, а отца Пахомия посадили с полковником. При этом Серьговский забрал у начальника штаба портфель и пистолет. Сидел к нему вполборота, предупредив, что, если тот шелохнется, он его тут же пристрелит. При выезде из города на КПП были удивлены, увидев снова машину начальника штаба, но уже без сопровождения. Коля сидел впереди за рулем в немецкой форме. Как только подъехали к шлагбауму, Серьговский закричал:

– Что вы копаетесь, открывайте быстрее, прилетел лично господин Геббельс, мы можем опоздать к его встрече.

Полковнику он велел лишь махнуть в окно рукой. Перепуганные таким громким именем, охранники КПП бросились открывать шлагбаум. Машина неслась по дороге, а Серьговский просто не мог поверить этому везению. У него в руках документы по дислоцированию резервной армии «Восток». Но можно ли назвать это везением? Наверняка уже поднята тревога и за ними начнется охота. Успеют ли они к партизанам? Коля говорил, что главное – добраться до Ганина болота, а там он знает проходы, немцы туда не сунутся, там одни топи. Вскоре они свернули на лесную дорогу. Но проехать по ней далеко не удалось. От весенней распутицы все дороги раскисли, и машина застряла.

XII

– Дальше придется идти пешком, – сказал с сожалением Коля. – Тут не так уж и далеко, километров пять будет.

– С этим жирным боровом мы далеко не уйдем, – кивнул в сторону полковника Серьговский, – придется его оставить.

– Может, в расход его? – предложил Коля.

– Я пленных не расстреливаю, – сказал Серьговский, – давайте только пойдем в противоположную сторону, чтобы, когда они его найдут, он указал им ложный след.

Полковника связали и оставили в автомобиле. Пройдя немного, свернули в противоположную сторону. При этом Коля стал рассыпать махорку, чтобы сбить со следа собак.

– Вряд ли это поможет, – с сомнением покачал головой Серьговский. – Они, скорее всего, задействуют огромную массу народа и пойдут по лесу цепью. Так что уйти от них удастся, только если вовремя доберемся до твоего болота.

Шли быстрым шагом. Отцу Пахомию после тюремных истязаний было тяжело, но виду старался не подавать, понимал, что надо спешить. Коля шел легко, несмотря на то что он нес два немецких автомата и несколько рожков с патронами. Сказывалась не только молодость, но и радостное возбуждение. Можно сказать, он был слегка опьянен своим успешным участием в боевой операции. Все время вспоминал, как он нокаутировал немецкого водителя.

– Я в школе боксом занимался, а теперь вот пригодились.

Как отец Пахомий ни старался поспевать за Серьговским и Колей, но вскоре стал все больше отставать. Так что иногда им приходилось поджидать его.

– Все, привал, – объявил Серьговский и первый присел на поваленное дерево.

Он вынул из портфеля документы и стал их рассматривать. Просмотрев несколько бумаг, он даже присвистнул:

– Ого, братцы! Цены нет этим документам. Надо их срочно в Москву.

– Вы вот что, Глеб Эдуардович, – сказал вдруг отец Пахомий, – давайте вы с Колей вперед идите, а я уж как-нибудь потихоньку, раз нам Бог в руки такие документы дал, значит, их надо побыстрее доставить. А то и сами со мной пропадете, и нашей армии помочь не сможем.

– Да что вы, батюшка, такое говорите, – заволновался Коля. – Ведь как здорово, что вы с нами идете. Будет у нас свой партизанский священник. Там многие мне завидуют, что я на службе Божией бываю и причащаюсь.

– Нет, Коля, батюшка прав, можем не успеть. – И Серьговский развернул карту. – Вот здесь начинаются Ганины топи, но со стороны деревни Вязни нас немцы могут успеть отрезать от болота. Так что давай, Коля, на тебя вся страна смотрит, бери документы и дуй во всю мочь. А я отца Пахомия бросить не могу, не для того спасал. Мы с ним выдвинемся вот к этому перелеску, и если увидим немцев, то постараемся задержать их. Так я говорю, батюшка?

– Так, да не так, – покачал головой отец Пахомий. – Зачем нам вдвоем погибать, когда вы можете спастись?

– Без вас мне уже нет спасения, – улыбнулся Серьговский.

– А может, все-таки вместе? – продолжал настаивать Коля.

– Отставить всякие разговоры и выполнять приказ, – сурово сказал Серьговский и уже мягче добавил: – Я ведь сюда ради этих документов прибыл, столько сил затрачено. Владислав погиб. Правильно батюшка говорит, нам Бог их послал, по-другому это и представить нельзя. Так что иди и выполняй Божие дело. Портфель весь брать не надо, а вот эти бумаги сунь себе за пазуху.

– Ну, раз так, то благословите меня, отец Пахомий, добраться до своих.

– Вручаю тебя в руки Господа и Его Пречистой Матери, сын мой. Иди с миром да вспоминай меня в своих молитвах.

Коля поцеловал у отца Пахомия руку, а тот, прижав его голову к своей груди, поцеловал в макушку. Затем Колю обнял Серьговский. Потом, взяв у него один автомат и рожки с патронами, хлопнул по плечу:

– Ну, беги, герой!

Тот пошел, сначала оглядываясь, а потом побежал и вскоре скрылся между деревьями. Серьговский сложил рожки с патронами в портфель, и они со священником пошли вслед за Колей.

– Когда вы Колю благословляли, – сказал Серьговский, – то мне тоже очень захотелось, чтобы вы меня благословили, но мне, наверное, нельзя, я ведь некрещеный.

– Благословить на доброе дело можно любого человека, – ответил отец Пахомий, – но почему вы некрещеный?

– Родился в Германии, в семье профессиональных революционеров, идейных безбожников. О крещении в нашей семье и вопрос не стоял.

– А хотите сейчас креститься?

– Да что вы, батюшка, смеетесь, поздно уже мне об этом думать.

– Нет, дорогой Глеб Эдуардович, креститься никогда не поздно. Господь одинаково приемлет пришедшего и в первый, и в одиннадцатый час.

– А что для этого нужно? – заинтересованно спросил Серьговский.

– Самое главное, что нужно для крещения, это вера.

– Да кто же не верит в существование Бога! Мне кажется, что даже самые ярые безбожники в Бога веруют, потому-то с Ним и борются.

– Правильно мыслите, Глеб Эдуардович, – засмеялся отец Пахомий, – ибо в Писании сказано, что бесы веруют и трепещут, а злые дела все же творят. Для крещения одной веры в существование Бога недостаточно. Нужна вера не в Бога, а вера Богу. Эта вера – есть доверие Ему. Вера в то, что сказанное Им есть Истина. А Он сказал: «Кто верует в Меня и крестится, тот спасен будет, а кто не верует, осужден будет».

Какое-то время они шли молча, думая каждый о своем. Справа раздался лай немецких овчарок.

– Ну вот, кажется, конец нашему путешествию. Побежали, батюшка, вон к той ложбинке, она будет для нас окопом.

Прямо возле березки была круглая яма, по всей видимости воронка от бомбы. В нее и залегли беглецы. Серьговский разложил около себя рожки от автомата и несколько лимонок. Потом повернулся к отцу Пахомию.

– Знаете, батюшка, о чем я сейчас думаю. Приблизилась та черта, возле которой лгать нельзя ни себе, ни людям. Я долго жил за границей, много читал наших замечательных русских философов: Бердяева, Булгакова, Франка и других. Умом я все уже стал понимать, а вот веры, о которой вы сейчас говорили, у меня не было. А теперь есть. Ведь я вам поверил и доверяю всем сердцем. А вы верите, то есть доверяете Богу. А раз я вам доверяю, значит, через вас и Богу. Вот так у меня получается. Я искренне раскаиваюсь за все зло, которое совершил в своей жизни, и прошу у Бога и вас прощения. Если это возможно, то хотел бы креститься. Но решать это вам, батюшка.

– Дорогой мой человек, Глеб Эдуардович, прости и ты меня, ради Христа. За то, что там, на Лубянке не разглядел в тебе образа Божия, а считал сыном погибели. Заменял суд Божий своим человеческим, греховным судом. Забыл, что Господь пришел на землю не судить, а спасти человека. Конечно, я тебя крещу, ибо вижу сердцем, что Бог тебя принимает как любящий Отец. Могу ли я, грешный, отвергать то, что Бог принимает.

– Жалко крестного отца у меня не будет, – печально сказал Серьговский.

– Принимающим крещение в сознательном возрасте не обязательно иметь крестных, – успокоил его отец Пахомий.

– А я, батюшка, поверите ли, всю жизнь мечтал о крестном отце. В моем детстве родители практически не уделяли мне внимания, так как свою жизнь полностью посвятили идее мировой революции. У меня был друг, мой одноклассник, и к нему каждое воскресенье приходил крестный отец. Он брал его за руку и уводил гулять. Иногда они брали меня с собой. Мне было очень завидно и обидно до слез, что у меня нет крестного отца.

Отец Пахомий улыбнулся.

– Хорошо, если вы согласны, я буду вашим крестным отцом, – подытожил разговор отец Пахомий и стал произносить молитвы.

Затем троекратно спросил Серьговского, отрекается ли он от сатаны, тот трижды отрекся. Потом он предложил ему дунуть и плюнуть на сатану, отвернувшись на запад. Это Серьговский сделал с большим удовольствием, так как именно там была ненавистная ему фашистская Германия. Когда подошел момент самого крещения, то отец Пахомий стал растерянно оглядываться кругом, так как вспомнил, что у них нет воды. Увидев в небольшой ложбинке немного оставшегося талого снега, обрадовался. Взяв двумя руками пригоршню снега, он встал над стоящим на коленях Серьговским.

– Крещается раб Божий Глеб, во имя Отца, аминь. – При этих словах он сжал ладони и по лицу Серьговского потекли прохладные струи.

Когда отец Пахомий в третий, последний раз выжимал на него воду, то вместе со словом «аминь» грянул выстрел, и по лицу Серьговского потекли уже не холодные, а горячие струи, с соленым привкусом. Он подхватил падающего отца Пахомия. Положив его осторожно на землю, он бережно приподнял ему голову и подложил под нее свой китель.

– Крестный, дорогой, ты только не уходи без меня. Погоди немного, я Коле нашему помогу до своих добраться. А потом ты возьмешь меня за руку и мы с тобой пойдем. Ведь тот мир, я уверен, намного лучше этого. Но я плоховато разбираюсь в нем и могу там один потеряться. А с тобой, моим крестным, мне будет спокойней.

Отец Пахомий, открыв глаза, вымолвил:

– Не переживай, крестник, я подожду.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался Серьговский.

Он взял автомат и стал вести по цепи немцев прицельный огонь. Те залегли, постепенно сужая кольцо перебежками. Вскоре закончились все патроны. Он привстал, чтобы бросить гранату. Толчок в грудь опрокинул его на землю. Собрав последние силы, он подполз и лег рядом с отцом Пахомием, коснувшись его руки. Батюшкина рука дрогнула, а затем слабо, но все же сжала руку крестника.

– Крестный, я ведь с вами еще о многом хочу поговорить.

– Еще успеем, крестник, наговориться, ведь впереди у нас вечность.

Над ними склонились немецкие автоматчики. Затем они расступились, пропуская вперед начальника контрразведки. Истекающий кровью Серьговский смотрел на Кюхельмана, и в глазах его тот не увидел ни страха, ни мольбы о пощаде, никакого смятения. В них была просто задумчивая глубина. На его груди лежал портфель начальника штаба, и это обстоятельство больше всего обрадовало Кюхельмана.

– Ну что, господин Биргер, или как вас там еще назвать, вы, как это говорят русские, чуть было меня не переиграли.

И он, нагнувшись, взял портфель.

– Почему же «чуть было»? – улыбнулся Глеб и разжал правую руку, лежавшую до этого под портфелем. Из нее выкатилась граната с сорванной чекой.

Март 2005. Самара

По щучьему велению

*Посвящается моей маме Любови Николаевне и ее братьям
Вячеславу Николаевичу и Николаю Николаевичу Чащиным*

Соколова Анна Аркадьевна, еще молодая женщина, сидела на кухне и штопала уже не раз штопанные детские носки. Отложив носок, поглядела на настенные ходики, было уже половина первого ночи. Тяжко вздохнув, пошла к детям в комнату. Свет в комнате включать не стала, чтобы не разбудить младшего семилетнего Диму, а просто оставила неприкрытой дверь на кухню. Дима, свернувшись калачиком, мирно посапывал во сне. Девятилетняя Варвара спала, разметавшись в постели. Видно было, что сон ее беспокойный. Она стонала и несколько раз вскрикнула. Анна осторожно потрясла ее за плечо.

– Просыпайся, доченька, пора.

Варя, открыв глаза, какое-то время смотрела бессмысленным взглядом на мать.

– Давай вставай, вставай, моя милая, – как можно ласковей сказала Анна, поглаживая руку дочери.

Варя вдруг бросилась к матери на шею и заплакала. Анна, прижав дочь к груди, успокаивала ее.

– Не плачь, доченька, не надо. Опять тебе, наверное, сон нехороший приснился? Не бойся, родная, я с тобой.

Варя притихла и, не отпуская своих рук с маминой шеи, зашептала ей на ухо:

– Мамочка, мне опять приснилась Танина голова. Она со мною разговаривала. Мне стало страшно.

– Ничего, доченька, все пройдет. Все забудется, – успокаивала Анна дочь, понимая, что такое навряд ли когда забудется.

Это случилось, когда они в сорок первом эвакуировались из Москвы в Самару. Ехали поездом, очень медленно, пропуская все составы, спешащие на фронт. В их вагон попали сразу три семьи из одного дома. Дочери соседок, Варины сверстницы, играли все время вместе, потому и дорога им не казалась скучной. Как-то поезд надолго остановился в поле. Проводница нагрела воды и предложила родителям помыть своих детей. Подружек поставили в круг и намывали всех сразу. Они веселились, повизгивая и подзадоривая одна другую. Потом их вымыли, вытерли насухо, переодели в свежее белье и, расчесав волосы, вплели им в косы атласные ленты. Тут-то и налетели фашистские бомбардировщики. Началась жуткая паника. Все повыскакивали из вагонов и побежали в поле. Анна, схватив младшего Диму на руки, успела крикнуть старшим – Васе и Варе, чтобы бежали вслед за ней и держались все вместе, рядом. Земля сотрясалась от взрывов. Люди металась как обезумевшие. Отбежав от поезда, Анна приказала детям лечь на землю, а сама распростерлась над ними, пытаясь укрыть собою всех троих. Но старший Василий вырывался из-под нее и все время пытался, наоборот, прикрыть собою мать.

Когда закончилась бомбардировка, подруга Анны Светлана подбежала к ней вся в слезах:

– Аня, дети, вы не видели моей Танечки?

Анна с детьми отправились на поиски. Вдруг Варя, подойдя к развороченному взрывом вагону, закричала:

– Мама, мамочка, иди сюда! Посмотри, что это?

Когда Анна подбежала к дочери, та стояла в каком-то оцепенении и показывала пальцем на окровавленную голову. Судя по голубым лентам, вплетенным в косички, – Танюшкину. Подбежала Светлана и отчаянно заголосила, можно даже сказать, завывала раненым зверем и рухнула тут же без чувств на землю.

Анна вывела Варю на кухню и подвела к раковине.

– Давай, доченька, умывайся и смени Васю, ведь ему утром на работу.

Варя умылась, оделась и, поцеловав маму, вышла из дома. Анна незаметно перекрестила уходящую дочь. Идти было недалеко. Хлебный магазин находился через два квартала от их дома. Подходя к магазину, она еще издали увидела длинную очередь. Занимать ее надо было с вечера и стоять всю ночь, иначе хлебные карточки не отоваришь. Своего старшего брата Васю нашла без труда. Он играл в орлянку с тремя беспризорниками. Увидев Варю, он подбежал к ней и подвел ее к очереди, показав, где стоит. Потом передал ей хлебные карточки и пошел домой.

Варя, позевывая, заняла свое место в очереди и от нечего делать стала строить планы о том, какой они концерт подготовят для раненых солдат в госпитале. С девчонками из ее класса они по заданию пионерской дружины ходили в госпиталь навещать раненых. Делали что могли: убирали в палатах, помогали умываться раненым, писали за них письма домой, читали им книжки. Варя вспомнила, как она недавно читала рассказ Тургенева «Муму» одному раненому солдату, которого звали дядя Саша. Солдат этот очень заинтересовался сюжетом рассказа и слушал с напряженным вниманием. А когда она читала, как Герасим топил собачку, солдат не выдержал и заплакал. Об этом случае она рассказала дома. Вася стал смеяться над этим солдатом.

– И что это за солдат, раз нюни распустил. Разве такой сможет с фашистами воевать? Такого солдата можно только поставить кашу раздавать. А если, например, к фашистам в тыл идти, знаешь какие разведчики храбрые люди. Я вот скоро на фронт сбегу и там обязательно к разведчикам попрошусь.

Мальчишки, наигравшись, пошли вдоль очереди, толкая друг друга. Когда они проходили мимо Вари, тот, что постарше, толкнул младшего на нее. Мальчишка, чтобы не свалиться, схватился за Варю.

– Вот дурак, иди отсюда, – возмутилась она, отталкивая его от себя.

Тот, засмеявшись, показал ей язык и убежал.

Рано утром все же хлеб привезли. Когда подошла очередь Вари, она сунула руку в карман, чтобы достать оттуда карточки, но ничего там не обнаружила. Сердце у нее похолодело от страха.

– Что ты там копаешься? – сердито спросила продавец. – Надо карточки готовить заранее, ты здесь не одна.

– У меня они куда-то делись, – чуть не плача, призналась Варя.

– Дома небось забыла, а здесь ищешь. Отойди, не мешай людям. Товарищи, подходите, кто следующий.

Варя отошла от прилавка и пошла вдоль очереди, надеясь, что она обронила карточки, а сейчас может их найти. Пройдя два раза всю очередь, она ничего не нашла. Понуриив голову и молча глотая горькие слезы, она пошла домой. Когда Варя пришла с пустыми руками, мать в тревоге спросила:

– Что, дочка, опять хлеб не привезли?

– Я карточки потеряла, – всхлипнула Варя.

– Да что же ты наделала? – всплеснула горестно мать руками. – Чем же я вас кормить-то буду? – уже сквозь слезы проговорила она и ушла в комнату.

Вася подбежал к сестре и замахнулся на нее рукой.

– Вот сейчас как тресну тебя, будешь в следующий раз знать, как терять карточки!

Тут же подскочил Димка и встал между братом и сестрой. Сжав свои кулачки, он прокричал:

– Не тронь сестренку, а то сам получишь!

– От тебя, что ли, мелюзга сопливая? – удивился Вася, но от Вари отошел.

– Слушай, Варька, – через некоторое время спросил он, – а к тебе подходили те пацаны, с которыми я играл?

– Да, – опять заплакала Варя, – они на меня одного мальчишку толкнули.

– Теперь мне все ясно, – мрачно сказал Вася, – не плачь, это они тебя обворовали. Ну, попадитесь мне только, шантрапа подзаборная, я вам покажу! – сказал он, сжимая кулаки.

Из комнаты вышла с покрасневшими глазами Анна.

– Иди, Вася, а то на работу опоздаешь, – сказала она, подавая ему небольшой кусок жмыха. – На вот, пожуй малость, придешь с работы, что-нибудь сообразим.

Вернувшись в свою комнату, Анна подошла к комоду и, выдвинув средний ящик, достала оттуда шерстяную вязаную кофту. Кофта была ажурной вязки, нежного дымчато-голубого цвета. Анна, разложив ее на комод, разглаживала кофту руками и любовалась ею. Кофта, без сомнения, была ей к лицу, но она еще ни разу ее не надевала, берегла. Это был подарок мужа перед его уходом на фронт. Тяжело вздохнув, она свернула кофту, завернула ее в платок и сунула в авоську.

– Дети, – сказала она, выходя из комнаты, – я пойду на базар, раздобыть каких-нибудь продуктов, так что вы далеко не уходите, после обеда я вернусь.

Когда мать ушла, Дима заговорщицки сказал Варя:

– Давай пойдем на рыбалку. Пока мама ходит, мы с тобой рыбы наловим и всех накормим.

– Много мы с тобой в прошлый раз наловили? Три малька, даже кошке не хватит поесть.

– В этот раз пойдем на крупную рыбу, – заверил ее Дима. – У меня вся снасть есть. Вот крючок из гвоздя согнут. И грузило есть. Но самое главное – блесна, без нее никак. Я пятак два дня песком чистил, пока как золотой не заблестел. Вчера попросил дядю Петю, который ходит ножи точит, он мне пятак согнул пополам и дырочку в нем просверлил. Блесна как настоящая получилась.

– Ну что ж, пойдем, – согласилась Варя, – делать-то все равно нечего.

Придя на Волгу, дети попеременно стали забрасывать закидушку. Прошел час, но ничего не ловилось.

– Давай возвращаться, – предложила Варя, – мама скоро придет, наверное, чего-нибудь кушать принесет. Мне есть очень хочется, а тебе?

– Еще бы, в животе одна вода булькает, и кишка кишке марш играет. Давай еще пару раз закинем и пойдем.

Когда после второго раза дети стали сматывать закидушку, то сразу почувствовали, как натянулась леска.

– Может, за что зацепилась? – предположила Варя.

– За что она может зацепиться? – усомнился Дима.

– Например, за какую-нибудь корягу.

– Нет, – уверенно сказал Дима, – здесь Васька с ребятами нырял, все дно проверили, чисто.

Дети продолжали вытягивать закидушку, пока на воде не заплескалось что-то большое.

– Ух ты, здоровущая, как бы не упустить, – озадачился Дима.

– Только бы не упустить, только бы не упустить, – запричитала Варя.

– Тише ты, Варька, не пугай ее заранее.

Когда уже дети вытащили щуку на берег, она вдруг сорвалась с крючка и, закувыркавшись, устремилась к воде.

– Уйдет, уйдет! – завопил Дима и бросился на щуку животом. Но та выскользнула из-под него.

Варя попыталась схватить ее руками, но скользкая рыба никак не давалась. Тогда она скинула с себя платье и набросила его сверху на щуку. Оттащив рыбину подальше от воды,

счастливые дети присели рядом на песок отдохнуть после такой изнурительной борьбы. Щука продолжала трепыхаться и под платьем.

– Ишь какая, – сказал довольный Димка, – жить небось хочет.

– А ты не хочешь? – съязвила Варя.

– Я есть хочу. А щука, говорят, очень вкусная рыба. Если бы она жить хотела, то сама бы об этом сказала. Как в той сказке про Иванушку-дурака, и любое желание исполнила бы. Вот ты, Варька, чего бы пожелала?

– Я бы пожелала... – сказала, растягивая слова, Варя, осознав, что не знает, чего бы пожелать в первую очередь. – Я бы пожелала... – еще раз повторила она и вдруг обрадованно воскликнула: – Я бы пожелала большой кусок хлеба, политый растительным маслом и посыпанный солью, это очень вкусно. А ты бы чего пожелал?

– Я бы пожелал, – не задумываясь сказал Дима, – полный кулек конфет подушечек, они такие вкусные и сладкие, у них внутри повидло.

Варя прекрасно помнила эти конфеты, о которых говорил ее братишка. Перед самым уходом на войну папа принес им большой кулек этих конфет. От них руки становились липкими, но все равно подушечки были очень вкусные. Вся семья была в сборе. Они пили чай с испеченными мамой ватрушками и принесенными папой конфетами. Папа сидел уже в военной форме и много шутил. Мама улыбалась, но Варя замечала, как она нет-нет да и смахивала украдкой слезинки с глаз. Папа попрощался и ушел на фронт. Мама пошла его провожать, а вернувшись, заперлась в своей комнате и долго оттуда не выходила. Вот уже почти три года они папу не видели. Он – военный врач, лечит на войне раненых солдат.

– Ты знаешь, – сказала вдруг Варя, – мне не нужны ни хлеб с маслом, ни конфеты, я попросила бы по шучьему велению, по моему хотению, чтобы приехал с фронта папа. Я по нему очень соскучилась.

– Я тоже, – сказал Дима и, вздохнув, добавил: – Теперь эту щуку надо отпустить, а то она наше желание не исполнит. Хотя наверняка она очень вкусная.

– Все равно у нас нет масла, так что не на чем ее жарить, – при этих словах Варя подхватила платье со щукой и побежала к воде.

Положенная в воду щука некоторое время стояла без движения, как будто бы раздумывая, стоит ей сразу уплыть или поблагодарить детей человеческим голосом. Потом она махнула хвостом, как бы прощаясь с детьми, и исчезла в толще воды.

В свои тринадцать лет Вася уже работал на заводе токарем. Хлебная карточка у него была как у работающего взрослого – пятьсот граммов. Это на двести граммов больше, чем детская. Вася этим очень гордился. Сейчас он шел на работу расстроенным, не столько потому что остался голодным, сколько переживал, что мама расстраивается. Да и оставшихся голодными сестренку с братиком ему тоже было жаль. Проходя сокращенным путем через дворы, он вдруг увидел тех самых беспризорников. Они сидели кружком у забора и уминали за обе щеки хлеб, без всякого зазрения совести. Негодование охватило все Васино существо. Несмотря на то что их было трое, Вася, пылая праведным гневом, решительно направился к ним. Беспризорники с беспокойством посматривали в его сторону, но бежать втроем от одного посчитали для себя заторным. Когда Вася подошел, все встали.

– Тебе чего надо? – с наглой ухмылкой сказал старший из них, примерно ровесник Васи.

– А вот чего, – при этих словах Вася с размаху ударил его по носу.

– Ты чего, ненормальный? – заорал подросток, схватившись рукой за нос, из которого сразу же потекла кровь.

Вид крови решил судьбу всей битвы. Беспризорники бросились врассыпную. Самый маленький из них, лет семи, убегая, оглянулся, чтобы показать Васе язык, это его и подвело. Споткнувшись, он упал на землю, выронив при этом горбушку хлеба. Вася, подскочив к нему, схватил его за шиворот и, встряхнув хорошенько, поднял с земли.

– Ну что, хорошо хлеб ворованный жрать? Я тебя спрашиваю! – закричал он, еще раз хорошенько тряхнув мальчишку.

Тот, заморгав испуганно глазами, неожиданно громко разревелся.

– У меня папку фашисты убили, – сквозь всхлипы, размазывая кулаком сопли по лицу, говорил он. – У меня мамку тоже фашисты убили и братишку фашисты убили. В детдоме меня больно били. Я убег. Три дня ничего не ел. Я только один раз от хлеба откусить успел. Я больше не буду, не бей меня.

Вася отпустил его, поднял с земли хлеб и, отряхнув с него земляные крошки, подал пареньку:

– На, ешь.

Тот недоверчиво посмотрел на Васю.

– Да ешь ты, бить не буду. Тебя как зовут?

– Андрейка, – сказал вмиг повеселевший пацаненок и сразу же вгрызся зубами в хлебную корку.

– Ладно, Андрейка, я пойду, а своим передай, лучше пусть мне на глаза не показываются.

– Они мне не свои, я сам по себе, – солидно сказал Андрейка.

– А ночуешь ты где?

– Вон в том колодце, – махнул рукой Андрейка, – сейчас везде тепло.

Придя в цех, Вася прошел к своему станку и пододвинул к нему ящик. Стоя на этом ящике, он работал, так как не доставал еще до станка. К нему подошел мастер цеха Прохор Потапович.

– Что-то ты сегодня припоздал, на целых три минуты. Смотри, Вася, по законам военного времени с тебя за опоздание как со взрослого спросят. Помни, пять минут опоздания – и загремишь под фанфары. Слушай свое задание: за смену надо изготовить десять таких заготовок. Зараз глубину резца больше полтора миллиметра не ставь. Да почаще штангенциркуль прикладывай.

Вася встал на ящик, надел защитные очки и, укрепив болванку, включил станок. Руки делали свое привычное дело, а мысли нет-нет да и возвращались к сегодняшней встрече с Андрейкой. Он задавал себе вопрос: а что было бы, если бы у него убили фашисты родителей, и он, такой же маленький и беззащитный, остался бы совершенно один на всем белом свете. Он вспомнил плачущего мальчика, и сердце его исполнилось жалостью. Норму он выполнил за полчаса до окончания смены и в ожидании прихода мастера присел на ящик. Когда Прохор Потапович подошел к Васе, чтобы принять его работу, тот, сидя на ящике, спал. Мастер промерил сделанные им заготовки и остался доволен. Растолкав Васю, сказал:

– Молодец, сынок, хорошо поработал. Иди домой, там спать-то помягче будет.

Анна, придя с рынка, никого из детей не застала. Кофточку удалось выменять на два килограмма картошки, полтора килограмма ржаной муки и бутылку подсолнечного масла. Сердце радостно забило, когда она увидела в почтовом ящике письмо от мужа. Зайдя в дом, не разуваясь, тут же присела у кухонного стола и дрожащими от волнения руками стала распечатывать конверт.

«Милая моя Анечка и дорогие мои детишки: Вася, Варя и Дима!

Простите, что так долго не писал вам писем. У меня просто на них не было сил. Опирую почти круглые сутки. Как только выдается свободная минутка, сразу проваливаюсь в глубокий сон, без всяких сновидений.

Сейчас меня прикомандировали к санитарному поезду. Мы забираем с фронта раненых и развозим их по госпиталям. Но и теперь нет ни одной свободной минуты, так как и здесь операция за операцией. Часто делаем операции прямо во время движения поезда. А иначе многих раненых до госпиталя не довезти. В этот раз наш поезд направился далеко в Сибирь, так как в других городах, находящихся ближе к фронту, госпитали переполнены.

Доехали до Красноярска. Пока столько дней находились в пути, у многих больных раны загноились. Гнойные раны – это бич хирурга. Но, к счастью, в Красноярске оказался блестящий знаток гнойной хирургии профессор Войно-Ясенецкий. Ты, Аня, не поверишь, этот знаменитый профессор является еще и епископом Красноярска. Для меня, воспитанного на постулате «религия – враг науки», это было просто потрясением. Владыка Лука (такое монашеское имя профессора), встречает каждый санитарный поезд и отбирает самых тяжелых больных. Затем лично делает им операции. Представляешь, Аня, у него выживают даже самые безнадежные больные. Это уже чудо само по себе. Я, конечно, напросился ассистировать ему во время операции. А потом мы вместе с ним пили чай и долго беседовали. В воскресенье он пригласил меня к себе в церковь, на службу. Я стоял в храме и думал: зачем нас лишили всего этого? Кому мешала вера, способная творить чудеса? Прости, что я так много пишу тебе об этом, но я нахожусь сейчас под таким большим впечатлением от личности владыки Луки, что о другом писать просто не могу. Если Бог даст, война закончится и мы будем живы и здоровы, то обязательно поедем с тобой венчаться к владыке Луке. Еще у меня к тебе большая просьба: окрести, пожалуйста, детей, я теперь сожалею, что не сделал этого раньше. В двадцатых числах этого месяца будем возвращаться назад на фронт и, возможно, проезжать через Самару. Жаль, у нас нет точного расписания. Очень хочется увидеться, хотя бы на вокзале.

Целую и крепко вас всех обнимаю, всегда ваш муж и отец. Алексей Соколов».

«Милый мой Леша, ты и не знаешь, что перед эвакуацией из Москвы, я зашла в церковь и окрестила детей. Может, потому-то и живы они остались во время бомбежки, что на них были надеты крестики».

Анна начала готовить обед. Она потеряла на терке картофель, смешала его с мукой и стала жарить драники. Вскоре пришли Варя с Димой. Дима с порога закричал:

– Мама, ты знаешь, какую мы огромную щуку поймали!

– Кормильцы вы мои, давайте вашу щуку, мойте руки и садитесь кушать.

– Щуки нет, – развел руками Дима, – мы ее отпустили, она оказалась волшебной.

– Лучше пусть бы она была не такая огромная, да не волшебная, – вздохнула мама.

Когда они уже сидели за столом, пришел с работы Вася, ведя за руку Андрейку.

– Вот он! – закричала Варя. – Это тот мальчишка, который у меня карточки украл! А ну отдавай сейчас же их назад!

Андрейка быстро спрятался за Васину спину.

– Тише, напугаешь пацана, надо было самой быть повнимательней, а то небось галок считала, а теперь ей кто-то виноват. У него и папу, и маму фашисты убили, а у тебя и папа, и мама есть, тем более он меньше тебя.

– Ну и что, что меньше, значит, ему воровать можно?

– Он больше не будет воровать, – заверил сестру Вася.

– Да, я больше не буду, – выглядывая с опаской из-за спины Васи, подтвердил его слова Андрейка.

– Так что же это за мальчик? – спросила мама.

Вася подошел к матери и зашептал ей что-то на ухо.

– Да куда же мы его возьмем? – отвечала шепотом мать. – Мне вас-то кормить нечем, его надо отдать в детский дом.

– Мамочка, ну пожалуйста. Он не может в детском доме, там его бьют. Я буду свою пайку с ним делить. Мамочка, неужели тебе не жалко его?

– Жалко, конечно, но на всех жалости моей не хватит.

– На всех не требуется, вот на Андрейку только.

– Ну, давай для начала вымоем его, а потом посмотрим, – сдалась мать.

– Ура! – закричал Вася, и все дети вслед за ним закричали «ура».

Андрейку искупали в корыте, одели в чистое белье, расчесали его непослушный вихор и усадили за стол.

Пока ели, мама прочитала письмо от папы. Когда прочитали письмо, Варя вдруг задумчиво сказала:

– Папа пишет, что поедут в двадцатых числах, а сегодня двадцать седьмое. Я вчера была в госпитале, там врач говорила, что сегодня должен прибыть санитарный поезд. Ой, – в испуге от своей догадки Варя вдруг закрыла ладошкой рот, – да ведь, наверное, папа сегодня приехал, а мы тут сидим.

Все в волнении вскочили из-за стола. Анна заметалась по дому, соображая, что ей надеть получше. Но потом махнув рукой, мол, пойду так, на ходу повязывая шелковую косынку, выбежала из дома. Дети ринулись за ней следом. На Самару уже спускались сумерки. Добежали до остановки трамвая.

– Вряд ли трамвай так поздно пойдет, – высказал свое предположение Вася.

– Господи, помоги нам, – шептала Анна, – Мать Божия, помоги.

По дороге ехала полуторка. Варя, выскочив на дорогу, замахала руками.

Автомобиль притормозил, и из кабины выглянул солдат, ехавший рядом с водителем.

– Варя, ты, что ли, это? – закричал он.

– Дядя Саша! – радостно вскрикнула Варя и подбежала к кабине. – Дядя Саша, мы на вокзал опаздываем, к папиному поезду, подвезите нас, пожалуйста.

– Сам Бог нас к тебе послал, Варя, мы ведь на вокзал тоже едем.

Он вышел из кабины, посадил туда Анну с двумя младшими детьми, а со старшими залез в кузов. Когда автомобиль тронулся, Вася с восхищением посмотрел на орден и медали, висевшие у солдата на груди, и спросил:

– А вы на фронт едете?

– Да, паренек, ты угадал. Вот малость подлечился после ранения – и опять к своим. Война-то еще не окончена.

– А вы на танке воюете?

– Нет, – засмеялся солдат, – я в разведроту, мы в тыл врага ходим языков добывать.

– Каких, вот таких? – высунула свой язык Варя.

– Варя, – укоризненно сказал брат, – разве можно взрослым язык показывать.

– Ничего, – засмеялся солдат, – сестренка у тебя хорошая. Ты ее береги. Давеча мне такую книжку хорошую читала, о том, как собачку утопили. Веришь ли, нет, на вой не столько крови навиделся, а тут не выдержал и заплакал. До того мне собачку жалко стало, а мужика этого, Герасима, еще жальче.

Вася стыдливо опустил голову, вспомнив, как он смеялся над этим солдатом.

На железнодорожном вокзале пошли искать санитарный поезд. Дежурный по перрону сказал, что санитарный поезд стоит на третьем пути и отправляется только через полчаса. Все с облегчением, радостно вздохнули и побежали на третий путь. У поезда Анна подошла к первому встречному санитару и спросила, где найти капитана Соколова. Тот указал вагон. Алексей стоял у вагона и разговаривал с каким-то военным. Увидев бегущих к нему детей, он растерянно и одновременно радостно развел руки и пошел к ним навстречу. Первым подлетел Дима, отец подхватил его на руки и высоко поднял над головой. Вася с Варей прижались к отцу с двух сторон. Сияющая от счастья Анна остановилась от мужа в двух шагах. Алексей, поцеловав Диму, медленно опустил его на землю и шагнул к жене, которая сразу же утонула в его крепких объятиях. Затем наступила очередь Васи и Вари. Андрейка стоял в сторонке, понурился головой, ковырял носком сандаляки перрон.

– Я ведь, Аня, попросил владыку Луку помолиться о том, чтобы мне с вами увидеться. Смотрю, вас все нет и нет, я решил уже договориться с комендантом вокзала передать вам гостинцы. А вы тут как тут.

– Папа, это все шука сделала, – сказал Дима.

– Какая шука? – не понял отец.

– Мы с Варей шуку сегодня волшебную поймали, вот по щучьему велению тебя и встретили. Правду же, Варя, я говорю?

Варя покраснела, так как ей не хотелось перед отцом выглядеть наивной простушкой, верящей в шуку, все-таки ей девять лет.

– Ну что же, – сказал отец, – по щучьему, так по щучьему. Вы почаще таких шуков ловите. А ты как у нас поживаешь? – потрепал он по голове старшего сына. – Ведь ты в семье сейчас первый помощник у мамы.

– Он у нас молодец, кормилец в семье, – поспешила похвалить сына Анна.

И тут же, нагнувшись к уху мужа, прошептала:

– Леша, видишь вон того мальчика, его Андрейка зовут. Он круглый сирота. Его сегодня Вася привел, просит у нас оставить. Как ты, согласен?

– А ты-то сама как, потянешь? Не тяжело тебе будет? – участливо спросил муж.

Дети, поняв, о ком идет совет родителей, замерли в ожидании вердикта.

– Тяжело, конечно, будет, но с Божьей помощью как-нибудь справлюсь.

– Ну, если с Божьей, то я не против, пусть будет еще один сын.

Затем он подошел к Андрейке и протянул ему руку:

– Давай с тобой знакомиться. Соколов Алексей Николаевич, капитан медицинской службы.

Андрейка приосанился и, пожимая руку, важно ответил:

– Андрейка Серьяжин, я сам по себе гуляю, где придется.

Алексей засмеялся и, подняв на руки парнишку, спросил:

– Ну что, Андрейка – сам по себе, хочешь, я твоим папой буду?

– Нет, – замотал головой Андрейка.

– Это почему же? – удивился Алексей, ставя паренька на перрон.

– А ручищи-то у тебя о-го-го какие. Небось как шваркнешь ремнем, мало-то не покажется.

– У нас папа никого ремнем не бьет, – заверила Андрейку Варя.

– Мама иногда только тапком может по заднице огреть, но это совсем не больно, – поспешил вставить уточнение Дима.

– Да и то когда вы доведете меня до белого каления, – оправдывалась мать.

– Ну, раз ремнем не бьют, тогда я согласен.

В это время санитар вынес из вагона солдатский вещевой мешок, чем-то набитый. Алексей надел мешок на Васины плечи.

– Тут я вам гостинцев скопил: сахар, сухари, тушенка, даже конфеты есть.

Какие конфеты, подушечки? – поинтересовался Дима.

– Да нет, лучше подушечек будут, это шоколадные, трофейные.

– Наверяд ли что есть вкуснее подушечек, – покачал с сомнением головой Дима.

Просвистел дежурный по перрону. Паровоз несколько раз громко чавкнул, выпустил пар, прогудел и стронул вагоны с места. Алексей быстро поцеловал всех детей, включая и Андрейку, и прильнул губами к жене. Затем догнал медленно отходивший вагон и запрыгнул на подножку. Дети побежали вслед за вагоном, махая руками. Андрейка, заливаясь смехом, бежал впереди всех, его пытался догнать Дима. Тут Анна, спохватившись, закричала:

– Дети, дети, быстрее расстегните воротники и – покажите отцу, что у вас есть на груди.

Андрейка не задумываясь залихватски рванул на себе ворот рубахи, так что посыпались пуговицы, и оглянулся назад, посмотрите, мол, я какой. Он увидел, как дети достали нательные крестики и показывают их отцу. Он с недоумением скосился на свою грудь и в растерянности остановился. Другие, обгоняя его, все еще бежали вслед за поездом.

Когда возвращались назад, то увидели на перроне одиноко стоящую фигурку Андрейки. Его худенькие плечи содрогались от рыданий.

– Что с тобой? Что случилось? – окружив Андрейку, спрашивали они.

– У меня... у меня... – повторял он, всхлипывая.

– Да что у тебя? – недоумевали дети.

– У меня нет крестика. – И Андрейка заплакал еще громче.

Все облегченно вздохнули.

– Хочешь, я тебе свой отдам, – с готовностью стал с себя снимать крестик Вася.

– погоди, сынок, – сказала ему мама, – этот крестик тебе дали при крещении. Андрейке мы купим новый крестик. Ты у нас как, крещеный? – обратилась она к Андрейке.

Тот поднял заплаканное лицо на Анну.

– Не знаю.

– Ну, тебе мама твоя чего-нибудь говорила, есть ли у тебя крестный?

Андрейка отрицательно замотал головой.

– Раз так, то мы с тобой завтра пойдем в Покровский собор и посоветуемся с бабушкой.

Он тебя окрестит и сразу повесит на шею такой же, как у детей, крестик.

– А кто у него будет крестным? – спросила Варя.

– Вася его привел, он пусть и будет крестным, – сказала мама. – Ты как, Вася, согласен?

Тот пожал плечами:

– Не знаю, а что должен делать крестный?

– Крестный должен воспитывать крестника, чтобы тот стал настоящим христианином.

– Да я сам не знаю, как быть настоящим христианином, – признался Вася.

– Мы все с вами мало что знаем, – улыбнулась мама, – так что будем учиться все вместе.

А Бог нам обязательно поможет.

Март 2005. Самара

Вика с Безымянки

Выйдя из дверей барака, Вика, опасливо оглянувшись по сторонам и убедившись, что во дворе никого нет, облегченно вздохнула. «Может, мне пойти на свою остановку, а не шлепать вкруголя?» – подумала она.

– Это ты куда в такую рань собралась? – услышала Вика голос соседки Екатерины Матвеевны, и сердце ее затрепетало, как у пойманного кошкой воробышка.

– Да так, погулять... – пролепетала девочка.

– Погулять? – удивленно протянула Екатерина Матвеевна, оценивая взглядом новое ситцевое платье в горошек, недавно сшитое Вике. – Да ты прямо как на бал вырядилась, только кто сейчас в шесть утра, да еще в воскресенье, твои наряды увидит? Разве петухи безымянские, они-то уж, поди, встали.

Довольная своей шуткой, она направилась к общественному туалету, волоча огромные калоши, надетые на босу ногу, похохатывая на ходу:

– Ну надо же, погулять. Мать ненормальная, и дочка в нее пошла. Вот семейка, недаром, видать, Виктор от них сбежал.

Вика вначале было перевела дух от испуга, но, расслышав последние слова тети Кати, чуть не расплакалась от обиды.

Виктор – это ее отец, которого она очень любила, да и сейчас любит не меньше, хотя он ушел к другой тете. Как было хорошо раньше! Жили они дружно, весело. В бараке у них – большая уютная комната. Здесь же, на Безымянке, она родилась в победном сорок пятом году, да еще 9 Мая. Папа назвал ее Викторией, что в переводе означает Победа. С дочерью у папы были особые отношения: она в нем души не чаяла, а он ее баловал, что несколько сердило маму, которая в делах воспитания была непримиримой к любым отступлениям от правил.

Дом мама содержала в строгом христианском благочестии. Неукоснительно соблюдались все посты и обычаи, усвоенные ею от своих родителей, крепкой крестьянской семьи из-под Пензы. Когда отец делал матери предложение, она поставила ему неременное условие, чтобы Бога чтить и законы Его блюсти. Папа не возражал, даже иногда сам с ними в церковь ходил. Под Пасху, раз в год, обязательно причащался.

Потом что-то в их семейных отношениях дало трещину. Мама объясняла Вике это тем, что лукавый восстал на семью, позавидовав христианскому житию. И естественно, говорила мама, ударил нечистый в самое слабое место – в отца. Стал его через начальство восхвалять как лучшего работника авиационного завода, передовика производства. Наградили отца грамотой и бесплатной путевкой в санаторий. Там, в санатории, искуситель рода человеческого подсунил папе женщину-соблазнительницу, сгубившую его душу.

Вика помнит день расставания с отцом. Он пришел пьяный, когда они читали вечерние молитвы перед сном. Зашел в комнату, дыхнув винным перегаром, и уселся на стул у стола, как был – в уличной одежде и обуви. Видя, что на него не реагируют, отец, громко хмыкнув, произнес с издевкой:

– Что, с Богом беседуете, а со мной разговаривать не желаете?

Мама, спокойно отложив молитвослов, решительно повернулась к отцу:

– А ты для храбрости поддал, чтобы признаться, что к этой блуднице ходишь? Так об этом уже весь сборочный цех знает, если не весь завод. Вот и иди к ней жить, а в мой дом нечего грязь носить! – и она указала на чемодан с его вещами.

Папа, вначале ступешавшись от этих слов, взялся было за ручку чемодана, но вдруг, бросив его, закричал:

– А мне надоело, каждый день только и слышишь: «Господи, помилуй, Господи, помилуй...» Устроили тут богадельню, понимаешь ли. Человек сам своей судьбы хозяин! Человек, между прочим, звучит гордо!

– Напился, несешь разную чушь, – перебила его мама. – На митингах своих это будешь говорить, а сейчас – скатертью дорога к своей потаскухе.

– Не смей так говорить об этой женщине! – закричал яростно отец и кинулся на мать с кулаками.

Тут Вика решительно встала между мамой и отцом. Наткнувшись на взгляд дочери, он застыл на месте, увидев в нем одновременно и страх, и горький упрек. Опустив кулаки, отец, как бы оправдываясь перед ней, пробормотал:

– А чего она так людей оскорбляет, никакая она не потаскуха, обыкновенная женщина.

– А как же ее назвать, если она чужих мужей уводит?! – в сердцах выкрикнула мама.

– Я сам уйду, – как-то обреченно сказал отец и, взяв чемодан, направился к двери. Уже в дверях он обернулся: – Прости, доченька, своего папу.

Вика дернулась было к отцу, но мать решительно удержала ее за плечо. Как только дверь захлопнулась, мать упала на кровать и зарыдала. Она проплакала всю ночь, а утром после прочтения молитв сказала:

– Все, доченька, теперь знай: папа погиб. У тебя нет отца, а у меня нет мужа, но Бог милостивый, проживем одни. О нем надо забыть.

Вика молча обняла ее, детское сердце подсказывало, что маме очень тяжело и нужна ее поддержка. Хотя ей самой было не легче: она никак не могла примириться с мыслью, что у нее нет больше отца.

...Глядя вслед уходящей соседке и предаваясь своим горестным воспоминаниям, Вика уже не помышляла идти на свою остановку. Пошла обычным маршрутом: через несколько кварталов Безымянки к Кировскому проспекту, чтобы там сесть на автобус. Эту нехитрую конспирацию она проделывала каждое воскресенье, направляясь на службу в Покровский собор. В свои тринадцать лет Вика прекрасно понимала, что пока о ее вере не знают окружающие, и особенно в школе, жизнь будет протекать относительно спокойно, как у всех. Но как только ее вера перестанет быть тайной, жизнь превратится в сплошной кошмар. Поэтому как могла, так и сохраняла свою тайну, ощущая себя кем-то вроде партизанской связной в тылу врага.

В автобусе она внимательно оглядела пассажиров, нет ли знакомых. Когда случалось встретить в автобусе знакомых, она выходила за две остановки до собора и шла туда пешком переулками. На этот раз все было спокойно. Придя в собор и купив свечей, она подала записочку о здравии, в которой, кроме мамы и себя, первым в списке написала погибшего Виктора. Женщина за свечным ящиком ее поправила:

– Доченька, у тебя, наверное, записочка об упокоении, а ты пишешь: «О здравии».

– Почему? – удивилась Вика.

– Так вот Виктор этот на войне, наверное, погиб, тогда надо писать: «Убиенного воина Виктора».

– Нет, тетя, он жив, это мой папа, он только в Бога перестал верить и из семьи ушел.

– Да, действительно, гибнет человек, – вздохнула женщина, – пиши лучше «заблудшего Виктора» и молись, доченька, Божией Матери «Взыскание погибших». Твои-то чистые молитвы скоро дойдут.

От свечного ящика Вика отошла радостно-взволнованная. Вот оно, простое решение, как же она сама не догадалась! Она всегда во время службы стояла недалеко от амвона с левой стороны, как раз напротив особо чтимой в Самаре иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Но никогда в голову ей не приходило задуматься о названии иконы. Теперь это название звучало как обворожительная музыка: «Взыскание погибших». Вот кто может вернуть к

жизни погибшего папу! Да, именно Она, именуемая «Взыскание погибших». Всю Божественную литургию Вика не сводила умоляющего взора с образа Божией Матери.

Со службы домой Вика вернулась в приподнятом настроении. Весна в этом году ранняя, следующее воскресенье – Вербное, а там Пасха. Она поставила на плиту разогревать суп и тихонько запела:

– Христос воскрес из мертвых... – Но тут же спохватилась, прикрыв рукой рот: – Что это я делаю? Идет Великий пост.

Мама на заводе работала по скользящему графику, и в это воскресенье как раз была ее смена. В ожидании ее прихода Вика уселась с ногами на кровать, взяв учебник географии.

Скрипнула дверь, в комнату ввалился папа. Вика сразу определила – выпивший.

– Здравствуй, доченька, а мама на работе? Это хорошо, я с тобой пришел повидаться, соскучился.

– Проходи, папа, я сейчас тебя супом накормлю.

Приход отца, несмотря на то что он был пьяный, все равно обрадовал Вику.

– Небось постный суп?

– А как же, пап, твой любимый, с грибами. Помнишь, мы их в прошлом году собирали?

– Да, прошлый год был хороший, грибной. Ну давай суп. – Немного поев, он отложил ложку. – Что-то без ста граммов не идет, дочка.

– Папа, ты же раньше не пил! – с упреком сказала Вика.

– Ну, не пил, а сейчас хочется. Я ведь, дочка, проталет... прота... – ему никак не удавалось выговорить слово «пролетариат», и он махнул рукой. – Ну, словом, мы из рабочих. У меня и отец был рабочий, и дед был рабочий – целая династия. Отец мой на Путиловском работал еще при царизме, тридцать рублей получал, а между прочим, корова тогда пять рублей стоила. Шесть коров получал, вот так! Рабочий класс, дочка, – это же движущая сила революции. Это мама твоя из кулацкой семьи, они собственники, вот за Бога и держатся. А нам, протале... протале... ну, словом, нам, рабочим, нечего терять, кроме своих цепей, мы должны за советскую власть держаться, а она Бога не признает. Так что ты плохо о папе не думай, у нас с мамой идиотические, тьфу ты, то есть я хотел сказать – идеологические расхождения.

Он придвинул к себе тарелку и замолчал, в раздумье помешивая ложкой суп. Потом снова заговорил:

– Я ведь, доченька, маму твою за геройство полюбил.

– Как это, папа? – удивилась Вика.

– А вот так. Сорок второй год, наши отступают по всем фронтам. Фашисты к Волге у Сталинграда выходят. А у нас – приказ товарища Сталина эвакуировать авиационный завод из Воронежа в тыл, сюда, в Куйбышев. Демонтируем мы завод, оборудование грузим в эшелоны, а тут немецкие бомбардировщики налетели – такое началось! Ну, меня осколком и ранило. Лежу, кровью истекаю, думаю, конец пришел. А мама твоя под бомбами ползет ко мне. Перевязала рану да меня, бугая, до медпункта на себе, маленькая, худенькая, но все же доволокла, не бросила.

Отец рассказывает, а Вика видит, как по его щекам текут слезы. Никогда она не видела, как отец плачет. Сама тоже зарыдала, кинулась к нему на шею:

– Папа, папочка, а ты вернись, пожалуйста, мама простит!

– Нет, доченька, я твою маму знаю, крепче кремня она. Не простит... Да и я тут, потому что выпил, а так – бесполезно.

Отец встал и тяжелой походкой направился к двери.

– Папа, я за тебя молиться буду Божией Матери «Взыскание погибших».

Отец обернулся и долго смотрел на дочь, а она – на него.

– Молись, доченька, если Бог есть, я думаю, Он твою молитву услышит.

... Подошел долгожданный день Святой Пасхи. Перед тем как пойти на ночную службу, мама с Викой тщательно подготовились.

На Пасху подходы к собору перекрывались нарядами милиции и комсомольскими дружинами, чтобы не пропускать в храм молодежь и детей. В прошлую Пасху Вику развернули назад, не пропустив в собор, но в этом году они решили пойти на маленькую хитрость. План был прост. Недалеко от собора в одном из глухих дворов Вика переоделась. На ноги надела старые боты, поверх своего нарядного платья – старый мамин халат и большой темный платок, надвинув его глубоко на глаза. Она сгорбилась и под руку с мамой благополучно прошла в собор через все кордоны милиции и патрулей. В соборе, радуясь, что сумела обвести вокруг пальца богопротивников, Вика скинула халат и платок и переобулась в туфли. Когда закончилось это преобразование из старушки в девочку-школьницу, она подняла глаза, и душа ее прямо похолодела от страха. С наглой ухмылкой на нее глядел Игорь Белохвостов, ученик 10 «Б» класса их школы. На рукаве его красовалась повязка, означающая, что он – в комсомольском патруле.

– Так-так, – сказал он, – тебе, Серова, надо в школьной самодеятельности участвовать, прямо актриса. Я, правда, тебя еще у входа заприметил. Не хочу школу нашу позорить, а то сейчас бы уже доложил куда надо.

Пасхальная радость была омрачена. Но когда по всему храму зазвучало многоголосое «Христос воскрес!», Вика забыла на время свои беды и вся ушла в искрометное и светоносное пасхальное богослужение.

В понедельник Вику вызвали к завучу по воспитательной работе Зинаиде Никифоровне.

– Ну, – строго сказала завуч, пронзая взглядом потупившуюся Вику, – рассказывай, Серова, что ты делала в церкви ночью.

– Была на службе, – чуть слышно произнесла Вика.

– Громче! Я не слышу! – властно потребовала Зинаида Никифоровна.

– Была на службе, – повторила Вика.

– И что ты там делала, на службе?

– Молилась Богу.

– Ах, она молилась, – всплеснула руками завуч, – она, советская школьница, молилась Богу, вы только подумайте! Ты что же, веришь в Бога? Отвечай, что ты молчишь?!

– Да, верую.

Тут Зинаида Никифоровна, не выдержав, выскочила из-за стола, подбежала к Вике, схватила ее за плечи и стала трясти, приговаривая:

– Тогда скажи мне, где твой Бог? Ну, где Бог?

«Господи, помоги мне! Господи, помоги!» – повторяла про себя Вика.

И вдруг какая-то сила подбросила ее голову вверх, она прямо посмотрела на Зинаиду Никифоровну и, чуть не заплавав, произнесла:

– Он сейчас здесь.

– Где – здесь? – опешив от такого ответа, воскликнула завуч, невольно озираясь кругом. – Я никого не вижу, кроме нас с тобой. Да хватит нести всякую чушь! Иди пока, будем разбираться с твоими родителями.

Выйдя от завуча, Вика увидела только что вывешенную в коридоре стенгазету, на которой была изображена карикатура: Вика с клюшкой в руках идет в храм, с шеи ее свешивается большого размера крест, который своей тяжестью пригибает ее к земле, а внизу подписаны стихи:

Серова Вика, как старуха,
Ходит в церковь по ночам,
У нее одна наука —

Как бы угодить попам.
Ей не строить самолеты,
Не пахать ей целины,
У нее свои заботы —
Помогать врагам страны.
Церковь – враг Страны Советов,
Это ясно всем давно.
Попов, буржуев и кадетов
Победим мы все равно.
Бей по старым предрассудкам,
Комсомолец удалой,
Прибауткам, песням, шуткам
Сердце ты свое открой.
Как Серову повстречаешь,
То с презреньем отвернись.
Бога нет, ты это знаешь,
С Ним бороться поклянись!

Вика с замиранием сердца прочла стихотворение: все-таки первые стихи, посвященные ей. Потом задумалась: «Как они собираются бороться с Богом, если верят, что Его нет? Можно ли бороться с тем, чего нет?»

Вечером Вика все поведала маме. Та, вздохнув, сказала:

– Значит, нам такой крест Господь дает, будем нести, доченька. Господь милостив, поможет.

На следующий день к ним пришла комиссия от родительского комитета. Вика как раз учила уроки. Члены комиссии, войдя в комнату, сразу же усадились на передний угол, весь увешанный иконами и лампадами. Перед иконами на столике лежала раскрытая Псалтирь.

Возглавлявшая комиссию расфуфыренная дама из районо, вся напояженная и благоухающая духами «Красная Москва», брезгливо поморщившись, произнесла:

– Все ясно, товарищи, религиозный дурман здесь прямо витает в воздухе, мне аж дурно делается. Ребенка надо спасать! Будем настаивать на лишении материнских прав. В школе надо собирать расширенный педсовет, пусть разбирает дело и дает рекомендации.

Члены комиссии молча закивали головами и вышли из комнаты. Вика горько расплакалась.

Мама, узнав о случившемся, обняла девочку:

– Не бойся, дочка: не в силе Бог, а в правде – поверь мне. Были времена и намного тяжелее. Вот я тебе расскажу свою историю, когда я была почти такой же, как ты. Мне было четырнадцать лет, когда пришли нас раскулачивать. А уж какие из нас кулаки? Коровушка да теленок, три козы, несколько курочек – вот все наше богатство. А детишек нас девять человек у родителей. Отец в колхоз не вступал, так и жили единоличным хозяйством. Это очень сердило начальство. Еще отец в церкви нашей священнику помогал, читал на клиросе. Как церковь пришли закрывать, батюшку забрали и увезли, а с ним и нашего отца. Больше-то мы его не видели. Без отца мы, конечно, бедствовать стали. Теленочка зарезали. Потом козочек продали. Одна коровушка-кормилица осталась. Но в колхоз все равно не вступали. Пришли из сельсовета и за нашей кормилицей. Мама как раз ее доила, а рядом ребятишки голодные с кружками стоят, ждут. Когда коровушку стали отвязывать, мама говорит: «Дайте, люди добрые, додоить, детей покормить». Подошел их главный да как пнет сапожищем подоюник с молоком и кричит: «Советская власть сама их накормит!»

До сих пор у меня перед глазами, доченька, тот подойник с молоком, как летит он вверх тормашками, а молочко плещется в воздухе и дождичком на навоз опадает. Детишек по детским домам разослали, а нас с мамой в Сибирь отправили. Привезли в глушь, там такие же, как мы, бедолаги – мужики да бабы. Землянок понаделали. Питания – никакого. Кору с деревьев варим. Мама моя расхворалась, подзывает меня и говорит: «Беги, доченька, отсюда, зачем нам с тобой вместе погибать». Я отвечаю: «Как же, мама, я тебя оставлю?» – «Ничего, – говорит мама, – кругом люди хорошие, а ты беги. И в церкви меня помянешь по-христиански, да и у самой когда-нибудь детки будут. Я с небушка буду на вас глядеть, радоваться». Я, конечно, ни в какую. Но мама на следующий день померла.

Похоронили мы ее и сговорились с одной девушкой, постарше меня года на три, бежать. Через тайгу к железной дороге два дня добирались, еще день – вдоль дороги. Дошли до станции, сели в поезд. Едем, радуемся, да только рано мы радовались. Смотрим, идет патруль военный, документы проверяет. Побежали мы с подругой в другой вагон, и они следом идут. Никуда от них не деться. Решили прыгать с поезда на ходу. Подруга моя первая спрыгнула. Страшно мне стало, но еще страшнее в их руки угодить. Перекрестилась я и сиганула под откос. Славу Богу, живы остались, только ободрались все в кровь. Стали подорожник да разные травы лечебные прикладывать. Поплакали-поплакали да дальше пошли. Хорошо еще, что следующая станция была недалеко, только три дня шли, травами и ягодами питались. Пришли на полустанок да постучали на свой страх и риск в крайнюю, самую бедную избу. Славу Богу, там сердобольная старушка оказалась. Она нас отмыла, накормила и спать уложила. Кое-какие вещички у нас были, эта старушка их продала да на те деньги билеты купила.

Едем мы в поезде и сами дрожим от страха: а ну как снова патруль? Не успели подумать, действительно, идут. Выбежали мы в тамбур. Я говорю: «Прыгать больше не буду, пусть хоть расстреливают». Подруга тогда предложила в туалете спрятаться. Зашли мы в туалет, закрылись и давай молиться: Богу, Божией Матери, Николе Чудотворцу. Слышим, выходят они в наш тамбур. Старший кричит: «Мы – в следующий вагон, а ты, Колосов, проверь туалет». Ну все, думаем, попались. Постучал он в дверь, мы молимся, не открываем. Тогда он своим ключом открыл дверь. Стоит перед нами солдатик, худенький такой, совсем молоденький паренек, весь в веснушках. Мы стоим на коленях, прямо на загаженном полу, крестимся и плачем. Посмотрел он на нас, молча покачал головой, потом вдруг как бы украдкой перекрестился, захлопнул дверь и кричит: «Здесь никого нет, товарищ командир!»

Дальше мы благополучно до Воронежа добрались. У той девушки там родственники жили, они помогли мне документы справить и на авиационный завод пристроили работать. Так что, доченька, хоть на их стороне и сила, но Бог все равно сильнее, давай молиться, и Господь, если Ему угодно будет, обратит их судилище к правде Своей.

После маминого рассказа у Вики на душе как бы спокойнее стало. Но, когда подошло время заседания педсовета, ее снова охватил страх. Классная руководительница Клавдия Феофановна предупредила Вику, чтобы она недалеко от учительской ждала. Вика стояла, ожидая, когда ее позовут, ни жива ни мертва. В щель приоткрытой двери она увидела сидящих за столом учителей и ту даму из районо, что приходила к ним домой. Но самое страшное: возглавлял педсовет директор школы Петр Аркадьевич Жаринов, которого побаивались не только ученики, но даже и учителя. Когда он шел по коридору школы, то умолкали самые хулиганистые ребята.

Во время войны Петр Аркадьевич служил в разведывательном батальоне. В битве на Курской дуге лишился левой руки. Вернувшись домой, окончил педагогический и стал директором школы. Когда Вика увидела его, восседающего в учительской, мужество окончательно покинуло ее. Она потихоньку попятилась, а потом припустила во всю прыть в свой класс. Взяв портфель, направилась было к выходу, но навстречу ей уже шла Клавдия Феофановна.

– Вика, куда же ты подевалась? Тебя ждут в учительской.

– Я туда, Клавдия Феофановна, не пойду, я боюсь. – И Вика заплакала.

– Ну вот, – озадачилась Клавдия Феофановна, – что же мне с тобой делать? – Она подошла и стала гладить Вику по голове. – Думаешь, мне туда хочется идти? Но надо, понимаешь? Надо. Я же буду с тобой. – Вика с недоверием посмотрела на Клавдию Феофановну, все еще всхлипывая. – У меня, Вика, тоже душа противится идти туда. Но деваться некуда. Да я уверена, Петр Аркадьевич хоть и строг, но справедлив, не позволит он тебя обидеть напрасно.

Когда Вика с классной руководительницей вошли в учительскую, там горячо ораторствовала дама из районо:

– Мало, что ли, товарищи, нам потрепали нервы эти религиозные фанатики два года назад, когда у них какая-то Зоя стояла? Теперь вот наших учащихся завлекают в церковь, так сказать, уводят от строительства коммунизма. С этим надо решительно бороться. Нельзя давать родителям коверкать души наших детей религиозным дурманом.

Директор при этих словах как-то поморщился и бесцеремонно перебил даму:

– У вас, я вижу, все по этому вопросу? Тогда садитесь. Дама замолкла и, обиженно поджав губу, села.

– Теперь попросим, товарищи, выступить классного руководителя Серовой. Клавдия Феофановна, что вы можете сказать по этому вопросу?

Клавдия Феофановна встала:

– У меня лично к Серовой никаких претензий нет. Поведение хорошее, в учебе также наблюдаются успехи.

– А скажите нам, мать Серовой ходит на родительские собрания?

– Да, товарищ директор, ходит, в дневнике расписывается, постоянно проявляет интерес к учебе дочери.

– Спасибо, Клавдия Феофановна, садитесь. Ну, все ясно, товарищи, у школы к Серовой никаких претензий нет ни с какой стороны, а то, что она в церковь ходит, так это их личное семейное дело. Законом это не запрещено. – Он повернулся к даме из районо. – А вот касательно коверкания душ детей, так и меня мама в детстве в церковь водила и молитвы заставляла учить. А потом нам эти молитвы ох как пригодились на Курской дуге! Представьте себе, перед этим страшнейшим сражением Великой Отечественной все молились, от генерала до рядового. Сражение выиграли и немца до Берлина гнали. Сам я коммунист, а вот мать моя до сих пор в церковь ходит. Что же мне, от матери своей отказываться прикажете? – последние слова Петр Аркадьевич произнес жестко и встал, показывая этим, что педсовет окончен.

Домой из школы Вика не шла, а просто радостно летела. Весеннее солнышко припекало по-летнему. Ей хотелось с кем-то поделиться своей радостью. «Мама на работе сейчас, вот бы папа пришел, было бы здорово!» – подумала она.

Около барака на скамейке сидела соседка Екатерина Матвеевна и лузгала жареные семечки.

– Здравствуйте, тетя Катя! – радостно приветствовала ее Вика.

– Чему ты радуешься? – буркнула Екатерина Матвеевна. – Отец твой в больнице.

– Как в больнице? – растерялась Вика.

– Да так, в цеху у них авария, вот его чем-то и пришибло.

– В какой больнице, тетя Катя?

– Вроде в Пироговке. Господи, да что это с тобой, блее молока стала! Да не убивайся ты так, он же все равно вас бросил.

– Он мой папа! – вскрикнула Вика, и слезы брызнули из ее глаз. Она развернулась и побежала к автобусной остановке.

В больнице ее к отцу не пустили, сказали, что он в реанимации, а туда нельзя. Вика все равно никуда не уходила, осталась сидеть в приемной. Вышла медсестра, стала уговаривать ее идти домой и прийти завтра, потому что сейчас папе будут делать операцию. Узнав об опера-

ции, Вика побежала в храм и всю вечернюю службу простояла на коленях перед иконой «Взыскание погибших», молясь Богородице об отце.

Придя домой, Вика не могла сесть за уроки, все казалось таким неважным, по сравнению с тем, что сейчас происходит с отцом. Еле дождалась с дежурства маму.

– Нельзя так убиваться, доченька, – стала та утешать Вику, – без воли Божией ничего не происходит. Это отцу твоему наказание от Бога за его великий грех.

– Mamочка, ну как ты можешь так сейчас говорить, ведь папе плохо, потому мы должны быть рядом.

– Он сам нас бросил, променял на эту женщину, значит, у него нет теперь семьи.

– Mamочка, пойдем завтра к папе в больницу, ну пожалуйста, он увидит тебя и обрадуется, скорее будет выздоравливать.

– Ты иди, дочка, а я не пойду.

– Ну почему, мама? Мы же христиане, должны прощать.

– Мне обидно, дочка, но я все равно могу простить. Но если я приду туда, в больницу, и «эта» его тоже придет, что мне тогда прикажешь делать? Нет, я сказала: хочешь идти – иди одна.

На следующий день Вику пропустили к отцу. Тот лежал, весь забинтованный, под капельницей, то ли спал, то ли был в каком-то забытии. Вика молча сидела около отца, поглаживая его руку, лежащую поверх одеяла, и читала про себя все молитвы, которые знала наизусть. Она сидела до тех пор, пока медсестра не вывела ее, сказав, что время для посещения больных закончилось. На другой день Вике повезло. Отец очнулся после операции, и хотя ему было тяжело разговаривать, но он все же прошептал:

– Пришла, доченька, а папа вот какой у тебя.

– Поправишься, папа, я ведь за тебя молюсь.

Они долго молча смотрели друг на друга, как бы разговаривая глазами, и им было все понятно.

На четвертый день с Викой захотел поговорить лечащий врач.

– Ты его дочка, а где жена или другие родственники?

– Мама сейчас не может, – слукавила Вика, – а кроме нас, у папы никого нет.

Вику обрадовала догадка, что та женщина, к которой папа ушел, тоже не ходит к нему.

– Ну так вот, слушай, – продолжал врач, – черепно-мозговая травма заживет, и все прочие переломы срастутся, но на одной ноге началась гангрена, придется ногу отрезать, и дай Бог, чтобы на этом все закончилось.

– Как же папа без ноги? – растерялась Вика.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь: или ногу, или целиком – в гроб. Главное – это чтобы гангрена дальше не пошла.

Когда Вика пришла на следующий день, одеяло бугрилось только над одной ступней. Отец лежал, устремив взгляд в потолок, даже не поздоровался с дочерью.

– Папа, как ты сейчас себя чувствуешь?

Отец перевел свой тоскливый взгляд с потолка на дочь.

– Я ведь, доченька, из рабочих, как же я теперь без ноги, кому я нужен?

– Как это кому? Мне ты нужен, маме нужен.

– Маме? Где же она? Нет, доченька, калеки никому не нужны.

– Зачем ты так говоришь, папа? А если с мамой что случится или со мной, мы тоже были бы тебе не нужны?

– Ну что ты говоришь, доченька, типун тебе на язык! Через день врач сказал:

– Все-таки гангрена пошла дальше, придется второй раз, уже выше колена, резать.

Готовьтесь к операции, будем надеяться, что она – последняя.

У Вики все от этих слов похолодело.

Когда врач ушел, отец обреченно сказал:

– Вот видишь, дочка, через кровать от меня лежал больной, тоже резали, резали, а сегодня в морг снесли. Страшно помирать, когда тебе тридцать восемь лет.

Лежащий рядом с ним пожилой мужчина, расслышав слова отца, пробурчал:

– А что, думаешь, в семьдесят восемь лет не страшно помирать? Всегда страшно, сколько ни проживи. Вон нас власть учит, что ничего после смерти нет. Что жил, что не жил – все равно. И для чего тогда жил, если все равно помер?

Вика, наклонившись к отцу, зашептала:

– Папа, папочка, милый, я не хочу, чтобы ты умирал. Тебя надо пособоровать и причастить.

– Эх, дочка, – тоже зашептал отец, – разве это поможет? Думаю, что нет, природу не обманешь. Но раз уж помирать, то хотелось бы с Богом все равно примириться, покаяться в своих грехах. А то как там будет, не знаю.

– Правильно, папочка, правильно, молодец! Я тебе батюшку приведу. – И, чмокнув отца в небритую щеку, она выбежала из палаты.

Вика пошла к заведующему отделением и попросила разрешения привести священника. Тот замахал руками:

– Что ты! Не положено! Ты что же, девочка, хочешь, чтобы я работы лишился?

Когда Вика стала продолжать упрашивать, он рассердился и просто выставил ее за дверь. Вика пошла по больничному коридору, вся заливаясь слезами.

– Что-то случилось, родненькая? – остановила ее пожилая медсестра.

Вика все рассказала.

– Ну вот что, не плачь и не горюй. Здесь, в больнице, тоже немало верующих работает. Я тебе все устрою во славу Божию. Иди в собор и спроси отца Димитрия. Еще не каждый священник сюда пойдет, они ведь тоже рискуют. Скажи ему, Нина Семеновна тебя прислала из Пироговки. Придете ближе к ночи, я дежурю. Буду ждать вас в одиннадцать часов у входа.

Вечером Вика с отцом Димитрием, уже пожилым священником, стояли у входа в хирургический корпус. Нина Семеновна, открыв им двери и взяв благословение у отца Димитрия, осторожно повела коридорами, предварительно накинув на них белые халаты. Отец Димитрий в больницу пришел в костюме с галстуком, а ряса лежала в сумке. В белом халате, с небольшой бородкой, он был похож на профессора медицины. Папу из палаты Нина Семеновна заблаговременно перевезла в перевязочную. Впустив туда отца Димитрия, она закрыла дверь на ключ. Затем вручила Вике ведро и тряпку со шваброй:

– Ну, дочка, чтобы легче было тебе ждать, мой коридор, да почище. Бог труды любит.

Через час Нина Семеновна открыла перевязочную. Оттуда вышел уставший отец Димитрий. Вика, заглянув, увидела отца. Лоб и щеки его лоснились от масла после соборования, но глаза были спокойные и ясные, смотрящие как бы внутрь себя. Заметив Вику, он ей улыбнулся.

Вика, подбежав, поцеловала отца и шепнула:

– Поздравляю тебя с соборованием и причастием. Вот увидишь, все будет хорошо.

Через неделю после операции врач радостно сообщил:

– Идет на поправку, через месяц получишь своего папу.

Вика сидела возле отца счастливая, отец тоже улыбался, они строили планы на летние каникулы. Неожиданно отец дернулся вперед и прямо весь просиял. Вика обернулась и увидела в дверях палаты маму с авоськой в руке. Мама прошла к кровати, поставила авоську на тумбочку:

– Ну, здравствуй, муж.

– Здравствуй, жена. Поцелуемся, что ли? – после короткой паузы добавил он.

– Давай поцелуемся, да буду тебя домашними пирожками откармливать, а то вон исхудал как без меня.

Поцеловав отца, мать сразу склонилась над авоськой и долго там копошилась, но Вика заметила, что она это делает, чтобы украдкой вытереть слезы.

Февраль 2003. Самара – Волгоград

Возмездие

*Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и]
чтобы продлились дни твои на земле.
5-я заповедь Божия (Исх. 20:12)*

Жила себе Раиса Кузьминична, ветеран Великой Отечественной войны, особо не тужила. Скромно жила в крохотной квартирке, которая располагалась в старом покосившемся деревянном домике, в центре Самары. В маленькой квартирке ей было привычно и уютно: есть где помолиться, поспать да покушать, а чего еще старому человеку надо. Самое главное, ее любимый Покровский собор рядом, ходить далеко не надо. Конечно, и небольшие неприятности были, болезни разные. Но когда тебе под восемьдесят, оно вроде бы так и полагается. Ведь не зря же в Библии сказано: что человеческий век семьдесят лет, аще же в силах восемьдесят лет. Да еще сын единственный огорчал тем, что редко вспоминал о матери, все дела у него какие-то. «Никому старые люди не нужны», – вздыхала Раиса Кузьминична.

Настоящее же огорчение Раисе Кузьминичне пришлось испытать, когда их дом определили под снос и ей предложили переселиться на окраину Самары. Уж куда только не ходила она. Каких только порогов не обивала. И в райсобес, и на прием в администрацию, и в ветеранские организации, и к депутатам всех уровней, никто не помог. Все только руками разводят: чего, мол, вы хотите, не на улицу же вас выгоняют, берите что дают, а в центре вам никто не даст, здесь квартиры дорогие.

– Там же церкви близко нет, – жаловалась Раиса Кузьминична.

– Ничего, – успокаивали ее, – нынче времена не те, построят вам церковь.

Поняла Раиса Кузьминична, что от людей справедливости не добьешься, стала просить Заступницу рода человеческого Царицу Небесную.

Вскоре пришло ей приглашение на встречу ветеранов 64-й армии в городе-герое Волгограде. Там-то и повстречалась со своим однополчанином, генерал-лейтенантом в отставке Булховым Геннадием Петровичем. В том далеком сорок третьем году она, сержант медицинской службы, в разгар сражения вытащила с поля боя раненого капитана Булхова. Он ей потом в любви объяснялся, руку и сердце предлагал. Чуть было у них походно-полевой роман не состоялся.

Да только не стала она нарушать слово, данное жениху перед его уходом на фронт. Жених ее, правда, после войны лишь на недельку в Самару успел заскочить и дальше на японскую поехал. Там-то его и настигла самурайская пуля. Остался ей на память о тех днях сын. Так и прожила одна, воспитывая сына, да вспоминая о былом.

– А ведь могла бы стать генеральшей! – смеялся Булхов при встрече в Волгограде.

Ему-то она и пожаловалась на свои квартирные невзгоды. Генерал от возмущения и обиды за свою спасительницу даже лишний стакан водки маханул. Так что «скорую» пришлось вызывать. Но прощаясь, Булхов обещал помочь.

– Ты не смотри, что я отставной, связи наверху у меня остались, чтоб твоих шелкоперов самарских прижучить.

Не забыл боевой товарищ и бывший ухажер своего обещания. Задействовал свои связи в Москве. Оттуда последовал звонок в Самару, и вот уже Раиса Кузьминична справляет новоселье в шикарной однокомнатной квартире в центре города, с видом на Волгу. Ходит по квартире сноха да удивляется: «Надо же, какая несправедливость. Мы втроем с сыном ютимся в хрущевке со смежными комнатами, а эта старая святоша какие себе хоромы отхватила». Не любила она свою свекровь, ну что тут поделаешь. Застарелая обида за материнский совет сыну: подумать хорошенько, прежде чем на ней жениться. Ладно бы сама не любила, так и сына про-

тив матери постоянно настраивала. А внука-то и вовсе от бабушки постаралась отгородить. «А то еще научит мальчика молиться, – говорила она, – а сын должен расти современным человеком, без всяких предрассудков». Сын вырос действительно без всяких предрассудков, к родителям относился вполне по-современному – потребительски.

Только как вселилась Раиса Кузьминична в свою новую квартиру, сноха к ней стала относиться намного лучше. Даже мужу стала напоминать, чтобы мать навестил, да гостинцев каких-нибудь отвез. Внука к бабушке стала посылать: иди, мол, навести старушку, да спроси, чем помочь. Дивилась таким переменам Раиса Кузьминична и радовалась несказанно. «Господь умягчает сердца», – говорила она.

Внуку к бабушке нравилось ходить, так как можно было выклянчить у нее денег на юношеские забавы. «А куда ей пенсию девать, – рассуждал он, – старому человеку много ли надо». Теперь и сноха частенько приглашала свекровь к себе в гости. Посадит ее на почетное место за столом, а сама суетится вокруг нее, да между делом намекает, как бы хорошо всем вместе жить, одной дружной семьей. Такая перспектива Раисе Кузьминичне пришлась по душе, тем более при обмене, в новой квартире ей обещали выделить отдельную, самую светлую комнату.

– И молись, мама, в своей комнате, сколько твоей душе угодно, – закатывая глаза к потолку, умилительно вещала сноха, – никто тебе не помешает, а мы всегда рядом с тобой.

Так и уговорили Раису Кузьминичну на обмен. Из двух квартир получилась неплохая трехкомнатная недалеко от центра. Раисе Кузьминичне, как и обещали, выделили хоть и небольшую комнату, зато на солнечной стороне. Очень она радовалась, что будет теперь жить с сыном и внуком вместе. Но не прошло и месяца, как она горько пожалела о том, что согласилась на этот обмен. Жизнь ее потихоньку превратилась в кошмар. Раиса Кузьминична расстраивалась, переживала, потом и вовсе занемогла и слегла в постель. «Зачем для лежачего человека такая большая комната», – решила сноха и перенесла больную в кладовку. Благо кладовка была просторная, во всяком случае, кровать и маленькая тумбочка для лекарств в ней уместились. Правда, в кладовке света солнечного уже не было и воздух был спертый. Но зато теплилась лампадка перед иконами.

Лежала Раиса Кузьминична в полумраке кладовки да вспоминала свою боевую молодость. Особенно вспоминался ей один случай. В самый разгар боя за тракторный завод в Сталинграде поползла она к своим раненым. Наткнулась на немецкого солдата. Лежит он, кровью истекает. Испугалась она, а вдруг сейчас пристрелит, ведь автомат-то при нем. Немец видит, что она испугалась, автомат откинул в сторону и, сделав усилие, улыбнулся ей, мол, не собираюсь я в тебя стрелять. Жалко ей вдруг стало немца. Хоть и враг, конечно, никто его сюда не звал, сам пришел, а все равно жалко. Тот смотрит на нее печально, мол, понимаю все и помощи от тебя не жду. Нет, не смогла уйти русская медсестра от раненого немца. Перевязала его и из своей фляжки напиток дала. Смотрит на нее немец благодарным взглядом, рукой на небо показывает, мол, Бог все видит. А как стала Раиса Кузьминична уползать от него, схватил он ее руку и прижал к своим губам. Когда вернулась, ничего про того немца рассказывать не стала, чувствовала, что никто ее не поймет и уж тем более не одобрит. Это был единственный раз в жизни, когда ей мужчина руку поцеловал, а так только в кино такое видела. «Где он сейчас, этот немец, – думала Раиса Кузьминична, – в Германии правнуков нянчит, или косточки его во сырой земле необъятных просторов России лежат?»

Слышит Раиса Кузьминична, кто-то вошел в квартиру. По шагам узнала внука. Сергей заглянул к бабушке в кладовку:

– Что, бабуль, лежишь? А нет ли у тебя столычничка? Мне на тетрадки для университета.

– Подойди, внучек, присядь сюда на кровать, я тебя тоже о чем-то попрошу.

Сергей прошел и присел рядом с бабушкой.

– Я, внучек, скоро помру, прошу тебя Христом Богом, сходи в церковь, приведи ко мне батюшку, чтобы исповедовал он меня и причастил.

– А откуда ты знаешь, что помрешь скоро? – засомневался внук.

– Мне ангел небесный об этом шепнул, – улыбнулась бабушка.

Сергей оглядел кладовку, как будто надеялся увидеть ангела. Неохота было ему идти, но все же согласился:

– Ладно, пойду приведу.

На улице его поджидал друг Димка.

– Ну, что там старая, отвалила тебе на пивко?

– Да вот, попросила меня привести к ней попа из церкви, говорит, что скоро умрет.

– Свежо предание, да верится с трудом. Эти бабки еще нас с тобой переживут. Моя вот уж который год собирается помирать, а вчера на поминках у свата стакан водки заглотила, и хоть бы хны.

– Нет, моя отродясь не пьет, она все молится.

– А моя не молится, она знает как попов честит, и такие они, и рассякие. Она у меня из идейных, по митингам разным любит ходить. Кстати, Серый, не забудь, сегодня ночью на дело пойдем. Я тут тачку одну в соседнем дворе приметил. Обувка на ней классная, надо бы разуть. Я уже две ночи подряд хожу ее пинаю, чтоб орала. Так этот лох поехал в мастерскую и попросил уменьшить чувствительность сигнализации. Теперь секешь, мы все четыре колеса снимем, она и не пикнет.

Сергей выполнил поручение бабушки.

– Спасибо, внучек, – сказала благодарная Раиса Кузьминична после ухода священника, ласково глядя на внука.

– Да ладно, уж чего там, – смутился тот, сжимая в руке пятьсот рублей, которыми бабушка на радостях одарила его из своих скромных сбережений.

– Подойди ко мне, внучек, – попросила бабушка, – дай я тебя поцелую.

Когда Сергей наклонился, она его перекрестила:

– Храни тебя Царица Небесная, – и, поцеловав, заплакала.

– Ну, что опять не так? – стал сердиться внук.

– Жалко мне тебя, не тому тебя мать учила. Но ты все равно ей не груби, мать есть мать, какая бы она ни была. А теперь иди, да будь осторожней, прежде чем что-то сделать, подумай хорошенько.

Теплится лампадка, освещает лик Пресвятой Богородицы. Лежит Раиса Кузьминична и шепчет молитвы. Вспоминает всех своих боевых товарищей и подруг, кого за здоровье, но больше за упокой. Молится и о своем неблагодарном сыне, и о беспутном внуке. И уж совсем нет желания молиться за сноху, но ведь Господь повелел: молитесь за обижающих вас, потому и за нее молится. Так с молитвой на устах и отошла раба Божия Раиса в мир, где нет ни болезни, ни печали. А в мире, который она покинула, как были, так и остались и болезни, и печали. До поры до времени они обходили семью ее сына стороной. Благодать почти ощутимым образом исходила из полутемной кладовки и освещала всю квартиру и живущих в ней. Не стала жить здесь раба Божия Раиса, и благодать ушла из этого места.

Прошел уже год со смерти Раисы Кузьминичны. Внешне ничего не изменилось в семье ее сына. Но это только внешне, а на самом деле беда уже угнездилась здесь давно.

Сергей сидел дома и с нетерпением ждал прихода своего друга Димки Круглова. Тот должен был сгонять на «моторе» в Зубчаниновку к цыганам и привезти наркоты, но что-то задерживался. В предчувствии скорой ломки нервы Сергея были на пределе. Когда мать спросила у него, почему он не в университете, он наорал на нее, не стесняясь в выражениях.

– погоди, придет отец, я ему расскажу, как ты с матерью разговариваешь, – пригрозила она.

– А пошли вы вместе с отцом знаешь куда?

Когда он сказал, куда им идти с отцом, мать от возмущения не могла вымолвить ни слова, а лишь как рыба безмолвно открывала рот.

Вскоре пришел Димка, и они с Сергеем, запершись в комнате, стали готовить дозу. Димка долго хлопал себя по руке и жаловался Сергею.

– Представляешь, Серый, эти вены от меня прятаться начали. Надо теперь другие места искать, чтобы ширяться.

– Давай я тебе прямо в сонную артерию вставлю, кайф словишь мгновенно, – предложил Сергей.

– Я тебе сам вставлю знаешь куда? Умник тоже мне нашелся.

Но Сергей, уже не слушая его, откинулся на диване и, закатив глаза к потолку, пребывал в прострации.

– Ну че, пойдём по банке пивка даванем, – предложил повеселевший Димка.

– Ты лучше бы мозгами пораскинул, где мы с тобой на ширяло бабки искать будем.

– А че думать, надо хату одну брать. Дело верняк, по наводке моего кореша. Хозяева откидываются на пару неделек в отпуск, хата пустая. Видики-мидики, побрякушки разные, может, и зеленых найдем. Сейчас люди запасливые.

– А как дверь вскроем?

– Зачем дверь, пусть стоит себе. Мы через балкон. Кореш тот как раз через стену живет в соседнем подъезде. Балконы смежные. Решеток нет, все-таки двенадцатый этаж.

– О'кей, братишка, заметано. Когда на дело?

– Завтра. Мужу тому пару пузырей поставим – и балкон наш.

На следующий день они пришли к Димкиному знакомому еще дотемна. После второй бутылки тот свалился на тахту и заснул. Когда перелезали с балкона на балкон, вниз старались не смотреть, все-таки страшновато. На соседнем балконе Димка обклеил часть стекла бумагой и обвел стеклорезом. Через отверстие в стекле легко открыли дверь балкона и не таясь зашли в квартиру. Прошли из комнаты в коридор. Там горел свет. Это сильно озадачило друзей.

– Ты же говорил в хате никого нет, – прошептал Димка.

– Мне это тоже говорили, и что из того?

В это время дверь в ванную комнату открылась, и им навстречу вышла пожилая женщина в белой ночной сорочке с намотанным на голове полотенцем. Увидев двух парней, она охнула и, схватившись за сердце, рухнула на пол.

– Ну, Серый, – засмеялся Димка, – видишь, какие мы страшные, сама копыта отбросила, а то мокруху пришлось бы делать.

– Давай сматываться отсюда быстрее, – предложил Сергей.

– Что, в штаны уже навалил, дела надо доделывать до конца.

В это время женщина открыла глаза и дрожащим голосом спросила:

– Вы кто такие, что вам надо? Уходите сейчас же, а то я закричу.

Димка кинулся на нее и, сорвав с головы полотенце, засунул его в рот женщине. Та стала вырываться.

– Чего стоишь, Серый? Помогай мне ее держать.

Сергей сел женщине на ноги.

– Держи ей руки, а я пока сбегая на кухню, что-нибудь поищу.

Женщина продолжала сопротивляться, и Сергей с трудом удерживал ее. Прибежал Димка с кухонным ножом и ударил им два раза в грудь женщине. Тело ее конвульсивно дернулось и затихло.

– На нож, отнеси его на кухню и вымой, – распорядился Димка, – а я по квартире пошарю.

Сергей встал. Пошатываясь как пьяный, он хотел идти на кухню, но поскользнулся в луже крови и упал. Падая, ухватился за шкаф. Шкаф с грохотом свалился на ногу Сергея. Он дико заорал от боли. Прибежал испуганный Димка.

– Что случилось?

– Нога, моя нога! – продолжал орать Сергей.

– Да тише ты, всех соседей переполошишь. Сейчас помогу.

Он поднатужился, приподнял шкаф. Сергей с трудом вытянул ногу. В это время стали звонить в дверь.

– Все, корешок, – сказал Димка, – пора сматывать удочки.

Сергей попытался встать, но тут же, закричав от боли, сел на пол.

– Помоги мне, – попросил он.

– Ты че, с башкой не дружишь. Тут и со здоровыми ногами трудно с балкона на балкон, а у тебя, по всей видимости, перелом. Нет уж, корешок, сам виноват, сам и выбирайся.

В это время снова стали настойчиво звонить. Димка заметался по квартире, соображая, что ему прихватить. Взгляд его упал на видеоплеер. Выдернув шнуры, он подхватил его под мышку и устремился на балкон.

– Диман, ты сука! – крикнул ему на прощание Сергей.

– Сам знаю, – обернулся тот, – но ничего не поделаешь, жизнь такая паскудная.

Когда Димка уже перешагивал на перила соседнего балкона, нога вдруг поехала в сторону и соскользнула вниз. Он еще держался одной рукой за поручень. Ему бы выбросить видеоплеер, чтоб освободить вторую руку, да только жалко дорогую вещь. Тут еще откуда ни возьмись появился черный кот и сказал человеческим голосом:

– Не вздумай бросать видик, вещь ценная.

– Сам знаю, – с раздражением сказал Димка и полетел вниз. Видеоплеер отпустил только между девятым и восьмым этажом, но это уже не помогло. Закон притяжения действовал неумолимо и с ускорением.

Сергей сидел в коридоре, прислонившись спиной к стене. Рядом лежало бездыханное тело убитой женщины. Из дверей кухни вышел черный кот. Он подошел к луже крови, понюхал ее и одобрительно гмыкнул. Подойдя к Сергею, присел напротив него и сказал:

– Хорошо сработали, молодцы.

– Я ее не убивал, – сказал Сергей.

– Я все видел, – сказал кот, – но меня все это мало интересует, этим занимается шестой убойный отдел, а я сотрудник пятого особого отдела. По нашему отделу проходят только нарушители пятой заповеди.

– Какой такой пятой? – не понял Сергей.

Он присматривался к коту и порой обнаруживал, что это вовсе не кот, а маленький черный человечек с хвостом.

– Не забивай себе голову лишней информацией, – махнул лапой кот, – незнание заповедей не освобождает от ответственности. Лучше их не знать, спокойней спишь. Да, времена меняются, – философски заметил кот, – раньше, буквально лет двести назад, ну еще от силы сто, по нашему отделу редко кто проходил. Шестой отдел, тот всегда бесперебойно работал, почитай, с самых времен Каина. А в нашем отделе одно время даже штат сотрудников хотели сократить. Но теперь, слава Люциферу, мы вышли по показателям на особый уровень. Работать стало интересней и веселей. Что, болит нога-то? Это тебе твоя родная бабка подсурипила. Выпросила у Распятого, чтобы твой небесный секьюрик в дело вмешался. Вот он тебе шкаф-то на ногу и опрокинул.

– Как же она так могла? – простонал Сергей. – Ведь я ей даже попа привел, как и просила.

– Я всегда говорил, не делай добра, не получишь и зла, – промурлыкал кот, – а ведь как хорошо все было задумано. Парный беспарашютный прыжок с двенадцатого этажа – и весь

мир перед тобой. Все эстетическое удовольствие от проделанной работы твоя бабка испортила. Ну, пойду отчет писать. Хотя дело еще не завершено, это только начало. Если постараться, за пару месячишек можно управиться.

Отец Сергея до суда не дожил. Весть о случившемся с сыном отозвалась обширным инфарктом. Адвокат пообещал матери скостить срок наказания Сергея до минимума. Для этого понадобились большие деньги, так что квартиру пришлось продать и переселиться в однокомнатную малосемейку завода «Металлург» на окраине города.

Когда Сергей сидел на заседании суда, то увидел, как рядом с его решеткой сидит тот самый кот, сотрудник пятого особого отдела. Кот подмигнул ему, как давнишнему знакомому. Сергей спросил:

– Ты можешь засвидетельствовать, что я не убивал?

– Конечно, могу, – охотно согласился кот, – хотя лжесвидетельствовать мне намного приятней, но чего не сделаешь ради клиента.

Когда Сергей попросил суд заслушать его свидетеля и указал на кота, судья тут же прекратила заседание и отправила подсудимого на дополнительную психиатрическую судмедэкспертизу.

– Эта судья порядочная сволочь, ты мне уж поверь, – успокаивал кот Сергея, – она у меня по отделу проходит в качестве подозреваемой, так как очень редко навещает своего больного отца.

Буквально через два месяца мать Сергея было не узнать. Когда-то цветущая женщина, она превратилась в развалину. Гипертония и прогрессирующий сахарный диабет сделали свое дело. На ноге началась гангрена. Положили в больницу. Еще через месяц она скончалась после ампутации обеих ног.

Сергей после лечения в психиатрической больнице был направлен в колонию строгого режима, для отбывания довольно-таки длительного срока. В этой колонии заключенными была построена часовня во имя преподобного Сергия, игумена Радонежского. Сергей стал очень религиозным человеком, старался не пропускать ни одного богослужения. Часто исповедовался и причащался. Был добр и миролюбив со всеми, кроме котов. Их он просто не переносил. Никто не мог взять в толк, чем была вызвана такая нелюбовь к этим в общем-то миролюбивым Божьим тварям.

Апрель 2005. Самара

Победа над смертью

Анастасия Матвеевна, собираясь в церковь ко всенощной, с опаской поглядывала на своего супруга, полковника авиации в отставке Косицына Михаила Романовича. Михаил Романович сидел перед включенным телевизором с газетой в руках. Но ни на телевизионной передаче, ни на газете сосредоточить своего внимания он не мог. В его душе глухо росло раздражение, некий протест против намерения жены идти в церковь. Раньше, еще в молодые годы, она захаживала в церковь раза два-три в год. Он на это внимания не обращал: мало ли какая блажь у женщины. Но как вышла на пенсию, так зачастила в храм каждое воскресенье, каждый праздник.

«И сколько этих праздников у церковников – не пересчитать, – с раздражением думал Михаил Романович. – То ли дело красные дни гражданского календаря: Новый год, Восьмое марта, Первое мая, Седьмое ноября и уж совсем святой, особенно для фронтовика, День Победы, вот, пожалуй, и все. А тут каждый месяц по несколько, с ума можно сойти».

Анастасия Матвеевна думала о том, что последнее время ее супруг очень раздражителен, оно и понятно: болят старые фронтовые раны, здоровье его все ухудшается. Но почему-то больше всего его раздражает то, что она ходит в церковь. Чуть ли не каждый ее уход на службу в храм сопровождается скандалом и руганью.

– Миша, закройся, я пошла в храм.

– Ну чего, чего ты там потеряла, не можешь, как все нормальные люди, посидеть дома с мужем, посмотреть телевизор, – с раздражением на ходу говорил Михаил Романович, чувствуя, как гнев начинает клокотать в его израненной старческой груди.

– Мишенька, так, может, нормальные-то люди, наоборот, те, кто – в храм Божий ходят, – сказала и, поняв, что перегнула палку, сама испугалась сказанного, но слово не воробей.

– Так что я, по-твоему, ненормальный? – переходя на крик, вознегодовал Михаил Романович. – Да, я ненормальный, когда на своем истребителе все небо исколесил, но Бога там не увидел. А где был твой Бог, когда фашистские самолеты разбомбили наш санитарный поезд и из пулеметов добивали раненых, которые не могли укрыться и были беззащитны? Почему Бог их не укрыл? Я был ненормальный, когда летел под откос в санитарном вагоне и только чудом остался жив?!

– Миша, но ведь это чудо Бог совершил, разве ты этого не понял – ни тогда, ни сейчас?

Удивительное дело, но именно эта вылетевшая у Михаила Романовича фраза «чудом остался жив» вмиг иссушила его раздражение. Негодование куда-то исчезло, и, махнув рукой, уже успокаиваясь, он сказал:

– Иди к своим попам, раз тебе нравится, что тебя дурачат.

За всенощной Анастасия Матвеевна горячо молилась за Михаила, чтобы Бог просветил его разум и сердце. Несмотря ни на что, мужа своего она сильно любила. Когда приходила в храм, всегда становилась перед иконой архистратига Михаила, стояла перед ней всю службу, молясь за то, чтобы Господь просветил ее мужа светом истины.

У каждого человека есть какая-то главная мечта его жизни. Такая мечта была и у Анастасии Матвеевны. Она всем сердцем хотела, чтобы настал когда-нибудь день, и они вместе с Мишей под руку пошли бы в церковь к службе. После службы так же вместе возвращались бы домой. Вдвоем читали бы молитвенное правило перед сном и утром. Этого она желала больше всего на свете.

– Господи, если тебе угодно, забери мою жизнь, только приведи Мишеньку в храм для жизни вечной.

Когда Анастасия Матвеевна вернулась домой, Михаил уже лежал в кровати. Не было еще девяти часов вечера, так рано он не ложился, это сразу насторожило Анастасию Матвеевну.

– Мишенька, ты что, заболел, тебе плохо?

– Немного неважно себя чувствую, но ты, Настенька, не беспокойся – пройдет.

Анастасия Матвеевна не успокоилась, она-то хорошо знала: уж раз он лег – дело серьезное, и вызвала врача. Врач ничем не утешил, измерил давление, прослушал сердце, сделал укол и заявил, что необходима госпитализация. Но Михаил Романович категорически отказался ехать в госпиталь. На следующий день его состояние ухудшилось.

– Миша, может, батюшку позвать, ведь ты ни разу не исповедовался, ни разу не причащался.

Он, открыв глаза, глянул сердито:

– Что, уже хоронишь меня?

– Да что ты, Мишенька, Господь с тобою, наоборот, верю, что через это на поправку пойдешь.

Он устало прикрыл глаза, а когда она собиралась отойти от постели на кухню, вдруг, не открывая глаз, произнес:

– Ладно, зови попа.

Сердце Анастасии Матвеевны зашлось в радостном волнении, она выбежала в соседнюю комнату, упала на колени перед иконами и расплакалась. Всю ночь она читала каноны и акафисты, чтобы Миша дожид до утра и дождался священника.

Батюшка пришел в половине девятого, как и договаривались. Она провела его к мужу и представила:

– Вот, Миша, батюшка пришел, как ты и просил, это наш настоятель отец Александр. Ну, я вас оставляю, буду на кухне, если понадобится какая помощь, позовете.

Отец Александр, мельком взглянув на фотографии, где Михаил Романович был в парадном мундире с орденами и медалями, бодро произнес:

– Не беспокойтесь, Анастасия Матвеевна, мы – два старых вояки, как-нибудь справимся со всеми трудностями.

Михаил Романович глянул на молодого священника, сердито подумал: «Что он ерничает?»

Отец Александр, как бы отгадав его мысли, сказал:

– Пришлось немного повоевать, интернациональный долг в Афганистане исполнял. Служил в десанте, так небо полюбил, что после армии мечтал в летное пойти, был бы летчик, как вы, да не судьба.

– Что же так?

– Медкомиссия зарубила, у меня ранение было.

– Понятно.

Священник Михаилу Романовичу после такого откровения не то чтобы понравился, а прямо как родной стал. Немного поговорили, потом отец Александр сказал:

– У вас, Михаил Романович, первая исповедь. Но вы, наверное, не знаете, в чем каяться?

– Вроде жил как все, – пожал тот плечами. – Сейчас, правда, совесть мучает, что кричал на Настю, когда в церковь шла, она ведь действительно глубоко в Бога верит. А я ей разного наговорил, что, мол, летал, Бога не видел в небе и где, мол, был Бог, когда на войне невинные люди гибли.

– Ее вере вы такими словами не повредите, она в своем сердце все ответы на эти вопросы знает. А вот для вас, по всей видимости, эти вопросы имеют значение, раз в минуту душевного волнения вы их высказали. По этому поводу вспоминается случай, произошедший с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким). Он был не только церковный иерарх, но и знаменитый ученый-хирург, во время Великой Отечественной войны – главный консультант военных госпиталей. Делая операции, он не раз спасал от смерти самых безнадежных раненых. Как-то владыка Лука ехал в поезде в одном купе с военными летчиками, возвращавшимися на фронт после

ранения. Увидели они церковнослужителя и спрашивают: «Вы что, в Бога верите?» – «Верю», – говорит владыка. «А мы не верим, – смеются летчики, – так как все небо облетали, а Бога так и не видели». Достает тогда архиепископ Лука удостоверение профессора медицины и говорит: «Я тоже не одну операцию сделал на мозге человека: вскрываю черепную коробку, вижу под ней мозг, а ума там не вижу. Значит ли это, что ума у человека нет?»

– Какой находчивый владыка, – восхитился Михаил Романович.

– А насчет того, что невинные гибнут, это действительно непонятно, если нет веры в бессмертие, а если есть христианская вера, то все понятно. Страдания невинных обретают высший смысл прощения и искупления. В плане вечности Господь каждую слезинку ребенка утрет. Всем Бог воздаст, если не в этой жизни, так в будущей, по заслугам каждого.

После исповеди и причащения отец Александр пособоровал Михаила Романовича. После соборования тот признался:

– Верить ли, батюшка, на войне смерти не боялся, в лобовую атаку на фашиста шел, а теперь боюсь умирать, что там ждет – пустота, холодный мрак? Приблизилась эта черта ко мне, а перешагнуть ее страшно, назад еще никто не возвращался.

– Страх перед смертью у нас от маловерия, – сказал отец Александр и, распрощавшись, ушел.

После его ухода Михаил Романович сказал жене:

– Хороший батюшка, наш человек, все понимает.

Ободренная этим высказыванием, Анастасия Матвеевна робко сказала:

– Мишенька, нам бы с тобой повенчаться, как на поправку пойдешь, а то, говорят, невенчаные на том свете не увидятся.

– Ну вот, опять за старое, да куда нам венчаться, это для молодых, засмеют ведь в церкви. Сорок лет прожили невенчаные, а теперь здрасте, вот мы какие.

– Ради меня, Мишенька, если любишь. Пожалуйста.

– Любишь – не любишь, – проворчал Михаил Романович. – Еще выздороветь надо. Иди, я устал, подремлю малость. Коли выздоровлю, там видно будет, поговорим.

– Правда? – обрадовалась Анастасия Матвеевна. – Обязательно выздоровеешь, быть другого не может, – и, чмокнув мужа в щеку, заботливо прикрыла его одеялом.

Произошло действительно чудо, в чем нисколько не сомневалась Анастасия Матвеевна. На следующий день Михаил пошел на поправку. Когда пришел участковый врач, то застал Михаила Романовича на кухне за чаем и чтением газеты. Померив давление и послушав сердце, подивился:

– Крепкий вы народ, фронтовики.

Когда Анастасия Матвеевна напомнила мужу о венчании, он отмахнулся:

– Погоди, потом решим. Куда торопиться?

– Когда же потом? Скоро Великий пост, тогда венчаться аж до Красной горки нельзя.

– Сказал, потом, значит, потом, – с ноткой раздражения в голосе ответил он.

Анастасия Матвеевна пробовала еще несколько раз заводить разговор о венчании, но, почувствовав, что нарывается на скандал, сразу умолкала. Так и наступило Прощеное воскресенье и начался Великий пост. Анастасия Матвеевна старалась не пропускать службы, в первую неделю ходила каждый день. Потом стала недомогать, снова, как раньше, появились сильные боли в правом боку. А к концу поста вовсе разболелась и слегла. Сын Игорь свозил ее в поликлинику, оттуда направили на обследование в онкологию. Когда они вернулись, Игорь отвел отца в сторонку:

– Папа, у мамы рак печени, уже последняя стадия, врачи сказали – осталось немного.

– Что значит «немного»? Точно проверили, может, ошибаются? Чем-то можно помочь? Операцию сделать, в конце концов, – растерянно произнес Михаил Романович.

Сын отрицательно покачал головой.

– Надо готовиться к худшему, папа. Не знаю, маме говорить или нет?

– Что ты, сынок, не надо раньше времени расстраивать, я сам с ней поговорю.

Он сел к кухонному столу, обхватил свою седую голову руками и сидел так минут пять, потом решительно встал.

– Пойду к ней.

Подойдя, сел на краешек кровати, взял нежно за руку.

– Что же ты расхворалась, моя верная подруга? Давай поправляйся скорей, Пасха приближается, куличи будем печь, яички красить.

– Что сказали врачи, Миша? – прямо посмотрев ему в глаза, спросила она.

Михаил Романович суетливо завертел головой.

– Ну что-то сказали, надо лечиться и поправишься. Вон сколько лекарств тебе понавыписывали.

– Не ври, Мишенька, ты же не умеешь врать, я и так сама все понимаю. Умирать мне не страшно, надо только подготовиться достойно к смерти, по-христиански. Ты мне отца Александра приведи, пусть исповедует, причастит, да и пособороваться хочу. Так мы с тобой и не повенчались, как пред Богом предстанем?

– Милая Настенька, ты выздоравливай, ради Бога, и сразу пойдем венчаться.

– Теперь уж, наверное, поздно. Страстная седмица начинается. Затем Светлая, до Фомина воскресенья я не дотяну. Значит, Богом не суждено.

Михаил Романович шел в церковь за отцом Александром и про себя бормотал: «Это как же – не суждено? Что значит «не суждено»? Ведь мы как-никак сорок лет прожили!»

В церкви, повстречавшись с отцом Александром, договорился, что утром тот подъедет к ним. Поговорил с ним насчет желания венчаться. Отец Александр задумался:

– На Страстной однозначно нельзя, на Светлой хоть и не принято по уставу, но исключение можно сделать. – Посмотрел на осунувшегося Михаила Романовича, добавил: – Если будем усердно молиться, она доживет и до Красной горки, я в этом уверен.

– Буду, конечно, молиться, только не знаю как.

Отец Александр подвел его к иконе архистратига Михаила.

– Здесь ваша супруга постоянно стояла за службой, наверное, за вас молилась вашему ангелу-хранителю. Я вам предлагаю, пока она болеет, заменить ее на этом боевом посту, я не шучу, когда говорю про боевой пост. Апостол Павел пишет, что наша брань не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных².

Для Михаила Романовича от этих слов все сразу встало на свои места. Его соратница, его боевая подруга, его милая жена, пока он дома отлеживался у телевизора с газетой, была на боевом посту. Она боролась за него, за свою семью, против врагов невидимых, а потому более коварных, более опасных. Боролась одна, не имея в нем никакой помощи. Мало того что он не поддерживал ее в этой борьбе, он еще потакал врагу. Теперь, когда она лежит больная, он должен встать на этот боевой пост. И он встанет, ему ли, старому вояке, не знать, что такое долг воина-защитника. Он встанет, обязательно встанет, и ничто не помешает ему в этом!

Анастасия Матвеевна заметила, что муж ее вернулся какой-то подтянутый, собранный, решительный и даже помолодевший.

– Настя, завтра утром батюшка придет, буду собороваться вместе с тобой. Сейчас покажи мне, какие молитвы читать, я за тебя и за себя прочитаю.

– Мишенька, что с тобой? – еще не веря всему, прошептала Анастасия Матвеевна.

– Ничего. Вместе воевать будем.

– С кем воевать, Миша? – даже испугалась Анастасия Матвеевна.

² См.: Еф.6: 12.

– С духами злобы поднебесной, – отчеканил полковник. – И раскисать не будем, – увидев слезы на глазах жены, добавил он.

– Да это я от радости, Миша, только от радости.

– Ну, это другое дело.

Каждый день на Страстной седмице Михаил Романович ходил в храм. Стоять приходилось подолгу, службы Страстной седмицы особые, длинные. Но он мужественно выстаивал их от начала и до конца, хотя и не понимал, что и для чего происходит, но боевой пост есть боевой пост, приказано – стой, высшее командование само знает. Высшим командованием для него в данном случае был отец Александр. После службы он часто подходил к нему, что-нибудь спрашивал. Как-то поделился своими переживаниями.

– Сам-то я хожу сейчас в церковь, а вот сын со снохой... Их разве заставишь? Наш грех: сами не ходили в молодости и детей не приучили.

– Да, это проблема не только ваша, многие подходят с подобным вопросом. Честно признаться, не знаю, что и отвечать. Советую усиленно молиться за детей, молитва родителей многое может. Мне как-то рассказывали один случай. У одного верующего человека был неверующий сын. Отец, конечно, переживал сильно. А перед тем как умереть, завещал сыну, чтобы он после смерти в течение сорока дней заходил в его комнату каждый день на пятнадцать минут, ничего не делал, только молча бы сидел. Сын исполнил последнюю просьбу отца. А как сорок дней прошло, сын сам пришел в храм. Я думаю, что тот отец понимал, что молодежь в суете живет. Некогда над вечным подумать: о смысле жизни, о своей душе, о бессмертии, о Боге.

Великим четвергом Михаил Романович причастился, а вечером, после чтения двенадцати Евангелий, умудрился принести домой огонь в самодельном фонарике. От него зажгли лампадку в комнате Анастасии Матвеевны. В субботу сходил в церковь, освятил кулич и крашеные яйца. Кулич испекла им сноха, а яйца красил сам Михаил Романович, так как Анастасия Матвеевна, вконец обессилевшая, постоянно лежала в кровати. Врач-онколог, курирующий ее, удивлялся, что она все еще жива. После ночной пасхальной службы Михаил Романович пришел домой весь сияющий, уже с порога закричал:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – ответила чуть слышно Анастасия Матвеевна, любясь своим мужем, который на Пасху нарядился в свой парадный мундир со всеми наградами. Раньше он надевал его только на 9 Мая. – Ты прямо как на День Победы, – улыбаясь, сказала она.

– А сегодня и есть День Победы, победы над смертью, так в проповеди отец Александр и сказал.

Они поцеловались три раза.

– Ты давай поправляйся, в следующее воскресенье, на Красную горку, поедem в церковь венчаться.

– Как уж Бог даст, но я буду ждать.

В воскресенье подъехал сын вместе со снохой на своей машине. Сноха помогла Анастасии Матвеевне надеть ее лучшее платье. Михаил Романович с сыном под руки осторожно вывели ее и усадили в машину. В храме отец Александр разрешил поставить для нее стул. Так и венчались: Анастасия Матвеевна сидела, а рядом в парадном мундире стоял ее любимый супруг. Во время венчания он несколько раз поглядывал с заботливостью на нее, а она отвечала полным благодарности взглядом: мол, все со мною в порядке, не беспокойся и молись. Домой привезли Анастасию Матвеевну совсем ослабевшую и почти что на руках внесли и уложили в постель прямо в платье. Дети уехали, обещав вечером подъехать проведать. Михаил Романович сел на стул рядом с кроватью жены и взял ее за руку.

– Спасибо, Мишенька, я сегодня такая счастливая. Теперь можно спокойно помереть.

– Как же я? – растерялся Михаил Романович.

– Мы же с тобой повенчанные, нас смерть не разлучит. Я чувствую, что сегодня умру, но ты не скорби, как прочие, не имеющие упования, мы с тобой там встретимся непременно. Ты помнишь, как мы с тобой первый раз повстречались?

– Конечно, помню: в Доме офицеров, на вечере по случаю Дня Победы, ты еще все с капитаном Кравцовым танцевала, я тебя еле от него отбил.

– Дурачок, я как тебя увидела – сразу полюбила, и никакие кравцовы мне были не нужны.

– Настенька, ты знаешь, мне очень стыдно, хоть и прошло много лет, все же совесть напоминает. Встретимся на том свете, говорят, там все откроется. Так вот, чтобы для тебя не было неожиданностью, короче, хочу признаться: я ведь тогда с Клавкой... Ну, словом, бес попутал.

– Я знала, Мишенька, все знала. В то время мне так больно было, так обидно, что жить не хотелось. Но я любила тебя, вот тогда-то я впервые в церковь пошла. Стала молиться перед иконой Божией Матери, плакать. Меня священник поддержал, сказал, чтобы не разводилась, а молилась за тебя, как за заблудшего. Не будем об этом больше вспоминать. Не было этого вовсе, а если было, то не с нами, мы теперь с тобой другие.

Михаил Романович наклонился и поцеловал руку супруге.

– Тебя любил, только тебя любил, всю жизнь только тебя одну.

– Почитай мне, Миша, Священное Писание.

– Что из него почитать?

– А что откроется, то и почитай.

Михаил Романович открыл Новый Завет и начал читать:

– Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...³

Он вдруг заметил, что супруга перестала дышать и, подняв голову от книги, увидел застывший взгляд его милой жены, устремленный в угол с образами.

– Мы скоро увидимся, Настенька, – сказал он, закрывая ей глаза.

Затем он встал, подошел к столу, взял лист бумаги и стал писать: «Дорогой мой сынок, прости нас, если что было не так. Похорони по-христиански. Сынок, выполни мою последнюю просьбу, а не выполни последнюю просьбу родителей, ты же знаешь, великий грех. После того как похоронишь нас с мамой, в течение сорока дней заходи в эту комнату и посиди здесь минут пятнадцать – двадцать каждый день. Вот такая моя последняя просьба. Поцелуй за меня Люсю и внуков. Христос воскрес! Твой отец».

Затем он поцеловал жену и, как был в мундире, лег с нею рядом, взял ее за руку и, закрыв глаза, сказал:

– Пойдем вместе, милая, я тебя одну не оставляю.

Когда вечером Игорь с женой приехали к родителям, то долго не могли дозвониться, так и открыли дверь своим ключом. Прошли в спальню и увидели, что мать с отцом лежат на кровати рядом, взявшись за руки, он в своем парадном мундире, а она в нарядном платье, в которых они сегодня венчались. Лица у обоих были спокойные, умиротворенные, даже какие-то помолодевшие, казалось, они только уснули, вот проснутся – и так же, взявшись за руки, пойдут вместе к своей мечте, которая ныне стала для них реальностью.

Январь 2002. Волгоград

³ 1 Кор. 13: 4–8.

Утешение в старости

Мария Ивановна проснулась среди ночи. Ныли все суставы, и колени распухли. «Наверное, к перемене погоды», – подумала она. Но не только суставы не давали ей заснуть, ныла еще и душа. Женщина долго лежала с открытыми глазами, пока наконец не стала различать очертания предметов: шкаф, стол и диван у противоположной стены, на котором похрапывал ее внук, пятнадцатилетний Василий. Душа болела от вчерашней обиды.

Днем приходила в гости ее сватья, мать зятя, Людмила Тарасовна. Во время ужина сватья не преминула сказать очередную гадость:

– Хорошо некоторые устроились, на всем готовеньком, едят, пьют и ни о чем не думают. А мне надо пойти купить продукты да приготовить, а сейчас все вон как дорого.

Сомневаться не приходилось, что эти «некоторые» – она, Мария Ивановна. После таких слов от обиды стало трудно дышать, а уж ложка и подавно в рот не полезла. Мария Ивановна сидела опустив голову и помешивала ложкой суп, раздумывая, как же ей реагировать на это. Да так и не нашлась что сказать.

Сватья как ни в чем не бывало болтала уже на другую тему.

– Выборы скоро, – говорила она, – президента выбирать будем. Вот при коммунистах-то мы как хорошо жили!

Лежа теперь в темноте и вспоминая высказывания свахи, Мария Ивановна тяжело вздохнула: «Ох уж эти коммунисты, коротка, видать, твоя память, Людмила Тарасовна, а я вот все помню».

Зима в 1931 году выдалась суровая. Иван Артемьевич Копелев зашел в избу какой-то потерянный. Скинул рукавицы и, повесив возле дверей полушубок с шапкой, пошел к раковине. Машенька шустро соскочила с полатей и, зачерпнув из бочки ковшиком воды, стала поливать отцу на руки. Это важное дело она никому из братишек и сестренек не доверяла. Ей нравилось лить воду на отцовские сильные руки. Отец обычно умывался не торопясь, основательно. В большие ладони входило едва ли не полковша воды. Одним движением отцовских рук вся эта вода оказывалась на его лице, бороде, ушах и шее. Брызги летели на Машу, но она на них не обращала внимания. Маша ждала главных брызг. Когда подавала отцу полотенце, то он, смеясь, брызгал со своих рук на ее лицо, а она радостно повизгивала.

Но в этот раз все было не так. Отец как-то задумчиво плеснул себе пару раз на лицо и сразу потянулся за полотенцем, даже не взглянув на Машу. Затем подошел к столу, широко перекрестившись, сел в красный угол.

Детишки, сразу соскочив с печи, тоже сели к столу. Бабушка подала отцу свежий каравай. Он молча нарезал хлеб, прижимая каравай к груди, и раздал его детям. Как было приятно получить из отцовских рук пахучий свежий кусок теплого ржаного хлеба! Это было целое действо. Вначале он подавал хлеб старшему сыну, Ванятке, потом ей, Маше, затем Настеньке, а самому младшему, Грише, – в последнюю очередь.

Мать достала ухватом чугунок щей из печи. И, ловко перелив из него щи в большую миску, поставила ее посреди стола. Щи были пустые, без мяса. Идет Рождественский пост – Филипповки. Вот к Рождеству отец обещал телка заколоть, тогда и мясо на столе будет, и обновку Маше к школе справят. Четырехлетний Гришка полез было зачерпнуть из миски щей, но тут же получил ложкой по лбу от отца. Настенька прыснула смехом и тоже получила по лбу. Теперь оба сидели и потирали лбы. Это им наука: вперед батьки не лезть в миску и вести себя за столом прилично.

После ужина дети забрались на печку спать. Бабушка ушла по хозяйству. Отец с матерью остались сидеть за столом. Иван Артемьевич вынул кисет с самосадом, не торопясь скрутил козью ножку и прикурил ее от лучины, стоящей на столе.

– Плохи наши дела, Фрося, – сказал он, обращаясь к матери.

Маша расслышала слова отца и в тревоге навострила уши.

– Да уж чего хорошего, – поддакнула мать, – озимые могут померзнуть, снегу-то мало выпало. Прогневили мы Бога. Я еще на Покров подумала о том, что урожай плохой будет, раз снег не выпал, это уж верная примета.

– Я не о том, мать, толкую. В колхоз меня тянут, а я опять отказался. Никак у меня душа не лежит свою животину этим босякам на общий двор вести. У них уже год как колхоз образован, а проку никакого нет. То коммуны эти выдумали, то колхозы. Куда податься крестьянину, Бог весть.

– Что же с нами будет? – спросила тревожно мать.

– Что вступать в колхоз – пропадать, что не вступать – пропадать, только об этом целый день душа моя и болит.

– Может, с кем посоветоваться? – предложила мать.

– Да с кем теперь посоветуешься? Матфей Егорыч был умный мужик, так его уж раскулачили и сослали.

– Мы же, чай, не кулаки, мы к середнякам относимся.

– Единоличники мы, а значит, для них – те же кулаки. Уж коли они таких крепких хозяев извели, то до нас теперь им добратся самое время.

– Что же нам делать? – в тревоге спросила мать.

– Ладно, утро вечера мудренее, пойду скотине корму задам и спать.

Это утро Маша запомнила на всю жизнь. В дом вошли чужие. Семью вывели во двор. Маша с Настей и Гришей стояли рядом с мамой, прижимаясь к ее подолу. Старший, Ванятка, стоял рядом с понурым отцом. Чужие люди выносили из избы вещи и грузили их на телегу. Из хлева выгнали корову и теленка и тоже привязали к телеге. Когда вывели кобылу Соньку, отец, проводив ее тоскливым взглядом, сжал кулаки и снова понурил голову. Бабушка крестилась, мать тихо заплакала, вслед за ней заплакали Настена с Гришей. Маша насупилась, но, подражая старшему брату, силилась не плакать.

Больше всех старался их односельчанин – дядя Ваня Кликушев. Он радостно суетился, покрикивая, указывая, что еще выносить. Рядом с ним бегал его сынок Пашка, Машин ровесник. Когда все вынесли, Маша заметила, как Кликушев то смотрит на нее, то переводит взгляд на своего сына. Затем он подошел к Маше и, нагнувшись к ее лицу, оскалив полусгнившие зубы, захихикал. В нос Маше ударил винно-табачный перегар. Маша, отвернувшись, уткнулась в подол матери.

– Ты не вороти свою кулацкую мордочину, давай-ка скидывай полушубок, – сказал он, продолжая хихикать.

На Маше был совсем новый овчинный полушубок, который мама ей сшила к этой зиме. Она вопросительно посмотрела на мать.

– Снимай, дочка, куда же деваться.

Кликушев снял со своего сына драное пальтишко и накинул его на Машины плечи.

– На, носи да помни мою доброту. И ты, сынок, надевай, теперь наше время настало.

Пашка, надев Машин полушубок, показал ей язык. Та, не выдержав такой обиды, заплакала.

Отец, стоявший до этого молча, поднял свой тяжелый взгляд на Кликушева:

– Ты чего же, ирод, над ребенком изгиляешься?

– А ты, эксплуататор, забыл небось, как я у тебя батрачил и что ты мне заплатил, кулацкое отродье? Ты над моими детьми тогда изгилялся, а я сейчас – все по справедливости, вот.

– Какая уж справедливость? Ты же в самый разгар посевной в запой ушел, за что же тебе платить? Не пил бы, работал, как человек, и тебе бы справедливость была. А на чужом достатке своего счастья не построишь.

– Нам советская власть счастье даст. А вас, кулаков, всех под корень, вот.

– Эх, Иван, дурак ты был, дураком и помрешь. Неужто ты думаешь, что советской власти такая пьянь подзаборная нужна будет?

– Но-но, ты у меня поговори еще, враг затаенный! – закричал Кликушев, но как-то уже неуверенно. – Если бы ты, случаем, не воевал в Красной армии, то сейчас бы уже пошел следом за другом своим, за Матфеем Егорычем.

Вечером сидели в пустой избе и пили взвар на бруснике с постными лепешками.

– Не успокоятся они на этом, – сказал отец. – Уходить отсюда надо, пока не поздно.

– Куда же мы пойдем? – вздохнула мать. – Кому мы нужны?

– Поедем под Курск, там новые шахты открывают и заводы строят. Рабочие руки всегда нужны. Сегодня ходил к Семену Подкорытову, за деньги он справки нам сделает. Ванятка уже большой, его здесь, в городе, в училище пристроим, специальность приобретать. С собой возьмем младших, Настену и Гришу, а Маша с бабушкой пока здесь у Сениных поживут. Как сами устроимся, и им знать дадим, чтобы приезжали.

Так Маша и осталась с бабушкой в деревне. Жили у своей родни, в их избе. Было тесно и голодно. Весной после Пасхи перебрались в сарай. Родня дальняя да бедная, сами кое-как перебиваются. А уж нахлебники им тем более не нужны.

Прошел праздник Троицы. Еды никакой не было уже третий день, и Маша вопросительно поглядывала на бабушку. Та поохала да повздыхала, а потом и сказала:

– Сгибнем мы с тобой, внученька, тут. Надо под Курск к своим добираться.

Взяли они свои нехитрые пожитки в узелки и пошли к ближайшей станции на поезд. А ближайшая станция находилась в сорока верстах от их деревни. На второй день пути Маша упала в голодный обморок. Перепуганная бабушка бегала вокруг внучки, крестила ее, шептала молитвы и брызгала водой, пока Машенька не очнулась. Пожевали они какой-то травы, что росла кругом в изобилии, набирая свою легкую силу, затем попили воды из ручья и пошли дальше. Когда проходили мимо одного хутора, бабушка постучала в крайнюю избу. Вышла женщина и сердито спросила:

– Чего надо?

– Доченька, не мне, а вот ребеночку хотя бы чашечку супа, пять дней она ничего не ела.

– Много вас тут ходит, своих кормить нечем!

Но увидев огромные, впавшие глаза Маши, смотрящие на нее умоляюще, исполненные надежды, ушла в дом и вынесла чашку гороховой похлебки. Маша накинулась на похлебку, прямо через край чашки выпивая ее крупными глотками, но потом, как бы опомнившись, глянула на бабушку:

– Бабуля, и ты поешь.

– Кушай, внученька, – заплакала старушка, – мне все равно скоро помирать.

– Да ешьте вы скорее и уходите, не рвите мне душу! – в сердцах воскликнула хозяйка. – Я ведь у своих детей отнимаю! – И, заплакав, побежала в избу.

До станции добрались к вечеру. Народу к кассам за билетами было много, все кричали, скандалили, а уж бабушку с Машей совсем затерли. Они вышли из очереди и отошли в сторонку перевести дух. Бабушка шептала молитву Богородице. Маша знала эту молитву, когда-то она учила ее, потому стала шептать вместе с бабушкой.

Это была очень красивая молитва. Но как ни старалась Мария Ивановна впоследствии, через многие годы, припомнить слова не могла.

Когда они закончили читать молитву в третий раз, к ним подошел какой-то военный:

– Тетя Феня, да неужто это ты?

– Ах ты, Господи, Вася! Бог тебя привел! А это моя внучка, Маша.

– Ванина дочка, что ли? – осведомился военный.

– Его, сыночка моего, дочка. Вот к нему едем под Курск, да билеты не можем взять.

– А деньги у вас есть?

– Есть, милоч, есть, а как же, сберегла. Сами-то чуть с голоду не умерли, а деньги на дорогу схоронила.

– Давайте их мне и ждите здесь.

Когда он ушел, бабушка пояснила Маше:

– Это, внучка, сынок соседа нашего, Протаса, Царство ему Небесное. Вася как в Красную армию ушел, так в село и не вернулся. А теперь вон какой стал! Был бы жив отец, вот бы на него полюбовался! Я думаю, Божья Матерь его к нам послала, Она, Кормилица, кому же еще такое чудо произвести!

Вскоре пришел дядя Василий. Принес билеты и вызвался проводить их на поезд. Когда он посадил Машу с бабушкой в вагон, то достал из вещмешка полбулки ржаного хлеба и две луковицы:

– Вот, тетя Феня, все, что могу. А мне в другом направлении ехать.

– Спаси тебя Христос и Матерь Божия. В каком же ты теперь чине, Вася? – любопытствовала бабушка.

– Я командир Красной армии, артиллерист, – с гордостью сказал Василий и, распрощавшись, ушел.

Бабушка сразу отрезала Машеньке ломоть хлеба. Та, схватив его обеими руками, стала быстро есть, глотая почти непрожеванные куски.

– Ой, внученька, ради Бога, не спеши, а то подавишься, не дай Бог, и помрешь. Торопиться нам некуда, два дня в поезде придется ехать.

Шел 1937 год. Отец работал на шахте, мать – там же, в прачечной. Маша с младшими ходили в школу. Жили все равно впроголодь, хотя деньги кое-какие были, да не больно-то на них что купишь, хлеб в поселок завозили редко. Обычно Маша занимала очередь с вечера и стояла всю ночь. Хлеб выдавали по норме. На их семью полагалась буханка с четвертью в день, но и это не всегда доставалось.

Скоро случилась беда: шахту затопило грунтовыми водами. Работы прекратились. Главного инженера судили как вредителя народного хозяйства. Вот уже месяц отец сидел без работы. Жить стало еще труднее.

В поселок приехал вербовщик из Архангельска. Отец записался на стройку плотником. Вербовщик посадил всех в вагон, выдал сухие пайки, и поезд тронулся в путь. Ехали медленно, подолгу простаивая на разных полустанках. До Москвы добрались только через три дня, там была пересадка. Маша бегала по огромному вокзалу и всему удивлялась. Вскоре пришел отец, он принес сразу семь буханок белого хлеба. Маша и все дети были просто поражены: такого количества хлеба, да еще пшеничного, они в жизни не видели.

– Откуда это? – испуганно и одновременно обрадованно спросила мать.

– Ты не поверишь, Фрося, тут хлеб продается без всякой нормы, бери сколько хочешь. Я только за угол от вокзала прошел метров двести, а там магазин – и никакой очереди, просто диво.

Мама всем отрезала по большому куску белого хрустящего хлеба...

«Боже мой, – вспоминала Мария Ивановна, – ничего в жизни я вкуснее этого хлеба не ела. Торты и пирожные, любые праздничные сладости не идут ни в какое сравнение с этим хлебом, съеденным в Москве в 1937 году».

Лежать надоело. Она, охая и кряхтя, встала с постели и, накинув халат, пошла на кухню. Там, не включая свет, села к столу, предварительно раздвинув на окнах занавески. Яркая луна осветила кухню бледно-голубым мертвящим светом.

Мария Ивановна сидела, подперев рукой подбородок, предаваясь своим невеселым думам. Шлепая босыми ногами, прошла в туалет дочь. Выходя из туалета, нечаянно перепутала выключатели и зажгла свет на кухне. Увидев сидящую за столом мать, вздрогнула:

– Фу, мама, как ты меня напугала! Чего ты здесь сидишь среди ночи?

– Не спится мне, доченька.

– Ну, не спится – сиди, а зачем в темноте-то? Включи свет, чего-нибудь почитай. Чего экономить-то?

Когда она ушла, Мария Ивановна встала и выключила лампочку. «Умная больно. Чего экономить! А то, что за все коммунальные услуги я со своей пенсии плачу, этого даже не замечают. И какая же я после этого нахлебница? Зять год уже как случайными заработками промышляет. Да и когда работал на заводе, все с моей пенсии тянули, то на это, то на то. На смерть себе немного отложила, так и к этим деньгам подбираются. Третьего дня Клавка прямо под нос сунула порванные ботинки. Вот, мол, полюбуйся, в чем у тебя внук ходит. Что же делать? Полезла в свои «гробовые», справила Ваське обувку. Зять который уже день намекает, что нужны деньги на починку машины. Пыталась отмалчиваться, но тут дочка вспылила: «Ты что же, мама, думаешь, не похороним тебя? Не бойся, здесь лежать не оставим». Очень уж в последнее время грубо стала разговаривать Клава со мной. Да и внук тоже хорош, даже спасибо бабушке за ботинки не сказал. Придет из школы, включит свою музыку на полную катушку, хоть из дома беги. Когда был жив муж, так не обращались. Ах, Федя, как мне тебя сейчас не хватает, если бы ты только знал! Жили с тобой, и я тебя почти не замечала, такой ты у меня был тихоня. А как умер, тогда и поняла, что ты для меня значил в жизни».

Когда Маша окончила в 1940 году школу, жили они с родителями уже в Мурманске. Отец работал в порту. А мама нигде не работала, болела. Умирала она в ясный, теплый майский день, на Пасхальной неделе. Умирала тихо и спокойно, по-крестьянски. До последней минуты держала в руках большую рабочую руку отца. Перед самой смертью прошептала:

– Новую хозяйку в дом не приводи. У тебя дочка уже взрослая, она по дому справится.

После смерти матери отец как-то сразу осунулся, постарел, стал еще молчаливее. После объявления войны в июне 1941 года отправился в военкомат. Пришел прощаться с детьми уже в военной форме. Маша к этому времени окончила первый курс педагогического института. Учебу пришлось отложить, она теперь была единственной кормилицей для младших.

Город стал чуть ли не с первых дней войны прифронтовым. Было страшно от налетов вражеской авиации и постоянной угрозы штурма фашистов с моря. Работала на судоремонтном заводе, тут и познакомилась с Федором. На фронт его не взяли – бронь специалиста по электросистемам подводных лодок. Впервые увидела его в заводском клубе. Девчонки танцевали с морскими офицерами, она тоже ждала, что кто-то пригласит ее. Подошел гражданский, смущаясь и краснея, пригласил на танец. Правда, танцевать толком не мог, несколько раз наступил Маше на ногу. Когда на второй танец ее пригласил военный моряк, она была очень рада тому, что избавилась от этого увальня. Но, кружась в вальсе, замечала на себе его восторженный взгляд. По окончании вечера этот парень, назвавшийся Фейдой, попросил разрешения проводить ее до дома. Потом стал частенько захаживать в гости. Придет, принесет гостинец – сахар или консервы, сядет и сидит, слова из него не вытянешь. В конце концов Мария привыкла к нему, как к другу, и даже, если долго не приходил, ей словно чего-то не хватало.

Когда окончилась война, в день капитуляции Германии Федор прибежал к ней взволнованный. Поздравил с Победой и, чмокнув ее в щеку, тут же покраснел, как рак. Немного постоял, переминаясь с ноги на ногу. Потом, набравшись храбрости, в отчаянии выпалил: «Я тебя люблю, выходи за меня замуж» – и, не дожидаясь ответа, убежал. Так что непонятно было, бежать ли за ним вдогонку, чтобы согласиться, или ждать нового объяснения.

Парней после войны был большой дефицит, так что выбора особого и не было. Да и подруги посоветовали не упускать, а то, мол, и сами отобьем.

После женитьбы Федор уговорил ее окончить пединститут. Вскоре с фронта вернулся отец, ему зять очень понравился, и они быстро подружились. В семье всем руководила и верховодила она, Мария Ивановна. Муж ей ни в чем не перечил и безропотно подчинялся.

Только один раз в жизни он сказал ей «нет». Она тогда была уже завучем в школе, а в спальне у них муж повесил икону. Мария Ивановна беспокоилась, что придут в дом ее коллеги, увидят икону и подумают, что она, грамотный человек, советский педагог, и верит в Бога. Засмеют, да и карьере это может навредить. Но когда она хотела унести икону из дома, муж сказал свое твердое слово: «Нет, Маша, эта икона – благословение матери, и я ее никуда не отдам». По интонации она поняла, что муж, которого она считала безвольной тряпкой, сейчас в своем решении действительно неколебим, и отступила.

Погрузившись в свои воспоминания, Мария Ивановна не заметила, как рассвело. Скоро надо будить внука в школу. Она снова пришла в спальню, открыла сундучок и достала икону. Долго рассматривала ее. На иконе было изображение Девы Марии с Младенцем на руках. Хотела опять убрать ее в сундучок, но в последний момент передумала и поставила на тумбочку у своей кровати.

Проводив внука в школу, Мария Ивановна помыла посуду и только решила прилечь на кушетку немного отдохнуть, как в квартире над ними раздались крики и ругань. Там жила ее подруга Вера Семеновна, бывшая учительница химии и биологии. Мария Ивановна уже привыкла к частым скандалам на верхнем этаже. Вера Семеновна жила со своей разведенной дочерью Татьяной и двумя внуками. В последнее время конфликты между ними участились. Взаимная неприязнь матери и дочери росла в геометрической прогрессии. «У Веры Семеновны, конечно, характер резкий, прямолинейный, но это же не повод грубо обращаться со своей матерью», – подумала Мария Ивановна и решила подняться, чтобы пристыдить Татьяну, Верину дочку. Когда уже подходила к двери, то звуки ей показались странными, как будто кто-то хрипел и стонал. Дверь открыла Татьяна и сразу с порога закричала:

– Идите, Мария Ивановна, полюбуйтесь на свою подругу!

Мария Ивановна зашла в комнату, и перед ней предстала страшная картина: Вера Семеновна в ночной сорочке, с растрепанными седыми волосами ползала по полу на коленях, ее рвало, и она при этом еще пыталась собирать свою рвоту половой тряпкой. Когда в комнату зашла Мария Ивановна, Вера Семеновна повернула к ней свое заплаканное, искаженное болью лицо и что-то хотела сказать, но ее снова начало рвать, уже с кровью.

– Таня, что происходит? Что с Верой Семеновной? – испуганно проговорила Мария Ивановна.

– Что? Что происходит? – закричала Татьяна. – Хотела бы я сама знать, зачем эта ненормальная выпила бутылку уксуса. А я-то здесь при чем, что, я теперь в этом виновата?

– «Скорую» вызвали? Надо же «скорую», – совсем растерялась Мария Ивановна.

– Что же, думаете, мы какие-то изверги? Дочка моя к соседям побежала звонить, у нас телефон за неуплату отключен.

– Так почему же мать у вас на полу?

– Решила убрать за собой, она же у нас всегда такая чистюля была.

– Бессовестная, да как ты смеешь? У тебя же мать умирает! – гневно закричала Мария Ивановна.

– Все умрем, – зло ответила Татьяна, – одни раньше, другие позже. А то, что мать своей собственной дочери жизнь сломала, это как? Не она ли развела меня с мужем? Да чего я, собственно, от нее видела в этой жизни, кроме попреков?

Но Мария Ивановна уже не слушала Татьяну, а пыталась помочь подняться Вере Семеновне. В это время приехала «скорая» и увезла страдальницу в больницу.

На следующий день с утра Мария Ивановна поехала проведать подругу. Врач сказал, что спасти Веру Семеновну не удастся, сожжено почти две трети пищевода и скоро она умрет.

Мария Ивановна сидела у постели больной. Та разговаривать почти не могла, но все же с трудом зашептала:

– Маша, я этот уксус выпила, потому что мне жить больше не хотелось. – Она немного помолчала, потом опять зашептала: – Жить-то мне не хотелось, но и помирать теперь страшно. Маша, меня не оставляет чувство, будто мне эту бутылку кто-то в руку сунул и сказал: «Пей!»

– Господи, что ты говоришь, неужели Таня тебе уксус дала? – тоже перешла на шепот Мария Ивановна.

– Что ты, Маша, как можно так подумать! Она же мне дочка. Несчастливая она у меня, жалко мне ее, хотя и не могла ее выходки сносить, но все равно жалко. Тот, кто мне уксус подсунул, не человек, он во всем черном. Вон он сидит, на кровати, там, в углу.

Мария Ивановна оглянулась на кровать – она была пуста. «Господи, – подумала она, – неужели Вера сошла с ума?»

– Вера, ты о ком говоришь? Никого там нет, ни в черном, ни в белом.

– Ты, Маша, наверное, думаешь, что я сошла с ума? Нет, я ведь скоро умру, у меня сейчас голова яснее ясного. Жизнь у нас, Маша, какая-то неправильная. Весь свой век атеистами прожили, Бога забыли, а эти нас не забыли. – Она снова покосилась на кровать в углу. – Они все время с нами рядом были. Я ведь, Маша, в юности иконы наши семейные снесла на костер комсомольский, безбожный, и плясала вокруг того костра вместе со всеми. Пляшу, якобы радость выражаю, а у самой сердце щемит и тоскует, а я еще сильнее пляшу и хохочу, чтоб сердце свое не слышать. Всю жизнь этот костер мне душу жжет. Я теперь бы, Маша, веришь ли, голыми руками в огонь полезла, чтобы эти иконы достать. Так ведь этот, в черном, не даст, – показала она снова глазами на пустую кровать.

Марии Ивановне стало не по себе. Стало страшно. Она еще раз оглянулась на кровать – никого там не было, но ощущение присутствия кого-то передалось и ей.

– Может, тебе, Вера, икону принести? От моего Федора осталась.

– Неси, если успеешь, – заплакала Вера Семеновна.

Когда Мария Ивановна встала и уже хотела уйти, подруга попросила ее взглядом наклониться к ней и, когда та наклонилась, прошептала:

– Если не дождусь Таню, то ты передай, что я прошу прощения за то, что не так воспитала ее, а потом еще и сама на нее за это обижалась.

Мария Ивановна вышла из больницы в смятенных чувствах, расстроенная, и заковыляла к остановке. Села в трамвай, но, проехав несколько остановок, увидев в окошко храм, сошла. Зайдя в церковь, заробев, остановилась, не зная, что дальше делать. Службы уже не было. Несколько женщин намывали полы. Она подошла к одной из них:

– Здравствуйте, извините, пожалуйста, а можно ли священника в больницу позвать к умирающей?

– Конечно, можно, милая. Сейчас батюшку Димитрия приглашу, и вы с ним поговорите.

Мария Ивановна стояла в храме и смотрела на икону Божией Матери. «Как жаль, что я не знаю никаких молитв. А ведь в детстве учила с бабушкой какую-то молитву Богородице. Теперь уже не помню. Господи, ведь сама бабушкой стала, но ни своих детей, ни внуков молитвам не научила. Помру, и помолиться за меня некому будет», – с тоской подумала Мария Ивановна.

Неожиданно рядом с собой она услышала шутиливую присказку, которую когда-то сама любила повторять своим ученикам в школе на уроках геометрии: «Биссектриса – это крыса, та, что шарит по углам, делит угол пополам».

Мария Ивановна, вздрогнув от неожиданности и удивления, повернулась и увидела того, кто это сказал. Но от этого ей стало не легче. Перед ней стоял высокий бородатый священник и улыбался. «Господи, неужели я тоже схожу с ума?» – в смятении подумала Мария Ивановна.

– Ну, Мария Ивановна, я вижу, вы меня не узнаете, а я вас сразу узнал.

– Нет, не узнаю, – растерянно сказала Мария Ивановна.

– Это потому, что в школе я был без бороды и рясы. Я ваш бывший не очень прилежный ученик Тарасов.

– Господи, Дима, – всплеснула руками Мария Ивановна.

– Тише, Мария Ивановна, а то услышат и не поймут, я ведь теперь отец Дмитрий. Лучше расскажите, что у вас стряслось, а уж потом поговорим обо всем остальном.

Но Мария Ивановна вместо того, чтобы говорить, расплакалась, уткнувшись в рясу отца Дмитрия, сквозь слезы только повторяла: «Дима, Дима, как я рада, что это ты».

– Ну не надо плакать, Мария Ивановна, – успокаивал ее отец Дмитрий, поглаживая по голове, как маленькую девочку, седенькую, хрупкую старушку, когда-то грозного завуча средней школы номер 37.

Наконец-то Мария Ивановна успокоилась:

– Дима, то есть, простите, отец Дмитрий, вы помните вашу бывшую учительницу биологии Веру Семеновну?

– Как же я могу ее забыть, она со мной атеистическую работу проводила как с идеологически отсталым элементом, – засмеялся отец Дмитрий. – А что с ней?

– Она в больнице умирает, я думаю, к ней надо съездить.

– От чего она умирает? – сразу посерьезнел отец Дмитрий.

– Она выпила уксус.

– Тогда, Мария Ивановна, поспешим, если она помрет без покаяния, ее как самоубийцу нельзя будет даже отпевать.

Отец Дмитрий сходил в алтарь, взял там портфель и провел Марию Ивановну к своему автомобилю. Когда они приехали в больницу, около кровати Веры Семеновны сидела ее дочь и плакала. У Марии Ивановны екнуло сердце: «Неужели Вера умерла?» Но нет, та оказалась еще жива. Увидев священника, она с благодарностью посмотрела на Марию Ивановну и прошептала:

– Спасибо, Машенька, спасибо.

Отец Дмитрий попросил всех выйти и остался наедине с Верой Семеновной. Когда они снова вошли в палату, Мария Ивановна не узнала свою подругу. Черты лица ее разгладились, а глаза, наполненные слезами, смотрели спокойно, как-то отрешенно от суеты этого мира. Помавив Марию Ивановну к себе, она шепнула ей:

– Этот черный тоже встал и ушел вслед за вами, а теперь не возвратился.

Мария Ивановна с отцом Дмитрием пошли на выход из больницы, а Татьяна осталась с умирающей матерью. Но, когда они уже шли по коридору, Татьяна догнала их и, обняв Марию Ивановну за плечи, сказала:

– Спасибо, тетя Маша, за маму. Я бы этого себе никогда не простила. Ну я пойду, посижу с ней, не ругаясь хотя бы последние минуты, как когда-то в детстве.

Отец Дмитрий довез Марию Ивановну до дома. По дороге она спросила его:

– Почему мы, которые учили и воспитывали других детей, со своими не можем найти общего языка? Почему они бывают такие злые?

– Я вам, Мария Ивановна, скажу банальную вещь, но, на мой взгляд, верную. Ваше поколение обокрало детей, отняв у них Бога, а теперь вырастают обкраденные внуки, и они, сами того не ведая, мстят своим родителям за свое безбожное детство, за убиенных во чреве своих братьев и сестер, которых им так не хватает в жизни.

– Но ведь мы не были такими в детстве, хотя тоже практически выросли без Бога.

– Нет, вашему поколению повезло больше, Мария Ивановна. Над Вашими люльками матери и бабушки еще пели молитвы.

– Да, наверное, ты прав, Дима. Я все пытаюсь вспомнить молитву Богородице, которую когда-то учила с бабушкой, и не могу.

– Наверное, эта молитва звучала так, – и отец Дмитрий запел: – Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...

И тут вдруг Мария Ивановна все вспомнила. И уже рядом с отцом Дмитрием сидела не старушка, а пробудившаяся от долгого сна девочка Маша из далеких голодных тридцатых годов. Эта маленькая девочка подхватила пение молитвы: «Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Мария Ивановна радостно рассмеялась и начала петь «Богородицу» сначала. Отец Дмитрий стал подпевать, они пропели ее всю и начали в третий раз.

В это время из школы возвращался Василий, который, к своему великому удивлению, увидел, как в «Жигулях» напротив их подъезда его бабушка сидит с бородатым священником и поет молитву. Бабушка его не заметила, а он разглядел ее лицо: оно светилось счастьем и покоем.

«Какая у меня молодая и красивая бабушка», – подумал Вася.

Декабрь 2003. Самара

Оборотень Святочный рассказ

В монастырской трапезной сидят двое иноков и, не торопясь, едят распаренную пшеницу с изюмом и медом, называемую сочивом, потому как сегодня сочельник. Первый инок – иеродиакон Петр, двадцати пяти лет, высокий и дородный телом. Второй – восемнадцатилетний, небольшого роста и худой послушник Христофор. Монастырская трапезная – это, конечно, очень громко сказано для комнатки в двадцать квадратных метров, с мебелью из старого стола, покрытого дырявой клеенкой, да пары грубо сколоченных самодельных лавок. Едят при свече, электричества в монастыре нет. Электричество было, когда здесь находилась колония для несовершеннолетних, но потом все порастащили. Провода со столбов бомжи сняли и сдали в пункт приема цветных металлов. Теперь попробуй восстанови. Во вновь переданный монастырь владыка направил троих насельников (а откуда возьмешь больше?) – иеромонаха Савватия, тридцати двух лет, которого назначил наместником, и двух уже упомянутых Петра и Христофора. Сам наместник уехал еще вчера к владыке на прием, но обещал в сочельник к вечеру вернуться, чтобы ночью отслужить рождественскую службу. Послушник Христофор весь извелся, ожидая вечерней трапезы. Отсутствием аппетита он не страдал, ел за двоих. Иеродиакон Петр с завистью подтрунивал над Христофором:

– Ну ты, брат, и горазд жрать, и куда только лезет. Да не в коня корм, вон какой худой.

– Что бы ты, Петр, понимал, это у меня обмен веществ хороший, а ты поешь – и на боковую, вот жир у тебя и откладывается.

Петр, не обижаясь, отшучивался:

– За простоту Бог дает полноту. Да если бы ты историю Отечества изучал, то знал бы, что на Руси считалось исстари: кто после обеда не спит, тот не православный.

– Ну-ну, православия в тебе хоть отбавляй, прямо сдоба ортодоксального замеса, – язвил Христофор.

В сочельник Петр в отсутствие наместника исполнился большой важности. И после утреннего правила сообщил, что они есть не будут до первой звезды. Христофор, ожидая появления звезды, через каждый час выходил из кельи и таращился на небо в надежде увидеть желанный сигнал к трапезе. В пять вечера сумерки едва спустились, он, заметив что-то блестящее в небе, бурей ворвался в келью Петра, где тот мирно почивал, памятуя о предстоящей ночной службе, и вытащил полусонного на крыльцо. Петр не сразу понял, что от него хотят. Потом долго тер глаза и пялился в небо.

– Ну, где твоя звезда?

– Вон двигается, – волновался Христофор.

– Как двигается? – недоумевал Петр.

– Да вон, из-за леса в сторону реки.

Наконец Петр увидел и захохотал:

– Ну, дурья твоя голова, звезды если двигаются, то только когда падают, а это огни самолета.

Но, посмотрев на расстроенного Христофора, примирительно добавил:

– Пойдем накрывать на стол, звезды через полчаса будут видны, беги к ограде, принеси в трапезную охапку сена, – распорядился он.

– Это еще зачем?

– Будем все по старому обычаю совершать.

Христофор принес сено, Петр снял клеенку со стола и рассыпал на нем сено, разровнял и застелил снова клеенкой. Поставили на стол хлеб, кружки, компот из сухофруктов и горшок с

сочивом. Пропели рождественский тропарь. Взяв ложку, Христофор только собрался трапезничать, как Петр воскликнул:

– Погоди – еще не все.

Схватил горшок и направился к выходу. Христофор, как был с ложкой в руках, устремился за ним:

– Ты чего, отец Петр, с крыши съехал?

– Не съехал, только надо все по-старинному, три раза обойти вокруг избы. – И, запев тропарь Рождества, пошел, как на крестный ход, вокруг трапезной.

Христофору ничего не оставалось, как последовать за ним, подтягивая его басу своим тенором «Рождество Твое, Христе Боже наш...». Когда после третьего круга они возвращались в трапезную, Петр вдруг обернулся, выхватил ложку у Христофора и, зачерпнув три раза в горшке, швырнул во двор сочиво.

– Ну, ты совсем спятил.

Но Петр, не обращая на него внимания, распахнул дверь, театральным жестом указав на вход, обратился к кому-то невидимому в сумерках вечера:

– Ну, заходи, Мороз Иванович, угостись кутьей, да не нападай весной: на жито, пшеницу и всякую пашицу, не губи пшеничного урожая, тогда и на следующий год будет для тебя угощение.

– Господи, язычество какое-то, – совсем ошарашенный, бормотал Христофор.

Петр на высоко поднятых руках торжественно занес горшок с кутьей и брякнул его посреди стола:

– Вот теперь можно есть.

Христофор, опасливо поглядывая на Петра – не выкинет ли еще какого фортеля, – стал уплетать сочиво, запивая его взваром из сухофруктов. Когда голод был утолен, ложки стали реже нырять в горшок, да и ныряя, не забирали все подряд, что попало, а выискивали изюм да чернослив.

– А для чего ты три ложки кутьи во двор выбросил, птиц покормить? – любопытствовал Христофор.

– Раньше крестьяне делали это для угощения духов.

– Духов, ха-ха-ха! – развеселился Христофор. – Ну ладно, они народ темный были, а ты, филолог недоученный, знать должен, что бестелесные духи в земной пище не нуждаются.

– Темный, говоришь... – как-то задумчиво произнес Петр, несколько не обидевшись на «недоученного филолога»: он действительно ушел с четвертого курса филфака пединститута. – А вот не скажи, мне так думается, что, наоборот, мы – народ темный. То в атеизме блуждали, то, уверовав в Бога, воздвигли умственную систему между духовным и материальным, как будто это параллельные миры, не касающиеся друг друга. У предков наших все по-другому было: и мир духовный был не где-то за пределами, а рядом, в избе, где икона была не отвлеченным «умозрением в красках», а живым присутствием Божества: в хлеву, в лесу, в болоте, в поле – все одухотворялось духами. Они чувствовали ангельский мир рядом, как своих друзей, или недругов – падших ангелов.

Петр встал и, подойдя к печке, пошуровал в ней кочергой, подкинул несколько поленьев, огонь весело затрещал и загудел в трубе, радуясь новой для себя пище. Христофор сам закончил лишь девять классов, да и то с трудом – усидчивости не было, а вот Петра в долгие зимние вечера послушать любил, ох как любил. Но знал, чтобы разговорить Петра, надо было задеть его за живое, так сказать, завести. Он понял, что завел его с полуоборота и теперь уже приготовился слушать, не перебивая, облокотившись локтями на стол, положив на ладони подбородок, прямо как кот, закрыв глаза от удовольствия. Петр, не торопясь, расхаживая по трапезной, как профессор по студенческой аудитории, продолжал:

– То, что наши православные предки были намного богаче нас – в духовном, конечно, плане, – мне открылось враз через замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Наша критика охотно давала ему эпитет «страждущего атеиста», поскольку он, имея глубокие религиозные запросы и не находя им удовлетворения в своем атеистическом мировоззрении, всю жизнь переживал мучительный разлад между мышлением и чувством, между интеллектуальными и религиозными запросами. Причиной этому была суровая честность его души, готовой лучше безнадежно страдать, нежели поддаться, как он думал, добровольному ослеплению чувства. Кстати, таким же «страдающим атеистом», по моему мнению, был и Антон Павлович Чехов. Душа его рвалась ко Христу, это видно из его произведений, а разум врача не мог преодолеть псевдонаучного отрицания бытия Божия.

Петр подошел к столу и отхлебнул из кружки компота. Христофор, почувствовав, что Петр уходит от темы и развивает другую, решил вернуть его «на грешную землю».

– Ну, так что там тебе открылось через Тургенева?

Петр уже хотел приводить другие примеры о «страдающих атеистах», но, услышав вопрос, как бы очнувшись, произнес:

– Открылось... а что мне открылось? Ах да, так вот, направили меня на практику в школу, провести урок русской литературы. Сижу в классе, читаю замечательное произведение Тургенева «Записки охотника», тот рассказ, где ребята в ночном про водяных, леших да упырей разговаривают. Так увлекся чтением, как будто я сам рядом у костра с ними сижу, на их чистые светлые лица гляжу, такими они мне показались прекрасными, эти дети. Глянул в класс, а там пусто, то есть в глазах пусто, только лица, искаженные гримасами да ужимками, и жвачки жуют, все как один, да на часы поглядывают, когда урок кончится. Озоровать открыто боятся, не меня, конечно, а завуча, на задней парте восседающего. Так мне тоскливо стало, так потянуло в тот мир Тургенева, Достоевского, Гоголя, Чехова – встал я посреди урока и вышел, чтобы уже никогда не вернуться ни в эту школу, ни в свой пединститут.

– Куда же ты пошел? – заинтересованно спросил Христофор.

Петр остановился:

– Спрашиваешь, куда пошел? – Он вытянул правую руку вперед.

«Ну прямо совсем как вождь мирового пролетариата», – подумал про себя Христофор и, не сдерживаясь, фыркнул смешком.

Но Петр, не обращая на него внимания, медленно, с выражением начал:

– «Тоска по небесной родине напала на меня и гнала через леса и ущелья, по самым головокружительным тропинкам диалектики... Да, я пошел на мировую с Создателем, как и с созданием, к величайшей досаде моих просвещенных друзей, которые упрекали меня в этом отступничестве, в возвращении назад, к старым суевериям, как им было угодно окрестить мое возвращение к Богу»⁴.

Петр поклонился и сел к столу.

– Bravo, bravo, – заплодировал Христофор, – как ты умеешь красиво сказать.

– Это, к сожалению, не я, а великий немецкий поэт Генрих Гейне сказал.

– Надо же, как запомнил, я ни за что не смог бы.

– Я смог потому, что в свое время эти строки потрясли меня до глубины души. Ты знаешь, я пришел к выводу, что надо верить в простоте сердца, как наши прабабушки верили.

– Да уж тут как не поверишь, коли собственными глазами видел, такое не забудется, – задумчиво сказал Христофор как бы самому себе.

– Чего это ты там видел?

– А ты в оборотней веришь?

– Да как тебе сказать, не особенно, но мысль такую допускаю.

⁴ Генрих Гейне. «Романсеро».

– А я вообще в них не верил, да две недели назад, после вечерней молитвы, выглядываю в окно, смотрю: кто-то ходит, пригляделся, а это божья Федька, которого наместник Черно-книжником прозвал за то, что он хвастал, что черную магию изучал, а как напьется, угрожает порчу на нас навести. Так вот, гляжу – ходит он, ходит, потом в сарай зашел, там какой-то шум, рычание и через несколько минут волк выбегает, здоровый, матерый такой, и побег в сторону деревни, а наутро телка у тети Фроси исчезла. Заглянул я в сарай днем да обнаружил там свежую обглоданную кость. Пошел к наместнику, все рассказал про оборотня, а он смеется, говорит: «Чернокнижник собаку с лежанки согнал, вот ты принял ее за волка, а телку он, наверное, с друзьями своими украл, да где-нибудь в лесу разделали и едят потихоньку». Прямо какой-то Фома неверующий этот наместник, я ему говорю: «Оборотень это, что я, волка от собаки отличить не смогу?» А он мне говорит: «Ты и волка с собакой перепутаешь, и корову с лосем». Как будто я биологию в школе не учил, на картинке волк изображен, точь-в-точь как я видел.

– Да-а, – задумчиво протянул Петр, – я этого Чернокнижника сегодня видел, когда за елкой в лес ходил. Кстати, давай елку украшать, приедет отец наместник, а у нас елка стоит украшенная. Что-то до сих пор его нет, уже девять часов, последний автобус из города давно уже пришел. Ну да, может быть, на попутках доедет.

Елку из сеней занесли в трапезную и установили в ведро с песком. Сразу запахло душистой хвоей и смолой. В душах насельников затеплилась тихая предпраздничная радость.

– Чем же мы будем ее украшать? – поинтересовался Христофор.

– А как в старину. Ты убирай со стола, а я схожу в келью, возьму материал для украшения.

Через пять минут вернулся Петр и вывалил на стол из большой сумки листы цветной бумаги, золотистую обертку от шоколадных плиток и конфет и много другой всякой всячины. Они вооружились ножницами, клеем, ниткой с иголкой, и стали украшать елку гирляндами из цветной бумаги, шишками, обернутыми золотистой фольгой. Особенно хорошо у Петра получались ангелочки из цветной и золотистой бумаги.

– Ты где так ловко научился? – поинтересовался Христофор.

– Нужда заставила. Как мать с отцом разошлись, нас трое на ее шее осталось, а на зарплату учительницы начальных классов много ли игрушек купишь? А елку к Новому году хотелось нам, детворе. Вот мама и вспомнила свое послевоенное детство, когда еще ребенком сама игрушки со своей мамой делала. И нас научила. Еще друг перед другом соревновались: у кого красивее, лучше.

...Наместник монастыря Савватий сидел в приемной у правящего архиерея, ждал владыку. После службы сочельника владыка принимал какую-то делегацию то ли из Австрии, то ли из Англии, затем поехал на встречу с губернатором, обсудить проведение Всероссийской нравственно-патриотической конференции. Увидев в приемной Савватия, благословил его и попросил обязательно дождаться. Но после встречи с губернатором владыку срочно попросили приехать на телевидение для записи рождественского поздравления. Савватий терпеливо ждал и вспоминал, что таким владыка был всегда, сколько он его помнит: беспокойный и болеющий за церковное дело и ради этого дела не жалеющий ни себя, ни своих помощников.

Более десяти лет назад Савватий, тогда еще Сережа Белов, был у владыки иподиаконом, затем ушел в армию, да так там и остался на сверхсрочную. После окончания контракта вернулся домой, зашел в родной кафедральный собор, как был в военной форме, подошел к архиерею на елеопомазание. Владыка радостно улыбнулся, как родному:

– Ну, с возвращением из страны далече, – и широким крестом по всему лбу помазал Сергея так, что душистый елей по носу потек, словно слеза.

Может, это и была слеза, только понял он, что от владыки никуда не уйдет, хватит, навоевался. После службы, уже за трапезой, архиерей ему так и сказал:

– Был ты, Сергей, воином Отечества земного, а теперь будешь воин Христов Отечества Небесного.

Через месяц владыка постриг его с именем Савватий. Вспомнил Савватий и как владыка назначил его наместником только что переданного монастыря.

– Там же одни развалины, – удивился Савватий. – Стоит ли его открывать, коли монахов нет?

Но владыка строго прервал Савватия:

– Если б так рассуждал преподобный Сергей и другие наши подвижники, то на Руси ни одного монастыря не было бы.

В монастырь приехал вместе с иеродиаконном Петром. Знали, что будет нелегко, но действительность превзошла их ожидания. Кое-как оборудовали помещение для жилья, сложили печку, где застеклили, а где фанерой забили окна. Одну комнату смогли оборудовать под домовую церковь. К бытовым трудностям добавилось другое искушение: из городка по соседству стала наезжать молодежь на мотоциклах. Музыка врубают на всю катушку, костры жгут, курят, пьют водку, матом ругаются. Какая тут молитва!

Савватий пробовал урезонить молодых людей, но те только на смех подымали. Когда Савватий в очередной раз вышел пристыдить их, одна подвыпившая деваха стала кричать:

– Девочки, смотрите, монахи-то какие красивые, я, пожалуй, к ним пойду, утешу, – и пошла в сторону Савватия, раздеваясь на ходу.

Поднялся страшный гогот, шутка всем понравилась. Савватий в досаде плюнул, развернулся и пошел в келью. Один из подростков истошно завопил:

– Ты подумай только, он на наших девочек плюет, надо его вежливости научить!

От костра встал здоровый верзила и перегородил дорогу Савватию:

– А ну, скидывай свой балахон, посмотрим, что у тебя под ним.

И когда Савватий хотел отодвинуть парня и пройти мимо, тот, толкнув его в плечо, заорал:

– Ты, морда поповская, куда прешь? Я с тобой разговариваю! – В руке его блеснул нож.

В ожидании интересного спектакля все придвинулись поближе. Монах пригнулся, наклонился чуть вправо, затем резко нырнул влево. Верзила взвыл от боли и шмякнулся лицом в землю, при этом рука с ножом была вывернута за спину, а сам монах коленкой прижимал его сзади к земле, нож уже был в его руке. Всех охватил шок, только одна девица пропищала:

– Да вы отпустите его, ему же больно!

Савватий встал, отряхнул подрясник, поиграл ножом.

– Штука хорошая, – сказал он. – В монастырском хозяйстве пригодится, а вам пять минут на сборы, через пять минут выйду: кто не спрятался, я не виноват. – И спокойно пошел к себе в келью.

Больше таких наездов не было.

Наконец пришел владыка, извинившись за задержку, пригласил Савватия в кабинет. Он подробно расспросил его про все стороны жизни монастыря. Внимательно слушая о всех трудностях и тяготах и неустроенности монастырской жизни, владыка вздыхал и сокрушенно качал головой. На успехи реагировал восклицаниями: «Молодцы! Вот видите, что-то уже получается!» – или: «Рад за вас».

– Сейчас мечта наша – баньку построить, – говорил Савватий. – Летом-то мыслишь в речке, а как зима пришла – негде, не завшиветь бы. На строительство бани надо тысяч пятнадцать – двадцать. Весной думаю у собора крышу перекрывать, чтобы дальше не разваливался, и потихоньку начинать реставрировать.

– Вот, отец Савватий, – перебил его владыка. – Решил я вам в подворье передать храм Святой великомученицы Екатерины, среди городских приходов по доходу он не на последнем месте. Будет для вас материальная поддержка.

– А куда же настоятеля отца Аркадия Филимонова? – поинтересовался Савватий.

– Я его снимаю, уже указ готов, не хочу перед Рождеством расстраивать, а после Рождества приезжай, принимай дела. Его пошлю настоятелем в деревню Кудиновку, он этот приход сам основывал, пусть туда и едет.

– Владыко, – оторопел Савватий, – там же от силы десять – пятнадцать прихожан, а у батюшки семья многодетная, он же себя не прокормит.

– Ничего, не пропадет, он шустрый, деятельный, чего-нибудь придумает. Сам виноват, я его не собирался снимать, а только предложил третью часть дохода вам на монастырь отдавать, а он мне заявляет, что негде взять денег, все уходит на реставрацию и содержание храма. Мне такие настоятели не нужны.

– Владыко, но он же действительно много делает в храме.

– Хватит заступаться, – нахмурился владыка, и в глазах его мелькнул холодный огонек. – Я своих решений не меняю. – И встал с кресла, давая понять, что заканчивает неприятный для него разговор.

Для Савватия это прозвучало по-пилатовски: «Аще писах, писах»⁵, – и он понял, что спорить с архиереем бесполезно, только раздражит владыку, и подошел под благословение. Когда владыка благословлял Савватия, взгляд его снова излучал доброту и мягкость. Улыбаясь, он, слегка пристукнув ладонью Савватия по лбу, произнес:

– Не бери в голову, пусть она будет у тебя светлой и ясной, поднимай монастырь, вопреки всем врагам Церкви и Отечества.

Савватий вышел от архиерея, размышляя о том, что есть как бы две правды: одна – архиерея, другая – отца Аркадия. Но архиерей думает обо всей епархии, а отец Аркадий только о своем приходе. «Значит, архиерейская правда выше», – решил Савватий, немного успокаиваясь, глянул на часы и понял – на последний автобус он опоздал.

«Как же я буду добираться? Так хочется поспеть к ночной рождественской службе! Господи, помоги мне, грешному, не ради меня, окаянного, а ради братии моей, да чтобы службу рождественскую отслужить».

После этого он три раза прочел «Отче наш...» и трижды «Богородице Дево, радуйся». Рядом взвизгнули тормоза, из остановившегося черного джипа выскочил парень, в котором Савватий узнал сержанта Стаса Кремлева из своего спецназовского батальона.

– Товарищ старшина! – кричал на ходу, широко раскинув руки, Стас. – Еле вас признал в рясе, вот так встреча!

– Значит, глаз разведчика не подводит, – так же обрадовался Савватий, идя навстречу объятиям Стаса.

– Вы как нас учили: смотреть не на одежду, а на лицо, в глаза, чтоб своих и чужих распознавать, – крепко обнимая, смеялся Стас.

...Петр и Христофор, закончив украшать елку, любовались своим творением.

– Э-э, да уже двенадцатый час, раз наместника нет, давай помолимся, отдохнем, а утром пораньше встанем. Он, наверное, приедет, и будем службу править, – озаботился Петр.

Кельи Петра и Христофора были в разных частях корпуса. Петр повесил свой подрясник на гвоздь, подлил в лампадку масла, прибавил фитиль, так что осветился не только иконный угол, но рассеялся мрак во всей передней половине кельи. Перед тем как лечь в постель, выглянул в окно. Ночь была темная, но ему показалось, что между руинами монастырского собора мелькала тень, похожая на фигуру Федьки Чернокнижника. Петр перекрестился, отгоняя тревожные мысли, и юркнул под одеяло. Но заснуть не мог, вспоминая разговор с Христофором об оборотне и о Чернокнижнике. Днем он в них не верил, да и сейчас не очень, но в темноте все предметы вокруг обретали зловещее очертание, казалось, что с уходом солнца

⁵ Крылатое выражение, приписываемое Понтию Пилату: Quod scripsi, scripsi (в пер. с *лат.* «Что написал, то написал» или *ст. – слав.* «Еже писахъ – писахъ»). См.: Ин.19: 19–22.

человек становится незащищенным от темных сил зла. «Как же незащищенным? – подумал Петр. – А молитва для христианина есть и защита, и оружие».

В это время под окном кельи он услышал чьи-то шаги, затем удар и рев, похожий на рычание зверя. Наступила тишина. Затем снова шаги, снова удар и снова стон и рычание. Петр подскочил с кровати как ужаленный; широко перекрестившись, он истоиво произнес:

– Спаси и сохрани!

Затем, схватив из-под кровати топор для колки дров, выскочил на улицу в одних кальсонах и рубашке, читая на ходу молитву:

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...

Дверь в келью Христофора оказалась приоткрытой, но самого Христофора там не было. Он кинулся назад в свою келью, чтобы одеться и продолжить поиски. Христофор стоял в его келье к нему спиной, закрыв лицо руками. У Петра мелькнула дурацкая мысль, что Христофор сейчас повернется, и он увидит звериный оскал оборотня. Он нерешительно окликнул его:

– Христофор!

Тот обернулся. Петр увидел искаженное гримасой боли и досады, заплаканное, по сути еще детское лицо Христофора. Петр опустил на пол топор, сел на кровать, пригласил сесть на табуретку Христофора:

– Ну, рассказывай, что случилось, я тут так за тебя испугался.

Христофор рассказал, что когда они разошлись по кельям, то его стали одолевать страхи, и он решил пойти к Петру. Для сокращения пути решил идти не по дорожке, а прямо под окнами, а там оказался лед, чуть припорошенный снежком, вот он и шмякнулся, от боли и досады зарычал, сделал еще пару шагов и еще раз шмякнулся. Приходит в келью, а Петра нет, ну тут он совсем пал духом и расплакался.

– Да это я в окно воду из-под умывальника выплеснул, лень было выносить, – признался Петр.

– Ах ты, филолог недоученный, я из-за твоей лени чуть башку себе не разбил!

Они оба рассмеялись. В это время во двор вкатил, сверкая фарами, черный джип, просигналив пару раз. Петр, накинув подрясник и фуфайку, вместе с Христофором выскочил во двор. Из джипа вышел наместник, широко улыбаясь, двинулся навстречу братии.

– Ну, с наступающим Рождеством, соколики! – прокричал он. – Познакомьтесь: мой армейский сослуживец, ныне предприниматель, или, как там, бизнесмен, – представил Савватий водителя джипа, среднего возраста мужчину с короткой стрижкой в спортивном костюме. – Зовут Станиславом Николаевичем.

– Можно просто Стас, – пожимая руки насельникам, представился тот. – Ну что, Божьи люди, куда гостинцы рождественские разгружать? – И он открыл багажник, где стояло несколько коробок.

Перенесли все в трапезную и пошли в домовую церковь совершать службу. Служба прошла торжественно, на приподнятом молитвенном настроении. Стас стоял все три с половиной часа, иногда неумело крестясь, чувствовалось, что с непривычки ему тяжело. После службы пошли в трапезную. Стали накрывать на стол. Савватий одобрил елочку, украшенную Петром и Христофором. Открыл одну из коробок и достал оттуда яркие, большие елочные шары.

– Это владыка нам послал в подарок, не забывает нас.

Наместник подарил Петру книгу протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия», а Христофору теплую фланелевую рубашку. Братия подарила наместнику четки из отшлифованных речных камушков, которые вот уже два месяца втайне от него изготавливали. Все были довольны. На столе благодаря щедрости Стаса красовались необычные яства: икра, семга, балык осетровый и бутылка французского коньяка. Сидели за столом весело, непридуманно разговаривали. Петр рассказал историю с оборотнем, наместник со Стасом так смеялись, что чуть не опрокинули скамьи. Стас пообещал на Святках прислать бригаду электри-

ков с проводами и подключить электричество. Петр предложил поводить хоровод вокруг елки. Все взялись за руки и вместе пошли с пением колядок. На какое-то время они почувствовали себя детьми, во всяком случае детьми Божиими.

Со стороны речки к монастырю крался Федька Чернокнижник, ступал он осторожно, в надежде, что монахи все в трапезной и можно что-нибудь стянуть в келье. Он уже вставил отмычку в замок, но прислушался к пению, доносившемуся из трапезной:

– Невместимый, Он вместился, в тесных яслях, как бедняк. Для чего же Он родился? Для чего же бедно так? Для того, чтоб нас избавить от дьявольских сетей, возвеличить и прославить нас любовью Своей. Слава Рожденному, в бедные ясли Вложенному!

Он подошел ближе и стал слушать, вспоминая, как в детстве ходил колядовать по соседям. Потом припомнил слова, которые он тогда пел. Взял да и постучал в дверь трапезной сначала робко, а потом громче. Дверь распахнулась. Федька оскалил свой щербатый, почти беззубый рот в улыбке, хрипло прокричал:

– Я пришел Христа прославить, а вас с праздничком поздравить! – И тут же, боясь, что его прогонят, торопливо запел: – Рождество Христово, ангел прилетел, он летел по небу, людям песни пел. Вы, люди, ликуйте, все ныне торжествуйте, днесь Христово Рождество!

И, сконфузившись, хотел сразу убежать, но четыре пары рук подхватили его и, втащив в трапезную, усадили на лавку за стол.

Декабрь 2001. Волгоград

Внук Шаляпина

Солнечные блики отражались в мелкой ряби великой русской реки Волги, как тысячи золотых монет. День клонился к вечеру, но летнее солнышко, несмотря на заметный сдвиг к западу, продолжало обжигать своим жаром спокойные воды могучей реки, и пристань, и белые теплоходы, пришвартованные к ней. Вот только до людей, сидящих в ресторанчике речного вокзала, расположенного на террасе у самой воды, оно не могло достать. Терраса была перекрыта огромным тентом. Потому-то никто из сидящих за столиками не спешил покинуть это благодное убежище. Сидели, лениво потягивая пиво, вели неторопливые и нешумные беседы.

За одним из столиков было более оживленно и более шумно, чем за другими, попросту сказать – весело. За веселым столом сидели четверо. Мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с окладистой рыжей с проседью бородой, в светлом легком льняном костюме и широкополой соломенной шляпе, и его сотрапезники: трое молодых людей в темных брюках и белых рубашках с короткими рукавами и отложными воротничками. Молодые люди пили пиво, а около бородача, кроме пива, стоял маленький хрустальный графинчик с водкой.

Он что-то бойко рассказывал, жестикулируя, при этом лицо его, поминутно меняясь, выражало еще больше, чем руки. То он грозно округлял глаза и топорщил усы, то лицо его выражало подобострастие, лукавство, испуг или недоумение. Молодые люди с почтительным восторгом смотрели на него, стараясь не пропустить ничего, и через каждые две-три минуты принимались хохотать. Пока они смеялись, он отпивал глоток водки, запивал его двумя-тремя глотками пива и продолжал свою речь. Бородач был архиерейским протодиаконем Василием Шаховым, знаменитым на все Поволжье своим неповторимым могучим баритоном.

Красивый тембр его голоса действительно вызывал восхищение, в церковных кругах его называли вторым Шаляпиным. Протодиакон принимал это как должное, говоря: «Я ведь родом из Плеса Костромской губернии, а там Федором Шаляпиным куплено было имение, моя бабушка в прислугах у него ходила». – «Слушай, – подшучивал над ним кладовщик епархии Николай Заныкин, – наверное, Шаляпин с бабушкой твоей согрешил и внук в деда дарованием удался». – «А что, – подхватывал шутку отец Василий, – все может быть, один Бог без греха». Так что некоторые стали в шутку называть его внуком Шаляпина.

Сидевшие рядом с ним трое молодых людей были воспитанниками духовной семинарии и в летние каникулы прислуживали архиерею в качестве иподиаконов. В город N, где была вторая кафедра архиерея, они прибыли вместе с владыкой на престольный праздник собора. После службы и банкета архиерей укатил на машине прямо в Москву по делам Патриархии, а иподиаконам велел купить билеты на поезд, чтобы они возвратились домой. Протодиакон взял билет на теплоход, выразив мнение, что только дураки летом ездят на поездах из пункта «А» в пункт «Б», при условии, что эти два пункта стоят на Волге. У ребят поезд был поздно вечером, а у отца Василия теплоход отходил пораньше. Вот они и пошли его провожать. Ожидая посадки на теплоход, протодиакон, широкая душа, пригласил бурсаков в ресторан.

Отец Василий был замечательный рассказчик, а уж историй и баек на церковные темы он знал столько, что слушать не переслушать. Его шутки, прибаутки и анекдоты пересказывали друг другу по несколько раз. Если отец Василий давал кому-то прозвище, оно приклеивалось намертво. Например, пономаря собора, тихого и смиренного Валерия Покровского, он назвал Трепетной Ланью, и все его стали так называть (не в лицо, конечно, а за глаза). Архиерея он назвал Папа, и все между собой называли его Папа. Громогласную псаломщицу Ефросинию Щепину назвал Иерихонской Трубой, и для всех она стала только Иерихонской Трубой. Этот список можно продолжать: всем работникам епархиального управления и служащим собора отец Василий дал прозвища. Как-то настоятель собора похвалился, что кандидатскую в Духов-

ной академии защищал по древнееврейскому языку, и тут же получил прозвище Князь Иудейский. Протодиакон делал это беззлобно и без всякого ехидства, в простоте сердца, потому на него никто не обижался. Заметив, что отец Василий допил водку, один из семинаристов тут же услужливо подлил ему из графинчика, говоря при этом:

– Давайте, отец протодиакон, по второй.

– Чему же вас в семинарии учат? – прогудел отец Василий. – Никогда, слышите, никогда не говорите «по второй», «по третьей». А то попадете в неприятную историю, как давеча один батюшка.

– Как надо говорить и в какую историю попал батюшка? – встрепнулись семинаристы.

– Так слушайте, вам, как будущим священникам, это надо знать, а всем прочим, – он обвел зал глазами, – тоже бы не мешало. Один батюшка служил в далеком от областного центра селе, куда ни один архиерей никогда не заезжал. Короче, забыли о существовании этого батюшки. Но он решил сам о себе напомнить, приехал в епархиальное управление. Подходит к архиерею под благословение, представился. Владыка стал расспрашивать его о жите-бытье. Батюшка в ответ: «Все славу Богу, живем, не жалуемся, вашими святыми молитвами». Потом говорит: «Мне, владыко, неудобно предлагать, но у меня с собой бутылочка водки, давайте выпьем за встречу». Владыке понравилась прямота и бесхитрость батюшки, он его усадил за стол, велел келейнику закуски подать. Батюшка разлил по стопочкам и говорит: «Давайте, владыко, за встречу по единой». Выпили, закусили. Батюшка еще разлил: «Давайте, владыко, за ваше здоровье по единой». Выпили, закусили. Потом выпили по единой за «благорастворение воздухов» и за «изобилие плодов земных». Так всю бутылочку и угомонили. Владыка раздобрился и спрашивает: «А какая у тебя последняя награда?» – «Да никакой у меня награды нет, самая большая награда для меня, что служу у Престола Божия». Нахмурился архиерей и говорит: «Непорядок, кого ни попадя награждаем, а такого хорошего батюшку забыли, да мы сейчас это дело поправим». Кнопочку на столике нажал, влетает секретарь: «Чего изволите, владыка?» – «Пиши указ: наградить этого батюшку камилавкой и золотым наперсным крестом». Поехал благодетельствованный батюшка к себе на приход. Служит обедню, на голове камилавка красуется, на груди крест золоченый сверкает. Увидел это соседний настоятель и спрашивает: «Как ты такие награды заработал, мы с тобой одинаково по двадцать лет служим, а у меня еще ни одной нету?» – «Да я сам не знаю за что, поставил владыке бутылку – он меня и наградил». Ну, думает сосед, я не такой простофиля, я владыке самый дорогой заморский коньяк поставлю, и уже сразу митру получу в награду. Приезжает к архиерею и с порога ему: «Я, владыка, для вас такой коньяк редкий и дорогой привез, который только один вашему высокому сану может соответствовать». – «Ну, садись, батюшка, – говорит владыка, – будем вместе твой коньяк заморский пробовать». Разлил батюшка коньяк по рюмочкам и говорит: «Давайте, владыка, по первой за встречу». Выпили, закусили. «Ну, как живешь, рассказывай», – говорит владыка. «Да как живу, – отвечает тот, – вот уже двадцать лет служу, никакой награды не имею. Давайте по второй за ваше драгоценное здоровье». Владыка нахмурился. Выпили, закусили. «Давайте, владыка, по третьей, – предложил батюшка, – за "благорастворение воздухов"». Тут владыка как треснет кулаком по столу: «Ты что, – говорит, – приехал считать за архиереем, сколько я выпью?» И уехал батюшка несолоно хлебавши. Так что, братия, только по единой, – заключил протодиакон и, подмигнув смеющимся семинаристам, осушил стопку.

Объявили посадку на теплоход, и братия проводила отца Василия до трапа. Затем стояли у причала, наблюдая за отшвартовкой судна и махая руками протодиакону. Тот в ответ, стоя на второй палубе, помахивал им шляпой.

Положив вещи в каюту, отец Василий направился в ресторан теплохода, чтобы утолить жажду и пропустить рюмочку-другую. Но, пошарив в карманах, обнаружил, что деньги все закончились. На душе сразу стало грустно. Он облокотился на перила ограждения и стал смотреть на воду. К своей досаде, он ощутил, как свежий ветерок речного простора выдувает из него

приятное хмельное ощущение праздника. Короче, почувствовал, что начал трезветь. От этого стало еще тоскливее; неожиданно для себя самого он затыкнул негромко: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» Отец Василий пел, ощущая себя вот этим одиноким утесом, и песня его крепла. Люди, прогуливающиеся по палубе, остановились и стали слушать. К концу песни, наверное, половина пассажиров теплохода собралась около отца Василия. Когда он закончил, все зааплодировали. Протоиерей театрально поклонился. К нему подошел солидный седой мужчина и, представившись отставным генералом, с чувством пожал руку:

– Просто от души огромное вам спасибо, тронули. Вы, наверное, артист, в каком театре поете?

– Я не артист, – скромно признался отец Василий. – Я просто внук Шаляпина.

– Как! Того самого?! – воскликнул генерал.

Протоиерей распрямылся, два пальца ладони заложил за борт пиджака между первой и второй пуговицами, поднял высоко голову:

– Да, того самого – Федора Ивановича, – уже громче сказал он.

Генерал в радостном волнении вытер пот со лба платочком:

– Вот как бывает, надо же, внук самого Шаляпина.

Подошел другой мужчина, спросил у отца Василия имя и отчество, тот представился Василием Андреевичем. Мужчина стал приглашать его в ресторан познакомиться с семьей, вместе поужинать, и уже было взял за локоть, собираясь увести с собой. Но генерал, спохватившись, рявкнул:

– Отставить! – однако, сообразив, что он не в армии, тут же сманеврировал на учтивое извинение и увлек отца Василия за собой.

Проводив протоиерея к столику, представил его жене и друзьям. Отцу Василию поднесли бокал шампанского, предложив выпить за его великого деда. Но он, сославшись на то, что шампанское плохо влияет на голосовые связки, позволил угостить себя армянским коньячком. Свободные до этого столики были тут же заняты, а те пассажиры, которым не хватило места, расположились на палубе рядом с рестораном, в нетерпении ожидая, когда запоет отец Василий.

Протоиерей хорошо знал биографию Шаляпина и, потягивая коньячок, рассказывал о своем деде как по писаному, приукрашивая рассказ художественными подробностями, только одному ему известными. Когда он дошел в своем повествовании до нижегородского периода жизни «деда», то встал и со всей страстью исполнил «Дубинушку». Вскоре он разошелся не на шутку. Уже сам не сомневаясь, что он истинный внук Шаляпина, исполнил «Из-за острова на стрежень». При словах «...обнял персиянки стан...» он обхватил проходившую мимо официантку за талию. Та, обомлев от счастья, уже готова была разделить участь несчастной княжны, но протоиерей не стал бросать ее за борт.

За столом ему стало тесно, и он вышел на палубу, окруженный толпой поклонников. Каждому хотелось побывать с ним рядом, поднести рюмочку. Поднос с закуской и выпивкой за ним носили по пятам. Не забыл протоиерей и церковных песнопений, исполняемых Шаляпиным. Он с таким чувством исполнил сугубую ектенью, что некоторые стали креститься. Но когда он со всей страстью исполнил куплеты Мефистофеля из оперы «Фауст» «Люди гибнут за металл...», его буквально на руках понесли с кормы на нос корабля. Там, на носу корабля, он дошел в биографии до смерти Шаляпина. Рассказывал, как хоронили «деда», как весь Париж вышел попрощаться с великим русским певцом, как при прощании с Шаляпиным слушали в записи «Ныне отпускаеши раба Твоего Владыко...».

– Бессмертный голос великого певца звучал над его смертным телом, и каждый стоящий у гроба понимал: жизнь коротка, а искусство вечно, – закончив такими словами рассказ, протоиерей начал петь «Ныне отпускаеши...».

В это пение он вложил всю свою душу. А допев, свалился на палубу и заснул. Даже его могучий, тренированный возлияниями организм не выдержал той народной любви к Шаляпину, которая излилась на «его внука» в этот теплый летний вечер. Поскольку никто не знал, в какой каюте проживает протоиерей, его по распоряжению капитана теплохода бережно отнесли в свободный люк.

Когда утром теплоход причалил, капитан по телефону связался со службой такси, и машина была подана к трапу. Протоиерей стоял на палубе и прощался с пассажирами, к нему подошла официантка, та, которой выпала роль «персидской княжны», и поднесла на подносе стопочку охлажденной водки и маринованный огурчик. Отец Василий по-гусарски опрокинул стопку в рот, крякнул от удовольствия и, закусив огурчиком, звонко чмокнул в щеку зардевшуюся официантку.

Машина отъехала, шофер обернулся и удивленно спросил:

– Слушай, отец Василий, ты что, фамилию сменил? Что-то тебя столько народа провожало, я уж подумал, какой-то генерал Шаляпин приехал или секретарь обкома.

– Эх ты, садовая голова, – ухмыльнулся протоиерей. – Это моя фамилия по деду, а провожали меня генералы, их много, а Шаляпин один. Понял?

– Чего уж не понять, по мне хоть Шаляпин, хоть Шляпин, лишь бы счетчик щелкал да на чай клиенты не скупались.

Декабрь 2001. Волгоград

АНТИСЕМИТ

Игорь Львович Шульман, врач-хирург сорока двух лет, сидел в своей холостяцкой квартире, предаваясь невеселым раздумьям. «Как дальше жить? Меня, которого все считали хирургом от Бога, меня, спасшего сотни человеческих жизней, сегодня уволили с работы. И кто это сделал? Лучший друг моего покойного отца, главный врач Первой городской больницы Марк Яковлевич Марон. Где же, спрашивается, хваленая еврейская солидарность, о которой так много говорят кругом? Ну и что, что я пью? А покажите мне непьющего хирурга! Сделал операцию, а родственники тебя тут же отблагодарить спешат, несут коньяк, или виски, или еще чего-нибудь в красивой бутылке. «Большая вам благодарность, Игорь Львович, вернули нам сына... дочь, мать или брата...» Попробуй откажись – обида. Что, я должен магазин ликеро-водочных изделий открывать? Бывает, что и умирают люди под скальпелем. Всем понятно, врачи не боги, медицина не всесильна. Но если человек умирает во время операции или после, разве этими аргументами утетишься? Хватанул сто граммов спиртику, вроде отлегло от сердца.

Ладно бы только уволил, но ведь не удержался Марк Яковлевич от ехидства. «Настоящие евреи, – говорит, – никогда пьяницами не были, это тебя твои гены подвели». Намекнул, значит, что мать у меня была русская женщина. Кто же я тогда такой? По иудейскому закону национальность по материнской линии определяется, значит, для евреев я русский. Для русских, наоборот, я жид махровый, раз отец еврей. Да и внешность у меня далеко не славянская».

Предаваясь таким невеселым размышлениям, Игорь Львович поглядывал на своего друга протоиерея Аркадия Соловьева, сидящего напротив него с книгой в руках. Отец Аркадий лет пять назад овдовел и уехал из города служить в глухую деревню. Когда приезжал по делам в епархиальное управление, то обязательно заходил к своему другу в гости и ночевал у него.

– Слушай, отец Аркадий, ты пришел – и сразу за книгу, нет чтобы поговорить с другом, поинтересоваться, как у него дела.

Отец Аркадий нехотя отложил книгу:

– Ну, ладно, рассказывай, как твои дела, Игорек, ты мне сегодня, кстати, не нравишься, какой-то вид у тебя удрученный.

– Да, психолог ты хоть куда, все-таки заметил, а книгу все равно читал. Уволили меня, Аркаша, с работы, вот так.

– Сам виноват, я говорил тебе, завязывай с этим. Ты ведь блестящий хирург, каких еще поискать, а сам себя губишь.

– Какой я блестящий, если мать свою собственную не мог спасти?

– Ты же сам знаешь, что целый консилиум профессоров дал свое заключение о том, что бесполезно делать операцию, это не поможет.

– Разумом-то я все понимал, а сердцу не прикажешь. Это, по сути дела, была «операция отчаяния». И все-таки, Аркадий, когда твоя родная мать умирает под скальпелем, который ты держишь в руках, с этим очень тяжело жить, и никакие доводы разума здесь не помогут. Пойдем, Аркаша, на кухню, выпьем, поговорим.

– Не буду я с тобой пить.

– Что, и разговаривать не будешь?

– Разговаривать буду, но только с трезвым.

– Ну вот, называется, поддержал друга, утешил. Спасибо.

– А кто тебе, Игорек, еще правду скажет, кроме меня? Другой, которому ты безразличен, с удовольствием сядет с тобой пить и будет поддакивать твоим пьяным жалобам на несложившуюся жизнь. А мне ты не безразличен. Однако прежде всего я священник и хорошо знаю, что

пьяные слезы дешевле воды в дождливый день. Уверен, Нина Ивановна в гробу своем переворачивается, видя, как сын ее добровольно себя губит.

– Ну и что ты, правдолюб, посоветуешь?

– То же, что и прежде: собери всю силу воли и брось горькую глушить.

– Хорошо сказал, я полностью «за». Только откуда мне взять эту силу воли? Ты думаешь, я не пытался это сделать? На три-четыре дня меня хватало, не более. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны»⁶, – кто это сказал, не помню, но сказано верно.

– Да я не со стороны, – печально молвил отец Аркадий, – я ведь на себе все это испытал.

– Вот тебе и на, а ты мне всегда таким правильным казался!

– И правильные, Игорь, бывает, что на кривую дорожку вступают. Когда я свою Анну похоронил, на меня тоже зеленый змий свои сети расставил. Чувствую, что все больше в них запутываюсь. Надо, думаю, как-то выбираться, а то совсем в омут греха затянет. Стал акафист «Неупиваемой Чаше» читать. Является во сне Анна и говорит: «Не губи себя, Аркадий, просись у владыки из собора на сельский приход. А как туда приедешь, сорок обеден подряд отслужи». Проснулся я – и сразу к архиерею с прошением о переводе. Тот удивился, конечно, но просьбу мою удовлетворил. В соборе-то нас шесть священников, литургию редко придется служить, очередность. А как в деревню приехал, каждый день служу обедню, потом акафист, вечером – снова служба, вот у меня силы и появились.

– Счастливый ты человек, Аркадий, а мне почему-то никаких видений не является.

– Я твое видение, Игорек, вполне реальное, можешь пощупать. Ты когда в последний раз в церкви был?

– Два месяца назад, на годовщину матери заходил, свечки ставил.

– Заходил он, – передразнил его отец Аркадий, – как духовный врач я тебе, Игорь, ставлю диагноз: из прихожанина ты превратился в захожанина, потому-то и стал легкой добычей рога-того. Ты лучше мне ответь, когда ты последний раз исповедовался и причащался?

– Не помню, – Игорь прикрыл один глаз, напрягая память, – кажется, в прошлом году. Нет, в позапрошлом, перед Пасхой. Да, точно, на Страстной, в Великий четверг.

– И это все? – удивился Аркадий.

– Но в этом году на Великий четверг у меня была срочная операция.

– Он оправдался! – негодовал отец Аркадий. – Только на Великий четверг разве Божественная литургия служится?

– Ты сам виноват, уехал в свою деревню бороться со своим змием, а друга своего бросил одного, змий-то от тебя и приполз ко мне, паразит. Когда ты был здесь, я же каждое воскресенье ходил на службу.

– Нашел няньку, ты вроде уже давно взрослый человек.

– Не будем мы с тобой, Аркаша, ругаться, плохо мне. Между прочим, помнишь, что Экзюпери писал: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

– Что же ты, зверь какой, чтобы тебя приручать? – захохотал отец Аркадий.

– Так не буди во мне зверя, дай скорее выпить, – в тон ему закричал Игорь.

– Не дам, – смеялся отец Аркадий, – кусочек сахара – пожалуйста, да и то, если хорошо будешь себя вести.

– Буду вести себя хорошо, если дашь то, что настаивается на этом кусочке сахара, а если нет, то берегись, я зверь опасный. – И, зарычав сквозь смех, он кинулся на отца Аркадия.

Они, сцепившись и свалившись на пол, стали бороться, катаясь по ковру, как малые дети. Наконец отец Аркадий одолел Игоря и, восседая на нем, спросил:

– Ну что, сдаешься?

⁶ Из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» классика грузинской литературы XII в. Шота Руставели. Иносказательно: легко критиковать чужие действия, советовать, гораздо труднее что-то сделать самому.

– Сдаюсь, сдаюсь, – взмолился Игорь.

Когда они встали с пола и отряхнулись, отец Аркадий сказал:

– А ведь в детстве я тебя побороть не мог, делай выводы, Игорек, ты же у нас врач.

– Если серьезно, друг мой Аркадий, то я вот какие выводы из нашей беседы сделал. Здесь меня сейчас ничто не удерживает, так что забирай меня с собой в деревню. Смена обстановки, да и духовная терапия с твоей помощью мне только на пользу пойдут.

Отец Аркадий озадаченно почесывал переносицу, над чем-то раздумывая.

– Ну что молчишь, Аркаша? Не бойся, не объем тебя, у вас небось в деревне и врачей-то толковых нет, буду сельским врачом.

– Господи, ну что ты мелешь, Игорь, всякую ерунду, я совсем о другом думаю. Псаломщик у меня, Михаил Иволгин, ярый антисемит. Тебе это будет неприятно, да и он взбеленится.

– А, чихал я на твоего антисемита, меня как Марк Яковлевич уволил сегодня, я чуть сам антисемитом не стал.

– Ну, как знаешь, я тебя предупредил. Положа руку на сердце, я очень даже рад, что ты со мною будешь. Я ведь тоже по тебе скучал.

– Врешь! – радостно закричал Игорь. – Ты не по мне скучал, ты по шахматным баталиям со мной скучал.

– Тут ты ошибаешься, Игорек. Иволгин – сильный шахматист, так что в этом мне скучать не приходилось.

– Отлично, отец Аркадий, значит, мы с твоим антисемитом поладим.

– Наверяд ли, – с сомнением покачал головой отец Аркадий.

С утра Игорь собрал необходимые пожитки и, разместившись в стареньком «москвиче» отца Аркадия, они тронулись в путь. Когда подъезжали к селу Карповка, где служил отец Аркадий, то еще полчаса ждали паромную переправу через реку.

– Это вы каждый раз так ждете? – удивился Игорь.

– Еще, слава Богу, работает, а то он частенько ломается, тогда в объезд – к мосту, а это еще два часа езды.

– Ого, в какой ты медвежий угол забрался, но это хорошо, – добавил Игорь, – подальше от мира, искаженного человеческой неправдой.

– Что же ты думаешь, за речкой одни праведники живут? Нет, Игорь, все мы в Адаме согрешили, все.

Дом отца Аркадия Игорю очень понравился.

– Давно я мечтал в деревянном доме пожить, – входя на крыльцо, вздохнул Игорь.

В доме, увидев русскую печь, он стал с восторгом поглаживать ее рукой:

– Я ведь только на картинках видел такую, а здесь настоящая. Мама мне рассказывала, как она в детстве на русской печи спала, даже говорила, что в печи они мылись! Где же тут можно мыться?

– Для мытья у нас банька есть, а спать можешь на ней, а я предпочитаю свою кровать.

Зайдя в горницу и осматривая стены из обтесанных деревянных брусьев, Игорь продолжал восхищаться:

– Красота, да и только, а у нас кругом один бетон. Боже мой, как мне надоел этот бетон!..

– Ну, хватит причитать, – оборвал его восторги отец Аркадий, – мой руки и к столу, посмотрим, что тут нам баба Нюра наготовила.

Не успели они поужинать, как в дверь постучали. Вошел высокий мужчина лет тридцати пяти. Пышные черные волосы обрамляли продолговатое лицо с небольшой, аккуратно подстриженной черной бородой. Крупный прямой нос снизу опирался на чапаевские усы, а сверху, уже на нос, опирались густые сросшиеся на переносице брови. Завершал его портрет пронзительный взгляд темно-карих, глубоко посаженных глаз и плотно сжатые губы. Словом,

весь облик свидетельствовал о решительном и властном характере. Такого хотелось спросить: «Вы в каком полку служили?»

Он подошел к отцу Аркадию под благословение, метнув недобрый взгляд в сторону Игоря. Тот ответил широкой добродушной улыбкой. Отец Аркадий представил его:

– Мой друг, врач-хирург Игорь Львович Шульман. А это, – обратился он к Игорю, – наш псаломщик Михаил Юрьевич Иволгин.

– Отец Аркадий, можно вас на минуточку, у меня конфиденциальный разговор.

Когда отец Аркадий прошел с ним в другую комнату, он вполголоса сердито заговорил:

– Что же вы, отец Аркадий, жиды сюда привезли? Я нарочно, чтоб их не видеть, в глушь с женой и ребенком уехал. А теперь что нам прикажете делать? Прямо искушение какое-то.

– Успокойся, Михаил, во-первых, он мой друг с детских лет, к тому же крещеный православный человек. Во-вторых, какое это имеет значение, если апостол Павел говорит, что во Христе нет ни эллина, ни иудея⁷.

– Разве вы не знаете, отец Аркадий, мудрую народную поговорку: «Что жид крещеный, что конь леченый». Ну и друзья у вас, я вам скажу.

– Родители у него были прекрасные люди, мы дружили семьями, нам никогда в голову не приходила мысль расценивать друзей по национальному признаку. Мать его, кстати, русская. Да что это я оправдываюсь перед вами?!

– Вот потому-то, отец Аркадий, революция и случилась, и до сих пор они нами правят, что мы о национальных признаках забывали. Я к вам больше ни ногой, пока он здесь! – При этих словах Иволгин развернулся и быстрым шагом устремился к выходу, чуть не сбив по пути Игоря.

– Что это с ним? – удивился тот.

– Я же предупреждал тебя, что он – ярый антисемит.

– Ну, эту болезнь я не знаю как лечить, – пожал плечами Игорь.

– Да его, пожалуй, логикой не переубедишь, по всему видно, у него аллергия на твоих соплеменников! – засмеялся отец Аркадий. – Давай, Игорь, вечерние молитвы читать и бай-бай.

Михаил действительно сдержал слово и ни разу на неделе не зашел к отцу Аркадию. Тот удивлялся:

– Надо же, какой упрямый, раньше дня не мог прожить, чтобы ко мне не зайти, в шахматы поиграть, а между делом о русской литературе, о поэзии поговорить, он ведь филфак окончил. Стихи сам сочиняет. Только втемяшилось ему в голову, что во всех бедах России виноваты евреи, и точка.

– Ну да, как поет Высоцкий, «если в кране нет воды, значит, выпили жида», – улыбнулся Игорь.

На службе в церкви Михаил, читая на клиросе, сердито косился на стоящего в сторонке Игоря, но поделаться ничего не мог, не убежать же со службы.

Игорь причащался за каждой Божественной литургией. После службы они с отцом Аркадием вычитывали акафист перед иконой Божией Матери, именуемой «Неупиваемая Чаша». В свободное время Игорь колот дрова на зиму и складывал их в поленницу под навесом. Вечерами перед ужином они с отцом Аркадием частенько посиживали за шахматной партией.

Лето незаметно закончилось, и началась осень с ее затяжными дождями, носа на улицу не покажешь. Но наших затворников это не пугало, они находили себе занятие и дома. Михаил, у которого вначале было много дел по огороду, теперь, запертый погодой в четырех стенах, заскучал. Наконец он не выдержал и пошел к отцу Аркадию под предлогом вернуть ему книгу, взятую еще в прошлом году. Отец Аркадий с Игорем как раз сидели за шахматной партией.

⁷ См.: Кол. 3: 10–11; Гал. 3: 27–28.

– Заходите, Михаил, – обрадовался отец Аркадий, – а книгу, пожалуйста, положите на полку. – Перехватив взгляд Михаила, который тот устремил на шахматную доску, тут же добродушно добавил: – Помогите мне, Михаил, а то меня Игорь прямо к стенке припер, не знаю, что и делать.

– Как это не знаешь?! – засмеялся Игорь. – Сдавайся на милость победителя, и все тут.

– Погодите, отец Аркадий, не сдавайтесь, надо подумать, – сказал Михаил с внутренним волнением, которое никак не отражалось на его внешности.

Он внимательно изучил позиции обоих игроков; действительно, для отца Аркадия ситуация была почти безнадежная. Еще, как нарочно, Игорь сидел и самодовольно улыбался. Нет, решил Михаил, ни за что он не даст сейчас восторжествовать этому потомку Сима. Он весь напрягся, обдумывая возможные комбинации, так что ему показалось, будто мозги у него в голове зашевелились. И когда отец Аркадий было взялся за коня, Михаил воскликнул:

– Пойдите, батюшка, давайте пожертвуем ладьей!

Отец Аркадий послушался, и уже дальше Михаил взял всю инициативу в свои руки. С него буквально ручьем шел пот. Но все же он вывел партию на ничью. В данной ситуации это почти равнялось победе.

– Ура! – закричал отец Аркадий, и они обнялись с Михаилом.

– Поздравляю, – сказал Игорь, – вы, Михаил Юрьевич, просто гроссмейстер, – и протянул ему руку. Тот, несмотря на свое радостно-возбужденное настроение, весь сморщился, но руку подал.

После этой игры лед в отношениях как бы немного подтаял, и Михаил стал заходить в гости и играть с Игорем в шахматы. Во время игры он не отказывал себе в удовольствии порассуждать о перипетиях истории Российского государства, ставя акцент на негативной роли масонства, в то же время наблюдая, как на это реагирует Игорь. Тот старался в споры не вступать, лишь иногда, ссылаясь на свою неосведомленность, делал наивные ремарки. Бывало, что это балансировало на грани ссоры, и в один из вечеров Михаил сорвался после очередного высказывания Игоря.

– Хотя я, Михаил Юрьевич, только наполовину русский, – рассуждал Игорь, – но мне все равно обидно, что кто-то считает русских дураками и простофилями, которых легко обмануть хитрым и коварным масонам. Ведь русский народ дал миру столько гениев, сколько, я думаю, ни один народ в мире.

– Так-то оно так, – соглашался Михаил, – просто мы, русские люди, доверчивы, как дети, потому Бог и любит русский народ.

– Ну, по вам этого не скажешь, – засмеялся Игорь.

– Вот потому-то меня евреи и не любят, – вспыхнул Михаил, – что я их насквозь вижу. – При этих словах он ткнул пальцем в сторону Игоря.

– Насквозь только рентген видит, – парировал тот.

– Я и без рентгена вижу. Скажите, что вам в России делать, если у вас есть своя родина?

– Кому – мне? – удивился Игорь. – Да я здесь родился, здесь моя родина. И родители мои здесь родились, и деды, и прадеды.

– Нет, ваша родина Израиль, вот и ехали бы туда.

– Не могу согласиться с вами, Михаил Юрьевич, иудейская культура для меня совершенно чужда. Я воспитан в традициях русской культуры, как, между прочим, и тысячи других евреев. Эта культура для меня родная. Скажите мне, почему художника Левитана называют русским художником, если он по национальности еврей? Да потому, что он писал в манере русской живописи, и душа у Левитана была русская. Так же как у армянского еврея Айвазяна, который вошел в историю как русский художник Айвазовский.

– Может, вы, Игорь Львович, и «Квадрат» Малевича тоже посчитаете русским искусством? – все больше распалялся Михаил.

– Нет, не посчитаю, я вообще это искусством назвать затрудняюсь.

– А я не затрудняюсь назвать это искусством, но только искусством сионистским. Между прочим, Малевич родился и вырос в России, что вы на это скажете? – торжествовал Михаил.

– Скажу только одно: значит, родители Малевича не привили ему любви к стране, где он родился и вырос.

– Нет, уважаемый Игорь Львович, ему привили, но только обратное – ненависть к России. Все эти Малевичи, Бруневичи, Бронштейны и прочие до сих пор ненавидят Россию и желают ее гибели.

Видя, что спор все более приобретает окраску ссоры, Игорь решил смягчить тон.

– А мы давайте с вами, наоборот, любить Россию и всюю душою желать ей процветания, – предложил Игорь, – и тогда посмотрим, что сильнее – любовь или ненависть.

Но именно это оказалось последней каплей, переполнившей чашу.

– Нет, – вскричал Михаил, вскакивая с места так, что посыпались шахматные фигуры, – только не с вами! – И выбежал из дома.

После этого случая он неделю не появлялся в доме отца Аркадия, но через неделю, когда друзья сидели за ужином, Михаил без стука вошел в дом, сразу же у порога привалился к косяку, весь какой-то потерянный, бледный, с лихорадочно бегающим взглядом.

– Что случилось? – встревожился отец Аркадий.

– У сына моего температура под сорок, не знаем, что делать.

Игорь встал и, пошарив под кроватью, достал свой саквояж с медицинскими инструментами, доставшимися ему по наследству от отца, коротко бросил:

– Пойдемте, посмотрим.

Придя в дом, Игорь, осмотрев и ощупав мальчика, жестко заявил:

– Положение серьезное, острый аппендицит с перитонитом, надо срочно в больницу на операцию, иначе летальный исход.

– Паром не работает, по такой погоде не меньше двух часов на машине в обход трястись, – сделал подсчеты отец Аркадий.

– Что ты, Аркадий, столько он не выдержит, ему немедленно нужна операция.

– погоди, Игорь, у тебя же есть хирургические инструменты, ты сам можешь сделать операцию.

– Давай отойдем в сторонку.

Когда они отошли, Игорь зашептал:

– Ты думай, что говоришь, Аркаша, ты ведь ровным счетом ничего не смыслишь в этом. Я же говорю, что аппендицит с перитонитом, там уже в кишечнике гной, поэтому и такая высокая температура. Даже в стационарных условиях это считается сложной операцией, а здесь – никаких условий. Если мальчик умрет, меня же в тюрьму посадят, ты это понимаешь?

– Но если ты не будешь делать операцию, мальчик все равно умрет, сможешь ли ты простить себе свое бездействие? Это у них единственный сын, и больше детей не будет, да и этого они вымолили у Бога, так как страдали бесплодием. Сделай все, что можешь, Игорь. Вот тебе мое пастырское благословение, спаси ребенка и родителей.

– Хорошо, – согласился Игорь, – тогда не будем терять время. Есть на селе человек с медицинским образованием? – повернулся он к родителям мальчика. – Мне нужен ассистент во время операции.

– Есть, есть! – закричала обрадованная жена Михаила. – Наш ветеринар Екатерина Федорова, беги, Миша, за ней.

Михаил опрометью бросился из дома.

– Вкрутите лампы поярче, застелите этот стол клеенкой и протрите ее спиртом, – стал распоряжаться Игорь. – Поставьте на огонь кастрюлю с водой для кипячения инструментов, затем, отец Аркадий, не мешайте нам, самая большая помощь от вас будет, если вы с Михаи-

лом Юрьевичем пойдете откроете храм и станете усердно молиться о благополучном исходе операции.

Уже более двух часов отец Аркадий и Михаил истово молились в храме, нет-нет да и поглядывая тревожно через церковные окна на рядом стоящий дом Михаила. Прервав молитву, они обернулись на скрип церковной двери: в храм, пошатываясь от усталости, вошел Игорь. Он прошел прямо на клирос и сразу присел на скамейку.

– Ну что, Игорь, не тяни, ради Бога.

– Все слава Богу, мальчик спит после операции. Может, хоть кагорчику нальете, не могу отойти от напряжения, – как-то жалостливо попросил Игорь.

– Молодец, Игорь, ну и молодец! – воскликнул отец Аркадий и пошел в пономарку за кагором.

Михаил стоял, переминаясь с ноги на ногу. Он давно уже хотел что-нибудь сказать, но волнение перехватило горло. Наконец он справился с собой и с дрожью в голосе проговорил:

– Игорь Львович, простите меня, ради Христа, если сможете. Огромная вам благодарность за сына.

– Бог с Вами, Михаил Юрьевич, я на вас нисколько не сержусь, ну, идите к сыну, скоро увидимся. Его все равно надо в больницу часика через два везти.

Михаил пошел было к выходу, но, сделав два нерешительных шага, вновь повернулся к Игорю:

– Я хочу вам, Игорь Львович, признаться, что моя бабушка по матери была еврейка. – Сказав это, Михаил облегченно вздохнул и быстро зашагал к дверям храма.

Уже отпивая из ковшичка кагор, Игорь подмигнул отцу Аркадию и рассмеялся:

– Я всегда, Аркадий, подозревал, что истинные антисемиты могут быть только еврейского происхождения.

Март 2003. Самара

Командировка в иную реальность

*Светлой памяти моего тестя, протоиерея Иоанна Державина,
посвящается*

Вызов к главному редактору радостно взволновал Андрея Агапова. Ему до смерти надоело сидеть в отделе писем «Сельских новостей». Хотелось настоящей работы: репортажей с целины, статей о покорении Севера, ну, словом, куда-нибудь в гущу событий, где жизнь бурлит, где есть о чем писать. Василий Федорович встретил Андрея, предложил присесть к столу. Он долго протирал очки носовым платком, рассматривая линзы на свет, наконец, водрузив их на свой большой мясистый красный нос, взял со стола бумагу, мельком взглянул на нее, затем, отложив в сторону, снял очки и тогда уже обратился к Андрею:

– Ты все сетуешь, Андрюша, что тебя в командировку не посылают. Ну что ж, думаю, пришла пора поручить тебе ответственное дело. Поступил к нам тревожный сигнал: в Чертыхинском районе Балашовской области один лектор из общества «Знание» собирался ехать в село читать лекцию на атеистическую тему. Повесили афишу в клубе, а местный священник возьми да и скажи на проповеди, что, мол, пойдет на лекцию да вопрос лектору задаст, пусть тот принародно ответит. Прослышал об этом лектор, испугался и, сославшись на болезнь, не поехал читать лекцию. Тема получила широкую огласку в районе, дошло даже до Москвы. Вот и поручили нам статью или фельетон пропечатать, чтобы лектора пристыдить, да и этого попа урезонить. Ты как нельзя лучше для этого дела подходишь. Журфак неплохо закончил, а главное, по диамату и научному атеизму у тебя пятерки. Так что давай дуй в бухгалтерию, оформляй командировку – и вперед.

На выходе из бухгалтерии Андрей столкнулся с корреспондентом газеты Игорем Стрелковым.

– А я тебя ищу, – как-то радостно воскликнул Андрей. – Нинка сказала, что тебя в командировку посылают в Чертыхино, я там бывал, освещал «битву за урожай», так что могу поделиться информацией, что, как и у кого.

– Слушай, старик, – резко сменил тон Игорь, – одолжи треху до аванса, трубы горят. Вчера с Женькой Корякиным из «Комсомолки» его загранкомандировку отмечали, пили виски, хороший напиток, почти как наш самогон, ну, сам понимаешь, немного перебор. – Получив деньги, он предложил: – Пойдем, старик, в буфет, перекусим.

В буфете Андрей взял себе бутылку кефира, бутерброд с колбасой и булочку с маком. Игорь – сто граммов и стакан «Буратино». Он сразу проглотил водку и, отпив лимонада, задумчиво стал прислушиваться к процессу, происходящему в его организме.

– Фу, – облегченно вздохнул он, – хорошо пошла, зараза, надо еще присовокупить вдогонку. – И он пошел со стаканом к стойке буфета. Вернувшись к столу, развалился вальяжно на стуле, закинув ногу на ногу. – Ну, теперь рассказывай, старик, что к чему.

Когда Андрей рассказал то, что уже знал, Игорь многозначительно протянул:

– Да-а, не повезло тебе, старик.

– Это почему же? – удивился Андрей.

– Да тема больно скользкая. Понимаешь, как бы это тебе сказать? Ну, словом, ты еще начинающий, а мы, журналисты, хотя и народ тертый, но суеверный. Не очень-то хочет наш брат против Бога выступать.

– Что, они в Бога верят, что ли?

– Кто верит, а кто не верит, всем в душу не заглянешь, но здесь срабатывает принцип, который как-то выразил знаменитый ученый Паскаль: «Если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю. Но если Бог есть, а я в Него не верю, я все теряю». У артистов кино поверье: если

второй раз в гробу снимаешься, то обязательно умрешь. Вот никто из них второй раз в гроб ложиться и не соглашается, даже если из-за этого хорошая роль теряется. У журналистов тоже поверье: три раза написал в газете против Бога – и не жилец на свете. Ну да ладно, у тебя это первая публикация будет, так что ничего, думаю, обойдется.

– С чего ты решил, что я против Бога буду писать, я о людях конкретных и их поступках.

– Ха-ха, чудак. О поступках нельзя писать, не описывая их мотивацию, а поскольку ты будешь писать про попа и атеиста, то в их мотивации ты как раз и столкнешься с Богом. Ну, старик, я гляжу, совсем тоску на тебя нагнал. Это потому, что ты кефир пьешь, а пил бы водку, как я, был бы веселый. Ничего, я тебе для поднятия тонуса случай забавный расскажу, который произошел в том райцентре, куда ты едешь. Когда я там в командировке описывал «битву за урожай», коллега из районной газеты указал один адресок, который помог мне скрасить сельские будни. Жила там тетя Нюра, которая прекраснейший самогон выгоняла. Развеселая она была женщина, да еще племянница ее на каникулы из института приехала. Так что я время зря не терял. Сам понимаешь, я человек холостой, когда в командировке. – И он захохотал сам над своей шуткой. – Так вот, у тети Нюры был вредный сосед, который имел на нее зуб за спор об огородной меже. Решил он тете Нюре пакость сотворить, пошел и донес участковому про самогон. А участковый был большой любитель самогон конфисковывать. Взял он с собой понятых, этого соседа да еще одного «любителя», и пошли они к тете Нюре, а ей кто-то из доброхотов шепнул, что, мол, идут к тебе, прячь. Она спрятала самогон подальше, а вместо него поставила флягу с простой водой. Приходят они и требуют, чтобы добровольно выдала незаконную продукцию. Тетя Нюра, естественно, в отказ – ничего у меня нет, ищите сами. Заглянули они под кровать, вытащили флягу: «А это что?» – «Это не самогон, это простая вода», – отвечает тетя Нюра. «Ну, рассказывай нам сказки. Будем для опознания пробу снимать». Налили по стакану на брата, опрокинули в рот – действительно, вода. «А что ты воду под кроватью хранишь?» – недоумевает участковый. А тетя Нюра говорит: «Так как же не хранить, если у нас обычай такой. Свекровь моя померла, обмыли ее, а воду сорок дней храним». Что тут началось, мама родная! Как кинулись участковый с понятными во двор и давай блевать. Да, говорят, с тех пор в рот не берут, трезвенниками их тетя Нюра сделала.

История хотя и показалась Андрею смешной, но вот только концовка с блевотиной немного испортила впечатление от рассказа.

Расставшись с Игорем, Андрей пошел к Якову Иосифовичу Бугерману, который, несмотря на свой давно уже пенсионный возраст, продолжал трудиться в фотолаборатории редакции. Как специалиста, в этом деле его высоко ценили не только в газете. Слава о нем как о мастере высокого класса достигла даже Старой площади, и он не раз получал заказы на изготовление портретов членов ЦК. В свободные минуты Андрей любил заходить в его лабораторию поговорить, посоветоваться и послушать рассказы о жизни журналистской братии в довоенные и военные годы. В годы войны дядя Яша (так звали его в редакции) не раз бывал на передовой, был даже легко ранен, имел награды, чем очень гордился. «Для такого, как я, прожженного еврея, Андрюша, иметь боевые награды во сто крат выгоднее, чем персональную пенсию, все тебя уважают, место в трамвае уступают, и никто мордой жидовской не обзовет», – не раз говаривал он.

Едва Андрей переступил порог фотолаборатории, в нос ударил густой запах жареных кофейных зерен.

– Проходи, – обрадовался Яков Иосифович, – вовремя зашел, сейчас буду кофе готовить по-гавайски. А это долгий процесс, так что наберись терпения.

И он стал колдовать над кофейной туркой, что-то там помешивая, то опуская ее на огонь, то поднимая и при этом постукивая по турке ложечкой. Наконец кофе был готов, и он, разлив по чашкам, спросил:

– Ну, Андрюша, какие новости мне, старику, принес?

Услышав о предстоящей командировке, сделал резюме:

– И что же они хотят? Если бы и я был на месте того незадачливого лектора, то тоже бы не поехал. Что он может, этот лектор, против священника?

– Что вы такое говорите, дядя Яша, – возмутился Андрей, – в наш-то космический век, в век научно-технического прогресса и не ответить на вопрос, заданный со стороны религиозного отсталого сознания?

– Да, – вздохнул дядя Яша, – век космический и технический прогресс – это реальность, но, с другой стороны, Церковь и эти священники – тоже реальность, только для нас – иная реальность, и вот в эту иную реальность тебя посылают. Не нравится мне все это, откажись, Андрюша, пока не поздно.

– Как же я откажусь? Заболеть, что ли, как тот лектор? Что мне, современному человеку, бояться какой-то средневековой отсталости?

– А ведь раньше, Андрюша, в двадцатые годы, были в моде антирелигиозные диспуты между атеистами и священнослужителями. И ты знаешь, не в пользу первых. Думаю, что, видя это, они потом диспуты и прикрыли. Но один диспут я запомнил очень хорошо.

Было это весной 1923 года, где-то в конце мая. Я, тогда еще совсем юнец, работал фотографом в ОКС – Общество культурной связи с границей. И это наше общество выступило инициатором очередного антирелигиозного диспута. Пригласили самого наркома просвещения Луначарского, оппонентом его должен был выступать очень известный деятель Церкви митрополит Александр Введенский. Местом их словесной дуэли выбрали Политехнический музей. Темой диспута, как сейчас помню, была только что вышедшая во Франции книга Анри Барбюса «Иисус против Христа». Луначарский выступал первым, говорил он легко и свободно, в тоне светской беседы, пересыпая свою речь анекдотами, остротами, не повышая голоса, без жестикуляций и пафоса. Произношение слов на иностранный манер, таких как «режиссер», «мебель», завершало впечатление высококультурного человека-европейца. – Дядя Яша отхлебнул кофе из чашечки, причмокнув губами, как-то задумчиво произнес: – Да, сегодняшние министры так выступать не смогут.

Он еще раз отхлебнул кофе и стал прикуривать сигарету, долго чиркая зажигалкой. Наконец, прикурив, продолжил:

– Введенский начал в том же тоне. Однако в середине речи, когда он заговорил о главе в книге под названием «Кто-то прошел!», произошел какой-то перелом. Речь Введенского стала прерывистой, трепетной, нервной. Он взволнованно говорил нам о шагах, которые отдаются в нашем сердце. Невольно какое-то волнение охватило и нас, слушающих. «Кто-то прошел, кто-то прошел! Разве не слышите вы, что кто-то прошел?» – вопрошал нас митрополит, как бы пораженный внезапным видением и как бы сам прислушиваясь к чему-то. Мы, сидящие в зале, начали ерзать на стульях и беспокойно переглядываться, где-то послышались приглушенные рыдания. Но оратор, по-видимому, уже ничего не слышал и не видел. Продолжая говорить о Христе как о единственной светящейся точке в истории, он доказывал нам, что без Христа все в мире бессмысленно, хаотично, не нужно. «Мир без Христа, – говорил он, – это уродливая карусель отвратительных масок, лишь один клубок свивающихся в конвульсиях тел». Рисуя перед нами картину необузданных человеческих страстей, от которых содрогаются небо и земля, и как бы сам пугаясь ее, он лихорадочно восклицал: «Но все же кто-то прошел! Кто-то прошел! Разве вы не слышите, что кто-то прошел! Ведь нельзя же жить, если никто не прошел!» Конец речи митрополита просто потряс весь зал: «Кто-то – это Христос, – вещал он, – Вечный, Живой, Сияющий в нетленной красоте, Единый, Кто указывает человеку истинный путь».

Надо сказать, Андрюша, что аплодировали все: православные и старообрядцы, сектанты и свободомыслящие интеллигенты и атеисты.

– Вы тоже, дядя Яша?

– А как же, я тогда моложе тебя был. На меня речь произвела сильное впечатление, я даже несколько раз перечитал ее стенограмму, а потом стал подумывать о крещении в Церкви, да так и не решился.

– Я тоже некрещеный, – признался Андрей.

– Нашел чем хвастаться, сейчас таких много. Я-то хоть обрезанный, – правда, в синагогу не хожу, да и верующим себя не считаю. Хотя, кто его знает, наверное, что-то есть наверху, кто-то нами управляет.

– Да бросьте вы, дядя Яша, незнание законов природы породило идею Божества.

– Так-то оно так, только вот чего-то я не вижу, чтобы современное познание законов природы уничтожило бы в людях эту идею, – попытожил разговор дядя Яша, прощаясь с Андреем.

Всю дорогу в поезде Андрей обдумывал встречу со священником. Что он мог о них знать? Сказка Пушкина «О попе и работнике его Балде», пожалуй, и все, – попытожил он свои раздумья. Заваливаясь спать на верхнюю полку, решил, что утро вечера мудренее. Утром, выйдя на станции в Чертыхино, сразу пошел в райисполком. Там его принял зампредрайисполкома. Глянул на корреспондентское удостоверение и, узнав, по какому вопросу Андрей приехал, сразу принял кислое выражение лица.

– Что же получается, Андрей Николаевич, теперь нас на весь Советский Союз ославлять? А я же с самого начала был против решения комиссии, так нет, не послушали.

– Какого решения? – не понял Андрей.

– До этого священника, отца Павла, из-за которого весь сыр-бор начался, у нас другой поп был. Выпивал, ругался, словом, безобразничал на приходе. Ну, народ стал жалобы присылать к нам с просьбой, чтобы убрали его. Дело это, конечно, не наше, а епископа. Но народ-то разве понимает, по любым вопросам жалобы все равно к нам шлют. Многие в райисполкоме решили, что надо этими жалобами воспользоваться для борьбы с религией, убрать священника. Ну и дали ход этим жалобам в епархию. Батюшку этого, действительно, убрали, да только рано мы радовались. Прислали на его место непьющего, умного, верующего священника. Теперь церковь полна народу. Процент исполняющих обрядность значительно повысился. Нас за такую слабую работу в идеологической сфере расчихвостили в райкоме партии. Ну, мы решили исправить положение и усилить пропаганду, послали в эту деревню лектора. А видите, как вышло. А ведь я был на комиссии против, чтобы того пьяницу убрали, чуяло сердце, что своим поведением батюшка нам десять лекторов атеизма заменяет, а то и более.

– Где я могу того лектора видеть?

– Да нигде вы видеть его уже не можете. Оргвыводы мы сделали, и его уволили. Он уехал куда-то в другую область.

– А как мне повидаться с этим священником?

– Церковь в деревне, пятнадцать километров от райцентра. Я вам дам свой «уазик», поезжайте да пропишите все как следует, чтобы этого батюшку от нас убрали, а то что получается – прямо идеологическая диверсия какая-то.

До деревни Маркино доехали быстро. Когда дорога дала изгиб, обогнув березовую рощу, на холме показалась пятиглавая каменная церковь с высокой колокольной. Вокруг храма группировались дома, утопая в зелени садов. Не доезжая до церкви, Андрей попросил высадить его. Перекинув сумку через плечо, направился напрямик к храму. Недалеко от храма возле мотоцикла возился молодой человек лет двадцати семи – тридцати.

– Здравствуйте, вы не подскажете, как мне найти священника? – подойдя к нему, спросил Андрей.

Молодой человек с аккуратной бородкой обернулся.

– Искать не придется, вот он, перед вами.

Андрей растерялся. Всякие его представления о священнике начали рушиться, еще не успев создаться. Молодой человек был в рубашке с короткими рукавами и шароварах. На ногах

– китайские кеды. Батюшка, наверное поняв причину растерянности Андрея, улыбнувшись, проговорил:

– Да вы не смущайтесь, это я для удобства так одет, чтобы с мотоциклом возиться, барахлит он у меня малость. Так вы по какому, собственно говоря, делу?

Когда Андрей представился, священник сказал:

– А я почему-то так и подумал, хоть и говорит пословица: «Попа и в рогожке узнаешь», – но сегодня, думаю, и к вашему брату корреспонденту это относится. Что мы здесь с вами стоим, пойдемте ко мне в дом, время как раз обеденное.

Андрей, повинувшись обаянию этого молодого священника, безропотно пошел за ним в дом. У невысокого деревянного дома, возле храма, их встретила молодая женщина с маленьким ребенком на руках, еще двое малышей возились около крыльца в куче песка.

– Это моя супруга Любовь Сергеевна и наши трое детей. Проходите, Андрей Николаевич, в дом, мойте руки и прошу к столу, там и поговорим.

Когда Андрей зашел в горницу, вся семья батюшки сидела, ожидая его, он тоже собирался присесть. Но тут все встали и, повернувшись к переднему углу с иконами, запели молитву. Андрей, уже было присевший, подскочил, как ужаленный, не зная, что ему делать, так и стоял вполоборота к иконам. Повернуться полностью к иконам он не решился. Ему казалось, что этим он как бы выразит свое участие в молитве, а это он меньше всего хотел показать. Краешком глаза он заметил, что малые дети тоже подпевают родителям. После пения молитвы священник повернулся к столу и, перекрестив его рукой, нараспев произнес какую-то молитву, в которой Андрей четко расслышал, что благословляется «ястие и питие рабом Твоим». То, что и его причисляют к рабам, почему-то больно кольнуло самолюбие Андрея. В сознании всплыла картинка из учебника, где школьник пишет на доске: «Мы не рабы, рабы не мы».

Жена священника разлила по тарелкам куриный суп:

– Кушайте, Андрей Николаевич, вы ведь с дороги.

На десерт к чаю подали оладьи с медом. Андрей решил начать разговор.

– А как мне вас величать? – обратился он к священнику.

– Отчество у меня Петрович, но для простоты зовите, как это принято – отец Павел.

– Какой же вы мне отец, – улыбнулся Андрей, – мы с вами почти ровесники.

– А вы воспринимайте эту приставку к имени как некое звание у военных, например капитан, – засмеялся батюшка, – но, если вам все же неудобно, зовите Павел Петрович, мне все равно. Или лучше давайте на «ты», раз мы ровесники, и матушку Любу зовите просто Люба.

– Можно попробовать, – согласился Андрей.

– Вот и хорошо, Андрей, а теперь давай выкладывай, что бы хотела вызнать твоя любопытная корреспондентская душа...

– Да прежде всего хотелось бы знать, чем ты так напугал лектора и какой вопрос собирался ему задать?

– Не знаю, какой вопрос я бы ему задал, ведь это зависело от темы его лекции, а лекция, увы, не состоялась.

– Ну, если бы он, к примеру, стал говорить, что наука отрицает идею Бога?

– Тогда я бы спросил: какая конкретно наука отрицает Бога?

– К примеру, физика. Эта наука дает человеку реальную картину окружающего нас мира, и ни о каком Боге она не свидетельствует.

– Правильно ты говоришь, – согласился Павел, – физика может свидетельствовать только о физическом, материальном мире и о его законах, так как этот физический мир является единственным предметом ее изучения и ничего не может говорить о духовном мире и о его законах, ибо это не входит в пределы компетенции физики как науки. То же можно сказать и о других естественных науках.

Андрей надолго замолчал, не торопясь отхлебывая чай и обдумывая тупиковую ситуацию. Наконец он улыбнулся и торжественно сказал:

– Есть такая наука.

– Это какая же? – удивился отец Павел.

– Научный атеизм, – торжественно провозгласил Андрей.

– Боюсь разочаровать тебя, Андрей, но научный атеизм вовсе не является наукой по той простой причине, что он не имеет своего собственного положительного предмета.

– Как так не имеет предмета, – растерялся Андрей, – религия и является его предметом.

– Тогда это уже не научный атеизм, а религиоведение. Но оно изучает историю религиозных исканий человечества в его разных культурных проявлениях – и не более.

– Но научный атеизм говорит о Боге в отрицательном, конечно, значении.

– Бог может быть предметом изучения только богословия, но не атеизма, который держится на одном голом отрицании.

– Ну, хорошо, – сказал Андрей, – если атеизм не может доказать, что Бога нет, то может ли религия доказать, что Он есть?

– Тоже не может, – согласился отец Павел.

– Вот видишь, – торжествовал Андрей.

– Религия, Андрей, не доказывает бытие Бога, а показывает Его. Говорит о том, что Богу нужно верить. Если бы Бога можно было доказать, то это была бы уже не вера в Него, а знание. Но, в отличие от атеизма, у богословия есть веские аргументы в пользу бытия Бога.

– Это какие?

– Ну, например, если мы зададимся вопросом о первопричине нашего мира, то есть откуда взялся этот мир, то невольно приходим к умозаключению о Боге как Творце.

– Ерунда, – начал уже сердиться Андрей, – никто мира не творил, он сам себя сотворил.

– Интересно, кем бы я выглядел в твоих глазах, если бы на вопрос, кто испек эти оладьи, заявил, что никто их не пек, они сами испеклись. Тесто нечаянно упало в кислое молоко и, перемешавшись, стало прыгать на горячую сковородку. При этом учти, что оладьи – самое простейшее кулинарное блюдо, состоящее из трех-четырёх компонентов. А ты говоришь, мир сам себя создал.

Отец Павел стал смеяться, Андрею тоже стало смешно от этого примера. Он, хохоча, взял оладушек с тарелки и серьезно его спросил:

– Так ты сам себя испек? Ну так получай, – и, разорвав его пополам, обмакнул в мед и, отправив в рот, запил чаем. – Все, Павел, я окончательно запутался. Видно, нас недоучили в институте.

– Да те, кто вас там обучал, сами не могут разобраться толком в этих вопросах. Разум и логика к истинной вере привести не могут, а только могут дорогу к ней расчистить. Больше не будем сегодня о серьезных вещах. У нас, Андрей, после обеда намечено важное мероприятие, хочу матушку Любу на мотоцикле научить ездить.

– Да брось ты, Павел, зачем это мне? – засмушалась матушка.

– Как «зачем»? А вдруг у меня срочное дело, а тебе в это время в район надо съездить за чем-нибудь. Не спорь со мной, ездить на мотоцикле проще, чем на велосипеде.

Все опять встали из-за стола и пропели молитву. Андрей на этот раз стоял лицом к иконам, считая, что это не означает его участия в молитве, а лишь дань уважения к гостеприимным хозяевам дома. Мотоцикл был «Иж-Юпитер» с коляской. Отец Павел пояснил, что в его хозяйстве эта техника необходима. На машину у него нет средств, а на мотоцикле и сено из лесу корове можно привезти, и за продуктами в район съездить, и на рыбалку. Андрей разместился в коляске, отец Павел сел за руль, матушка Люба уселась сзади него. Пока выезжали из деревни, отец Павел, перекрикивая рев мотора, объяснял жене, как надо переключать скорости. За деревней они поменялись с матушкой местами. Та долго не могла тронуться с места,

наконец поехала. Вначале ехали тихо, на первой скорости. Павел потребовал переключиться на вторую, а затем и на третью. На дороге попался камень, и матушка, не справившись с рулем, повернула в сторону, мотоцикл понесся под косогор к реке.

– Убирай газ и тормози, – закричал отец Павел.

Но матушка, испугавшись, вместо торможения прибавила газу – и уже через минуту все трое оказались в реке. Андрей даже толком не успел испугаться. Было неглубоко, чуть выше пояса. Отец Павел начал было сердито выговаривать матушке, но потом, увидев, что она сама чуть не плачет, стал нарочито смеяться:

– Ну, молодец Люба, купала нас, ай да молодец!

Но матушка его веселья не разделяла. Выйдя из воды и отжав полу юбки, сказала:

– Ну что, убедился в моей неспособности управлять мотоциклом?

– Да что ты, Люба, Бог с тобой, с кем не бывает. Вон медведей в цирке и то обучают на мотоциклах.

– Вот пусть медведи и ездят, а меня не проси, больше за руль ни за что не сяду. – И пошла в деревню.

– Люба, – крикнул Павел, – пришли к нам Пантелеича с лошадью, мотоцикл вытягивать.

– Пришлю, – крикнула матушка Люба и помахала с косогора рукой. Отец Павел с Андреем, скинув верхнюю одежду и разостлав ее на солнце сушиться, стали плавать около мотоцикла наперегонки. Вечером за Андреем прибыл присланный из администрации «уазик», но он отослал его назад, сказав, что вернется своим ходом. Еще целую неделю он пробыл в гостях у отца Павла и матушки Любы. Вместе с батюшкой они на утренней зорьке ездили на речку рыбачить. Косили сено на лесных делянках. Подолгу беседовали обо всем на свете. К поезду на вокзал отец Павел сам отвез Андрея. Прощались как старые друзья.

Приехав в Москву, Андрей сразу зашел к главному редактору.

– Ну как, доволен командировкой, Андрюша? Да и сам вижу, вон какой румяный и загорелый.

– Спасибо, Василий Федорович, за интересную командировку, вот подготовил очерк о буднях сельского священника.

– Давай оставляй, сейчас мне некогда, потом просмотрю и в номер, а сейчас подключайся к работе, расслабляться некогда.

Андрей спустился в фотолабораторию, к дяде Яше. Разлив кофе по чашечкам и прикурив сигарету, Яков Иосифович, подмигнув Андрею, спросил:

– Рассказывай, Андрюша, старику, как прошла твоя командировка в «иную реальность».

– Да я и сам, дядя Яша, иной явился, я теперь крещеный.

– Ох, чуяло мое сердце беду, ведь уговаривал тебя, откажись.

– Да что же плохого, дядя Яша, в том, что я крестился?

– Да я не про это, Андрюша, а про то, что ты там за статью сочинил, после того как крестился. Если ты написал все правдиво, то тебя наверняка не напечатают. Но это еще полбеды. Беда в том, что это конец твоей журналистской карьере. Все твое образование коту под хвост, вот о чем я хочу сказать. Лучше бы ты сослался больным и не поехал. Здоровые-то нынче не в цене.

2002 – март 2003. Самара

Путешествие в антимир Научно-фантастический рассказ

В девяностые годы теперь уже прошлого двадцатого столетия на одной из конференций, посвященных борьбе с наркоманией, я познакомился с известным ученым, психиатром, доктором медицинских наук Антоновым Александром Ивановичем. Он подошел ко мне в перерыве и, представившись, задал, как мне показалось, странный вопрос:

– Достаточно ли хорошо Церковь знает признаки пришествия антихриста?

Я ответил, что в Священном Писании указаны некоторые признаки пришествия антихриста. Также учение об антихристе изложено в Священном Предании у Святых Отцов.

Он очень внимательно слушал меня. В конце нашей краткой беседы я не удержался от вопроса, почему его интересует тема антихриста. Он как-то загадочно улыбнулся и пообещал, что на следующей встрече обязательно ответит на мой вопрос. Мы расстались, обменявшись визитными карточками. Прошло два месяца, я уже стал забывать о нашей мимолетной встрече, как мне позвонил Александр Иванович и пригласил приехать в областную психиатрическую больницу.

Александр Иванович принял меня в своем просторном кабинете и, попросив секретаршу принести чай, стал вводить в курс дела.

– Я, отец Николай, уже тридцать лет тружусь в области психиатрии. Каких только случаев ни навидался. Но этот мне представляется самым загадочным с точки зрения науки. Вот уже более двух месяцев у нас на лечении находится необычный пациент – доктор физико-математических наук. В июле 1990 года его обнаружили в своей лаборатории лежащим без сознания. Сердце, хотя и слабо, билось, организм функционировал, но привести его в чувство врачам не удалось. Так в коме он пролежал два года в клинике КГБ. Когда он вышел из комы, то стал нести такую несусветицу: про антиселенную и про антихриста, что его, конечно, направили к нам. Поскольку он является носителем военно-стратегических секретов, то его содержат в особом закрытом режиме. Он давно уже просит привести к нему священника. Признаюсь вам честно, кроме небольшого нервного возбуждения, никаких других отклонений я в нем не вижу. Если не считать этих его бредовых фантазий, то в остальном он – нормальный человек. Я уже подумываю, не стоим ли мы перед великим медицинским открытием. Ведь это может свидетельствовать, что у человека, находящегося в коме, тоже есть сны с самыми фантастическими видениями. Меня смущает в этом предположении только то, что больной в своей жизни ни разу не читал Евангелия, это типичный советский ученый, которого с юности интересовали только физика и математика. Тогда откуда же, спрашивается, у него эти фантазии? Ведь сон есть некое отражение реальности виденного и познанного человеком. Впрочем, отец Николай, не буду вас загружать своими догадками, хочу, чтобы вы сами послушали и сделали свой вывод.

Мы с профессором вместе пошли в отдельно стоящий корпус. На втором этаже санитар открыл нам дверь, и мы очутились в небольшой, но довольно-таки уютной комнате. В ней находились кровать и стол, над столом – полочка с несколькими книжками и тетрадами. На полу – небольшой коврик. От стола к нам навстречу поднялся невысокого роста худощавый пожилой мужчина в больших роговых очках, слегка лысоватый, с немного бледным лицом. На вид ему было шестьдесят – шестьдесят пять лет. Он улыбнулся Александру Ивановичу как старому знакомому:

– Наконец-то, Александр Иванович, снизошли к просьбе невинно осужденного.

– Ну что вы, Павел Петрович, такое говорите, для нас вы не осужденный, а лишь пациент, нуждающийся в лечении.

– Чего же тогда здесь держите? – указал на окна с решетками Павел Петрович. – Ладно, не будем об этом, – махнул он рукой, – не маленькие мы дети. И я, и вы, Александр Иванович, все понимаем. Знакомьте меня с батюшкой.

– Это отец Николай, – представил он меня, – священник грамотный, окончил Духовную академию, преподаватель богословия. А это – Павел Петрович Овчинцев, доктор физико-математических наук, – представил уже мне своего пациента Александр Иванович.

Овчинцев, смиренно преклонив голову, произнес:

– Благословите меня, отец Николай.

По тому, как он не сложил руки для благословения, а держал их по швам, я сделал для себя вывод, что он – человек нецерковный и, просто перекрестив, возложил ему на голову руку.

– Ну, так я вас оставляю для тайны исповеди, – засуетился Александр Иванович.

– Да оставайтесь и вы, Александр Иванович, у меня для батюшки ничего такого нет, чего бы я вам не рассказывал.

Санитар занес еще одну табуретку, и мы расселись.

– Меня здесь, отец Николай, держат за ненормального, – начал свой рассказ Овчинцев.

Главврач хотел что-то возразить, но Овчинцев махнул на него рукой:

– Не надо, Александр Иванович, я бы и сам в свое время посчитал все это бредом безумца.

Началось все с того, что в январе 1964 года меня, молодого, подающего надежды физика, послали на заседание Астрономического совета АН СССР в Эстонию, в Тартускую обсерваторию. Там-то я услышал доклад академика Наана о симметричной Вселенной, наделавший так много шума в научных кругах и породивший много споров. Не загружая вас, батюшка, ненужными для вас научными подробностями, скажу лишь, что суть теории академика Наана об антимире, или симметричной Вселенной, сводилась к следующему. Современное развитие физики привело к открытию античастиц для всех фактически известных частиц в мире. Частицы и античастицы – это своего рода двойники, отличающиеся друг от друга только противоположными зарядами. Но если частицы являются «кирпичиками» нашего мира, то античастицы – лишь на мгновения появляющиеся в нем «гости». При встрече античастиц с частицами происходит аннигиляция, попросту сказать, происходит взрыв, в результате которого они взаимно уничтожаются, выделяя при этом огромное количество энергии. На основе многочисленных наблюдений за античастицами и изучения их поведения в нашем мире некоторые ученые пришли к выводу о существовании антимира, который подобен нашему миру и сосуществует с ним, но отличается противоположным по отношению к нему знаком. Скандальным в этом докладе академика Наана явилось то, что обе половины Вселенной – мир и антимир – возникают в конечном счете из ничего, из абсолютной пустоты. При строгом соблюдении законов сохранения это кажется предельно парадоксальным. Ведь смысл законов сохранения в том-то и состоит, что ничего из ничего не возникает. Ничто не может породить нечто. Согласно утверждению Наана, ничто порождает нечто и антинечто одновременно. Все довольно-таки элементарно.

Павел Петрович встал и, подойдя к столу, начертил карандашом на бумаге:

Вот смотрите: равенство $(-1) + (+1) = 0$ может быть про читано наоборот $0 = (-1) + (+1)$. То есть исходным строительным материалом Вселенной является пустота, вакуум.

– Но ведь это согласуется с библейским учением, что мир сотворен Богом из ничего! – воскликнул я.

– Вот именно это, отец Николай, и насторожило наших атеистов в теории Наана, она косвенно подтверждала догмат Церкви о творении мира Богом из ничего. Но я по молодости не придавал этому значения. Меня увлекла сама идея существования антимира. Приехав с заседания в Москву, я полностью углубился в изучение античастиц. Для своего начальства я подготовил обстоятельный доклад об использовании античастиц для изготовления орудия огромной

разрушительной силы. Наверху очень заинтересовались этим и мне выделили целую лабораторию со штатом сотрудников. Через семь лет самой плодотворной работы я защитил докторскую диссертацию. Стал самым молодым доктором физико-математических наук. Я пришел к научно обоснованному выводу, что раз есть проникновения отрицательно заряженных частиц в нашу Вселенную, то наши положительные частицы также должны проникать в антивселенную. День и ночь я работал над моделированием аппарата для засылки частиц в антимир. Порой мне казалось, что я близок к открытию века, да, наверное, и тысячелетия. Я уже был убежден, что посылаю в параллельную Вселенную положительные частицы, но подтвердить это было невозможно. Вот если бы удалось послать туда целый аппарат, наподобие космического, который мог бы вернуться и принести необходимую информацию! Теперь уже я просыпался и засыпал только с этой мыслью. Ко всему другому я потерял всякий интерес. Когда-то я с удовольствием читал Пушкина, сейчас я не мог прочесть ни строчки, когда-то я очень любил классическую музыку, сейчас это мне казалось пустым времяпрепровождением. Я жил только одним. Одержимый своей идеей, я, убежденный атеист, вдруг стал молиться неведомо кому о том, чтобы мне открылось то, чего еще не хватает в моих теоретических разработках. И мне вскоре это открылось.

Для нас, научных сотрудников в сфере ядерных исследований, были доступны все архивы, вывезенные из секретных научных лабораторий фашистской Германии. В них-то я и наткнулся на одну папку, на которой стояла личная пометка академика Королева, что для исследовательских работ она не представляет пользы, так как от всех документов в разработке этого направления осталось несколько листов с непонятными формулами. Но когда я увидел эти формулы, сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди. Это были те же исследования об антимире, которые вел я. И то, чего мне не хватало для дальнейших разработок, было как раз в этих формулах. Шел 1990 год, я не стал докладывать наверх о моей находке, желая вначале убедиться в правильности своих исследований. В течение трех месяцев я готовил свой аппарат. И когда он уже был готов к испытанию, случилось непредвиденное. В лаборатории я, как всегда, задержался допоздна. Включив еще раз аппарат для проверки, я вдруг очутился в темноте, погас свет. Я решил выяснить, в чем дело, и направился к двери, забыв отключить мой прибор. В это время снова была подана в лабораторию электроэнергия, и я оказался в зоне действия моего аппарата, посылавшего предметы в антивселенную, а уже в следующее мгновение был перенесен им совсем в другой мир.

Мир, в котором я очутился, был не просто за сотни световых лет от дома, он был гораздо дальше всех мыслимых расстояний. Он находился в другом измерении. Это был мир, который не существовал для нас на земле и для которого не существовал этот наш земной мир. Я увидел, что нахожусь в чужом городе, посреди огромной улицы, по которой сновало множество прохожих, но на меня никто не обращал никакого внимания. Кругом сияли разноцветные рекламы, гремела какая-то неприятная музыка, что-то среднее между тяжелым роком и визгом недорезанного поросенка. Сразу за тротуарным парапетом начиналась довольно-таки широкая проезжая часть улицы, по которой в несколько рядов двигался сплошной поток разноцветных автомобилей. Я заметил, что в этом мире еще труднее дышать, весь воздух пропитан гарью и смогом. Потоптавшись на месте, я влился в общий людской поток и пошел, как говорят, наугад. Шел я довольно долго, мне начинало казаться, что этой улице не будет конца. Но вскоре поток прохожих стал заметно редеть, отсюда я сделал заключение, что двигаюсь от центра города к окраине. Тогда я развернулся и снова пошел в сторону центра. В конце концов я страшно устал и захотел есть, но не знал, к кому мне обратиться и как. Не буду же я доказывать им, что прибыл с другой Вселенной. Меня примут за сумасшедшего. Да и на каком языке я буду с ними изъясняться, моего они не знают, их языка я не знаю. Я брел все дальше и дальше, совершенно не понимая, для чего мне это надо и что мне делать. Прокралась в сердце, а потом

охватила всю душу тоска, тоска одиночества. Огромный город – и ни одной родственной души. Все чужие, я никому не нужен.

«Зачем я здесь?» – задавал я уже в который раз себе этот вопрос. Наконец, окончательно выдохнувшись в этой бессмысленной ходьбе, я забрел в какой-то скверик, сел на лавку и произнес вслух:

– Господи, как же я устал и зачем я здесь?

– Вы – русский? – услышал я возле себя вопрос на чисто немецком языке.

Я подскочил, как ужаленный, от неожиданности, уставившись на старичка, сидевшего на другом краю скамьи. Старичок был небольшого роста, с маленькими черными с проседью усиками под носом.

– Да, я русский, – в растерянности сказал я, – а вы кто?

– А я немец, – ответил он как-то печально, – чем нисколько не горжусь.

У меня невольно вырвался глупый вопрос:

– Почему не гордитесь?

Тогда он вскочил с лавки и, махая руками, взволнованно заговорил:

– Потому что немцы не выполнили своего великого предназначения истории. Они проиграли войну. Хотя я вел, вел их к победе. Победа, которая навсегда бы решила все мировые проблемы. Вечный Третий рейх все бы расставил в истории по своим местам, раз и навсегда. Но моя нация оказалась недостойной этого великого предназначения. Вот почему мне стыдно, что я немец.

– Вы – Адольф Гитлер? – с изумлением воскликнул я.

– Да, я Адольф, – как-то вяло ответил Гитлер, присаживаясь снова на лавочку, – хотя я и ненавижу вашего правителя Сталина, но он достойный соперник, у него есть чему поучиться. В принципе мы с ним в чем-то похожи.

– Он уже умер, – сказал я.

– Вот как, – встрепенулся Гитлер, – а что же теперь с Германией, кто правит в России?

Вам это может показаться странным, но во всей этой чужой и холодной антивселенной Гитлер был единственной мне родственной душой. Он мне казался родным и близким человеком. Там, на земле, он был для миллионов людей параноиком, вырожденком и убийцей миллионов, а здесь во всей Вселенной – единственным человеком. Сейчас мне было бы страшно потерять Гитлера, единственное звено между мной и всем человечеством, вне которого, оказывается, мы – ничто. Я не фашист, да и по своей сути ненавижу фашизм. Но я готов был обнять этого человека и рыдать у него на груди, и мне было все равно, кто он – Гитлер, Мао Цзэдун или Сталин. Главное, что он был, как и я, человек, а вокруг – только античеловеки. Я охотно поведал Гитлеру о разделе Германии, о Нюрнбергском процессе, об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, об образовании государства Израиль.

– А что, – спросил Гитлер, – Трумэна не судили за убиение сотен тысяч невинных японцев?

– Нет, – сказал я.

– Ну да, я забыл, что победителей не судят, – вздохнул Гитлер.

Теперь настала очередь задавать вопросы мне.

– А как вы сюда попали, господин Гитлер?

– Думаю, тем же путем, что и вы. Мои ученые разрабатывали новое секретное оружие. Получился выход в антивселенную. Делали опыт на тысячах заключенных. Все они впадали в кому. Но ученые утверждали, что духовная субстанция этих людей в это время – в антивселенной. Уже при штурме Рейхстага я распорядился применить на мне этот прибор, а тело мое, которое будет в коме, сжечь. Так я и оказался здесь. Долго скитался, пока не встретился с одним заключенным моего же концлагеря. Он мне и помог определиться, выучить язык. Я

снял квартиру у одной местной проститутки. У нее родился сын, конечно, не от меня, я-то – бесплотный. Когда мать его умерла, я воспитал его как собственного сына.

Теперь он – ведущий инженер-химик в одной из корпораций. Талантливый молодой человек. Мою книгу «Майн кампф» изучил по моим рассказам еще в детстве. А потом вырос и раскритиковал: говорит, много в ней хороших идей, но все это грубо и не вечно. Надо, он считает, смотреть в корень вещей. Истинная власть, говорит он, не силой оружия достигается. Кто сумеет примирить всех людей, сделать их счастливыми, тот и будет обладать высшей властью.

Мне высказывания приемного сына фюрера показались разумными и интересными. Я рассказал Гитлеру, как попал в антимир. Услышав, что мне помогли разработки его ученых, он довольно хмыкнул.

– Пойдемте ко мне домой, – сказал он, – здесь недалеко.

– А что стало с тем заключенным концлагеря, с которым вы повстречались? – спросил я.

– Он теперь с нами живет, оказался очень смышленным евреем. Вместе с сыном работает в его лаборатории.

Мы подошли к большому серому многоэтажному зданию и, поднявшись в лифте, вошли в квартиру. Квартира оказалась довольно просторной. Нас встретил Иосиф Яковлевич Делянский, бывший житель Житомира. За ужином он живо расспрашивал меня о всех новостях, происшедших за последние сорок пять лет. Узнав, что Сталин умер после начала расследования дела врачей, он многозначительно ухмыльнулся:

– Нечего было врачей задевать, жил бы до сих пор.

Вскоре пришел приемный сын Гитлера – Адам Адольфович. Его очень заинтересовало то, что я – физик-ядерщик, а после того как он узнал о моем изобретении, обрадованно воскликнул:

– Вас-то мне и не хватало! Теперь многие вопросы пойдут быстрее.

Адам был приятной наружности, высокий, стройный молодой человек с пышными вьющимися волосами, с небольшой аккуратной бородкой. Правильные черты его лица всегда скрашивала улыбка, открывающая ослепительно-белые ровные зубы. Довершали его портрет большие голубые глаза, взгляд которых был просто завораживающим. Манеры его были вкрадчивы и предусмотрительны. Он никогда не перебивал собеседника, лишь изредка вставляя реплики одобрительного характера. Но, если он начинал говорить, его хотелось слушать без конца. Он говорил логично, выверенно, строя свою речь так, как будто это были не его мысли, а мысли его собеседников, которые он просто угадывал.

– Будущее цивилизации – за наукой и наукоемкими технологиями, – говорил он за ужином, – кому понять это, как не вам, дорогой мой друг Павел Петрович, ведь вы отдали науке всю свою жизнь. Научно-технический прогресс не остановить. Он является плотью и кровью цивилизации. Надо только направить его на благо человечества, чтобы общечеловеческие ценности, такие как свобода, равенство, братство, не были бы только пустыми лозунгами разных демагогов, а стали бы реальностью для каждого человека, независимо от его национальности, религии и социальной принадлежности.

При словах «независимо от его национальности» Гитлер нахмурился. Адам, заметив это, рассмеялся:

– Я очень хорошо понимаю тебя, отец, но пойми, здесь нет немцев, кроме тебя и меня, конечно. Вот Иосиф – семит, Павел Петрович – вовсе славянин. Я же говорю об этих антилюдях, им надо дать наше, человеческое видение. Ты же понимаешь, они погибают, кончаются энергетические ресурсы планеты, перенаселение приведет к голоду. Надо спасти их.

– И кто же будет их спасителем? Ты, что ли? – буркнул Гитлер.

– А почему бы и нет? Я в себе ощущаю это великое предназначение. Вчера, когда мне исполнилось тридцать лет, я явно услышал звучащий в моей душе голос, который призывал

меня к спасению мира, и мне кажется, я знаю путь решения самых сложных задач современности.

– Сын мой, – сказал печально Гитлер, – почти за две тысячи лет до тебя у нас на земле уже объявлялся Спаситель мира, и все это закончилось плачевно. Я уверен, человечество можно спасти только силой оружия.

– Не прав ты, отец. Силой оружия можно лишь принудить человека внешне исполнить закон. А надо сделать так, чтобы сам человек стремился исполнить закон, чтобы он внутренне преклонился перед этим законом. Чтобы он его считал единственно нужным для себя. Необходимо покорить человека не внешне, а внутренне. Чтобы он добровольно, без принуждения, пошел бы за своим вождем – спасителем. Чтобы его воля раз и навсегда принадлежала тому, кто даст ему это спасение, этот выход из тупика, куда его привела человеческая история. Надо уметь делать вывод из уроков истории и не повторять ошибок Того Спасителя, о Котором ты мне говоришь.

– Откуда ты, сынок, знаешь о Том Спасителе?

– Мне Иосиф Яковлевич все рассказал об учении Христа.

– А, ну раз Иосиф Яковлевич, то я спокоен, – захохотал Гитлер.

– Зря ты, папа, иронизируешь, Иосиф Яковлевич специально занимался этой проблемой под руководством главного религиоведа России Ярославского.

– Я, господин Гитлер, Евангелие почти наизусть знаю, – уязвленный смехом фюрера, вставил свое слово Иосиф Яковлевич.

– Ну, ладно, – сказал Гитлер, – стар я уже спорить с вами, время мое прошло. Наверное, национал-социализм далеко не универсальный ответ для всех времен и народов. Но при мне за ним шли миллионы.

– А нам, папа, надо, чтобы за нами шли не миллионы и даже не миллиарды, а все. Все, кто есть на этой планете. Если кто будет препятствовать этому, значит, он будет против всех. А раз он против всех, он обречен.

– Делай как знаешь, – махнул рукой Гитлер, – все, что мог, я в тебя вложил, пойду отдыхать, что-то радикулит разболелся, наверное, к перемене погоды.

Когда мы остались одни, Адам стал расспрашивать меня о моем изобретении. Внимательно выслушав, он сказал:

– Возглавляемый мною отдел в нашей корпорации – ведущий. На ближайшем акционерном собрании меня должны избрать председателем директоров, потому что с помощью моих изобретений в области технологии управления мы стали получать сверхприбыли. Наши продукты питания производят во всех странах мира. Приоритетное направление нашей корпорации – это химические технологии. Вам я сразу по моем избрании выделю лабораторию для разработки вашего аппарата. Нашими достижениями в науке мы должны осчастливить не только нашу Вселенную, но и вашу. Путь развития обеих цивилизаций должен быть один. Потом поговорим подробно, а сейчас идите отдыхать.

На следующий день я был принят на работу инженером-лаборантом в корпорацию, которую вскоре возглавил Адам Адольфович. Постепенно вникая в окружающую меня жизнь антимира, я увидел, что она мало чем отличается от нашей. Только технический прогресс у них ушел довольно-таки далеко. У них уже не было денег в нашем понимании. А вместо них заработную плату и пенсии переводили на индивидуальные электромагнитные карточки. После покупок в магазине с этой карточки снималась определенная сумма на специальных автоматах – кассах. Если сделка совершалась между жителями антимира, то это проделывалось также через автомат в банке. Жителей уверяли, что это уменьшит возможности бандитов, воров и наркоторговцев. Но те скоро приспособились к этой системе, и воровство только увеличилось. Адам мне по секрету сказал, что его лаборатория работает над созданием такой карточки,

очень микроскопического размера, которая будет вставляться хирургическим путем в руку и ее невозможно будет украсть.

– А если воры отрежут руку? – спросил я.

– Тогда эта карточка не будет действовать, в мертвом теле она отключается.

– Но ведь бандиты могут украсть живого человека и заставить его перевести деньги со своей карточки на другую.

– Надо над этим подумать, – сказал серьезно Адам.

Вечерами мы собирались за чашкой чая. Я, Гитлер и Иосиф Яковлевич подолгу беседовали и спорили. Я узнал от них почти всю историю антимира. Она мало чем отличалась от земной, также – сплошные войны. В результате образовались две могучие сверхдержавы, противостояние которых сохраняло в мире некий баланс сил. Но если этот баланс сил не приводил к большим войнам, то мелкие войны стали возникать по всей планете, как грибы. В этих войнах тайно участвовали сверхдержавы. Другая угроза, которая висела над антипланетянами, это экологическая катастрофа. Засоренная атмосфера планеты дала о себе знать. Наступило резкое потепление, в результате которого возник так называемый «парниковый эффект», начались наводнения, землетрясения, тайфуны и прочее. Население увеличивалось, а ресурсы истощались. Адама Адольфовича по целым неделям не было дома. Он проводил свою избирательную кампанию в Высший межгосударственный совет. Что-то типа нашего ООН, но с неимоверно большими правами. После выборов Адам приехал домой возбужденный. И поделился планами со своими домашними.

– Теперь, когда меня выбрали в совет, – говорил он за ужином, – необходимо стать председателем его, и тогда можно будет проводить свои планы в жизнь.

План его был прост. Неожиданно для своей державы, от которой он был избран, выступить против политики своей страны в защиту малых стран и объединить их в этом противостоянии. А затем выступить примирителем всех, соединив их в одно общее государство, где будет мир и благоденствие.

– Как же тебе это удастся? – заинтересовался Гитлер.

– Все гениальное просто, отец. То, что отверг Христос на горе, когда ему давал советы ангел, посланный Всевышним, я, наоборот, как раз приму, и это приведет нас к полной победе и власти над миром. Помните, что ему сказал ангел: «Сделай из этих камней хлеба – и все увидят, что ты Сын Божий». А что ответил Христос? «Не хлебом единым жив человек». А чем же тогда он жив, я вас спрашиваю? Как только человек рождается, он криком возвещает, что хочет есть, и тянется к соску матери, чтобы напиться, и не успокоится, пока ему не дадут есть, а не дадут – так умрет. И так – всю жизнь человека. Накорми человека, и он пойдет за тобой на край света, чтобы ты еще его кормил. Ты для него будешь истинный Спаситель и Царь. То, что это так, подтвердила дальнейшая евангельская история. Помните, как Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами? Что сказали на это люди? Они закричали: давайте сделаем Его Царем! Но Христос не принимает этого предложения и уходит, чтобы получить вместо царского венца терновый венец, вместо трона – гроб. Где здесь логика, ведь это безумие! Увидев эту технологию власти, отвергнутую по неразумию Христом, я понял, по какому пути надо идти. Пищи на всех не хватает, ее добывают в поте лица, за хлеб люди воюют друг с другом. А между тем камни у всех под ногами, сумей сделать из них хлеба, и весь мир – у твоих ног, ты уже для всех спаситель.

– И как же можно превратить камни в хлеба? – со скептической ухмылкой оборвал рассуждения Адама Гитлер.

– Очень просто, папа, все гениальное просто. Камни – это неорганическая материя. Животные и люди могут потреблять и усваивать только органическую материю, находящуюся в растениях и себе подобных живых организмах. Но вот что интересно, сами-то растения, будучи органической материей, питаются неорганической и прекрасно существуют. Значит, и человек

сможет, нужно только путем химических реакций из неорганики делать органику. Для этого я стал углубленно изучать биологию и химию. Именно наблюдение над процессом усвоения растениями неорганики позволило мне изобрести метод изготовления в буквальном смысле из камней искусственных белков, жиров и углеводов. И теперь мои фабрики будут миллионами тонн производить сдобные булочки, сосиски и бифштексы для всех людей.

– Гениально. Мы все повскакивали с мест и заплодировали.

– Но это еще не все, – явно упиваясь нашим восторгом, продолжил Адам, – ведь как только ребенок насытился, он требует развлечений. Иначе опять будет недоволен, в этом Христос прав, что «не хлебом единым». Действительно, на протяжении всей истории мы видим, что люди требуют одного – «хлеба и зрелищ». Если есть то и другое, то они довольны, если чего-то не хватает, то начинают возмущаться. Поэтому ангел дал Христу и второй совет, он возвел Христа на крышу храма и предложил прыгнуть с нее, своей невредимостью поразить людей, чтобы они осознали, что перед ними не обыкновенный человек, но человекобог. Но Христос опять отверг это предложение. Я же возьму его на вооружение. Для этого я изучал технику иллюзионизма и другие пиротехнические тайны и достиг в этом определенных успехов. Самолет, на котором я полечу на первое заседание Межгосударственного совета, перед самой посадкой загорится, и я прыгну с двухкилометровой высоты. Уверен, что этот беспарашютный прыжок будет мне стоить председательского места в Межгосударственном совете.

– Там было еще третье предложение Христу, – напомнил Гитлер.

– Оно мне еще не поступало, – чуть заметно смутившись, парировал Адам. – Но я считаю, что за такие полезные советы можно и поклониться кому угодно как своему учителю, это не зазорно для того, кому в конечном итоге должен поклониться весь мир.

В течение следующего года все планы Адама Адольфовича исполнились и он стал полным диктатором планеты. Жили мы все в огромном мраморном дворце на берегу моря. Моя лаборатория, по распоряжению Адама, находилась рядом с его апартаментами. Работа по изготовлению аппарата завершилась, и я пошел докладывать об этом повелителю антимира.

Он сидел в своем огромном кабинете какой-то сумрачный. Но, узнав о моих результатах, возбужденно вышел из-за стола и, подойдя ко мне, с чувством пожал руку.

– Спасибо, Павел Петрович, я очень этого ждал. Вы – единственный человек, кому я смогу открыть свою душу. Меня очень смущает одно обстоятельство. У меня нет радости от победы над антимиром. Я долго над этим размышлял. И вот до чего дошел. Знаете, Павел Петрович, почему мне так легко досталась эта победа?

– Наверное, потому, – предположил я, – что вы все хорошо рассчитали, зная психологию и науку управления людьми.

– Нет, дорогой мой Павел Петрович, это лишь потому, что этот мир ненастоящий. Он лишь тень того мира, в котором явился Христос. Здесь не люди, это только призраки, этот мир нереален. Но я понял, что для меня это просто экспериментальная площадка. Я хочу в реальность. Я хочу насладиться настоящей борьбой за светлое будущее настоящих людей. Здесь мне не было почти никакого сопротивления. И знаете почему? – перешел он на шепот. – Здесь нет Церкви, основанной Христом. С Его последователями я хочу сразиться. Это будет поединок не на жизнь, а на смерть. Если ваш аппарат готов, то для эксперимента запустим вначале папу с Иосифом. Убедившись, что все удачно, тогда и мы с вами последуем в ваш мир.

На следующий день, когда я включил аппарат, Гитлер и Иосиф Яковлевич исчезли бесследно. А вот когда я отправил Адама, то он не исчез, а только замертво свалился на пол. Когда я подошел к нему, то увидел, что он живой, дышит, пульс прослеживается, правда, очень медленный. Я понял, что он жив, но находится в бессознательном состоянии. Я не на шутку испугался, что придет охрана и меня обвинят в покушении на жизнь правителя. Тогда я быстро включил аппарат и вошел в зону его действия. Когда я очнулся, то лежал на больничной койке.

Но после того как я стал рассказывать о своих приключениях, то оказался здесь, дорогой Александр Иванович. Никто мне не верит. Вот думаю, может, священник хоть поверит.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я весь смешался. Рассказ физика об антимире на меня произвел большое впечатление.

– Трудно мне поверить, Павел Петрович, в реальность всего этого, но то, что вы поведали нам, не кажется мне абсурдным.

– Ну, что же, и на этом спасибо, – печально заключил Овчинцев.

Я распрощался с Павлом Петровичем, пообещав все обдумать дома и прийти побеседовать с ним еще раз. Прощаясь со мной, он попросил принести ему Евангелие. Я заверил его, что непременно выполню просьбу.

– Ну, что вы обо всем этом думаете, отец Николай? – спросил меня Александр Иванович, когда мы вернулись в его кабинет.

– Не знаю, что и думать, но, во всяком случае, убедительность услышанного настолько велика, что я не исключаю того, что дух антихриста уже гуляет на земле в реальном воплощении. Это, конечно, шутка, – тут же добавил я, – но если честно признаться, то пока и не знаю, что вам сказать.

– А как вы думаете, отец Николай, почему, интересно, в его рассказе Гитлер и Иосиф исчезли бесследно?

– Так ведь тела их сожжены: одного – в бункере, другого – в Освенциме.

– Да, действительно, все логично, на бессвязный бред больного воображения никак не похоже, – озадаченно сказал профессор, пожимая мне руку на прощание.

Он проводил меня до самой машины, договорившись со мной, что через недельку я снова приеду к ним в клинику.

Но повстречались мы с ним намного раньше. Через два дня он позвонил мне и с возбуждением в голосе попросил срочно приехать, но не к его клинике, а к военному госпиталю. Встретив меня около входа, он поздоровался и повел сразу в один из корпусов. Когда мы вошли в палату, я увидел на больничных койках троих спящих мужчин с подключенными медицинскими приборами. В одном из них я узнал нашего профессора физика Овчинцева.

– Я, отец Николай, специально привел вас сюда, чтобы вы убедились собственными глазами.

– Что же произошло? – воскликнул я.

Александр Иванович поведал мне следующую историю. На другой день после моего визита к ним пришли два сотрудника из ФСБ и увезли Овчинцева. Как потом оказалось, они привезли его в лабораторию, чтобы он показал, как действует аппарат. Вскоре всех троих обнаружили в лаборатории, они находились в коме, и их привезли в военный госпиталь.

– Наверное, этот аппарат погружает человека в некий транс с возбуждением головного мозга, вызывающего галлюцинации сонных фантазий, – заключил профессор свои размышления.

Я подумал: «Интересно, что там, в антимире, делают контрразведчики и профессор-физик и что сейчас делает дух антихриста на земле, воплотившись в человека? Господи, – тут же оборвал я свои размышления, – и что только не ползет в голову после посещения психиатрической больницы».

Ноябрь 2002 – март 2003. Самара

Выбор невесты

Что чувствует молодой человек в день получения диплома учебного учреждения, в котором он провел свои лучшие годы юности? Наверное, все по-разному. Чувство свободы: долой семестры и зачеты, зубрежку и экзамены – перед тобою вся жизнь, и она прекрасна. А может, чувство легкой грусти расставания с необременительной и свободной жизнью студента, ведь впереди пугающее «завтра» с его заботами: работа, служба – ответственность.

Вот у Игоря Переплетова, выпускника Московской духовной семинарии 1973 года, чувство было смешанное, радость переплеталась с грустью. Радость оттого, что впереди интересная и полная радужных надежд жизнь приходского священника. С другой стороны, он привык к этим старинным мощным стенам, окружающим лавру, к овеянным сединой истории соборам и благостным монашеским службам. Привык к размеренной жизни общежительного студенческого быта. Словом, грустно было со всем этим расставаться.

Увидев проходившего мимо старшего помощника инспектора отца Елевферия, Игорь подошел под благословение.

– Хочу попрощаться и поблагодарить вас за все.

– Не надолго прощаемся, – улыбнулся отец Елевферий, – каникулы пролетят незаметно, в сентябре увидимся.

– Да нет, я насовсем.

– Как «насовсем»? Ты же окончил семинарию по первому разряду, в академии разве не будешь учиться?

– Я в академию не подавал прошения.

– А что собираешься делать, – недоумевал отец Елевферий, – может быть, на приходское служение собрался? – И засмеявшись, он в шутку погрозил пальцем: – Все понятно, хочешь, значит, жениться и рукоположиться в священники. Невеста кто? Из местных ни с кем тебя не замечал. Дома, что ли, сосватали?

– Да нет у меня невесты.

– Как же так, – растерялся отец Елевферий, – кто же тебя рукоположит celibатом, такого молодого? Да и не одобряю я этого, уж лучше сразу постриг монашеский принимать с юности.

– Я не собираюсь celibатом, думаю, невесту найду.

– Э, брат, это дело нелегкое. Я вот тоже так думал, как ты. А потом понял: не мой это путь – и пошел в монахи. Ну да ладно, пусть Господь тебе поможет сделать правильное решение. Не женишься, возвращайся и учись в академии, а там видно будет. – И, прощаясь, он еще раз благословил Игоря.

От разговора с помощником инспектора размышления Игоря приобрели пессимистическую окраску. Углубившись в свои невеселые думы, Игорь не заметил двух однокашников, Виталия Иногородцева и Павла Федорчука. Они шествовали ему навстречу, и при этом у обоих на лицах сияли блаженные улыбки. Такое невнимание к их персонам слегка задело друзей. Они встали в театральную позу и запели на два голоса:

О чем задумался, детина, —
Седок приветливо спросил, —
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?

При этом Павел басил, а Виталий подпевал ему тенорком. Так что получилось это довольно комично, отчего неразлучные друзья сами заржали, довольные удачной шуткой. Нужно заметить, что Павел и Виталий не были в числе близких друзей Игоря, да и, честно

признаться, у него вообще не было близких друзей. Он как-то сам всех сторонился, так как любил уединение. Про таких говорят: некомпанейский. Павел и Виталий – полная противоположность ему. Оба были иподиаконами у владыки митрополита. Учеба им давалась легко, да они себя ею не больно-то обременяли. Короче говоря, баловни судьбы, больше-то о них ничего не скажешь.

Игорь уже хотел проскользнуть мимо, но не тут-то было. Павел зашел с тыла, Виталий перегородил коридор спереди.

– Куда же ты, Игорек, книжная твоя душа? Сегодня день особый, есть повод как следует повеселиться, отметить окончание бursы, – проворковал Виталий.

– Да вы, я вижу, уже начали веселиться, – попробовал отшутиться Игорь, почувствовав легкий запах коньяка от друзей.

– Это только начало, – солидно заметил Павел.

– Слушай, Паша, давай Игоря возьмем третьим, – вдруг предложил Виталий.

– Каким – третьим? – не понял Игорь.

– Третьим на наш торжественный праздничный ужин по случаю окончания Московской духовной семинарии, – приняв нарочито серьезное выражение, произнес Виталий и назидательно добавил: – На который много званых, да мало избранных.

– Вот ты и будешь этим избранным, – загоготал Паша, подхватывая Игоря под руку и волоча его за собой.

Игорь нерешительно упирался, но все же следовал за друзьями.

– Ты хоть раз-то бывал в приличном ресторане? – спросил Виталий.

Игорь признался, что в приличном не бывал, умолчав о том, что в неприличных тоже не был.

– Куда, Паша, мы пойдем? – открыл совещание Виталий.

– Шо до мэни, я пишел бы до «Праги» або «Пекин», там добра кухня.

– Пойдем, я позвоню в «Метрополь»; если Григорий Александрович на месте, столик на вечер всегда найдется, – попытожил краткое производственное совещание Виталий.

– Да вы что, серьезно? – всполошился Игорь. – У меня и денег нет, все потратил на книги.

– А это пусть тебя не волнует, бензин и идеи – наши, – не терпящим возражения тоном произнес Виталий, любивший вставить в свою речь какое-нибудь книжное выражение.

Мысль посетить ресторан хотя и пугала Игоря, в глубине души все же заинтриговала своей необыкновенной новизной и запредельной недосыгаемостью в его будничной жизни.

Метрдотель, узнав, что посетители – от Григория Александровича, услужливо проводил их до столика у окна под экзотичной пальмой. Стол был уже убран разнообразной закуской. Подошедшему официанту Виталий заказал бутылочку французского коньяка. Когда его принесли и разлили по рюмкам, он широким жестом обвел стол:

– Силь ву пле, господа бурсаки!

Павел заявил, что тоже знает немного по-французски и скороговоркой произнес:

– Пип силь трэ, а кум теля пасэ.

И когда Игорь поинтересовался, что это значит в переводе, оба приятеля покатались со смеху.

– Что вы смеетесь, – обиделся Игорь, – я изучал английский, а не французский.

– Мы тоже с Пашей французский не изучали, да и то, что изучали, уж давно позабыли. Чтобы это перевести, надо знать украинский язык. Переведи, Паша.

– Поп соль трет, а кум теленка пасет, – загоготал тот, а вслед за ним засмеялись Виталий с Игорем.

Таким образом, атмосфера за столиком воцарилась веселая, а уж когда пропустили по рюмочке за окончание семинарии, с Игоря окончательно спали оковы неловкости. Заиграла скрипка в аккомпанементе с роялем, исполняя какое-то старинное танго. Игорю стало до того

радостно и хорошо на душе, что он готов был обнять Павла с Виталиком за то, что они устроили этот чудный вечер. Снова выпили, и разговор за столом невольно зашел о планах на будущее. Виталий сообщил, что подал прошение в академию, так как не желает расставаться со студенческой жизнью, столь удачно скрашенной иподиакономством у митрополита.

– Мне некуда спешить, я буду сидеть в академии и лавре до тех пор, пока не уйду на служение, только уже в качестве архиерея, – заявил он.

Павлу, в отличие от Виталия, надоело учиться, все мысли были в родной Львовской епархии. Через месяц – его свадьба на дочери благочинного, и он уже знает, на каком приходе ему служить. Когда друзья услышали о том, что Игорь собирается на приходское служение, то очень удивились, так как считали, что он будет учиться в академии.

– Целибатом собираешься стать или у тебя невеста уже есть? – поинтересовался Виталий.

Когда Игорь признался, что выбрал семейный путь, но невесты у него нет, разговор сразу пошел о том, какая жена должна быть у священника и как такую жену выбрать.

– Брать жену надо непременно из церковной среды, а еще лучше – из семьи священника, – горячился Павел. – Вы думаете, я по расчету женюсь на дочери благочинного, чтобы приход хороший получить? Да я бы и без тестя устроился отлично, так как у нашего владыки два года до семинарии старшим иподиаконом был. У меня только один расчет, чтобы жинка была к поповской жизни приучена. А то влюбляются в кого ни попадя, а потом страдают. Вот вам пример, который вы должны помнить. Два года назад Витек Костриков, такой парень умный, а после окончания семинарии взял себе жену из светских. Я ему говорю: «Витек, что ты делаешь, она же лба перекрестить не может?» А он мне: «У нас любовь, я ее перевоспитаю, будет лучше верить, чем ваши церковные скромницы». Ну и что, перевоспитал? Года не прожили, она ему заявляет: надоели мне твои бабки зачуханные, выбирай: или я, или Церковь. Так до развода и дошло дело. Загубила парню жизнь, а ведь ему второй раз жениться нельзя, сан священный не позволяет. А ей-то что, круть хвостом – и тут же выскочила замуж за офицера.

– Это, брат Павел, случай нетипичный, – отваливаясь на спинку стула и закуривая сигарету, сказал Виталий.

Игорь чуть со стула не свалился от удивления, уставившись на курящего Виталия. Он слышал, что некоторые семинаристы покуривают тайком, но видеть самому не приходилось, потому не очень верил этим слухам. Виталий протянул пачку сигарет:

– Закуривайте «Мальборо», друг из отдела внешних церковных сношений привез, оттуда, – махнул он в сторону окна.

Павел ловко подцепил сигарету, поднес к носу, понюхал, одобрительно прищелкнул языком, а Игорь замотал головой, не в силах произнести отказ словесно от растерянности.

– Ну, так вот, – продолжал Виталий, – начну я свой рассказ с тезиса, вам хорошо известного: «Послушание превыше поста и молитвы», все мы это часто слышим и повторяем, но не все исполняем. Но смею вас заверить, что есть люди, для которых это не пустые слова. И таких Господь никогда не посрамляет, а за их полное доверие к Его святой воле вознаграждает.

От такого многообещающего начала у Игоря пропало желание жевать, и он, отложив вилку, весь превратился в слух. А Виталий, не торопясь, глубоко затянулся, выпустил под потолок несколько колечек дыма и, грациозно стряхнув пепел с сигареты, продолжил рассказ:

– Произошел этот случай в те исторические времена, когда первые советские космические корабли, преодолев земное притяжение, вывели человека в космос, что позволило убедиться в гениальной прозорливости великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, который своим поэтическим духом воспарил над нашей грешной планетой и увидел, что «спит земля в сиянье голубом». А достопамятный Никита Сергеевич Хрущев убедился, что Бога в верхних слоях стратосферы нет. Обрадовавшись такому открытию, тут же обещал советским гражданам показать последнего попа по телевизору. Для претворения этих планов партии в

жизнь было прикрыто пять духовных семинарий, но еще три семинарии продолжали действовать, и у воспитанников этих семинарий были те же проблемы, что и у нас с вами.

Павел, зная привычку своего друга растягивать вступление длиннее самого рассказа, в нетерпении прервал Виталия:

– Да ты дело говори, про космические корабли мы и сами знаем.

– А куда нам торопиться? – последний раз затягиваясь и сминая сигарету в пепельнице, возразил Виталий. – Так вот я и говорю, что проблемы у тогдашних семинаристов были те же. Один семинарист, не буду называть его по имени, вот так же, как Игорь, окончил семинарию, а невесты у него нет. Архиерей ему говорит: «Вот тебе неделя срока, женись, рукоположу в священники – и на приход, а то второй месяц приход без службы». Что делать бедолаге: как за неделю жениться да не ошибиться? Пошел он к своему духовному отцу, так, мол, и так, что делать? Старец, помолвившись, говорит: «Вот тебе послушание, иди завтра с утра на рынок, и первой девушке, какую встретишь, если она согласится, быть твоей женой от Бога». Наш семинарист так и сделал. Идет он утречком на рынок, а навстречу ему аж три девицы идут, семечки лужают. Он их останавливает, вежливо здоровается и говорит: «Я окончил духовную семинарию, теперь мне надо рукополагаться в священный сан, а для этого необходимо жениться. Кто из вас согласится быть моей женой?» Двое из девчат за животы от смеха схватились, а третья их пристыдила, а ему со всей серьезностью сказала: «Я согласна». Пошли они в загс, а оттуда в церковь, их тут же обвенчали. С тех пор они живут в мире и согласии, да уж скоро своих детей женить будут, а Никита Сергеевич, мир его праху, на Новодевичьем покоится.

– Ну, забавный анекдот ты, Виталик, рассказал, надо за это выпить, – улыбнулся Павел.

– Это не анекдот, Паша, а сама жизнь, – чокаясь рюмкой, возразил Виталий, – надо на Бога полагаться, а не только на свое греховное самомнение.

– Да брось ты, Виталь, вот приедешь ко мне в гости на Украину, моя жинка вареников наварит, да как мы с тобой тяпнем горилки, во це жизнь.

Игорь, никогда до этого не употреблявший спиртного в таком количестве, изрядно захмелел, и, в отличие от Павла, на него рассказ Виталия произвел огромное впечатление. Потому как он сам не умел общаться с девушками, стеснялся, а вот так бы, с ходу, без всякого знакомства и ухаживания, в готовом виде, это было бы как раз для него. Он немного позавидовал тому семинаристу, который решил эту проблему так просто.

Выпитый коньяк приводил его мысли в лирически-мечтательное настроение. Пока Виталий и Павел рассуждали о сравнительных достоинствах украинской горилки, русского самогона и шотландского виски, он с интересом осматривал зал. Недалеко от них стоял пустой столик с табличкой «Заказан». Игорь увидел, как к этому столику метрдотель провел двух девушек, несколько броско одетых. Они небрежно скинули свои дамские сумочки на свободный стул, сели, закинув ногу на ногу, стали оживленно разговаривать. Через несколько минут официант принес им бутылочку вина и легкую закуску. По тому, как они с ним обращались, можно было заключить, что видят его не в первый раз. «Такие молодые, а уже завсегда и ресторана», – подумал Игорь.

Девушки были довольно миловидные, если не сказать, что красивые. Особенно Игорю понравилась светловолосая, на вид девятнадцать-двадцать лет. У нее были большие серые глаза и детское выражение лица. Вторая, шатенка двадцати пяти – двадцати семи лет, постоянно поправляла свои пышные локоны. Вдруг его сознание осенила мысль: «А что, если Господь не зря привел меня сюда, в ресторан, и этих двух девушек – тоже? Быть может, одна из них – моя будущая жена, посланная мне Самим Богом. Как это проверить?» В захмелевшем сознании Игоря уже неотвязно сидела эта мысль, и он все более и более уверялся, что не сам ее выдумал, а пришла она со стороны. «Значит, от Бога или от лукавого! Ну, нет! Только не от лукавого. Ибо Господь пришел, чтобы грешных спасти. Ведь лукавый не захочет упускать из своих рук добычу, он, наоборот, постарался бы оградить их от влияния семинариста, который

может просветить их светом Истины и спасти от гибели». И так все размышления Игоря, казалось ему, становились в стройную логическую систему. И он решился на отчаянный шаг, на который не решился бы никогда на трезвую голову. Игорь встал, мысленно осенил себя крестным знаменем и, чуть пошатываясь, пошел в сторону девиц. «Подойду и предложу на выбор, кто за меня пойдет – и завтра же под венец».

Девушки с любопытством смотрели на идущего к ним Игоря. Тот, подойдя, раскланялся:

– Извините меня, Бога ради, у меня к вам очень важный разговор. Разрешите присесть?

– Если важный, то пожалуйста, – ответила шатенка, а большеглазая молча улыбнулась.

– Благодарю. – Игорь плюхнулся на стул, с которого девушки едва успели убрать свои сумочки. – Для изложения своего дела я должен представиться: меня зовут Игорь.

– Неля, – тут же протянула руку шатенка.

– Ира, – представилась большеглазая.

– Я – учащийся духовной семинарии, – продолжал Игорь, – вернее, я только что ее окончил.

– Как здорово, – захлопала в ладоши Ира, – Нель, ты представляешь, мы с тобой сидим с живым семинаристом, иди предупреди Радика об отбое.

– Я сейчас, – вставая из-за стола, сказала Неля.

– Ой, Игорь, я же была недавно в церкви, недалеко у «Бауманского» метро, как здорово было! Служил сам патриарх, еле протиснулась через старух, стоят как единый монолит, яблоку упасть негде. Но как здорово, так красиво, прелесть. А вокруг патриарха такие молодые ходят, ему прислуживают, все одного роста, как на подбор. Один из них мне подмигнул, я подумала: такой все грехи отпустит. А вы, значит, тоже, как обыкновенные люди, можете в ресторан сходить? А я думала, вы все по монастырям сидите с монашками вместе. Слушай, здорово, а? Игорь просто опешил от такого потока восторженной болтовни. В это время подошла Неля, и он продолжил. Игорь старался подробно изложить девушкам канонические правила, связанные с принятием сана. Он объяснил, что надо обязательно жениться и какая должна быть жена у священника. Несмотря на путаность его объяснений, девушки слушали затаив дыхание, только изредка прерывая восторженными возгласами.

– Теперь понимаете, какой это серьезный вопрос? Поэтому я прошу прощения, пусть это не покажется странным, но я хочу спросить, согласна ли кто-нибудь из вас выйти за меня замуж?

– Да мы обе согласны, – ответила Неля, – выбирай сам, которая тебе нравится.

Игорь растерялся, никак не ожидая такого ответа, выбирать самому не входило в его планы.

– Да вы что, серьезно? – пролепетал он.

– Ну да, раз надо, так надо, – подтвердила Ира, – ты и выбирай.

– Я так не могу, – окончательно смутился Игорь, – как же я тогда узнаю волю Божию?

– Так мы тоже ее не знаем, – заметила Неля.

Игорь озадаченно замолчал, обдумывая ситуацию. Неожиданно блестящая мысль заставила его буквально подскочить.

– Придумал. Давайте сделаем жребий, через него узнаем волю Божию.

– Ой, как здорово, – захлопала в ладоши Ирина.

– Ты погоди, Игорь, мы сейчас придем.

С этими словами Неля повлекла Ирину к выходу. В женском туалете Ирина и Неля, не сговариваясь, достали из сумочек косметички и стали прихорашиваться перед зеркалом.

– Иринка, по-моему, это серьезно, немного чуждаковат, правда, но они там все малость пришибнутые. Зато за попом будешь жить как у Христа за пазухой, обеспеченно. Я выпадаю из игры. Ты ведь знаешь, что меня Радик убьет, а тебе можно.

Когда они вернулись, Неля сказала:

– Давай напишем имена на салфетках, какую вытянешь, та и твоя.

– Давайте, – согласился Игорь, в то же время ощущая в желудке холодок страха перед свершением чего-то непоправимого.

Неля взяла две салфетки и четко написала на каждой крупными буквами «Ира». Свернув их трубочкой, подала вытягивать Игорю. Он прикрыл глаза, прочитал молитву «Царю Небесный» и решительно выхватил правую салфетку. Когда прочитал Иренино имя, обрадовался, так как в тайне души остановил свой выбор именно на ней.

– Ну что ж, мне не повезло, – сказала Неля и, смяв вторую салфетку, кинула ее на тарелку, – как говорится, совет вам да любовь, и давайте за это выпьем.

Допив большую рюмку ликера, поднесенную Нелей, Игорь почувствовал, как зал поплыл куда-то в сторону. Дальнейшее он вспоминал смутно. Он танцевал в прокуренном зале то с Ирой, то с Нелей, то они танцевали все вместе втроем. И снова пили и снова танцевали.

Очнувшись, Игорь почувствовал, что лежит в чем-то тесном, сжатый с двух сторон. Хочет пошевелиться – и не может. Огляделся: справа к его плечу доска деревянная прижата и слева – доска. Тут он догадался, что в гробу лежит. «Неужели я умер? – подумал Игорь. – Нет, раз я вижу гроб и ощущаю, что мне тесно, значит, я живой». Смотрит, над ним стоит протодиакон и читает книгу «Апостол», только последние слова Игорь разобрал, которые протодиакон протяжно пропел: «И не упивайтесь вином, в нем же еси блуд». Собрался Игорь со всеми силами, приподнялся из гроба, смотрит, отец Елевферий стоит печальный с кадилом, отпевает его. Хочет Игорь ему сказать, что он живой, как рыба, разевает рот, а сил произнести нет. Видит, рядом Виталий с Павлом, для него могилу копают, а сами такие веселые. Увидел Виталий, что Игорь в гробу привстал, и закричал: «Держите его, убежит сейчас». – «Не убежит», – ухмыльнулся Павел, затем подошел, да как ударит Игоря лопатой по голове.

Проснулся Игорь, вскочил с дивана, смотрит, в какой-то чужой комнате находится. Не может ничего понять. Голова тяжелая, раскалывается.

– Как же меня сильно треснул по голове этот Паша, – бормочет Игорь, и тут соображает, что это был всего лишь сон.

В горле все пересохло, страшно захотелось пить. Пошатываясь, он побрел из комнаты и, пройдя по коридору, вышел на кухню. Там за уютным небольшим кухонным столиком сидели Павел и Виталик, пили чай, рядом стояла початая бутылка коньяка.

– А вот и наш донжуан проснулся, – воскликнул радостно Виталик, – ну, ты, Игорек, даешь. Мы-то думали, что ты у нас тихоня книжная, а вчера глянули, как ты этих шмалей подцепил, и еще раз убедились, насколько верна русская народная пословица: в тихом омуте... Ну, ты сам знаешь, кто там водится.

Игорь вспомнил вчерашнее и покраснел до корней волос, а оба приятеля расхохотались.

– Но уж когда тебя эти две путаны повели к выходу, мы решили, что это нехорошо. Приходили в кабак вместе, значит, вместе нам и уходить. Извинившись, лишили их твоего общения, – смеясь, говорил Паша, – но одна из них утверждала, что ты ее жених. Это правда? Ха-ха-ха!

– Да вы шутите, – в смущении пробормотал Игорь.

– Какие тут шутки, таких классных девочек подхватил, мы уж, грешным делом, подумали, что у тебя валюта завелась. Да, тебе, брат, пить совсем нельзя. Садись, будем тебя лечить чаем с коньяком.

Вернувшись в семинарию, Игорь в этот же день зашел в канцелярию и подал прошение о зачислении его в Духовную академию. За время учебы в академии он избегал любых знакомств с представительницами прекрасного пола. По окончании академии с отличием защитился на ученую степень кандидата богословия за курсовое сочинение на тему «Отношение к безбрачию в Ветхом и Новом Завете». В этом же году он принял монашеский постриг с именем Евстафий, что в переводе с греческого означает – твердостоящий.

1993–2001. Саратов – Волгоград

Отчего курица спятила с ума?

Вот ты и попался, мой дорогой читатель! Признайся, что, прочтя название этого рассказа, ты уже заинтересован, а значит, не бросишь сразу мою писанину, невольно задавшись вопросом: отчего курица может спятить с ума? Или, наоборот, бросишь его, сказав: «Чепуха какая-то, чтобы спятить с ума, надо его иметь, а всем известно, что курица оным не обладает». Оно-то действительно так, но это только теоретические предпосылки, а в обыденной жизни все может случиться. А потому, если хочешь удовлетворить свое непомерное любопытство, прочти рассказ и в конце получишь ответ. Только не пытайся сразу заглянуть на последнюю страницу, ответ я бы мог тебе дать сразу, да не в нем суть дела. «А в чем?» – спросишь ты. Да в том, что, если ты никуда не спешишь, следуя за мной сквозь время и пространство.

Ты последовал за мной и правильно сделал, потому что прибыл в очень спокойное и стабильное время – «эпоху развитого социализма», или как сейчас принято называть – «годы застоя». Характерными приметами этого стабильного времени были пустые прилавки и длинные очереди за дефицитом. Прибыв в «застойное время», мы стоять с тобой не будем, а двинем прямо в один из провинциальных областных центров, в котором и начнется наша история. Назовем его городом N, какая разница, в эту эпоху города по своей сути мало чем отличались друг от друга. Главная улица любого из них обязательно именовалась улицей Ленина, а в центре – обязательно площадь с памятником вождю мирового пролетариата. Есть областной театр с колоннами, помпезное здание обкома партии, расположенное в бывшем особняке дворянского собрания или что-нибудь в этом роде, цирк, центральный крытый рынок и, конечно же, краеведческий музей. Но самое главное, вместо привычных для тебя рекламных щитов с разными пепси и сигаретами ты увидишь множество развешанных плакатов типа: «Партия – наш рулевой», «Народ и партия – едины», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и т. д. и т. п.

Если у тебя завалился червонец старого образца, то смело заходи в ресторан, днем там повеселиться, можешь слегка перекусить да рюмашку пропустить. Я вижу, времени ты зря не терял, осмотрел все достопримечательности. Походил по краеведческому музею, где узнал, как плохо жилось трудовому народу в этом краю до семнадцатого года. Теперь я поведу тебя к другой достопримечательности этого города, которая не очень-то гармонично вписывается в эпоху развитого социализма. Это – православный храм, который теперь называют кафедральным собором. Настоящий-то кафедральный собор был в центре города. Но партия решила, что это вопиющая дерзость – красоваться архитектурой XVIII века прямо напротив здания обкома, напоминая о славной истории христианского духа нашего народа. Чтобы наказать за такую дерзость, партия динамиту не пожалела. Трах-бах – и теперь вместо собора скверик с памятником пионеру Павлику Морозову, чтобы граждане могли прогуливаться здесь с детьми в свободное от строительства коммунизма время и поучать детей на примере бессмертного подвига Павлика, который отца своего родного ради идеи не пожалел. Однако правящий архиерей не может быть без кафедры. Пожалуйста, сказала партия, берите другой храм. Правда, раньше это была кладбищенская церковь, но кладбища этого уже нет, все разровняли бульдозером, забили сваи и теперь на косточках наших предков возвышаются девяти- и шестнадцатиэтажные красавцы, плотным кольцом окружая храм. «Ничего, – утешались в стенах обкома, – религия скоро отомрет, и его снесем. А на этом месте построим банно-прачечный комплекс, чтобы трудящиеся грязные не ходили да помнили бы заботу о них».

Да простит меня читатель за это невольно растянувшееся вступление, только за державу обидно. Но ты, как я погляжу, не больно-то и слушал меня, уже в собор зашел. Ну, походи, посмотри. Благо служба закончилась, можно не спеша пройти, осмотреть храм под цепкими взглядами старушек в темных халатах, которые до блеска надраивают большие медные под-

свечники. Полюбовавшись на роспись и старинные иконы, ты остановился перед резным золоченым иконостасом. Воздух в соборе напитан ладаном и воском. Даже если ты неверующий человек, то все равно ощутишь что-то возвышенное в душе. Это чувство сродни робости перед чем-то неведомым и таинственным.

Неожиданно распахнулись боковые двери храма, ведущие во двор, и собор наполнился ревом и писком. На тебя надвигается толпа людей, только, ради Бога, не пугайся. Это не нашествие вандалов. Впереди толпы не вождь кровожадных варваров, врывающихся для разграбления храма, а один из его служителей – священник этого собора. На вид ему около сорока пяти лет, золоченый крест поверх черной рясы, окладистая борода и длинные волосы – все как положено. Вот только одно тебя смущает, он не вышагивает степенно и важно, что в твоём представлении соответствовало бы его сану. Нет, он прямо летит, походка быстра и решительна, так что развевающиеся полы рясы открывают брюки темного цвета. Вполне современные брюки, а что ты хотел увидеть под рясой: порты шестнадцатого века и хромовые сапоги? Нет, на нем полуботинки – черные, модельные. Толпа состоит из людей вполне современных, в большинстве своем это женщины, много молодых, есть даже в брюках, губы на помажены, глаза раскрашены. Короче говоря, наши обыкновенные советские женщины. А рев и крики исходят от младенцев, которых они несут на руках. Все очень просто, батюшка окрестил детишек, крестильня находится во дворе собора, а в храм ведут, чтобы воцерковить и причастить детей, а матерям прочесть молитву сорокового дня. Из алтаря вышел еще один священник, уже седой, шестидесяти – шестидесяти пяти лет, и спросил первого: «Какую партию ведешь?» Вот тебе и на, скажет читатель, что значит – «какую»? В то время, кроме коммунистической, никакой другой не было. «Седьмую, отец настоятель», – отвечает первый батюшка. И опять все очень просто. Крестильное помещение небольших размеров, и за один раз туда все желающие не поместятся, вот и запускают партиями по пятнадцать – двадцать человек. Значит, батюшка, по нашим скромным подсчетам, уже человек сто – сто двадцать окрестил за этот день. Ого, скажешь ты, мой дорогой читатель, а как же тогда насчет обкомовских мечтателей, неужто они не ведут статистику? Успокойся, они-то как раз статистику ведут. Но статистика статистикой, а жизнь все же сложнее. Из этих крещеных младенцев, дай Бог, чтобы хоть у одного родители не сняли крест сразу после крещения, как выйдут за порог храма. Думаю, что я надоел тебе, дорогой читатель, своими размышлениями вслух. Все, с этого момента перехожу непосредственно к рассказу. Итак, знакомься с его главным героем.

Слева от Царских врат иконостаса приоткрылась дверь, из нее показалась голова молодого человека с едва пробивающимися под носом усами. Голова повертелась в разные стороны, осматривая толпу женщин с младенцами на руках, стоящих около амвона. Затем дверь приоткрылась пошире и молодой человек небольшого роста, худенький, в сером костюме в полоску и клетчатой рубашке выскользнул на амвон и, протиснувшись сквозь толпу, направился прямо к центральному выходу из собора. На вид ему можно было дать не более двадцати лет. По дороге он раскланивался со старушками, убиравшими храм, те кивали молодому человеку в ответ, ласково улыбаясь. Одна старушка поспешила за ним.

– Отец Олег, батюшка, подождите, – молодой человек остановился, поджидая ее, – вот примите от всех нас поясок, вышитый золотыми нитками, на ваш подрясник. Это вам на молитвенную память. Вот записка наших сестер о здравии. Помяните нас, когда сможете, за службой.

Молодой человек взял бережно поясок и, поблагодарив, продолжил путь к выходу.

Молодой человек, названный бабушкой отцом Олегом, действительно был священником Олегом Дорофеевым, только в этом году окончившим Одесскую духовную семинарию и неделю назад рукоположенным правящим архиереем во священники. Это только на вид ему дашь двадцать лет, борода не растет, потому выглядит несолидно, как говорится, маленькая собачка до старости щенков, – а на самом деле ему двадцать пять лет. Всю эту неделю он проходил практику в соборе после рукоположения в духовный сан. Сейчас ему надлежало спешить

в епархиальное управление для получения от владыки указа с назначением на приход. В епархиальное управление шел пешком, оно было недалеко от собора, всего в двух кварталах. Давно и с нетерпением ожидая начала своей пастырской деятельности, он был полон оптимизма и радужных надежд, раздумывая, куда пошлет его служить владыка. Но когда, придя в епархиальное управление, он получил от секретаря указ о назначении, его оптимизм значительно поубавился. В указе говорилось, что его назначают настоятелем в Казанскую церковь села Ухабовка. Мало того, что это село находилось в двухстах пятидесяти километрах от областного центра, так весной и осенью из-за дождей и разлива рек практически было отрезано от всего остального мира. Да и прихожан, по слухам, там было не больше двадцати-тридцати человек. Здесь же, в управлении, он повстречал одноклассника по семинарии, отца Николая Терихина, который получал указ быть вторым священником в райцентр Бровки. Подойдя к отцу Олегу и похлопав его по плечу, отец Николай с усмешкой сказал:

– Уж лучше быть пятым в Бровках, чем настоятелем в Ухабовке.

Отец Олег, не желая показывать своего разочарования перед отцом Николаем, как можно бодрее парировал:

– А древние римляне говорили, – и он произнес по-латыни поговорку, которая в переводе означает, что «лучше быть первым в городе, чем последним в Риме».

– Ну-ну, – покачал головой отец Николай, – ты еще и латынь помнишь, она тебе очень пригодится в Ухабовке, там бабушки только на латыни исповедуются, – и, довольный своей удачной шуткой, расхохотался.

Перед отъездом к месту служения отец Олег решил зайти в кафедральный собор попрощаться с протодиаконем, который за время практики очень помог ему усвоить все тонкости службы. Протодиакон отец Стефан, пожилой грузный человек, сидел в алтаре, отдыхая после окончания службы. Увидев отца Олега, он, добродушно улыбаясь, прогудел:

– Ну, отче Олеже, никак прощаться пришел, куда же тебя владыка посылает?

– Куда Макар телят не гонял, – пошутил отец Олег.

– Ну и куда же он телят не гонял? – прищурил глаза отец Стефан. – Я, почитай, уж четвертый десяток по епархии ездю, все приходы знаю.

– В Ухабовку, – тяжело вздохнул отец Олег.

– Ух ты, брат, вот как. За какие же грехи в ссыльный приход, у тебя их вроде пока нет? Ну, не вздыхай так тяжело. Владыка, наверное, твое смирение испытывает, а потом возвысит обязательно. Да не так уж там, между прочим, плохо. Последний раз, помню, с архиереем мы были там лет десять-двенадцать назад. Красота: лес, речка. Ты, кстати, рыбак?

– Нет, какой я рыбак, – ответил отец Олег.

– А я любитель с удочкой посидеть; пока владыка после службы отдыхал, я там на речке вот таких лещей, – протодиакон растопырил руки на ширине плеч, потом, подумав, сузил их наполовину, – веришь ли, штук пятнадцать натягал. Так что свежую рыбку будешь каждый день кушать. Да что там говорить, мы тут все в магазинах покупаем, а там бабушки и медку, и курочку, и яичек свежих принесут, и молочка из-под коровки, а то вон, посмотри на себя, кожа да кости, никакой солидности. Мы здесь, в городе, как в аду: шум, машины, выхлопные газы, заводы кругом копят. А там, брат ты мой! Воздух, воздух-то какой! Дыши – не хочу. Ну, словом, отец Олег, не унывай, еще вспомнишь меня, скажешь: прав был старик.

Он обнял отца Олега и проводил его до дверей храма, по пути наставляя, как готовить рыболовную снасть, как делать подсечку во время клева.

Общение с протодиаконем несколько ободрило отца Олега. Когда он пришел домой, то стал своей жене Ларисе расписывать Ухабовский приход со слов протодиакона. Но матушка Лариса только недовольно качала головой:

– Туда я не поеду, пятый месяц беременности, а ну что случится, там же больницы нет, «скорую помощь» не вызовешь, до райцентра в непогоду только на танке доедешь. Нет, поез-

жай пока один. Плохо, что архиереи из монахов, не знают семейной жизни. Туда надо стариков на отдых посылать. Вот в кафедральном соборе ни одного молодого священника, уж митры на головах от старости не держатся, так ведь никого не спровадишь.

И рассерженная матушка стала собирать вещи отцу Олегу в дорогу.

Несмотря на то что отец Олег выехал утром, до Ухабовки добрался только к вечеру, сменив два автобуса, а от райцентра добирался на попутках. К храму, что стоял у реки, подходил уже в сумерках. Стучать в ворота пришлось долго, пока не приковыляла старуха.

– Кто такой? – подозрительно уставилась она на тщедушную фигуру отца Олега.

Тот звонким голосом прокричал:

– Ваш новый настоятель, священник Олег Дорофеев.

– Ну шутник, – засмеялась старуха, – разве такие священники бывают? Наверное, ты студент-практикант, так ваши живут возле клуба в школе.

Олег, понимая, что по его виду трудно признать в нем священника, молча вынул из портфеля подрясник, надел его. Затем достал подаренный ему пояс, расшитый золотыми нитями, подпоясал подрясник. С благоговением перекрестился, поцеловал свой священнический наперсный крест и надел его поверх подрясника, а на голову водрузил лиловую скуфью, сшитую матушкой. Старуха молча с удивлением наблюдала за превращением студента в батюшку, а когда отец Олег водрузил скуфью, как бы очнувшись, запричитала:

– Батюшки, батюшки родные, не признала сразу, вот старая, – и вместо того чтобы открыть калитку, опрометью бросилась в сторожку. Оттуда уже вышли вдвоем с другой старушкой и засеменяли к калитке, охая и ахая на ходу.

Открыв калитку, вторая старушка подошла под благословение, представившись псаломщицей Марьей Ивановной. Когда подходила первая старушка, Марья Ивановна сама представила ее сторожем церкви. Пока шли по двору, Марья Ивановна успела рассказать, что она живет при церкви в сторожке. Дом священника здесь же, в ограде, все в нем прибрали в ожидании нового настоятеля. Она подвела его к небольшому домику в три окошка.

– Вот, батюшка, в этой избе будешь жить, тут всегда священники жили.

Сразу при входе отец Олег очутился в небольшой, наполовину занятой печью, кухне. Между печью и кухонным столиком был вход в горницу, перекрытый пестрой занавеской. Горница была метров двадцать, в два окошка. Со стороны глухой стены от горницы были отделены занавесками две крохотные спальни. В каждой из них помещалось по металлической кровати с горой подушек. В самой горнице стоял круглый стол, покрытый плюшевой красной скатертью, и большой сундук, покрытый ковриком, да три венских стула. Несмотря на то что домик был небольшой, отцу Олегу он понравился уютом и чистотой. На всех окнах – белые накрахмаленные занавески. Крашенные деревянные полы застелены чистыми домоткаными половичками. Через несколько минут зашла Марья Ивановна, принесла горсть чайной заварки, несколько кусков сахара и половину батона.

– Ну вот, батюшка, вечерайте и отдыхайте с Богом; что понадобится, приходите в сторожку. – Пожелав спокойной ночи, старушка удалилась.

Отец Олег вскипятил чаю, достал заботливо уложенные матушкой котлеты и яички. Помолился и сел ужинать. Перед тем как разбить яичко, посмотрел на его фабричный штамп и с удовольствием подумал: «Хватит, с инкубаторскими яйцами покончено раз и навсегда. Завтра прихожане принесут яички, творог и сметанку: все домашнее, экологически чистое». С этими благими мыслями он и заснул под тиканье настенных ходиков.

Утром он проснулся поздно, в десятом часу. Никто его не тревожил, было тихо и спокойно. Он встал, прочитал утренние молитвы. Затем, вскипятив чайник, решил позавтракать. Доев остатки дорожного, задумался:

– Что же я буду готовить на обед? Что-то никто не идет.

Он пошел в сторожку. Там за столом, покрытым клеенкой, сидели псаломщица и сторожика, ели картошку в мундире, запивая чаем с сухарями и вареньем. Отец Олег осведомился, почему никто не идет в церковь.

– Да что ты, батюшка, Бог с тобою, сегодня же еще только вторник, покойников в деревне нет, так что только в воскресенье придут на службу. У нас тут в селе народу мало, молодежь вся поразъехалась кто куда, одни пенсионеры остались. Правление колхоза находится в соседней деревне Федоровке, а здесь самое большое начальство – бригадир. Служба у нас совершается раз в неделю, да и по великим праздникам, – разъяснила Марья Ивановна.

– А где у вас магазин, чтобы купить продукты?

– Да что, батюшка, там можно купить? Только хлеб разве, и то через день завозят.

Отец Олег все же решил совершить ознакомительную прогулку по деревне. Вообще для городского жителя прогулка по селу представляется чем-то идеалистичным, навеянным романтикой советских кинофильмов. Для отца Олега открылась другая картина. Непролазная грязь, небольшие деревянные неказистые серые домики. Вся деревня Ухабовка представляла собой как бы одну улицу, вдоль которой стояли дома с большими огородами на задах. Храм был в начале этой улицы, ближе к реке. От храма улица спускалась к небольшому ручью, через который был перекинут деревянный мост, а далее поднималась вверх и заканчивалась пригорком, на котором находились магазин, школа и клуб. Тут же, рядом, стоял небольшой дом, бывшее колхозное правление, после слияния нескольких деревень в один колхоз в нем находилось управление полеводческо-овощной бригады. Весь этот культурно-административный центр также находился у реки, так как река делала излучину и русло ее как бы обнимало собой оба конца деревни. По этому деревенскому бродвею и зашагал отец Олег. Идти приходилось осторожно, иногда прижимаясь вплотную к заборам палисадников, так как вся улица была изъезжена вдоль и поперек большеколесными тракторами «Кировец». Колеи в них были до того глубокие, что по ним невозможно было идти. До противоположного конца он добрался, так и не встретив ни одного человека. Он зашел в небольшой деревянный дом, на котором висела вывеска «Магазин». В магазине с одной стороны был прилавок с промышленными товарами, а с другой – с продуктовыми. За продуктовым прилавком сидела грузная моложавая женщина лет тридцати и лузгала семечки. Хотя приход молодого священника и вызвал у нее непомерное любопытство, но она старалась делать вид, что ей все равно. Отец Олег молча стоял у прилавка, взирая на ассортимент товаров. Витрина за прилавком была заставлена консервами под названием «Завтрак туриста» и большими трехлитровыми банками с зелеными маринованными помидорами. Никаких других продуктов отец Олег, как ни старался, не мог узреть.

– Скажите, пожалуйста, а колбаса или сыр у вас есть?

Продавщица поднесла ко рту очередную семечку, но при этом вопросе рука ее так и застыла около рта, а глаза удивленно и испуганно вытаращились на отца Олега. Боясь, что ослышалась, она переспросила:

– Что вы сказали?

– Колбасы или сыра у вас нет? – неуверенно повторил свой вопрос отец Олег.

– Нет, – замотала головой продавщица, – такого мы давно не видели. Это надо в Москву ехать, там, говорят, все есть.

– А что у вас есть?

– Вот все, что видите на прилавке.

Отец Олег хотел уже уйти, но, помедлив, с улыбкой сказал:

– До свидания. Приходите в воскресенье в церковь, будет служба.

Продавщица осмелела и задала вопрос:

– А скажите, к чему покойники снутся?

– К тому, что надо в церковь сходить, исповедаться и причаститься. Вы давно были в храме?

– В прошлую Пасху. Надо пойти в церковь, свечку поставить, а то третий день свекровь покойная снится. Наверное, это не к добру.

Отец Олег вышел на небольшую площадь, поросшую травой, вокруг которой группировались клуб, школа и правление. Видно было, что все они закрыты. На клубе висела коряво написанная афиша, которая возвещала, что в воскресенье будет демонстрироваться новый художественный фильм «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» с Леонидом Куравлевым в главной роли.

«Вот и я тут как Робинзон Крузо», – подумал отец Олег и побрел домой.

Не успел он зайти в свой дом, как в дверь постучали. Он открыл. На пороге стояла старуха в резиновых калошах на босу ногу, в ситцевом выцветшем платье, поверх которого был надет темный фартук. Один глаз у нее отсутствовал, но второй проворно оглядел отца Олега с ног до головы, заглянул мимо его плеча на кухонный стол, затем уставился ему прямо в лицо. Старуха прокричала каким-то каркающим голосом:

– Батюшка, тебе курица нужна?

– Нужна, нужна, конечно, – обрадовался отец Олег.

– А то она у меня нести яйца перестала, с ума спятила. Залезла на чердак и петухом кричит, прямо как есть с ума спятила. Так, значит, нести? Тебе как, батюшка, выпотрошить али целиком?

– Да-да, выпотрошите и несите.

– Не слышу, – прокаркала старуха, – потрошить или нет?

Отец Олег, поняв, что она глуховата на ухо, прокричал:

– Потрошите и несите.

– Ну, ладно, пойду ощипаю и попотрошу, а то совсем с ума спятила.

Бабка ушла. Отец Олег заметно повеселел и стал раздумывать, что ему приготовить из курицы. Решил сварить куриную лапшу. Через час пришла старуха и, подав отцу Олегу курицу, прокричала:

– С вас, батюшка, семь рублей, курица большая, кило на два потянет, даже потрошенная.

Отец Олег смутился, не ожидая, что с него потребуют деньги за курицу. Пошел за кошелем, отсчитал семь рублей и вручил их старухе. Курицу варил долго, вначале два часа, попробовал, не жуется. Потом еще варил час, курица все равно была как резиновая, не разжевать. Тут он догадался, отчего эта курица спятила с ума.

Думаю, и ты, дорогой читатель, догадался. Конечно, от старости, отчего же больше курице спятить.

1993–2001. Саратов – Волгоград

Шутник, или Рассказ о том, как установка американских крылатых ракет «Першинг-2» помогла провести отопление в Покровскую церковь

Настоятель кафедрального собора протоиерей Борис Шумилин и церковный староста Илья Иосифович Кислицкий одновременно вышли во двор собора – один из дверей храма, другой из бухгалтерии. Отец Борис, высокий статный мужчина лет пятидесяти с аккуратно постриженной темной с проседью бородкой, завидев старосту, широко улыбаясь, двинулся ему навстречу.

– Илье Иосифовичу наше с почтением.

Кислицкий – небольшого роста, лысоватый, плотный пожилой мужчина – остановился, поджидая настоятеля. Двигаться навстречу он считал ниже своего достоинства. Вот если бы это был не настоятель, а, скажем, уполномоченный по делам религии, то другое дело. Не то чтобы пошел, а побежал бы. Только когда настоятель подошел к нему, он как бы нехотя поздоровался:

– Здравсте, отец Борис, у вас все в порядке?

– Вашими молитвами, Илья Иосифович, все слава Богу. Что-то вы сегодня раненько пожаловали, прихожу к ранней обедне, а мне пономарь докладывает, что вы уже в бухгалтерии.

– Надо подготовиться, фининспекцию из Москвы ждем. Вот и пришел пораньше еще раз проверить, чтобы все чики-чики было, – важно заявил староста.

– Помилуй Бог! Так ведь никогда такого не было, чтобы из Москвы инспекция.

– Готовят новое изменение в законодательстве о культурах, вот и посылают с проверкой.

– И что, вот так предупреждают, что с проверкой едут?

– Нет, держат в секрете, об этом отец Никита узнал. У него тесть в Москве там работает, – указал пальцем куда-то в небо Кислицкий.

– Кому же вы поверили, Илья Иосифович? Он же всех разыгрывает.

– Да он при мне из бухгалтерии в Москву звонил и разговаривал.

– А вы проверьте на телефонной станции, были ли с Москвой разговоры. За эти сорок дней, что он у нас практику проходит после рукоположения в сан священника, я и не такое от него слышал. Вот давеча опоздал на службу, я ему: «Вы почему опаздываете?» А он смотрит мне прямо в глаза и говорит, что был вынужден подвезти до Дворца спорта Аллу Борисовну Пугачеву на концерт. Я аж опешил: «Как так?» – говорю. А он рассказывает: «Еду я на службу, смотрю – Алла Борисовна стоит на обочине, голосует, ну я, естественно, по тормозам. А она: «Голубчик, выручай, опаздываю на концерт, а у меня машина сломалась, а там две тысячи зрителей ждут». Ну как я мог отказать известной народной артистке?!»

– Точно, – подтвердил староста. – Пугачева сейчас с гастрольями в нашем городе.

– Да я это и сам знаю. Кругом афиши. Только подумайте, что это она одна по городу ездит? Да ее целая кавалькада машин сопровождает. А сколько других примеров его так называемых шуток? Диаконы наши всегда пользуются ингаляторами, использованных от них баллончиков много скопилось в пономарке. Так он что учудил – взял эти баллончики и покидал в печку. Алтарник стал в печке угли разжигать для кадила, а баллончики начали взрываться. Бедный пономарь три дня к печке не мог подойти. Говорит, что бес там сидит. А он не в печке сидит, а в отце Никите. Недавно что сотворил: приносит в алтарь красивую коробочку, на ней написано: «Ладан Ливанский», а внизу наклейка: «Made in Paris». Диаконов предупредил, чтобы они из этой коробочки ничего не брали. Диакон Петр не вытерпел и украдкой подсыпал из коробочки себе в кадило, выходит кадить на амвон, а певцы на левом клиросе чуть не задохнулись. В коробочке оказался нафталин от моли. Стали ругаться, а отец Никита смеется: я же предупреждал, чтоб из этой коробочки ничего не трогали.

У старосты нарочитой серьезности как не бывало; пока настоятель рассказывал, он смеялся до слез, потом резко посерьезнел:

– Но если он надо мной вздумал шутить, к уполномоченному пойду, я слышал, что его из семинарии выгнали за что-то, сколько ему, кстати, лет?

– Да сопляк еще, всего двадцать два года. А из семинарии его тоже за шуточки выгнали.

– Ну-ну, что там он натворил?

– Назначили к ним в семинарию нового преподавателя по предмету «Конституция СССР». Преподаватель солидный. Отставной подполковник, в армии был замполитом полка, ну, конечно, человек светский, в религиозных вопросах не разбирается. Его предупредили, что перед началом урока дежурный по классу должен прочесть молитву. Обычно читается «Царю Небесный», даже если медленно ее читать, то на это уйдет не более пятнадцати-двадцати секунд, но какая молитва и сколько она читается, его не предупреждали. Приходит на первое занятие, дежурным как раз был Никита. Открывает наш шутник Псалтирь и давай подряд все кафизмы шпарить, на пол-урока. Подполковник думает, что так положено, стоит ждет, с ноги на ногу переминается. А после занятий в профессорской у инспектора спрашивает: почему у вас такие молитвы длинные, на лекцию время не остается. Все тут и выяснилось.

В это время отец Никита, не подозревая, что о нем идет речь, подобрав полы рясы повыше, через две ступеньки летел по лестничным маршам колокольни на звонницу собора. За ним еле поспевал его сверстник, звонарь собора Алексей Трегубов, студент консерватории по классу народных инструментов. Когда выскочили на звонницу, спугнули несколько голубей, до этого мирно ворковавших под крышей колокольни.

– Ух ты, Лешка, красотища какая, сколько здесь метров до земли?

– Не знаю, – пожал тот плечами.

– Сейчас узнаем; я плюну, пока плевков летит, посчитаем и перемножим на скорость. – И отец Никита тут же плюнул.

– Ты что, Никита, делаешь, вон внизу староста с настоятелем стоят, что, если попадешь? – всполошился Алексей.

– Если попадем на лысину Илье Иосифовичу, то полтора метра придется из общего расстояния вычесть.

– Он тебе тогда сам вычтет, но уже из твоей зарплаты, а меня, пожалуй, и уволят, проживи тогда попробуй на одну стипендию.

– Да, на дождик списать это не удастся. – Отец Никита задрал голову вверх, увидел сидящих голубей. – А вот на птичек можно. Кыш, кыш, – махнул он на них рукой, но видя, что это на них не действует, подбросил вверх свою скуфью.

Голуби взлетели и стали кружить вокруг колокольни. Отец Никита подобрал на полу щепочку, стал ей скovyривать свежий голубиный помет и пулять им в старосту и настоятеля. После двух промахов старания его увенчались успехом, помет угодил Илье Иосифовичу прямо на лысину. Тот с отвращением смахнул его рукой, выругался нецензурно:

– Всех этих голубей к... прикажу потравить, от них один вред.

Отец Борис, краешком глаза успевший заметить мелькнувшие на колокольне две фигуры, констатировал:

– Божьи птицы здесь, по-видимому, ни при чем, пойдёмте, Илья Иосифович, посмотрим, кто на колокольне шалит.

Когда отец Никита и Алексей, радостно хохоча, прыгая через три ступеньки, спустились с колокольни, они столкнулись с разъяренным старостой и нахмуренным настоятелем.

На следующий день отец Никита сидел в кабинете владыки, понурился головой, что должно было в его понимании выражать раскаяние.

– Ну и что, отец Никита, прикажешь мне с тобой делать? – сказал архиерей как бы самому себе и замолчал, глядя поверх головы сидевшего против него отца Никиты. Так он сидел

минуты две, молча перебирая четки. Никита, понимая, что вопрос архиерей задает себе, тоже молчал, ожидая решения архиерея. – Вроде умный парень, – продолжал рассуждать владыка. – Отец вон какой серьезный, уважаемый всеми протоиерей. Я помню, когда мы с ним учились в семинарии, он для нас был примером для подражания. В кого сын пошел, ума не приложу. – И архиерей посмотрел прямо на отца Никиту. – Из семинарии тебя выгнали, настоятель недоумен тобой, староста уполномоченному пожаловался. Что бы ты на месте архиерея сделал?

Отец Никита понял, что надо что-то сказать.

– На этот вопрос, владыка, я смогу ответить только тогда, когда доживу до вашего возраста, а сейчас со смирением приму ваше любое решение.

– «Любое решение», – передразнил его архиерей. – Умен не по годам, а детство в голове играет. Отца твоего не хочется огорчать. Решил послать тебя настоятелем в Покровскую церковь города Кузьминска. Там всем заправляет бухгалтерша, ставленница горисполкома. Сущая стерва, уже не одного настоятеля съела, еще почище старосты собора Ильи Иосифовича будет. Посылал им недавно хорошего настоятеля, протоиерея Николая Фокина, полгода не прослужил, так подставила, что уполномоченный регистрации лишил. Вторым священником там служит протоиерей Владимир Картузов, батюшка смиренный, безобидный, но настоятелем ставить нельзя – к рюмочке любитель прикладываться.

Покровская церковь города Кузьминска находилась недалеко от железнодорожного вокзала посреди старого кладбища. Храм был небольшой, каменный, во всем районе единственный. По воскресным и праздничным дням народу набивалось столько, что многим приходилось стоять на улице. Отец Никита, осмотрев храм, пошел в алтарь и там встретил отца Владимира Картузова, который сразу ввел его в курс всех дел.

– Всем командует тут бухгалтер Клавдия Никифоровна, ты с ней осторожней. Церковный староста у нее на побегушках, роли здесь никакой не играет, так, ширма для проформы. Сейчас иди в бухгалтерию и указ архиерея отдай ей, потом приходи в просфорную, отметим твое назначение: у меня там заначка спрятана от матушки.

Отец Никита зашел в бухгалтерию. Это была маленькая комнатка, в которой стоял старый книжный шкаф с папками для бумаг, в углу – огромный несгораемый сейф, у окон друг против друга – два письменных стола. За одним восседала высокая сухощавая женщина лет пятидесяти с властным и пронзительным взглядом из-под больших очков в роговой оправе. За столом напротив сидела маленькая старушка, которая старательно считала горку мелочи, раскладывая посчитанные медяки по стопкам, она даже не взглянула на вошедшего отца Никиту, так увлечена была своим делом. Отец Никита, сопровождаемый цепким взглядом женщины в очках, в которой он безошибочно признал бухгалтершу, подошел прямо к ее столу и сел на свободный стул; несколько не смутившись, с улыбкой уставился на нее:

– Я, Клавдия Никифоровна, ваш новый настоятель, вот указ архиерея.

Клавдию Никифоровну несколько покорила бесцеремонность молодого священника. Она глянула на указ, потом на отца Никиту и отчеканила:

– Это вы, Никита Александрович, в храме для бабушек настоятель, а здесь для меня как бухгалтера вы наемный работник, работающий согласно законодательству по трудовому договору. И согласно этому трудовому договору между вами и церковным советом я начисляю вам зарплату. Но если вы нарушите советское законодательство или какой-нибудь пункт договора, то церковный совет вправе расторгнуть его с вами. И тогда вам даже архиерей не поможет.

– Что вы, что вы, Клавдия Никифоровна, как можно, уже только одна мысль о нарушении законов является грехом, – с деланным испугом на лице произнес Никита. Затем он встал и торжественно произнес: – Великий московский святитель Филарет говорил: «Недостойный гражданин царства земного и Небесного Царствия не достоин».

И уже более спокойно, глядя прямо в глаза Клавдии Никифоровне, произнес:

– Я не только сам не нарушу советского закона, но и никому другому этого не позволю.

После этого он снова сел на стул.

– Ну, так где трудовой договор, который я должен подписать?

Клавдия Никифоровна молча подала бумаги отцу Никите. Ее очень смутило и озадачило поведение нового настоятеля. Всегда уверенная в себе, она вдруг почувствовала какую-то смутную тревогу. Когда отец Никита вышел, она, обращаясь к старушке, сказала:

– Молодой, да ранний, уж больно прыток. Посмотрим, что будет дальше, не таких обламывали. Ты за ним внимательно приглядывай, Авдотья Семеновна. Если что, сразу докладывай.

– Не изволь беспокоиться, Никифоровна, присмотрю. Прошла неделя. Отец Никита исправно отслужил ее и заскучал. Эту неделю должен служить по очереди отец Владимир, а отец Никита решил посвятить это время административной работе. Он с утра расхаживал по храму, размышляя о том, что необходимо сделать для улучшения жизни прихода. Тут в глаза ему бросилось, что в храме, где и так не хватало места для прихожан, стоят две здоровые круглые печи. Такая же печь стоит в алтаре, где тоже тесновато. Он решил, что необходимо убрать эти печи, а заодно и печи в крестильне, бухгалтерии и сторожке. Вместо них поставить один котел и провести водяное отопление. Этой, как ему казалось, удачной идеей он поделился со старостой Николаем Григорьевичем. Но тот выслушал и замахал руками.

– Что ты, что ты, даже не заикайся, я сам об этом еще задолго до тебя думал, но Клавдия Никифоровна против.

– Почему против?

– Пойдем в бухгалтерию, я тебе там разьясню, сегодня понедельник – у Клавдии Никифоровны выходной.

Когда они зашли в бухгалтерию, староста молча показал на стену.

– Вот, батюшка, полюбуйся.

На стене висело несколько наградных грамот от городского отделения Фонда мира, от областного и даже из Москвы.

– Ну и что?

– А то, что добровольно-принудительная сдача денег в Фонд мира – основная деятельность прихода и особая забота бухгалтера. Клавдия Никифоровна ни за что не согласится на крупные расходы в ущерб ежемесячным взносам в Фонд. Так что это бесполезная затея, тем более она ссылается на запрет горисполкома.

– А кто у вас в горисполкоме курирует вопросы взаимоотношений с Церковью?

– Этим ведает зампред горисполкома Гришулин Андрей Николаевич. Только вы от него ничего не добьетесь, это как раз его требование сдавать все в Фонд мира.

– Мне все равно надо представиться ему как вновь назначенному настоятелю.

Отец Никита сел в свой старенький «москвич», доставшийся ему от отца, и поехал в горисполком. По дороге он заехал в киоск «Союзпечать» и купил свежих газет, предполагая, что его могут сразу не принять и ожидание в приемной можно скоротать чтением прессы. Так и получилось. Секретарша попросила его подождать, так как у Андрея Николаевича совещание. Он присел на стул и развернул газету. На первых полосах было сообщение о развертывании натовской военщиной крылатых ракет «Першинг-2» в Западной Европе. На втором развороте была большая статья какого-то доктора экономических наук, который расшифровывал тезис, произнесенный генеральным секретарем на съезде: «Экономика должна быть экономной». От нечего делать отец Никита прочитал и эту статью. Заседание окончилось, и его пригласили. В просторном кабинете за большим письменным столом восседал мужчина лет сорока – сорока пяти в темном костюме при галстукe и с красным депутатским флажком на лацкане. Отец Никита подошел, поздоровался и после предложения сел на стул возле приставного стола. Затем он представился, подал Гришулину указ архиерея и справку о регистрации от уполномоченного по делам религии. Тот, не торопясь, ознакомился с бумагами и возвратил назад.

– Знаем уже о вас, мне сообщали, нареканий пока нет, будем надеяться, что так будет и впредь. Да у вас там есть с кем посоветоваться: Клавдия Никифоровна – знающий, грамотный специалист, не первый год работает, мы ей доверяем.

Отец Никита понурил голову и тяжело вздохнул.

– Что такое, Никита Александрович, чем вы так расстроены?

– Прочитал сегодняшние газеты и, действительно, сильно расстроился, – делая еще более мрачное лицо, ответил отец Никита.

– Что же вас так могло расстроить? – забеспокоился Гришулин.

– Да американцы, империалисты проклятые, опять нагнетают международную обстановку, крылатые ракеты в Западной Европе устанавливают.

– А-а, – облегченно вздохнул Гришулин. – Так вот вас что беспокоит, – а про себя подумал: «Ненормальный какой-то, не знаешь, что ему и ответить».

«Еще посмотрим, кто из нас ненормальный», – отгадывая мысли Гришулина, решил про себя отец Никита, а вслух произнес:

– Расстраиваюсь я оттого, что мы боремся за мир, как можем, сдаем деньги в Фонд мира, а они пытаются все усилия прогрессивного человечества свести на нет.

– Ну, это им не удастся, – улыбнулся Гришулин. – Я думаю, нашим военным специалистам есть чем ответить на этот вызов.

– Есть-то оно есть, так ведь такой ответ и средств потребует немалых, я думаю, нам надо увеличить взносы в Фонд мира.

– Интересно, интересно, – действительно с неподдельным интересом произнес Гришулин. – Да где же их взять? Ваша церковь и так отдает все в Фонд мира, остается только на самые необходимые текущие расходы. Мы уж с Клавдией Никифоровной кумекали и так и сяк.

– Дополнительные средства изыскать можно, если обратиться к мудрой руководящей линии партии, поставленной как основная задача на последнем съезде, – серьезно произнес эту абракадабру отец Никита, и ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя внутри все содрогалось от неудержимого веселья, от этой сумасбродной игры в несусветную глупость.

Последняя фраза отца Никиты смутила и озадачила Гришулина, он даже растерялся оттого, что, во-первых, не ожидал такого от священника, во-вторых, никак не мог сообразить, о какой линии партии говорит этот ненормальный. Но самое главное, что это нельзя объявить галиматьей и прогнать батюшку. В принципе он говорит правильно и логично с точки зрения парадно-лозунгового языка съездов и газетных передовиц. Поэтому он только растерянно произнес:

– Уточните, пожалуйста, Никита Александрович, что вы имеете в виду?

– То, что «экономика должна быть экономной», вот что я имею в виду.

– Но какое это имеет отношение к нашей теме?

– А то, что у нас есть люди среди работников церкви, которые не согласны с этим, идут, так сказать, вразрез с генеральной линией.

– Кто это не согласен? – совсем удивился Гришулин.

– Наша бухгалтер, Клавдия Никифоровна.

– Поясните, поясните, пожалуйста, Никита Александрович.

– У нас в церкви топятся три огромных печки, в бухгалтерии одна, одна в крестильне и еще одна в сторожке. За отопительный сезон в трубу улетают немалые народные денежки. Достаточно убрать эти шесть печей и поставить маленькую котельную с одним котлом. Сэкономленные таким образом средства можно пустить для борьбы за мир. Но Клавдия Никифоровна категорично против того, чтобы экономика была экономной. Это еще полбеда, но в своем сопротивлении генеральной и руководящей линии она ссылается, страшно подумать, на вас, Андрей Николаевич. Но, конечно, мы этому не верим, что вы, советский ответственный работник, не согласны с линией партии.

– Она так прямо и говорит? – окончательно растерялся Гришулин.

– Да нет, она только говорит, что вы запрещаете делать водяное отопление, которое может дать такую эффективную экономию, а уж дальнейшие выводы напрашиваются сами собой. Потом разные нехорошие слухи могут поползти по городу. Ведь всем ясно, что один котел экономичнее шести печей.

Вот это последнее, что поползут слухи и что всем все ясно, больше всего напугало Андрея Николаевича. Он встал и нервно заходил по кабинету.

– Правильно, что вы, Никита Александрович, не верите этой клевете, я никогда не запрещал делать отопление в церкви, так людям и разъясняйте. Очень хорошо, что вы зашли, спасибо. Ну надо же, вот так Клавдия Никифоровна с больной головы на здоровую перекладывает. Но мы разберемся, сделаем оргвыводы. А вы делайте водяное отопление, дело это хорошее, экономить надо народные деньги, это правильно. Экономика должна быть экономной.

На прощание он крепко пожал руку отцу Никите:

– Не в ту систему вы, батюшка, пошли, надо было к нам, цены бы вам не было.

Приехав в храм, отец Никита разыскал старосту, велел написать заявление на имя Гришулина с просьбой разрешить смонтировать водяное отопление и отправил его в горисполком поставить визу. По пути попросил заехать к бригаде сварщиков-сантехников и привезти их в церковь для заключения договора на работы по отоплению. Когда Николай Григорьевич вернулся с подписанной бумагой и бригадой сварщиков, отец Никита отвел его в сторону и сказал:

– Слушай меня внимательно: послезавтра явится бухгалтерша, и кто его знает, как повернется дело, надо подстраховаться, чтобы обратного хода уже не было. Давай заключим с бригадой договор и выдадим аванс на материал с условием, что к вечеру они привезут трубы в церковь.

В среду утром Клавдия Никифоровна в благодушном настроении вышагивала на работу после двух выходных дней. Но когда зашла на церковный двор, сердце ее тревожно екнуло: она заметила груды сваленных металлических труб. Клавдия Никифоровна подозвала сторожа и сурово спросила:

– Кто это посмел разгрузить трубы в нашем дворе?

– Это настоятель распорядился, отопление в церкви будут делать.

– А-а, – победно взревела Клавдия Никифоровна. – Нарушение законодательства, вмешательство в хозяйственно-финансовые дела прихода! Ну погоди, я тебя научу, наглеца, на всю жизнь меня запомнишь.

И даже не заходя в бухгалтерию, круто развернулась и зашагала к остановке автобуса, чтобы ехать в горисполком к Гришулину. Она еще не знала, что напрасно потратит деньги на проезд в автобусе. В бухгалтерии ее ожидала для передачи дел вновь принятая на работу бухгалтерша. В ожидании Клавдии Никифоровны она мирно беседовала с настоятелем и старостой. Обращаясь к настоятелю, она называла его не иначе как батюшка или отец Никита.

2001. Волгоград

Соборный чтец

Ты еси Бог творяй чудеса.

В Рождественский сочельник в ризнице кафедрального собора сидели сразу пятеро семинаристов. Все они приехали на рождественские каникулы в свою родную епархию. И все пришли в кафедральный собор прислуживать архиерею за праздничным богослужением. Такого количества молодых иподиаконов кафедральный собор еще не видел. Обычно архиерею всегда прислуживали двое: его личный шофер Александр Павлович и заведующий епархиальной канцелярией Андрей Николаевич. Оба уже довольно солидного возраста. В духовных семинариях от епархии в разные годы одновременно обучались не более одного-двух семинаристов. На весь Советский Союз было всего три семинарии. Когда желание учиться изъявили пять человек сразу, то архиерей дал им рекомендации в разные места. Двое поступили в Московскую семинарию, двое – в Одесскую и еще один – в Ленинградскую.

Семинаристы сидели в ризнице, ожидая ночной рождественской службы. Ленинградский семинарист Константин Макаров увлеченно читал книгу. Московские семинаристы Михаил Сеняев и Николай Груздев стояли перед иконой и вычитывали «каноны ко Святому Причащению». Братья Коньковы Алексей и Борис, учащиеся Одесской семинарии, начищали до блеска архиерейский жезл и репиды. Короче, каждый был занят своим делом.

Вдруг дверь с улицы распахнулась и в ризницу ввалился Авдеев Сергей, соборный чтец. В свое время, по окончании духовной семинарии, его, как музыкально одаренного человека, поставили управлять архиерейским хором. Вскоре он женился на одной из певиц хора и стал готовиться к рукоположению в сан диакона. К несчастью, брак оказался неудачным, не прожив и полгода, они разошлись. Но когда архиерей уже было собрался рукоположить его в диаконы, Авдеев неожиданно женился во второй раз и опять неудачно. Вопрос о рукоположении его в духовный сан отпал сам собой по каноническим причинам. Авдеев стал выпивать. Тогда архиерей перевел его с верхнего хора в нижний, любительский. От этого «низвержения», как его называл сам Авдеев, он стал выпивать еще больше. В конце концов его пришлось уволить и из регентов нижнего хора, правда, архиерей, пожалев, разрешил оставить его чтецом собора. Сейчас, когда он вошел в ризницу, было заметно, что он пьян, но на ногах Авдеев еще держался.

Отряхнув снег и оглядевшись, он вдруг стал громко хохотать, тыкая пальцем в сторону семинаристов.

– Хо-хо-хо, ну, рассмешили! Я сейчас живот с вами надорву от смеха. Ой, насмешили. Ну, спасибо, повеселили меня на праздник.

Семинаристы недоуменно переглядывались, пытаясь понять, что так рассмешило Авдеева. Костя Макаров, оторвавшись от книги и сняв очки, близоруко щурясь, спросил:

– Объясните нам, Сергей Петрович, что вы увидели смешного?

– Вас, вас увидел, вот это и смешно, – продолжая давиться от смеха, говорил Сергей.

– Что же в нас такого смешного? – не унимался Костя. – Растолкните нам, и мы тоже посмеемся.

– Растолкую, конечно растолкую, – успокоил его Авдеев.

Наконец ему удалось справиться со своим неудержимым смехом.

– Когда я учился в Московской духовной семинарии, – начал он, – то среди нас ходил такой афоризм, что в Ленинграде семинаристы учатся, в Москве – молятся, а в Одессе – работают. Захожу я сейчас к вам и что же вижу? Из Ленинграда Костя книгу читает, эти двое, московские, молятся, а эти – работают. Ну, разве это не смешно? Теперь понятно?

– Все нам понятно, – нахмурился Михаил Сеняев, – только непонятно, как вы будете в таком виде службу справлять?

– А вы еще до такого понятия не доросли, молоды больно, чтоб все понимать.

Он присел на лавочку и, сразу поскучнев, грустно вздохнул:

– Что же вы думаете, я всегда таким был? Да я вообще к этой гадости не притрагивался, диаконом мечтал быть. Вот, думаю, стану диаконом, выйду на горнее место, да как запою великий прокимен. В каждую ноту вложу всю свою душу, чтобы до всех стоящих в храме дошло, как велик Бог и как велики Его чудеса.

Глаза его при этих словах увлажнились, и он, встав с лавки и вытерев их кулаком, во весь голос запел великий прокимен: «Кто Бог велий яко Бог наш, Ты еси Бог творяй чудеса. Сказал еси людем силу Твою...»

Его голос звучал насыщенно и мелодично, заставляя в волнении трепетать сердца семинаристов. Пение прокимена вселяло какую-то радостную уверенность в том, что Бог и данная Им православная вера есть то единственное на свете, ради чего нужно и должно жить. Семинаристы встали со своих мест, с восхищением взирая на Сергея Авдеева. Допев прокимен до конца, он еще некоторое время стоял, как бы прислушиваясь к уходящим в небо звукам. Потом, понурился взгляд в пол, обреченно махнул рукой:

– Теперь все мои мечты коту под хвост, а вы еще что-то говорите. Думаете, сам не понимаю, что негоже в таком виде на рождественскую службу идти? Да я и не пойду на клирос. Встану в храме среди народа и буду молиться Богу и вопрошать Его: пошто не дал мне диаконом стать? Хотя чего вопрошать, сам виноват. А то прямо как у Адама выйдет: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел», – и Авдеев опять захохотал. – Не женитесь, братья, поспешно, а то можете всю жизнь себе испортить. А уж почитать сегодня на клиросе любой из вас сможет.

– Почитать-то мы почитаем, – сказал Борис Коньков, – да только, как вы, все равно не сможем. Сергей Петрович, а вы ложитесь и поспите, до службы еще четыре часа, а мы вас потом разбудим.

– Правда, Сергей Петрович, останьтесь, пожалуйста, – просительно сказал Николай Груздев, – без вас не обойтись, никто не сможет лучше вас проканонарить «С нами Бог...», у вас это так здорово получается! Вы ведь голосом в каждое слово такое глубокое понятие вкладываете, что просто аж мурашки по телу. Кстати, признаюсь вам честно, идти учиться в семинарию я надумал после того, как два года назад случайно зашел в собор на Рождество и услышал, как вы провозглашали: «С нами Бог. Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог».

– Это правда? – удивился Авдеев. – Значит, вот как, оказывается. Никогда бы не подумал, что ты из-за этого в семинарию пошел.

– Да вот так и получилось, Сергей Петрович, я тогда как раз раздумывал, куда мне после армии поступать учиться. Верующим себя не больно-то считал, а как услышал вас, что-то в душе моей перевернулось, и я решил идти в духовную семинарию.

Авдеев в раздумье почесал затылок.

– Да, красиво сказать и пропеть – это действительно проповедь. Хорошо, пожалуй, останусь, посплю, а то вдруг еще кто-нибудь в храм сегодня войдет, вроде нашего Николая Груздева. – И он, подмигнув семинаристам, пошел укладываться на диван.

Семинаристы выключили свет и на цыпочках вышли из ризницы, осторожно прикрыв дверь.

Ноябрь 2003. Самара

Попутчик

Состав поезда лязгнул и остановился, обдав стоящих на перроне специфическим запахом дыма, чего-то прелого, кислого, свойственного всем нашим поездам. Отец Виктор немного неудачно выбрал место на платформе: как раз в конце состава, где обычно прицепляют вагоны с общими местами, и поэтому оказался в водовороте мешочников, которые ринулись в атаку на общие вагоны, для того чтобы успеть занять места получше. На него неслись плюшевые фуфайки, матерная ругань, насадные вопли. Кто-то больно стукнул чемоданом по ноге. Он повернулся посмотреть, кто именно, хотя это не имело никакого смысла, а так, одно любопытство, но тут же, зацепленный мешком за плечо, был развернут на сто восемьдесят градусов. Странно было в восьмидесятые годы наблюдать эту сцену, чем-то напоминавшую двадцатые годы разрухи и Гражданской войны. Отец Виктор с трудом выбрался из этого людского круговорота. Ему некуда было торопиться, поезд стоит сорок минут, место в купейном никто не займет, и он с интересом взирал на одушевленную стихию, штурмующую вагоны. В основном это были женщины из села Большие Коржи, одетые поголовно в плюшевые фуфайки и темные платки. Отличить их от остальных можно было легко и по особому выговору с акцентом на букву «ц»: «Цаво лезешь, как на буфет?» – кричала одна. «А тебе цаво, одной только надат ехать?» Раздался звон разбитого стекла, и стоявшая до того невозмутимо проводница кинулась в толпу с ругательствами. Неторопливой походкой двинулся к вагону старшина милиции. Отец Виктор, потеряв к зрелищу всякий интерес, пошел к своему вагону.

Там былолюдно от провожающих, но в его купе было пусто. Он положил «дипломат» на верхнюю полку и вышел в проход к окну вагона. В это время недалеко от перрона притормозил «уазик», из которого вывалились трое. Двоих он сразу узнал: директор банка и первый секретарь райкома комсомола, третий ему был незнаком, хотя мельком несколько раз видел его в райисполкоме. Все трое были немного навеселе. О чем-то оживленно разговаривая и смеясь, они прошли в купе отца Виктора, не заметив его в проходе. Отец Виктор хотел было зайти поздороваться, но, заметив, что они разливают коньяк, передумал. Игорь, так звали секретаря райкома комсомола, обращаясь к третьему, сказал:

– Ну, Паша, счастливый ты человек – едешь в столицу, отдохнешь, развеешься.

Из этого отец Виктор сделал вывод, что они провожали своего друга Павла. Друзья чокнулись, выпили, и тут Олег, директор банка, заметил его.

– Ба! Кого я вижу! Да это наш батюшка, отец Виктор! Вы тоже в Москву разгонять тоску? Какое у вас место?

– В этом же купе, – ответил отец Виктор.

– Ну так заходите, есть немного коньяка, пока поезд не тронулся, выпьем на посошок. Паша, познакомься: это настоятель церкви в нашем райцентре, при этом наш ровесник. Правильно я говорю, отец Виктор, вы тоже с пятьдесят третьего года? А Паша, или официально Павел Петрович, но, я думаю, между нами это ни к чему, так вот он – заведующий отделом культуры при райисполкоме, едет на конференцию в Москву, так сказать, опыт перенимать.

– А вы, отец Виктор, в Москву так или по делам? – спросил, разливая коньяк, Игорь.

– На экзаменационную сессию в Духовную академию.

– А вы разве не окончили ее?

– Я семинарию духовную окончил.

– Да что же, кроме семинарии, еще и академии есть? – удивился Игорь.

– Даже аспирантура, – подытожил батюшка не без тайной гордости.

– Вот вы даете, – покачал головой Игорь.

– Да у них там преподавание на высшем уровне, не то что у нас в институте, небось марксизм-ленинизм досконально знают, – вмешался в диалог Олег.

И все посмотрели на отца Виктора с уважением к его знанию марксизма-ленинизма.

– Нет, марксизм-ленинизм мы не изучаем, – сказал отец Виктор, видя, что его правдивое признание несколько разочаровало собеседников.

После третьего предупреждения проводницы о том, чтобы провожающие покинули вагон, Игорь с Олегом, допив коньяк и пожелав доброго пути, направились к выходу.

Поезд медленно тронулся. Отец Виктор достал конспекты с лекциями, решив воспользоваться дорожным временем для подготовки к экзаменам. Павел сидел напротив и внимательно наблюдал за его манипуляциями. То, что попутчик собирался углубиться в чтение, ему явно не нравилось. По всему было видно, что он хочет поговорить, но не знает, с чего начать.

– Что читаете? – поинтересовался он.

– Конспект по патологии, готовлюсь к экзаменам.

– А, понятно, – протянул Павел. Хотя было видно, что ему равным счетом ничего не понятно. – А мы же, батюшка, с вами враги, – вдруг ни с того ни с сего сказал он.

Отец Виктор аж растерялся от такой постановки вопроса:

– Это как так?

– А так, вы – служитель религии, так сказать, а я – служитель культуры. Религия и культура всегда были врагами, это, батюшка, вам надо бы знать, – явно наслаждаясь растерянным видом отца Виктора, самоуверенно изрек Павел.

Но после этих слов от растерянности отца Виктора не осталось и следа. Он, уже предчувствуя грядущую победу в предстоящем споре, просто возликовал в душе. Павел, отхлебывая пиво, с интересом поглядывал на него, ожидая, как же тот будет выкручиваться перед ним, человеком политически подкованным.

«Это ему не безграмотным старухам мозги компостировать», – не без злорадства подумал Павел.

Отец Виктор не стал горячиться и выкладывать свои козыри, а решил прощупать противника.

– Многие ученые и деятели культуры думали по-другому, они считали, что вся культура из храма.

– Это ничем не обосновано, небось они были идеалисты, – небрежно бросил Павел, – а ты читал, что пишут классики: Маркс, Энгельс и Ленин? Вы же это, сам говорил, не изучали в семинарии.

– Представь себе, я читал, так, из любопытства, но ничего серьезно подтверждающего твое утверждение, я там не нашел. А то, что вся культура из храма, это доказать несложно. Как, по-твоему, что такое культура?

– Ну как – что? Культура – это наука, живопись, архитектура, литература, музыка – словом, все искусство.

– Отчасти правильно, но нужно сразу оговориться, что слово «культура» происходит от слова «культ», – начал отец Виктор свое наставление. – Первые написанные книги и стихи были религиозными гимнами и молитвами, первая живопись еще с пещерных времен имела культовое значение. Театр родился из религиозной мистерии. Как могли быть врагами науки древнеегипетские жрецы, создавая основы математики? А вавилонские жрецы стали первыми астрономами. В средневековой Европе Церковь была единственным очагом культуры и науки.

– Это когда еретиков на костре поджаривали, – съехидничал Павел, – хорошее христианство: возлюби ближнего и посади его на горящие угли, – и, довольный своей шуткой, он громко засмеялся.

Отец Виктор вспыхнул и в запальчивости проговорил:

– Инквизиторские пытки имеют такое же отношение к христианству, как пытки на Лубянке к идее коммунизма. – От этих неосторожно вылетевших слов у него похолодело в груди, а Павел заерзал, как будто ему было неудобно сидеть.

Наступившую паузу прервал первым Павел.

– Да, в коммунизм никто почти не верит, даже там, наверху. Да ну их, к едреной фене, все эти серьезные разговоры. Я так, в шутку сказал, какие там враги. Нам долбили в институтах диамат, больше-то мы ничего не знаем. Лучше я тебе анекдот про КГБ расскажу, раз о них речь зашла. Вот сидят трое командированных в гостиничном номере. Один из них уже лег отдыхать, а двое мешают ему спать, анекдоты рассказывают, смеются. Ему это надоело, он вышел в коридор, дал горничной рубль и попросил ровно через пять минут принести три стакана чая. Затем заходит и говорит приятелям: «Вот вы тут анекдоты политические травите, а у КГБ повсюду подслушивающие устройства». – «Да ладно, – говорят, – сказки нам рассказывать». – «Ах, сказки! – подходит к электророзетке и говорит в нее: – Товарищ майор, три стакана чая нам в номер, пожалуйста». Через минуту открывается дверь, вносят три стакана чая. Друзья сразу приумолкли, попили чаю и в кровать. Утром просыпается этот человек, смотрит, его приятелей нет. Спрашивает у администратора, куда они подевались. Тот отвечает: «Их ночью КГБ забрало за политические анекдоты». – «А меня почему не взяли?» – «Товарищу майору ваша шутка с чаем понравилась».

От смеха отец Виктор повалился на свой диван и долго хохотал. Наутро в Москве они расстались большими друзьями.

Отец Виктор хорошо сдал экзамены и вернулся домой в прекрасном настроении. После обеда к нему зашел участковый Василий Вениаминович, с которым они дружили и частенько посиживали за шахматной партией. Он отвел отца Виктора в сторону и шепнул на ухо:

– Ребята из органов ко мне приезжали, когда тебя не было, все о тебе расспрашивали, что да как. Но я тебе ничего не говорил, ты от меня ничего не слышал. Понял?

Отец Виктор кивнул головой, и настроение его сразу испортилось.

1991–1993. Саратов

Нательный крестик

– Раздевайтесь, – сухо бросил врач, не отрываясь от заполнения формуляра.

Иван Терентьев быстро скинул брюки и стал через голову стягивать футболку. Но тут он вспомнил о нательном крестике, который ему подарила бабушка. «То, что ты идешь служить в армию, – хорошо, – говорила она, надевая на него простой алюминиевый крестик на металлической цепочке, – быть защитником Родины – это Богу угодно. Крестик тебя спасет и сохранит от всего дурного». Иван не возражал, а даже втайне был рад бабушкиной заботе. В то, что крестик его защитит от чего-то плохого, он тоже поверил, хотя верующим себя не больно-то считал. «Это только для неграмотных старушек, – думал он, – а современному человеку вера ни к чему». Теперь, вспомнив о крестике, испугался, что врач увидит и будет над ним смеяться, как над отсталым и невежественным человеком. Иван решил крестик снять. Отвернувшись от врача, постарался быстро и незаметно снять крест вместе с майкой. Но получилось как-то неловко, цепочка оборвалась, и крест упал на пол. Иван нагнулся, чтобы поднять крестик, но на полу лежала только цепочка, а крестик куда-то исчез. Он стал искать рядом, но креста нигде не было, он как будто провалился сквозь пол. Врач, заметив, что призывник ползает на полу, спросил:

– Что вы там потеряли, молодой человек?

Ивана пронзила мысль, что это не он потерял крест, а крест сам его покинул, после того как Иван постеснялся креста. От этой мысли все похолодело внутри. На вопрос врача он и не подумал лукавить, а прямо и сказал:

– Я крестик нательный потерял.

– Нечего на себе всякую ерунду носить, – сердито буркнул врач, – подходите ко мне, некогда мне с вами тут в бирюльки играть.

Уже в воинской части, вспоминая этот случай и досадуя на свое малодушие, Иван твердо решил раздобыть себе крестик и ни под каким видом не расставаться с ним. После карантина с его каждодневными строевыми занятиями и зубрежкой устава их распределили по воинским подразделениям. Иван попал в роту автомобилистов, его посадили шоферить на трехосный «Урал». В гаражной мастерской Иван решил смастерить себе нательный крестик из медной пластины. Вырезав крестик, он старательно обработал его надфилем. Когда почистил его наждачкой и отполировал, крест засиял, как золотой. Вдоволь налюбовавшись своим произведением, Иван раздобыл шелковый шнурок и надел крест.

Но уже при первом посещении армейской бани командир отделения младший сержант Нечипоренко, заметив крестик, закричал:

– Рядовой Терентьев, почему у вас на груди висят какие-то неуставные знаки отличия, немедленно снять!

– Это мое личное дело, товарищ младший сержант, хочу – ношу, хочу – не ношу, – возразил Иван.

– Не понял. Ты что это, салабон, совсем оборзел? – Он протянул руку, чтобы сорвать крестик.

Иван, отстраняясь от Нечипоренко, наткнулся на проходившего мимо ефрейтора Садыкова. Тот щелкнул его по стриженной голове:

– Куда прешь, салага?

– Прости, земляк, я не хотел, – извинился Иван.

– Ну-ка, влепи ему, сержант, пару нарядов вне очереди, чтобы он «дедов» аж за километр чуял.

– Ты представляешь, Ренат, – обрадовался Нечипоренко неожиданной подмоге, – этот салабон обнаглел дальше некуда. Я ему говорю: «Сними крестик», – а он еще возражать мне пытается.

– Что за крестик, покажи, – заинтересовался Ренат. Иван зажал крестик в кулаке, готовый лучше расстаться с жизнью, чем с крестом.

– Да ты не бойся, салага, – успокоил Ивана Садыков, – я только взгляну.

Иван нехотя разжал кулак, и Ренат стал разглядывать крестик, поворачивая его во все стороны.

– Золото, что ли? – наконец спросил он.

– Нет, он из меди, я сам его сделал, – не без гордости признался Иван.

– А ты молоток, салага, мастер. Ладно, носи, разрешаю.

– Ты что, Ренат, не положено, – всполошился Нечипоренко. – Ты же мусульманин, тебе зачем это надо?

– Молчи, «черпак», полгода назад мне портянки стирал, а теперь «деду» будешь указывать, что положено, а что не положено. Может быть, мне, татарину, это действительно не положено, а вот твоим предкам на том свете, наверное, стыдно за тебя, уroda, и чтобы больше не приставал к парню.

Нечипоренко сплюнул зло и отошел, ругаясь вполголоса.

– Спасибо тебе, Ренат, – сказал повеселевший Иван.

– Меня тебе не за что благодарить, через три месяца я дембельнусь, вот тогда тебе твой крест тяжело будет носить, ох как тяжело. Но, как говорится, – подмигнул он Ивану, – Бог терпел и нам велел.

Август 2003. Самара

Высокая ставка

Генерал-майор Трофимов Сергей Николаевич, отложив газету, в задумчивости рассматривал унылый пейзаж казахских степей, проплывающий мимо окна его купе. Поезд уносил генерала все дальше и дальше из России в глубь Средней Азии. Туда, где у подножия вершин заснеженных гор, в раскаленной южным солнцем долине располагалась его дивизия. Почему после отпуска решил вернуться поездом, а не самолетом, он и сам бы не мог ответить на этот вопрос. Нет сомнения, на самолете быстро и удобно. И хотя современный технический прогресс позволяет сэкономить человеку уйму времени, которое он тратил раньше на дорогу, но стало ли от этого у человека больше времени, чтобы побыть с самим собой? Увы, у современного человека этого времени стало еще меньше. В поезде трое суток подумать о жизни – вот, пожалуй, подлинный мотив, возникший в подсознании генерала при выборе транспорта.

Возвращался Трофимов из Москвы, где провел свой отпуск, общаясь с детьми и внуками. Уже в конце отпуска зашел в Генштаб, где повстречал своего однокашника по училищу – генерал-лейтенанта Палатина Константина Петровича. Посидели вечерок за бутылочкой коньяка, вспоминая курсантскую юность. А уж наутро Сергею Николаевичу пришлось уступить настоятельным просьбам друга и согласиться приехать к нему в гости, в подмосковную дивизию. Думал, денька на два, а получилось на неделю. Охота, рыбалка – ну, это все знакомые развлечения. Но вот что поразило Сергея Николаевича, так это древний монастырь рядом с военным городком. Да не столько сам монастырь, сколько его настоятель игумен Даниил, веселый, живой, современный человек. Сергею Николаевичу было очень приятно общаться с умным и обаятельным отцом Даниилом. Так что уезжать сразу не очень-то и хотелось. Отец Даниил восстанавливал полуразрушенный монастырь, в котором раньше была колония для несовершеннолетних. Палатин помогал, чем мог, игумену, а тот, в свою очередь, духовно окормлял офицеров и солдат его дивизии.

Сейчас, когда Сергей Николаевич возвращался в свою дивизию, у него вдруг появилось желание построить храм рядом с военным городком. Офицеры с женами и детьми могли бы туда ходить, да и других русских в городе немало живет. Ему представлялось, что храм в далекой мусульманской стране будет частицей России, как бы неким духовным центром, объединяющим всех русских людей, волею судьбы оторванных от Родины.

Приехав в часть, Сергей Николаевич первым делом позвонил Палатину и попросил его подыскать ему с помощью отца Даниила готовый проект небольшого храма. Константин Петрович одобрил желание своего друга и обещал переговорить с отцом Даниилом. Вскоре проект однокупольного храма был прислан Сергею Николаевичу, и тот стал хлопотать у местных властей о разрешении на строительство. Но тут он встретил неприятие его планов со стороны администрации. «Вот если бы мечеть, – разводили те руками, – а христианский храм нам ни к чему, люди нас не поймут». – «Да у вас же мечетей полно, – возмущался генерал, – а для русских ни одного храма». Но те ни в какую. Сергей Николаевич же прямо заболел своей идеей. «Все равно добьюсь своего», – решил он. Прошел год, а вопрос со строительством храма так и не сдвинулся с мертвой точки. Отец Даниил прислал письмо Трофимову, в котором советовал тому помолиться Богу и попросить Его помощи. Генерал подумал: «Ну вот, еще чего, помолиться. Молиться я не умею, воевать умею, а вот молиться...» И он в который уже раз пошел к местному главе администрации Тулмызову Акаю Бербалтыевичу. Тот принял его радушно, на просьбу о храме, как всегда, сощурился и без того узкие глаза, улыбаясь сказал:

– Дорогой Сергей Николаевич, ты думаешь, мне жалко дать разрешение строить тебе храм? Да мне хоть десять храмов строй, но пойми меня правильно, надо мною тоже есть начальники, что они скажут, я не знаю. Вот если бы сам Муртазов дал такое разрешение, тогда другое дело. Кстати, у него завтра день рождения, тебя тоже приглашают. Может быть, там и решат.

– С Муртазовым я уже разговаривал, – сказал генерал, – он, как и ты, навверх кивает.

На день рождения Муртазова генерал поехал со своим замом – полковником Свириным. Столы были накрыты прямо в саду по новомодной манере а-ля фуршет. По дорожкам сада прогуливались павлины и играла восточная музыка. «И здесь американцам подражают, – подумал генерал, – но, может быть, это лучше, чем сидеть перед низенькими подставками, заменяющими у азиатов столы. Да и ноги еще так не сложишь, как они это делают».

Муртазов встретил его с распростертыми объятиями, как старого друга. Но когда тот заикнулся о своей просьбе, Муртазов дипломатично ушел в сторону от вопроса:

– Ну что мы, дорогой Сергей Николаевич, будем с вами говорить о серьезном, давайте отдыхать и веселиться. Не желаете ли сыграть со мной партию в бильярд?

Надо заметить, что Муртазов был страстный любитель бильярда и играл превосходно, не имея достойных себе соперников. Трофимову раньше не раз доводилось играть с Муртазовым, и, естественно, он каждый раз проигрывал. А так как проигрывать никому не нравится, особенно генералам, то он всякий раз старался уклониться от игры с Муртазовым. В этот раз также стал отнекиваться, а Муртазов настойчиво уговаривал Сергея Николаевича. Очень уж хотелось ему показать при всех гостях, как он обыгрывает русского генерала.

– Что же вы, дорогой Сергей Николаевич, не хотите мне в день рождения сделать удовольствия.

– Хорошо, – вдруг согласился генерал, – я буду с вами играть, но только на интерес.

– Отлично, – обрадовался Муртазов, – что за игра без интереса? На что будем играть?

– Если я выиграю, вы мне разрешите построить храм. Муртазов удивленно поднял брови и задумался. Потом вдруг разулыбался:

– Ставка высокая, а что ставите вы на случай проигрыша?

– Свои генеральские погоны, – с отчаянной решимостью выпалил генерал.

Все зааплодировали. А Муртазов обвел гостей торжествующим взглядом и поднял указательный палец вверх:

– Все слышали, господа. Если я проиграю, то разрешу построить храм да еще помогу стройматериалами, а если проиграет генерал, он подает в отставку. Так ли я вас понял, Сергей Николаевич?

– Вы меня правильно поняли, даю слово русского офицера, так и будет.

– Что же вы делаете, Сергей Николаевич, – испуганно зашептал полковник Свирин, подойдя сбоку к генералу, – ведь вы же проиграете, неужели это стоит генеральских погон?

– Знаешь, Игорь Александрович, я думаю, никакие, даже все маршальские погоны мира не стоят хотя бы одного храма.

Муртазов снисходительно уступил генералу право начинать партию. Трофимов, взяв кий, вспомнил, как в училище инструктор по стрельбе капитан Кращенко говорил курсантам: «Если ты взял в руки оружие, то забудь, что оно отдельный от тебя предмет. Оружие – часть тебя, и если ты это почувствуешь, то уже никогда не промахнешься». Теперь, взяв в руки кий, генерал мысленно представил себе, что кий – это естественное продолжение его руки. Уже подойдя к бильярдному столу, сказал шепотом: «Господи, помоги победить – не ради собственной славы, а ради славы Твоей». Он уже хотел нанести удар, но тут вдруг остановился, переложил кий в левую руку, а правой осенил себя крестным знаменем и тогда уже снова, взяв кий, нанес удар. Треугольник из шаров рассыпался по всему бильярдному столу, и семь шаров закатились в лузы при оцепенелом молчании окружающих. Восьмой шар генерал вкатил без всяких усилий.

Скрывая досаду, Муртазов бросил кий на стол и засмеялся:

– Ну, Сергей Николаевич, шайтан тебе помог.

– Не шайтан, а Бог, – сказал генерал и осушил фужер вина, поднесенный ему удивленным и обрадованным полковником Свириным.

Декабрь 2003. Самара

Отшельник поневоле

Уже под утро отцу Никифору приснился странный сон, который можно даже назвать страшным. Ему снилось, что его отпевают. Но самое жуткое было не в этом – уж кому, как не монаху, помнить о своем последнем дне, – его ужаснуло то, что, находясь в гробу, он ясно сознавал, что жив, но не мог подать знать об этом братии своего монастыря. Он не мог пошевелить даже пальцем, да что там пальцем, веко над глазом он не мог приподнять. Вот это полное бессилие собственного тела и приводило его в ужас. И хотя он временами понимал, что это всего лишь сон, но другой стороной своего сознания содрогался от мысли, что сейчас его живым опустят в могилу и будут засыпать землей, а он ничего не может изменить.

«Да что же это я паникую, это всего лишь сон, – успокаивал он сам себя. – Надо только проснуться. И весь этот кошмар окончится». Но вот как раз проснуться у него и не получалось, и жуткое ожидание неотвратимого вновь сжимало сердце. Промелькнула мысль: «А может, это не сон?» Странно, но именно эта мысль, которая, по логике вещей, должна была бы еще более удручить отца Никифора, наоборот, успокоила его. «Значит, я действительно умер, а душа моя жива и только не властна уже над телом». От этой мысли ему стало легко и радостно: «Так что же я тогда трепещу в своих бранных останках, пытаюсь их расшевелить? Земля – земле, а душа – небу».

Только он так подумал, как взлетел под купол собора. Смотрит вниз, видит себя лежащим в гробу, вокруг братия монастырская стоит, а наместник монастыря архимандрит Феодосий его отпевает.

«Хорошо летать, легко, – размышляет отец Никифор, – но ведь меня сейчас никто не видит, дай-ка я опущусь, похожу среди братии святой обители, посмотрю, кто как скорбит о моей кончине». Спустился отец Никифор, смотрит, стоят братья-монахи рядом с гробом, но никто скорби не выражает, как будто не на отпевание вышли, а на полиелей в двенадесятый праздник. Обидно стало отцу Никифору за такое отношение к его смерти. Стал он к каждому насельнику повнимательнее приглядываться, пытаюсь угадать его мысли.

Вот стоит брат Михей, с ноги на ногу переминается, сразу видно, что служба ему в тягость. Посматривает брат Михей в сторону свечной лавки, над которой часы висят. Ждет с нетерпением конца отпевания, чтобы бежать в свою мастерскую, включить станок и вытачивать балясины на ограждение хоров или табуретки для братии мастерить. Работать может хоть целыми сутками, а на молитве ему трудно. Когда его кто из братии попрекает за то, что службы ему в тягость, у него всегда один ответ: «Телесное тружение – Богу служение, а обители – слава и украшение». Постоял около него отец Никифор, мыслей никаких не прочитал, но и долго оставаться с ним рядом не мог, сильно от Михея луковый да чесночный дух шел, что прямо аж тошно стало.

Прав, наверное, отец Елисей в своем предположении, что брат Михей нарочно много луку с чесноком ест, чтобы его к клиросному послушанию пореже назначали.

Сам-то отец Елисей – полная противоположность Михею. Работ физических вообще никаких не признает. Тяжелее камертона своими рученьками с изящными тонкими пальцами ничего не поднимает. На службы готов ходить утром и вечером, хоть каждый день. А если, к примеру, попросит его отец келарь в трапезной помочь или отец эконом цветочные клумбы прополоть, тут у отца Елисея и голова болит, и давление подскочило. Придет в братский корпус, сядет к фисгармонии и распевает псалмы да духовные канты. Станут его братия упрекать, что же он говорит, голова да давление. «Ах, братия мои, – кротко потупив глаза, отвечает Елисей, – невежды вы в вопросах тонких материй: ведь духовное пение – для меня лучшее лекарство, ибо сказано: «Пою Богу моему, дондеже есмь». Сколько ни всматривался Никифор

в лицо Елисея, ничего, кроме вдохновенного блаженства от исполняемых зауспокойных песнопений, не увидел.

Рядом с отцом Елисеем стоит брат Никанор, заведующий просфорней монастыря. Такой же трудоголик, как и Михай. Когда-то брат Никанор был завпроизводством на хлебокомбинате, но стал попивать, вот его и уволили с работы. Помыкался-помыкался, да и к монастырю прибился. Раньше просфоры из кафедрального собора привозили, то кривобокие, то недопеченные, то перепеченные. А как Никанор взялся за дело, так монастырь на всю епархию прославился своими чудными просфорами. Отец эконоом, видя такой спрос на просфоры, решил для монастырского прибытка дело на коммерческую основу поставить, чтобы и другим храмам просфоры продавать. Но Никанор наотрез отказался: «У нас, отец эконоом, потому просфоры и хороши, что вручную их делаем, с душою и в русской печи. А у других – тестомешалки и шкафы электрические. Пекут много, а души в этом деле нет. Какая же в электричестве душа, никакой там души нет». Пить-то брат Никанор почти бросил, но один грешок за ним водился, о котором отец благочинный монастыря с презрением говорил: «Табачник Никанор, и чего только его наместник в просфорне держит, была бы моя воля, гнал бы его в шею, уж пусть лучше просфорки будут кривобокие». Никанор обижался: «Кто это видел, чтобы я в просфорне курил? Я этого греха никогда не допускаю. А сам благочинный тоже хорош, у себя в келье еще до утреннего правила кофе распивает. А в нем, между прочим, кофеин содержится. Что из них хуже, кофеин или никотин, еще не установлено. Греческие монахи тоже курят – и ничего». – «Я кофе по утрам пью, чтобы взбодриться, – оправдывался благочинный, – так как по ночам к лекциям семинарским готовлюсь и статьи в газету пишу, а днем мне некогда». – «Я тоже просфорки по ночам пеку, и мне надо взбодриться», – не унимался Никанор.

Иеромонах Гавриил примирял спорщиков: «Успокойтесь, братия, хотя любое пристрастие – грех, но под каноническое прощение вы оба не попадаете. Потому как ни табакокурение, ни кофепитие соборными постановлениями не запрещены, так как древние отцы об этих пристрастиях понятия не имели, все это привезли из Америки после Колумба». – «Как это нет, отец Гавриил, – возражал благочинный, – а “Стоглав”?» – «Так его решение после старообрядческого раскола отменили», – кротко отвечал Гавриил. «Сам знаю, – парировал уязвленный такой поправкой благочинный, так как считал себя лучшим знатоком канонического права во всем монастыре, – из Америки и тогда уже к нам всякую гадость везли». – «Что же ты тогда картошку ешь? – подтрунивал Никанор, – ее тоже из Америки привезли». – «Ну, сравнил, картошку и табак!» – возмущался благочинный. «Братия, успокойтесь, – опять пытался примирить их Гавриил, – всяк злак – на пользу человеку, если в меру, конечно».

«Кто бы говорил», – удивлялся отец келарь, глядя на грузную фигуру отца Гавриила, уж он-то знал, что тот ест за троих. Отца Гавриила не удалось приспособить ни к какому особому послушанию в монастыре. Уж больно он был неповоротлив и медлителен. Но все любили его за незлобивый и миролюбивый характер. Сам же отец Гавриил любил на свете три вещи: всех примирять, покушать вдоволь чего-нибудь вкусенького и поспать. При этом спать он умел в любом положении. Во время службы прислонится к стенке и спит стоя. Даже когда братия выходит в центр храма на полиелей, то и там он умудряется засыпать. Только как-то хитро: один глаз, который обращен в сторону наместника, открыт, а другой – закрыт, то есть как бы наполовину. Когда его упрекали за то, что он даже за службой умудряется спать, он оправдывался: «Я не сплю, братия, это я молюсь с закрытыми глазами». – «Знаем, как ты молишься, – посмеивался над ним отец келарь, – одна у тебя молитва – «Плотию уснув». Неужели, когда помирать будешь, не убоишься суда Божия за то, что ничего путного в этой жизни не сделал по своей несусветной лени?» – «А я, братия, – оправдывался Гавриил, – никого и никогда из вас не осуждал, а Господь сказал: «Не судите да не судимы будете», – так за что же меня Богу судить?» – «Ну, ты – блаженный, брат Гавриил», – смеялся келарь.

Отец Никифор постоял перед отцом Гавриилом, надеясь хоть в этом добрейшем лентяе увидеть скорбь по своей кончине. Но ничего не увидел, так как тот спал, стоя перед его гробом, да так крепко, что даже похрапывал. Никифор стал прислушиваться к пению монахов, и оно ему показалось очень странным. Все монахи вместо пения зауспокойного канона свистели на разные птичьи голоса. Да, вот именно, вся братия монастыря щебетала многоголосым птичьим хором. Отец Никифор так удивился этому, что даже сразу очнулся ото сна и, подскочив со своего ложа, ударился головой о потолочную деревянную балку. Свалившись с лежанки на пол, он запричитал: «Господи, что это? Где это я? Что это со мной?» Сидя на деревянном полу и потирая ушибленное место, он с недоумением оглядывал убогую обстановку маленькой низенькой избушки, в которой находился. Через небольшой оконный проем вместе с утренним солнечным лучом врвался разноголосый птичий гомон. «Может, это продолжение сна?» – подумал Никифор, но тут он все вспомнил и, окончательно очнувшись от впечатления странного сна, невесело рассмеялся.

...Вчера, когда его привезли сюда на монастырском «уазике», он долго бродил среди обветшалых строений лесной делянки. Наконец выбрал для ночлега именно эту баньку, стоящую на самом краю поляны возле старых огромных елей, покровительственно положивших на ее крышу свои тяжелые мохнатые лапы.

Одевшись, он вышел и огляделся. Поляну размером с небольшое футбольное поле с трех сторон окружал густой лес, а с четвертой стороны – лесопосадка с редкими деревьями, сквозь которые виднелась сельская дорога, а за дорогой – поле, уходящее холмами в несусветную даль. На середине поляны стоял бревенчатый дом-пятистенок. Полусгнившие стропила крыши кое-где были прикрыты кусками старого шифера, и одиноко торчала полуразвалившаяся кирпичная труба. Из четырех окон только два были с рамами, да и то без стекол. Недалеко от дома стоял длинный деревянный стол под навесом из досок. Навес весь прогнил, но стол был сделан крепко, на совесть. Вкопанные в землю дубовые столбики заменяли ему ножки, а крышка была сбита из толстых струганых досок. Здесь же, под навесом, располагалась печка, труба ее развалилась, но сама она была цела. Над дверями избы висела фанерка с надписью, которая почти выгорела на солнце, однако Никифор с трудом, но все же прочел: «Тракторно-полеводческая бригада колхоза “Путь к коммунизму”». Напротив дома стоял большой сарай, ворота которого, прикрепленные к косякам ременными петлями, были наполовину распахнуты. Крыша сарая покрыта полусгнившей соломой. Вот и все строения. А вокруг миролюбиво шелестел листьями лес и весело щебетали птицы.

– Передай отцу наместнику, что здесь практически нет пригодных для жилья помещений, – сказал вчера отец Никифор, прощаясь с водителем, – буду пока осваиваться и жду... – Он в замешательстве замолчал.

Водитель вопросительно поглядывал на Никифора, желая услышать, чего он ждет. Но тот мучительно размышлял: как бы это выразиться более обтекаемо, чтобы не раздражать отца наместника, но, так ничего и не придумав, с досадой махнул рукой: «Ладно, поезжай с Богом». Ему хотелось сказать, что ждет, мол, чтобы его как можно быстрее кто-нибудь из братии монастыря заменил на этом послушании. Но после состоявшегося с наместником разговора это пожелание выглядело бы вызывающим.

Вечно спешащий куда-то наместник Свято-Преображенского мужского монастыря архимандрит Феодосий, вызвав отца Никифора, почти на ходу сказал ему:

– Монастырю жизненно необходимо развивать подсобное хозяйство для прокормления. Губернатор дает нам землю в одном из развалившихся колхозных хозяйств. Правда, это более двухсот километров от города, но земля там хорошая, и в лесном урочище есть строения, годные для жилья. Бери все необходимое и поезжай осваивать место. Будем устраивать там монастырский скит. Возьми с собою антиминос, его архиерей благословил для скита. В подходящем помещении устрой домовую церковь, без молитвы такие большие дела не пойдут. Побудешь

там некоторое время, потом тебя заменим. Главное, помни – «не хлебом единым», так что наладь прежде всего служение Божественной литургии.

Отец Никифор хотел было спросить, через какое время его заменят, но наместник зама- хал руками:

– Некогда мне сейчас, срочно вызывают в епархиальное управление.

Отец Никифор поспешил за наместником. Проводив его до самой машины, все же осме- лился задать вопрос:

– А как же мне, отец наместник, с вами связь поддерживать, чтобы знать, что и когда?

Этот вопрос вывел отца наместника из равновесия. Он особенно не любил вопросов, на которые сам не знал четких ответов. Уже было подобрал полы рясы, чтобы сесть в автомобиль, он резко развернулся и с раздражением ответил:

– Вы, отец Никифор, задаете слишком много вопросов. Вопросы задавать здесь могу только я. Ваше дело со смирением исполнять послушание, помня данные вами при постриге обеты. У вас пока только одно послушание: обустроиваться, молиться и ждать.

Чего и когда ждать, наместник так и не пояснил, а сел в автомобиль, который, тут же сорвавшись с места и обдав отца Никифора выхлопными газами, скрылся за воротами мона- стыря. Тот, понутив голову, побрел собирать вещи.

Если бы отец Никифор знал, зачем так срочно был вызван в епархиальное управление наместник, то не спешил бы со сборами. Но, к несчастью, а может быть, наоборот, к счастью, он этого не знал. Потому после обеда поехал к месту своего послушания.

И вот сейчас отец Никифор стоял на поляне, предаваясь своим грустным размышлениям. Так он простоял с полчаса. Наконец спокойный и монотонный шелест деревьев и пение птиц низвели в его смятенную душу умиротворение.

– Недельку как-нибудь здесь продержусь, а там меня наверняка заменят, – успокоил он сам себя.

Достав из кармана молитвослов, отец Никифор решил тут же, на поляне, прочитать утреннее правило. Повернувшись навстречу солнцу, он громко, во весь голос, стал читать молитвы. Ему показалось, что в такт его молитвам забубнил лес. Птицы, вначале было при- умолкнув от неожиданности, вновь запели свой гимн, прославляющий Творца, показавшего им солнечный свет. Фью, фью, фью, – пели они, а отцу Никифору слышалось, будто птицы повторяют за ним вслед: «Свят, Свят, Свят еси Боже».

Так уж устроен человек, что для него более страшны неопределенность и ожидание в неизвестности, чем сами события, пусть даже огорчительные.

Сейчас наш герой настроен благодушно, так как определил для себя ожидание сроком в неделю, ну плюс-минус два дня – это терпимо. Надежда и упование на скорое избавление вселили в него бодрость духа и созидательный настрой. Он решил успеть чего-нибудь сде- лать положительное, чем можно было бы похвалиться перед отцом наместником, – вот, мол, я какой, недаром вы меня послали, знали, что не подведу.

Надежды отца Никифора исходили из простой человеческой логики: нельзя больше недели здесь проторчать без достаточных запасов пищи, без элементарных условий жизни.

Но эта простая человеческая логика оказалась совершенно бессильна перед неожиданно сложившимися обстоятельствами, которые, казалось бы, независимо друг от друга выстро- ились в цепочку, образуя абсурдную для человеческого понимания ситуацию, которую и нарочно-то трудно придумать. Об отце Никифоре все просто забыли.

Ну, во-первых, забыл сам наместник, и его нетрудно понять. Вызванный в епархиальное управление, он был срочно послан в Москву, на рукоположение во епископа. Решением Свя- щенного синода определено быть ему архиереем в одной из вдовствующих епархий необъятной России. Все понимают, какое это волнительное событие, – тут уж ни до чего. А когда прибыл в означенную епархию, его так закружил круговорот высоких обязанностей, что... ну, словом, за

владыкой большой вины нет. Там, в монастыре, мол, новый наместник во всем сам разберется. Но отец Никифор при отъезде из монастыря так был озадачен неожиданным послушанием, что никому из братии толком ничего не объяснил. Сказал только, что едет по благословию наместника. А те потом решили, что он уехал с архиереем в новую епархию. Вспоминать отца Никифора вспоминали, но только в молитвах, гадая, какое у него сейчас послушание. Новый наместник был назначен со стороны, а так как на скит никаких документов не успели составить, то он вовсе про него не знал. Мог бы что-то сказать ему шофер, ведь он отвозил отца Никифора в скит. Тем более парень молодой, память у него хорошая. Да вот беда, на следующий день его вызвали в райвоенкомат, а уже через неделю он маршировал в строю новобранцев на Дальнем Востоке. Так и оказался отец Никифор за двести с лишним километров в глухом лесном урочище совсем один, всеми позабытый. Но он этого тогда еще не знал и с энтузиазмом принялся осваивать местность.

Прочитав утреннее правило, отец Никифор решил прежде всего разыскать воду для умывания и питья. «Ведь раз здесь были когда-то люди, значит, поблизости есть вода, – рассуждал он, – если, конечно, ее не привозили для комбайнеров в бочке». Пройдя по лесу, он наткнулся на болотце. Для питья брать воду отсюда не хотелось, но для умывания она вполне годилась. Умывшись, он продолжил поиски, которые не принесли никаких результатов, только чуть было не заблудился в лесу. Набродившись вдоволь по лесу и изрядно проголодавшись, он наконец вышел к своему урочищу. Правда, вместо воды принес полное ведро грибов: подосиновиков, подберезовиков, и даже белые попадались. Это несколько утешило его. Попробовал разжечь печи, вначале ту, которая под навесом, а потом в доме, чтобы сварить обед, но обе печи страшно дымили, и огонь гас. По всему было видно, что забиты дымоходы. Бросив эту пустую затею, разжег посреди поляны костер, на его угли поставил жариться картошку с грибами. А сам, наскоро перекусив пирогом с капустой и морковкой, прихваченным из монастырской трапезной, принялся проводить ревизию своих вещей. Кроме богослужебных книг, церковной утвари и трех бутылок кагора для совершения литургии, он привез портфель с разными инструментами: ножовкой, топориком, гвоздями и прочей мелочью. Из продуктов оказалось: килограммов десять муки в мешочке, три килограмма крупы, ведро картошки, бутылка подсолнечного масла, авоська с луком, по пачке чая, сахара и соли, спички, четыре банки рыбных консервов. Вот и все его запасы. Прикинул, что всего этого хватит на неделю, а на Успение можно даже рыбными консервами разговеться. Поев, он запил обед прихваченным с собою монастырским квасом.

На следующий день, прочитав молитвы, пошел умываться на болото, решив захватить хотя бы этой воды для супа и чая. Даже прокипяченная вода была вонючей. Поморщившись, он все же выпил полкружки чая, так как очень мучила жажда, и подумал: «Вот бы наместника таким чаем напоить, знал бы тогда, как людей неизвестно куда посылать». Потом стал размышлять: «Как я завтра, на Успение, буду служить? Всенощную могу прочитать, и величание пропою. А литургию как без псаломщика? Да и для кого я здесь буду ее служить? «Не хлебом единым...», надо прежде всего наладить службу Божественной литургии», – передразнил он наместника, вспомнив его слова, – а между прочим, хлеба у меня полбулки осталось. Мука есть, но как из нее тут просфоры печь, духовки-то нет? Сказать легче всего». Решил утром просто отслужить обедницу и причаститься запасными дарами.

Вечером у отца Никифора скрутило живот от болотной воды, и он всю ночь пробегал по нужде, так толком и не поспав. Под утро ему стало легче, и сразу навалился сон, так что, когда он проснулся, солнце было уже высоко. Он встал хмурый и как-то нехотя пошел на молитву. Отслужив обедницу, причастился запасных Святых Даров и запил ковшичком кагора. Внутри от выпитого кагора сразу разлилось приятное тепло, и он снова уснул. Проснулся аж под вечер. Хотелось есть, но совсем не хотелось готовить. Он долго лежал с открытыми глазами. Когда уже стемнело, подумал: «Надо бы встать, затеплить свечу и почитать вечернее правило». Но ноги

словно были налиты какой-то тяжестью. «Ладно, немного полежу еще, потом встану, почитаю». Он снова задремал, да так и проспал до полуночи, тяжело ворочаясь с боку на бок.

Во сне ему снился наместник, который на чем свет ругал его за то, что он не совершил Божественную литургию на Успение. Он оправдывался, ссылаясь на невыносимые условия. «Какие для монаха могут быть условия! – гремел наместник, и каждое слово его отдавалось невообразимым грохотом. – На то он и монах, что ему для служения никаких условий не надо!» После этих слов наместника так громыхнуло, что отец Никифор проснулся. Маленькое окошко озарилось ярким светом молнии: каждый уголок в бане осветился. Затем громыхнуло еще раз, да так, что отцу Никифору показалось, будто не только небо, но вся земля сейчас расколется пополам. Встав с ложа, он перекрестился, затеплив свечу, начал читать полунощницу под шум проливного дождя. Сотворив молитву, он затушил свечу и снова лег, прислушиваясь, как крупные капли барабанят по крыше. Но долго пролежать так и не смог. С потолка на него стала течь вода. Пришлось срочно вскочить и сворачивать матрац. Но вода протекала в нескольких местах так, что не было возможности сохранить свою постель сухой. Отчаявшись найти такое место, где бы не текло, он снова бросил постель на мокрую лежанку. Сев в угол и обхватив голову руками, запричитал:

– Господи, да что же это творится, в чем же я виноват? Я ради Тебя оставил этот мир, шел к тихой и безмятежной жизни. А теперь что же получается – я никому не нужен. Ради чего я здесь? Кому нужны эти полусгнившие строения? Кому нужна эта земля, если в монастыре нет тракторов ее обрабатывать, да и людей для этого нет. Ну зачем все это? Лукавый эту мысль, что ли, наместнику внушил здесь скит устраивать? Ну да, конечно, наш губернатор так и есть лукавый, а я от них страдаю!

Холодная струя воды потекла с потолка прямо за шиворот подрясника отца Никифора. В его душе закипел гнев на всех и вся. Захотелось что-то совершить назло. Кому назло, он так и не разобрался, но рука механически потянулась к бутылке с кагором. Открыв пробку, он прямо из горлышка осушил ее до дна и выкинул под дождь в окошко. После этого он долго сидел, тупо смотря перед собою. В душе наступило безграничное спокойствие. Но среди этого тупого безразличия пробилась мысль: «Что ты делаешь, отец Никифор, ты с таким трудом избавился от недуга пьянства и снова бросаешь себя в эту бездну?» Но он тут же отмахнулся от этой мысли: «А, теперь все равно» – и потянулся за второй бутылкой. Ее пил не торопясь, небольшими глотками, предаваясь невеселым воспоминаниям.

...Из армии отец Никифор, тогда в миру Степан Косырев, вернулся полный радужных надежд. Планы его были просты и ясны: жениться на Наташке и начать работать. Слава Богу, специальность у него хорошая – электрик-монтер. А там дети, семья, все как у всех. Но все как у всех не получалось. Едва успел повстречаться с матерью, толком даже за столом не посидел, засобирался к Наташке.

– Что же ты, сынок, с матерью столько не виделся, даже пообедать не хочешь, бежишь куда-то? Готовила, ждала тебя, соседи сейчас придут, все повидать тебя хотят – вон какой герой стал!

– Да я, мама, не куда-то, а к Наташке. Так что к свадьбе, я думаю, надо готовиться.

– Сядь, сынок, – уже властно сказала мать, – мне с тобой поговорить надо. Как раз об этом.

Степан сел, и сердце его тревожно забилося в груди.

– К свадьбе она уже сама готовится, да только не с тобой. Есть у нее жених, ну из этих, как их, из новых русских. Так что нечего к ней ходить.

– А она мне про это не писала, – упавшим голосом проговорил Степан, – да и как же так? Этого не может быть. Мы же любим друг друга.

– Сейчас, сынок, деньги любовь заменяют. Да и все отношения другие между людьми, деньгами меряются. В нашей молодости такого не было. Вот до чего демократы страну довели. –

Мать поглядела на осунувшегося сына, и ей до того стало его жалко, что она заплакала. – А не писала она тебе потому, что боялась, как бы в армии что с собой не сотворил. У вас ведь там оружие. И со свадьбой она торопилась, чтобы до твоего приезда успеть. А ты вон раньше на месяц, чем в письмах обещал, вернулся.

– Это меня, мама, за отличную службу домой пораньше отпустили. Когда свадьба-то намечена?

– Да зачем тебе это, сынок? Ты туда уж, пожалуйста, не ходи. Найдешь ты себе еще лучше этой вертихвостки.

– Найду, мама, конечно найду. А сейчас пойду с друзьями повидаюсь.

Когда сидели с другом Володькой Головиным в гараже, выпивая за встречу, тот утешал Степана:

– Выкинь ты ее из головы, я тебе говорю, выкинь.

– Из головы я ее выкину, – соглашался захмелевший Степан, – а вот из сердца как выкинуть?

– А ты из сердца тоже выкинь.

– Эх, Вован, друг мой, хотя твоя фамилия Головин, но голова у тебя туго соображает. Сердцу ведь не прикажешь, так люди говорят или не так?

– Так говорят, – соглашался Володька, – но ты все равно выкинь.

– Выкину, конечно выкину, но на свадьбу пойду. Посмотрю прямо в глаза, может быть, ей стыдно станет.

– Нет, Степка, не станет. Нынче у баб совсем стыд пропал. Это ты можешь мне поверить на слово. У меня их столько перебивало, что со счета сбился, и ни у одной стыда не нашел.

На свадьбу Степан пришел уже поддавший и сел с краю стола. Молча пил и смотрел на невесту в упор. Наташка на него глаз не поднимала, но он продолжал на нее смотреть, пока шафер жениха не подошел к нему и не сделал замечание за его назойливый взгляд. Тут-то Степана и прорвало. Досталось и шаферу, и другим, которые вмешались. С остервенением он отработывал приемы рукопашного боя, которые изучал в армии.

Но на свадьбе нашлось немало знающих ребят. Так что досталось и ему по первое число. Недельку потом отлеживался в больнице. Выйдя из больницы, так на работу и не устроился, а продолжал пить, пока отчаявшаяся мать не взяла его крепко за руку и не привела в храм к отцу Павлу.

Неизвестно, что бы из этого получилось, но оказалось, что отец Павел и Степан учились когда-то в одной школе. Эту встречу Степан принял как чудо Божие. И полностью отдался под духовное водительство батюшки. Тот обучил его церковному чтению, взял в алтарь прислуживать. Степан с радостью познавал азы церковности. А вскоре окончательно избрал для себя иноческий путь.

...Пробуждение отца Никифора было тяжелым. К головной боли присоединились мучительные упреки совести. Но при всем этом не было ни сил, ни желания сотворить монашеское молитвенное правило. Дождь то притихал, то начинал лить с новой силой. В избушке было сыро, неуютно, холодно. Отец Никифор накинул на себя куртку, но она тоже была мокрой. Мучила похмельная жажда. Он вышел под дождь и, задрал голову, широко раскрыл рот. Но, вымокнув, так и не утолил жажду. Тогда вынес кастрюлю и ведро и поставил их наполняться дождевой водой. Войдя в избушку, зябко поежился, с сожалением посмотрев на пустую бутылку из-под кагора. В голову пришла мысль – разогреться земными поклонами. Он стал энергично класть земные поклоны, при этом истово крестясь и произнося Иисусову молитву. Когда рука в третий раз перебрала четки, он перевел дух и присел на лавочку у окна. Сердце учащенно стучало по вискам, и хотя дождь давно уже прекратился, на пол продолжали капать крупные капли пота, градом катившиеся с лица отца Никифора. Стало жарко и душно. Он вышел на свежий воздух.

День уже клонился к вечеру. Отец Никифор с трудом разжег костер из сырых поленьев, да и то когда добавил сухих щепок, найденных в сарае. Затем поставил на угли чайник с дождевой водой и замесил на воде тесто для оладьев. Попив чаю с оладьями, почувствовал себя и вовсе хорошо. Долго сидел у костра, укутанный приятным теплом, думал о том, что все не так уж плохо. «А если здесь обустроиться, то будет совсем хорошо. Тишина, свежий лесной воздух, и от молитвы ничего не отвлекает. В городских монастырях много суеты, и такие тихие скиты, наверное, необходимы, чтобы сюда приезжала братия по очереди и предавалась молитвенным подвигам. Хорошее дело задумал отец наместник», – подытожил свои мысли отец Никифор и тут же, у костра, стал читать вечернее правило. Но дочитывать ему пришлось в избушке, так как снова полил дождь. Долго не мог уснуть, зябко поеживаясь и ворочаясь от холода с боку на бок. Уже засыпая, решил, что завтра с утра обязательно полезет на крышу чинить трубу.

Утром отец Никифор почувствовал легкий озноб простуды. Но, несмотря на это, все же встал, прочитал правило, попил чаю с остатками оладьев и полез на крышу. В трубе оказалось старое птичье гнездо. Вынув его и пошурудив палкой, больше ничего не обнаружил и стал спускаться. На самом краю крыши поскользнулся и свалился вниз. Хотя высота была небольшая, он подвернул ногу, больно ударившись ею о пень. Отец Никифор, взыв от боли, стал перекатываться по мокрой траве, причитая: «Господи, больно-то как!» Задрав штанину и сняв носок, увидел, что вся ступня опухла и лодыжка вздулась. Кое-как доковылял до двери, зашел в избушку и оторвал длинный лоскут от простыни. Затем наложил шину из куса древесной коры и туго обмотал ногу самодельным бинтом. Повалившись на лежанку, застонал от боли и отчаяния: «Господи, Господи, да что же мне так не везет в жизни? Кому же такая жизнь нужна? Да пропади все пропадом! – но тут же, опомнившись, испуганно произнес: – Господи, да что это я несу? Прости меня, окаянного грешника. Поделом мне, Господи, поделом. Господи, не оставь меня, дай выдержать все со смирением и любовью».

И тут же словно другой голос в нем заговорил: «Что это я вдруг вспомнил о любви? Это непонятная любовь, которая только приносит страдания. Да-да, Господи, страдания, и больше ничего, кроме страданий. Говорят, Ты кого любишь, того и наказуешь. Но кто спросил самого человека – способен ли он, готов ли он выдержать эти безжалостные удары любви? Может, такая любовь мне вовсе не нужна. Господи, да что это я опять несу какую-то несуряницу? Прости меня, Господи, нужна мне Твоя любовь, конечно нужна. Но я еще не научился понимать ее». В каком-то бредовом забытии он продолжал шептать: «Кто так сильно натопил печь? Ужасно жарко, пить, дайте пить».

Очнувшись от забытья, отец Никифор сполз с лежанки и на коленях добрался кое-как до фляги с болотной водой, жадно отхлебнул несколько глотков из кружки. Он почувствовал, как пылает его тело и в то же время бьется в ознобе. Теряя последние силы, он дополз до лежанки и, взобравшись на нее, простонал:

– Ну вот и все, до кучи мне не хватало еще простуды. Проваливаясь снова в забытье, он прошептал: «Господи, не дай умереть без покаяния».

Проснувшись утром, почувствовал, что температура немного спала, но во всем теле была слабость – еле доковылял до фляги с водой. Долго и жадно пил вонючую воду. Есть совсем не хотелось, и он снова лег. Стал читать все молитвы, которые помнил наизусть. Утомившись, опять уснул, а когда проснулся, уже стемнело. Спать не хотелось. Память унесла его в далекое детство.

...Бабушка рано утром будила его, а он капризничал:

– Ну зачем так рано, я еще спать хочу, ведь в школу только завтра.

– Вот именно, завтра ты пойдешь в третий класс. А сегодня надо в церковь сходить, причаститься перед началом учебного года, чтобы тебе ангел твой помогал в учебе.

– Ну зачем, бабушка, в церковь? – сопротивлялся Степан. – Ведь никто из учеников в церковь не ходит.

– Ну, это их дело. А ты уж подари бабушке радость. Ведь ты бабушку свою любишь или как?

– Конечно, люблю, – немного помолчав, говорил Степан, нехотя вставал и собирался.

Бабушку он действительно очень сильно любил, она была настоящим другом. С ней можно было поговорить о чем угодно. И в лес по грибы, по ягоды – с бабушкой. И в поездку к дядям и тетям – с бабушкой. Родителям-то некогда, работают, а бабушка всегда рядом.

В церкви Степа стоял с бабушкой у самого амвона и видел, как в алтаре рядом с батюшкой стоит мальчик примерно его возраста. Мальчик был в золотой одежде до самого пола. Он подавал священнику то кадило, то свечу. Это очень поразило Степана, он во все глаза смотрел на своего сверстника с нескрываемой завистью. Мальчик в алтаре тоже заметил его и, приосанившись, постарался придать своему выражению еще большую важность, с чувством превосходства поглядывая в сторону Степана. Второй раз этого мальчика Степан увидел в школе на торжественной линейке, когда их принимали в пионеры. Все третьеклассники были в радостном возбуждении. Напротив их третьего «А» класса построили третий «В», и прямо перед собой Степа увидел того мальчика. Но на этот раз вид у него был бледный и растерянный. Казалось, что он вот-вот заплачет.

– Ребята, сегодня самый торжественный день в вашей жизни. Вы вступаете в ряды юных ленинцев, – громким голосом вещала директор школы. – Наша школа и наша пионерская дружина носят имя Павлика Морозова, который своим подвигом стал примером для всех пионеров на века. Сегодня вам повяжут красные галстуки, которые своим цветом свидетельствуют о крови, пролитой в борьбе за ваше светлое будущее.

Нежный красный шелк уже обволакивал шею Степана, когда он заметил замешательство, происходившее напротив него. Старшая пионервожатая хотела повязать галстук тому мальчику, но он, выставив руки вперед, смущенно произнес:

– Спасибо, но не надо, я не буду.

– Что «не надо»? – растерялась пионервожатая.

– Я не хочу в пионеры, – более твердым голосом произнес мальчик.

Подошла завуч и сердито зашептала:

– Павлик, так надо, понимаешь? Сейчас надень, потом снимешь, не позорь школу.

– Нет, – повторил мальчик, – я не буду пионером.

– Ах, так ты заболел, ну так бы и сказал, – вдруг сменив тон и уже громко сказала завуч, – я отвезу тебя к врачу, – и, взяв Павлика за руку, увела.

С тех пор он больше Павлика в школе не видел. Его одноклассники говорили Степану, что тот перешел в другую школу. Уже повстречавшись после армии с отцом Павлом, он узнал от него подробности дальнейших событий.

Завуч привела Павлика в свой кабинет и стала расспрашивать, кто его подговорил не вступать в пионеры.

– Ну, Павлик, не упрямясь, скажи, это родители тебя научили? Не бойся, мы им не скажем. Ведь ты же носишь имя Павлика Морозова, будь же достойным своего прославленного тезки. Он не побоялся сказать правду об отце. И если ты сделаешь так же, это будет честным и мужественным поступком, достойным советского школьника.

Павел упорно молчал, повторяя только одно: «Я сам так захотел, никто меня не учил».

Наконец завучу надоело уговаривать Павла, и она закричала:

– Ты наглým образом лжешь! Как тебе не стыдно! Но мы все равно узнаем правду, и тогда твоего отца посадят как антисоветчика. А теперь – вон из моего кабинета и завтра в школу без родителей не приходи!

Семья у Павла была верующая. Отец работал на чулочно-трикотажной фабрике слесарем-наладчиком, мать – там же в пошивочном цехе. В свободное время родители ходили в храм. Мать пела на клиросе, а отец помогал старосте храма в хозяйственных делах. В школе

ничего этого не знали. На следующий день отец пришел в школу и, спокойно выслушав все нападки, сказал:

– Что же вы хотите, чтобы мы ребенка приучили с детских лет к двуличности? В школу пошел – надевай галстук, пошел с нами в церковь – снимай галстук, надевай крестик. Или вы прикажете надевать галстук поверх креста? Хватит ли у вас смелости сейчас заявить, что пионер может свободно ходить в церковь?

Заявить ему это, конечно, отказались, но намекнули, чтобы он перевел сына в другую школу, от греха подальше.

...Проснувшись на следующий день, отец Никифор почувствовал себя легче. Температура прошла, и опухоль на ноге немного спала. Зато открылся кашель, который прямо душил его. На ногу наступать было больно. Отец Никифор соорудил себе что-то наподобие костыля и решил отправиться на болото за водой, так как она почти закончилась. Ковыляя и долго обходя разные препятствия, старался не наступать на больную ногу. Но все же на одной кочке оступился и, взыв от боли, присел на упавшее дерево:

– Господи, помоги же мне наконец, видишь, я немощен! Что же мне делать, Господи? Если Ты мне не поможешь, то никто мне не поможет. Сжался надо мной, Господи!

Отец Никифор замолчал, прислушиваясь, словно ожидая услышать ответ. Но над ним продолжал монотонно шуметь лес. «Умри я сейчас, – подумал отец Никифор, – этот лес также равнодушно будет шуметь над моим прахом, словно меня вовсе здесь не было». Эти безответная тишина и однотонный шум леса вселили в душу отца Никифора такую безысходную тоску и отчаяние, что захотелось вдруг закричать, чтобы своим криком прервать гнетущую тишину.

– Где Ты, Господи? – завопил отец Никифор и с размаху ударил костылем по рядом стоящей березе. Костыль разломился, оставшиеся в руках обломки он зашвырнул далеко в сторону болота. – Может, Тебя вовсе нет? А если Ты есть, то зачем меня оставил?

Он сел на упавшее дерево и расплакался, можно даже сказать, разрыдался, как малое дитя. Так сидел он и плакал, но постепенно его рыдания становились все тише, наконец, перешли во всхлипы. Глаза отца Никифора, обсохнув от слез, застыли в молчаливой тоске. Так он сидел с полчаса, бессмысленно уставившись в одну точку, потом, как бы очнувшись, произнес:

– Господи, я не сойду с этого места, пока не явишь мне чудо. А не явишь, так и умру здесь, потому как жизнь моя без чуда Твоего не имеет уже никакого смысла.

Со стороны болота послышался треск сучьев. Отец Никифор, привстав, увидел идущего по лесу мужчину в сапогах, с корзиной в руках.

– Эй! – обрадованно крикнул отец Никифор.

Человек, вздрогнув, остановился, прислушиваясь.

– Я здесь! – закричал отец Никифор.

Но человек вместо того, чтобы идти на голос, резко повернулся и быстро пошел в противоположную сторону. Отец Никифор забыл о больной ноге, кинулся следом:

– Постойте, ради Бога, не уходите, я болен и нуждаюсь в помощи!

Человек в нерешительности остановился, как бы над чем-то раздумывая. Затем нехотя повернулся и пошел в сторону отца Никифора. Тот подждал его, прислонясь к дереву и морщась от боли в ноге.

– Священник... – удивленно произнес подошедший мужчина. – Откуда вы, святой отец, здесь и что с вами случилось?

– Это у католиков святые отцы, – буркнул отец Никифор, которого всегда коробило такое обращение, употребляемое обычно нецерковными людьми, – а я просто недостойный иеромонах Никифор.

– Ну хорошо, недостойный так недостойный, что же у вас произошло?

– Да вот ногу подвернул.

– Присядьте, посмотрю, как уж вас называть, не знаю.

– Зовите просто отец Никифор.

– Повезло вам, отец Никифор, я по образованию врач, медицинский окончил, к тому же хирургический факультет.

Мужчина присел возле отца Никифора на корточки, ловко развернул повязку и стал осторожно ощупывать ногу.

– Конечно, не мешало бы рентгеновский снимок сделать, но по всему видно – вывих сустава. Потерпите немного, постараюсь что-нибудь сделать. Он дернул резко ногу, что-то щелкнуло, и после кратковременной боли наступило блаженное облегчение.

– Спасибо вам, вы мне посланы Богом.

– Ну не знаю, кем я вам послан, в Бога я не верую. Но вот шинку вам опять нужно наложить. Потому что у вас может быть растяжение, а скорее, разрыв связок. У футболистов такая травма часто бывает. Ничего, недельки через три все пройдет. Где вы живете?

– Да здесь, рядом.

– Где ж тут рядом можно жить? Я второй год здесь грибы собираю, никакого жилья не видел. А, так вы, наверное, в тех развалинах поселились, где раньше полеводческая бригада размещалась? Кстати, кто-нибудь с вами еще живет?

– Никого, я один.

– Тогда я вам помогу туда добраться, обопритесь на мое плечо.

– Спаси вас Христос, только вначале надо воды в болоте набрать.

– Помилуйте, зачем вам вода из болота?

– Для питья и приготовления пищи.

– А чистая вода разве для этого не подойдет? – изумился грибник.

– Очень даже подойдет, да где же ее взять прикажете? – раздраженно ответил отец Никифор.

– Ничего я вам приказывать не буду. Хотите – пейте из болота, только у вас в ста метрах, за дорогой, в овражке, чудный источник ключевой воды.

– Правда? – обрадовался отец Никифор. – Да вы действительно мне Богом посланы.

– Ну, Богом так Богом, обопритесь на меня, и пойдем потихоньку.

Приведя отца Никифора в его так называемую келью и осмотрев всю обстановку, он удивленно спросил:

– И чего ради вы здесь живете, отец Никифор, тоже от кого-нибудь прячетесь?

– Почему «тоже»? – в свою очередь, удивился монах. – Ни от кого не прячусь. Меня сюда отец наместник монастыря прислал организовать скит.

– Это за какие грехи вас сюда сослали?

– Какие грехи, все мы грешники. Кому-то же надо и скит организовывать.

– Понятно, – не совсем уверенно произнес мужчина и представился: – Меня зовут Анатолий. Ну я пошел к источнику за водой, а вы лежите. Кашель мне ваш не нравится, вы еще и простыли, вам в больницу надо.

– Не надо мне ни в какую больницу, так вылечусь.

– Ну смотрите, дело ваше. – И Анатолий, взяв ведро, ушел.

Отец Никифор, оставшись один, глубоко задумался. Он еще не успел оценить всего происшедшего. Теперь до его сознания стало доходить, что там, в лесу, совсем недавно Бог сидел с ним рядом на поваленной березе и гладил его по голове, успокаивая, как неразумного ребенка, а он даже этого не заметил. Сейчас, когда это стало для него явным, ему захотелось бежать к той березе и целовать ту землю и ту березу: наверное, они еще дышат Его незримым присутствием.

Анатолий принес свежую родниковую воду и рассказал, что он живет в пяти километрах отсюда на хуторке – все, что осталось от бывшей деревеньки Пеньковки. Там доживают свой век трое пенсионеров: две старушки и один старик.

– А вы что там делаете? – не удержался от вопроса отец Никифор.

– Потом как-нибудь расскажу, – помрачнел Анатолий, – утром приду пораньше и принесу вам лекарства.

Распроставшись, он ушел, чему отец Никифор был несказанно рад, так как ему не терпелось остаться одному, чтобы излить свою душу в благодарственной молитве Богу.

После ухода Анатолия отец Никифор хотел было встать на молитву, но взгляд его задержался на стопке книг, взятых им с собой из монастырской библиотеки. За все время своего невольного отшельничества он так ни одной и не прочел, хотя, когда ехал сюда, утешал себя мыслью, что теперь в скиту будет много времени для чтения духовной литературы.

Присев на лавочку, монах взял одну из книг и, раскрыв наугад, стал читать при свете свечи: «...Необходимо прежде всего искать благодати Божией, которая одна только может победить грех. Человеку, который предоставлен собственным силам, грех победить невозможно. Истинно духовная жизнь может быть построена лишь на основании смирения. И основание это должно все время углубляться и укореняться: только в смиренном сердце действует Бог, только смиренному Он являет Свою силу. У Отцов есть афоризм: «Бог слушает послушного». Критика монастырской жизни, хотя бы она была формально правильной, основана на самомнении человека, считающего, что он понимает духовную жизнь лучше игумена... Выше монастырской жизни может быть лишь жизнь отшельническая, но и для нее требуется приготовление в монастыре... Смиренному послушнику дается в дар сердечная молитва, а непослушный «аскет» никогда не приобретет ее. Не слушая игумена, он не слушает Христа, поэтому слова молитвы остаются без ответа. А как часто непослушание происходит от уязвленного самолюбия! Выходя из послушания, монах повторяет тем самым грех сатаны».

Отец Никифор сидел как громом пораженный: каждое прочитанное им слово, несомненно, было обращено прямо к нему и все сказанное было сказано именно о нем. Он сидел в глубокой задумчивости, пока не догорела свеча. Но и после в полной темноте размышлял обо всем происшедшем с ним: «Разочаровавшись в несовершенной земной любви, я устремился к совершенной – небесной. Но так и не постиг ее сокровенной сущности, потому как продолжал измерять ее земными мерками. Монашество я воспринял только как красивую форму иной жизни, думая, что она отличается от пошлой действительности лишь этой внешней формой. И что же в результате? Столкнувшись с первыми трудностями, сразу раскис, впав в смертный грех уныния. Но самое главное – не исполнил послушание наместника, не стал служить Божественную литургию. Вот теперь, когда я вижу свое полное несоответствие монашеской жизни, свою немощь души и тела, что делать мне теперь? Как быть дальше? Бежать отсюда в сознании того, что недостойн, «не по Сеньке шапка», потому что не готов к такому высокому подвигу? Нет, бежать – значит потешить врага рода человеческого. От себя не убежишь. Остаться? Но ведь не справлюсь. Действительно, не готов к такому подвигу. Сейчас ведь только в книге об этом прочел, что отшельническая жизнь выше монастырской, для нее требуется приготовление в монастыре. Может быть, действительно, вот оно, соломоново решение – возвратиться в монастырь и там готовиться к подвигу отшельничества? Нет, что-то здесь не то. Хотя вроде бы все логично, но чувствую – это от лукавого. Что же предпринять? Господи, помоги! А что, если я сейчас раскрою книгу на любой странице, и пусть это будет мне ответом от Бога».

Отец Никифор затеплил свечу и, раскрыв книгу, прочел: «Не надо воспринимать свое дело как ярмо, надетое на шею животного. На свою работу надо смотреть как на послушание, данное от Бога, делать ее как перед лицом Божиим, со всем усердием и добросовестностью, имея при том всегда мысль, что мы служим не людям, а Самому Богу». Да, это ответ.

– Выходит, не наместник послал меня сюда, а Сам Господь привел в это глухое место. И если я буду нести свой крест со смирением и радостью, Господь поможет, Он не оставит меня. Ведь на самом деле: иго Его – благо, а бремя Его легко есть. Хватит сомневаться и колебаться, надо начинать что-то делать, – рассудил отец Никифор.

С легким сердцем и волнительной радостью в душе начал он чтение покаянного канона. Молитва лилась прямо из души, а разум со смирением взвешивал и измерял глубину и значимость каждого слова молитвы: «Ныне приступих аз грешный и обремененный к Тебе, Владыце и Богу моему; не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя: даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько».

Первые лучи утреннего солнца стали проникать в избушку. Болезненное состояние давало о себе знать. Слабость была во всем теле такая, что не хватало сил стоять даже на коленях. Хотелось тут же упасть на пол и не вставать. Он решил прилечь и читать молитвы лежа. Чувствовал, как тело все горит, снова поднималась температура, не хотелось даже думать, не то что молитвы читать. Он бормотал: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши, конец приближается... На одре ныне немоществуя, лежу, и несть исцеления плоти моей, но Бога и Спаса миру и Избавителя недугов, родшея, Тебе молюся, Благой: от тли недуг возстави мя».

Отец Никифор не то спал, не то был в каком-то забытии. Очнулся от сна совсем разбитый. Но при этом было ощущение тепла и покоя. Он с трудом перевернулся на другой бок и увидел, что в печке горят, потрескивая, поленья. Дверь отворилась, и зашел Анатолий с охапкой дров.

– Проснулись, будем теперь лечиться, – бодро сказал он.

Подойдя к больному, он поставил перед ним кружку с травяным отваром:

– Это получше таблеток, баба Настя сама вам заваривала, а она все травы лечебные в лесу знает.

Отец Никифор, морщась, выпил горького отвара, затем Анатолий заставил выпить кружку горячего молока с медом. Горло приятно смягчилось, во всем теле разлилось блаженное тепло. Монах незаметно уснул. Проснулся только под вечер и почувствовал себя совсем хорошо. Анатолий читал одну из его книг. Увидев, что отец Никифор проснулся, он поднялся и стал прощаться.

– Не спрашиваю, как себя чувствуете. Сам вижу: вас можно смело оставить одного, завтра навещу. Вот здесь каша пшенная молочная, запаренная для вас бабой Настей в русской печке, ешьте и набирайтесь сил. Мои старушки, кстати сказать, так обрадовались, что вы здесь теперь живете, ждут не дождутся, когда вы выздоровеете.

Отец Никифор с удовольствием поел, ему показалось, что вкуснее этой каши он в жизни ничего не едал. После ужина молился долго и сосредоточенно. Потом стал читать Псалтырь. Закончил уже перед рассветом. Решил прилечь отдохнуть хотя бы часа на два. Ему показалось, что он только на миг прикрыл глаза, как в дверь постучали, а затем зашел Анатолий. Отец Никифор посмотрел на часы и понял, что он проспал пять часов вместо предполагаемых двух.

– Ну, я вижу, у вас хороший сон, – весело сказал Анатолий, – а сон для больного человека – лучшее лекарство.

Монах смутился оттого, что его могут посчитать лежебокой, и хотел сказать, что он всю ночь промолился и заснул лишь под утро. Но, спохватившись, что это будет выглядеть как бахвальство, ничего не стал говорить. Но Анатолий сам увидел множество огарков и заплывший воском подсвечник:

– Ого! Да вы, отец Никифор, никак всю ночь читали книги. Это нехорошо, так и зрение можно испортить. Ночью надо спать, а читать – днем. Я хоть и сам – сова, но стараюсь ложиться вовремя.

– Святые подвижники считали ночь самым благоприятным временем для молитвы, – сказал отец Никифор и тут же рассердился на себя: чего это он пускается в объяснения, как будто оправдывается.

– Простите, я не знал, что у вас, святых подвижников, такой обычай – молитвы читать ночью.

Эта реплика показалась отцу Никифору издевательской, и он раздраженно буркнул:

– Я – не святой подвижник, а лишь грешный монах, но руководства святых старцев для меня небезразличны.

– Ну хорошо, а как насчет бани, грешным монахам это не возбраняется?

– Это никому не возбраняется, – все еще сердясь, ответил отец Никифор.

Его раздражал полунасмешливый снисходительный тон Анатолия, который так разнился с предупредительно-почтительным отношением окружающих к его священному сану.

– Тогда поехали, отец Никифор, на хутор, банька там уже топится, транспорт я подогнал. – И Анатолий вышел из избы.

Монах последовал за ним. Прямо напротив дверей он увидел лошадь, запряженную в телегу.

– Тут, правда, пешком недолго, но у вас больная нога, так что мои пенсионеры позаботились доставить вас с комфортом.

Они уселись в телегу на солому и двинулись в путь. Вскоре на открытом пространстве недалеко от леса показались три небольших домика. Навстречу отцу Никифору засемили две старушки и заковылял старичок, который опирался на палку. Все трое по очереди подошли под благословение. При этом отец Никифор заметил, что более привычно и правильно это сделала одна из старушек, которую Анатолий представил Анастасией Матвеевной, или попросту бабой Настей, а у второй – Надежды Борисовны и ее мужа Акима Семеновича чувствовалась какая-то неловкость, по которой можно было определить, что брать благословение им непривычно.

– Да какое же нам счастье на старости Бог послал! У нас теперь церковь и батюшка будут рядом! – запричитала баба Настя. – Теперь мы не умрем без христианского погребения. Да какое же это счастье! – И она заплакала.

Вслед за ней стала шмыгать носом баба Надя, утирая передником глаза, а заодно и сморкаясь в него. Аким Семенович не плакал, но по тому, как он часто моргал, было видно, что не плакать ему стоит больших усилий воли.

– Ну хватит мокроту разводить, – прервал причитания старушек Аким Семенович, – идите на стол собирать, а батюшка в баню пока пойдет.

Анатолий отвел отца Никифора в баню, находящуюся на заднем дворе избы бабы Насти. Баня топилась по-черному. Анатолий помог отцу Никифору размотать повязку и, ощупав ногу, сказал, что повязка больше не нужна. Затем, объяснив, как пользоваться баней, которая топится по-черному, ушел. Отец Никифор парился и намывался долго, образно выражаясь, отвел душу на все сто. После бани в доме бабы Насти его ждал обед. Стол накрыт, словно к большому празднику, со всевозможными разносолами и пирогами с различными начинками. Уже за чаем началась беседа. Расспрашивала отца Никифора больше баба Настя: как, что и почему. Узнав, что священник хочет отслужить на праздник Воздвижения Креста Господня литургию, она сильно обрадовалась:

– Господи, благодать-то какая, значит, причастимся Святых Таин! А то уже три года не причащались. Церковь далеко, только в районном центре, до него сорок пять километров, а транспорта никакого нет. Раньше-то хоть автобусы ходили. А теперь мы никому не нужны.

– Да кому нужны пенсионеры? – поддакнул ей Аким Семенович. – Никому мы не нужны.

– Богу нужны, – подняв палец вверх, торжественно произнесла баба Настя, – раз нам священника прислал, значит, нужны Богу.

– Ну, разве что Богу, – согласился Аким Семенович, – а так – никому. Дети и то не навещают.

– А вот нам Господь дите послал, – указала на Анатолия баба Надя, – всегда с нами, стариками. Помогает нам, немощным, прямо как родной стал. Что бы мы без него делали?

– Богу вы всегда нужны, – сказал отец Никифор, – но сейчас вы и мне нужны, помочь к Божественной литургии подготовиться.

– Что нужно, говори, батюшка, – вострепнулась баба Настя, – все, что в наших силах, сделаем.

– Ну, во-первых, просфоры испечь, думаю, для вас это труда не составит, – улыбнулся отец Никифор, обводя взглядом стол со свежее испеченными плюшками и пирогами, – во-вторых, нужен кагор или другое красное виноградное вино. В-третьих, оборудовать помещение под домовую церковь в скиту.

Баба Настя ушла за занавеску, вынесла и торжественно поставила на стол бутылку кагора.

– Вот, три года стояла, наверное, своего часа дожидалась. Бери, батюшка, для обедни, и просфор напеку сколько надо. А помещение под церковь тебе Анатолий поможет оборудовать, Аким Семенович делать-то сам по старости ничего не может, но как бывший плотник подскажет.

– Подскажу, подскажу, – радостно согласился тот, – а то и что-нибудь сам сделаю.

– Куда уж, сам, – засмеялась баба Надя, – слава Богу, хоть ложку держишь, и то хорошо.

На следующий день в скит приехали Анатолий с Акимом Семеновичем и привезли с собою инструменты. Под церковь определили одну комнату, которая занимала третью часть дома. Под руководством Акима Семеновича стали разбирать сарай и его досками перекрывать ту часть крыши, которая находилась над выбранным под церковь помещением. Окна кое-где застеклили, а частично забили фанерой. Срубили в лесу несколько стройных березок небольшой толщины и соорудили нечто наподобие иконостаса. Сооружение престола и жертвенника без консультаций Акима Семеновича было бы невозможно, так как пришлось выстругивать пазы и склеивать деревянные детали казеиновым клеем. Анатолий съездил в райцентр и купил портьерной ткани красного цвета, из нее баба Настя с бабой Надей сшили на допотопной швейной машинке «Зингер» облачение на престол и жертвенник. На все эти приготовления ушло больше недели, но до праздника уложились. Отец Никифор полностью выздоровел, и нога зажила на удивление быстро.

В сам день Воздвижения ранним утром прибыли все четверо в скит, нарядно одетые. На обеих старушках были белые платочки и белые блузки с кружевными воротниками, которые аккуратно лежали поверх новых шерстяных вязаных кофт. На плечи они накинули нарядные цветные шали. Аким Семенович был в хромовых, до блеска начищенных сапогах, в светлой рубашке-косоворотке с вышитым воротом и пиджаке, на лацкане которого красовались орден Великой Отечественной войны и наградные планки. Анатолий тоже был одет в отглаженный серый костюм, в белой рубашке и галстук.

– Интересно посмотреть службу, – сказал он отцу Никифору.

– Смотрят кино, – съязвил монах, – а здесь надо молиться.

– Ну, молиться я не умею. Вы же сами знаете, что я неверующий.

– Жаль, конечно, но вам тогда и на службе можно присутствовать только до определенного момента.

– Это до какого же? – заинтересовался Анатолий.

– Когда я произнесу: «Оглашенные, изыдите, елици оглашенные, изыдите, да никто оглашенные елици верни...» – вы должны выйти.

– А кто такие оглашенные? – продолжал любопытствовать Анатолий.

– Это еще не крещенные люди, которые готовятся к принятию крещения. Эта подготовка и называется «оглашение», то есть наставление в вере.

– Ну, значит, я могу присутствовать, я ведь крещеный.

– Но вы не верите в Бога, значит, нарушили обеты крещения, потому не можете относиться к числу верных, то есть верующих во Христа. Значит, не можете участвовать в Таинстве евхаристии.

– Что же мне теперь, если я хочу быть в числе верных, надо по-новому креститься?

– Нет, крещение совершается только один раз в жизни. Потому и говорим в Символе веры: «Верую во едино крещение во оставление грехов». Для того чтобы вам снова стать верным, надо пройти Таинство исповеди, которое возвращает благодатные дары Духа Святого, даваемые в крещении.

– Вот как у вас все сложно, – разочарованно протянул Анатолий и вышел из храма.

Отец Никифор вначале совершил утреню с выносом креста и поклонением ему, а затем чин освящения храма и Божественную литургию. Радость, которая охватила отца Никифора во время Евхаристического канона, невозможно было описать никакими словами. Отцу Никифору показалось, что он вознесся над всем лесом, что литургия совершается не в этом убогом месте, а в каком-то воздушном, небесном храме.

Лица пенсионеров тоже светились и сияли от счастья, несмотря на усталость от четырехчасовой службы. По окончании богослужения они попросили священника совершить панихиду по родителям. Баба Настя передала отцу Никифору помянник со множеством имен. В начале помянника стояла дата – 1650 год. Отец Никифор решил поправить эту ошибку:

– Анастасия Матвеевна, у вас, наверное, должен стоять здесь 1950 год, а не этот.

– Все правильно, батюшка, здесь имена наших предков с 1650 года. Раньше эта дата состояла из славянских букв, от Сотворения мира, но потом для удобства один священник перевел нам на современное летосчисление – от Рождества Христова. Так что я всех своих прадедов и прабабок знаю аж с семнадцатого века. Вот только когда помирать буду, не знаю, кому передать: дети-то мои в городе живут, в церковь почти не ходят, дома не молятся. Беда с современной молодежью.

– Не беспокойтесь, в случае чего я буду поминать, – успокоил ее отец Никифор, – после меня – другие монахи этого скита.

– Это, батюшка, хорошо. Но память должна быть «в род и род», как это поется на панихиде.

Начало октября выдалось сухим и солнечным. Анатолий после праздника Воздвижения еще ни разу не приходил в скит. «Обиделся, наверное, за то, что я не разрешил ему присутствовать на службе, – размышлял отец Никифор. – Может, не надо было ему совсем ничего говорить? В городе в церквях за литургией кто только не стоит – и некрещеные, и неверующие даже. Откуда знать, кто зашел в храм, народу много, постоянно во время литургии заходят, выходят кому когда вздумается, как на вокзале. Получается, что всех присутствующих на литургии можно разделить как бы на три группы. Одна в алтаре – священники с диаконами и прислужники-пономари. Вторая в храме – это искренне молящиеся православные люди. И третья, тоже многочисленная часть, которая понятия не имеет, что происходит самая важная служба: пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Никто их не изгоняет из храма, не запирает двери, оставляя только верных. Но что особенно интересно, те верные, которые стоят в алтаре, и те, кто стоит в храме, не все являются участниками Святой Евхаристии. Все слышат одинаково слова Христа: «Примите ядите... пейте от нея вси», но, когда священник выходит с чашей и говорит: «...Со страхом Божиим и верою приступите», подходят к этой чаше лишь немногие из верных. Другие же со смирением говорят: "Мы не готовы причащаться. Мы просто пришли послушать обедню"».

Отец Никифор вдруг представил себе Тайную вечерю, на которую, кроме двенадцати апостолов, пришли еще ученики Христовы, но они не приступают к святой трапезе, а говорят: «Мы просто постоим в горнице, посмотрим, послушаем, помолимся вместе с вами». «Правильно ли я поступил, что не разрешил присутствовать Анатолию на Божественной литургии верных?» – еще раз задался вопросом отец Никифор и уверенно констатировал: правильно, и нечего даже сомневаться, если обиделся – это его проблемы. Но все же он невольно ловил себя на мысли, что ждет Анатолия, и, когда тот пришел в один из дней, обрадовался его приходу. Анатолий предложил пойти в лес, поискать опять и пособирать клюкву на болоте.

Шли молча по сухой опавшей листве, которая приятно шуршала под ногами, каждый погрузился в свои думы. Собственно, отец Никифор даже не думал, а творил про себя Иисусову молитву, пребывая в уверенности, что Анатолий сам заговорит первым и именно о чем-то важном для него – для того он и пришел. Так и случилось.

– Я как-то обещал вам, отец Никифор, рассказать, почему живу в этой глуши. Я просто здесь прячусь, попросту говоря, скрываюсь от того, кто меня разыскивает.

– Кто же вас разыскивает?

– Мои кредиторы. Если они меня найдут – мне конец. Началось все с того, что, окончив медицинский институт, я женился и устроился работать в больницу. Вскоре у меня родился ребенок. Начались денежные затруднения. Кому мы нужны – молодые начинающие специалисты?! Кому до того дело, что я, проучившись семь лет, не могу на свою мизерную зарплату обеспечить достойную жизнь своей семье? Жена после родов, естественно, не работает, сидит с ребенком. Жилплощади своей нет, почти все деньги уходят на оплату снимаемой квартиры. Однако вижу, некоторые умудряются жить неплохо, покупают квартиры и машины. Ездят отдохнуть в отпуск на Кипр и во Францию. Зависть меня одолела. Чем, думаю, я хуже? Решил тоже заняться коммерцией. Тут как раз для этого появилась возможность. Умерла моя тетка, от нее мне в наследство остался домик в небольшом городке. Жена говорит: «Давай туда переедем, будет свое жилье, устроишься работать в больнице». Я не согласился: «Ну вот, еще чего не хватало, я из областного большого города перееду в глухую провинцию. Пойми, – говорю, – это нам шанс судьба дает. Продадим дом, деньги вложим в дело и заживем как люди».

Домик дорого продать не удалось, так как там спроса на жилье не было. Но все же денег хватило открыть свой собственный аптечный киоск. Жить стало намного легче. Через год купили двухкомнатную квартиру. Аппетит приходит во время еды. Захотелось мне дело расширить. Сунул взятку одному чиновнику и получил неплохое помещение в аренду в центре города, решил там открыть приличную аптеку. Взял крупный кредит для закупки лекарств, а на следующий день – дефолт этот проклятый. Лекарства не удалось закупить, а отдавать тот кредит нечем. Брал в рублях – а расписка за кредит в долларах. И понеслось. Аптечный киоск пришлось продать, но и пятой части кредита не перекрыл. Ребята крутые, которые мне кредит дали, счетчик включили. Долг каждый день растет в геометрической прогрессии. Потребовали к концу месяца рассчитаться по процентам. В конце месяца я, конечно, не рассчитался.

Последовали угрозы. Пришли к нам на квартиру, меня как раз тогда не было, одна жена с ребенком. Она перепугалась, не стала им открывать. Через замочную скважину по тонкой трубочке накачали в коридор бензин и подожгли. Вся квартира выгорела, хорошо, что жена с ребенком живы остались: соседи вовремя пожарных вызвали. Жена после этого случая сразу на развод подала и уехала с ребенком в другой город, там вышла замуж и сменила фамилию. Я тоже уехал в другой город, но они меня и там разыскали – у них вся милиция куплена, – еле ноги унес. Вот теперь и отсиживаюсь здесь, в глуши, уже второй год. Ни жены, ни ребенка, да и сам как бродяга. Хорошо, добрые люди приютили и паспорт не спросили. Ну и как мне дальше жить? Почему Бог так несправедлив: одним – все, другим – ничего? А если бы ребенок невинный пострадал? Почему же Бог такое допускает?

Пока они кружили по лесу, как-то незаметно вышли к тому месту, где первый раз встретились с Анатолием. Вот и береза поваленная, на которой отец Никифор сидел и плакал, тоже обвиняя Бога в несправедливости. Анатолий присел на березу, и монах сел рядом с ним:

– Дети, Анатолий, из-за наших грехов страдают. Высшая Божественная справедливость в том и состоит, что Бог каждую слезинку невинного страдальца утрет и наградит его несказанной радостью в жизни вечной. Но вот если бы к нам, грешникам, Бог был бы справедлив, думаю, никто бы из нас не был живым сейчас. Если Бог есть жизнь, то что такое грех, как не отпадение от жизни? Если грех есть отпадение от жизни, то непонятным представляется не то, что согрешивший умирает, а то, как он еще может жить. Не стоит в Боге искать справедливость

в нашем несовершенном понимании. Бог прежде всего милосерд. И то, что вы еще живы и повстречали меня, – это милосердие по отношению к вам. И то, что я еще жив и повстречал здесь вас, – великое милосердие ко мне, грешному. Я – человек верующий, потому не верю в случайные встречи. Бог свел нас в этом забытом людьми уголке, значит, мы нужны друг другу. И уж конечно, оба мы нужны Богу. Это так же несомненно, как то, что настоящая жизнь для нас только начинается, и если мы этого не поймем сейчас, то уже не поймем никогда.

Сентябрь – ноябрь 2003. Самара

Юродивый Гришка

Всю свою сознательную детскую жизнь я сопротивлялся, как мог, родительскому желанию сделать из меня музыканта. И только поступив учиться в духовную семинарию, с благодарностью вспомнил своих родителей. Церковное пение пленило меня всецело. Торжественный Знаменный распев, Рахманинов, Ведель, Кастальский звучали постоянно в моем сознании и сердце, где бы я ни находился и куда бы ни шел. Уже в семинарии я управлял вторым академическим хором. По окончании семинарии, женившись на протодиаконской дочке, я, к своей радости, получил место регента храма в городе N. и был этим счастлив, не помышляя о рукоположении в священники. Хотя тесть мой непрестанно пытался склонить меня к рукоположению, апеллируя к тому, что на зарплату регента я не смогу достойно содержать его единственную дочь. Городок наш был небольшой, примерно сто тысяч населения, но я все же сумел создать неплохой хор из педагогов местной музыкальной школы и даровитых любителей. По субботам я имел обыкновение до всеобщего бдения прогуливаться по бульвару городского сквера, выходящего на небольшую набережную с причалом для парома. Вот так, прогуливаясь, я повстречал того, о ком будет мой рассказ.

Навстречу мне двинулся босой, несмотря на октябрь, высокий лохматый человек. На нем прямо на голое тело был надет двубортный изрядно поношенный пиджак, явно короткие, в полосу брюки, вместо ремня подпоясанные бечевкой. Но озадачил меня в нем не столько его гардероб, сколько то, что он на ходу читал книгу, уткнувшись в нее почти носом. При этом он шел очень быстро, широко расставляя ноги. Я подумал: «Вот ненормальный, споткнется и упадет».

Поравнявшись со мной, он остановился. Не поворачивая ко мне головы, широко перекрестившись, громко воскликнул: «Верую двенадцатому стиху псалма». Потом повернулся ко мне, ослабившись в какой-то дурацкой улыбке, сквозь зубы засмеялся: «Гы-гы-гы» – и, уткнувшись опять в свою книгу, быстро зашагал дальше. Растерявшись от такой выходки, я с недоумением долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. «Сумасшедший какой-то», – подумал я и направился домой. Дома рассказал об этом случае жене. Она подробно расспросила, как выглядел тот странный человек, и сказала:

– Это наверняка Гришка юродивый. Три года назад он исчез из нашего города, поговаривали, что его посадили за тунеядство и бродяжничество, вот, наверное, вновь объявился.

– А что он имел в виду, говоря: «Верую в двенадцатый стих псалма»? – попытался я у супруги.

Та пожала плечами:

– Господь его знает, юродивые и блаженные часто говорят загадками, но раз сказал, значит, что-то обозначает. Посмотри сам в Псалтыри.

– Что же я там найду? Сто пятьдесят псалмов – и половина из них имеет двенадцатый стих. – И, махнув рукой, я направился в церковь ко всеобщей.

По дороге в храм я размышлял:

«Ну какие юродивые в наше время? Просто больные люди. Да и раньше шарлатанов и ненормальных немало было».

Мой разум отказывался воспринимать подвиг юродства. Казалось, что этот вид святости – вне учения Нового Завета. Преподобные, святители, мученики, на мой взгляд, несомненно, являлись ярким свидетельством исполнения заповедей Господа и подражанием какой-то стороне Его служения, а юродство – что?

Придя на балкон, я стал раскладывать ноты по пюпитрам, готовиться к службе. Народ потихоньку заполнял храм. В это время я с высоты хоров увидел, как в храм зашел тот ненормальный босоногий человек. Он подошел к ближайшему подсвечнику, взял с него только что

поставленную горящую свечу и стал обходить с ней по периметру храма все иконы. Перед каждой иконой он останавливался по стойке «смирно», правой рукой с горящей свечой крестом осенял икону, затем четко, как солдат, поворачивался кругом и осенял горящей свечой пространство перед собой. Такие манипуляции он проделал перед каждой иконой, затем затушил свечу, сунул в карман своего пиджака. Эти странные действия со свечой подтвердили мое мнение о том, что передо мной – больной человек. Я пошел в алтарь, чтобы получить благословение у отца настоятеля перед службой и, не удержавшись, спросил его о юродивом Григории.

– А, Гришка опять появился, – как-то обрадованно воскликнул он, – мой сын когда-то у него учился.

– Как «учился»? – опешил я.

– Да он не всегда такой был, раньше он был учителем литературы Григорием Александровичем Загориным. Но потом что-то с ним произошло, попал в психушку. В школе поговаривали, что он на Достоевском свихнулся, стал ученикам на уроках о Боге, о бесах говорить. За уклонение от школьной программы его в горно вызвали на разбор, а он и ляпнул им, что Гоголь с Достоевским беса гнали, а тот взял да во Льва Толстого вселился, а от него на Маяковского и других советских писателей перекинулся. Ну, ясное дело, его в психушку направили. Выйдя оттуда, он странничает по храмам.

– И что же, он босиком круглый год ходит?

– Нет, – засмеялся настоятель, – но обувь надевает только тогда, когда выйдет приказ министра обороны о переходе на зимнюю форму одежды. Вычитает об этом в газете «Красная звезда» и обувается да одевается в какое-нибудь пальтишко.

Вечером, возвратившись от всенощной домой, я после ужина стал готовиться к воскресной Божественной литургии. Просматривая партитуры и раскладывая ноты по папкам, ловил себя на мысли, что из головы не выходит образ этого странного юродивого. Закончив разбираться с нотами, я открыл Псалтырь. В восьмидесяти пяти псалмах имелись двенадцатые стихи. Я прочитал их все, но так ничего и не понял.

«Да что же значит – веровать в двенадцатый стих псалма? Ерунда все это», – подумал я с раздражением и отложил Псалтырь.

Пока возился с Псалтырью, не заметил, как время перевалило за полночь. Так поздно ложиться я не привык, глаза уже слипались, поэтому не стал прочитывать «молитвы на сон грядущим», а, перекрестившись, сразу лег в постель. Уже лежа в постели, я прочитал молитву: «Господи, неужели мне одр сей гроб будет...» – и сразу заснул.

После литургии, выйдя на церковный двор, я увидел Гришку, окруженного прихожанами, и подошел любопытствовать, о чем они говорят. Гришка, который возвышался над прихожанами на целую голову, меня сразу заметил и осклабился в той же дурацкой улыбке.

– Гриша, – говорила ему одна пожилая женщина, – что мне делать? Сын пьет, с женой надумал разводиться. Помолись ты за него, может, Господь вразумит.

– Да как же я буду молиться, коли молитв не знаю? Мы с Лешкой только одну молитву знаем, – при этом он загадочно глянул на меня, – «Помилуй мя, Боже, на боку лежа», вот и все. Правда, Леха?

Все повернулись ко мне. Краска залила мое лицо, мне показалось, что не только Гришка, но все прихожане догадались, что я не читал вечерних молитв. В крайнем смущении, пробормотав что-то невнятное, я развернулся и быстро пошел к храму.

– Либо это чистая случайность, совпадение, – подумал я, – либо действительно Гришка обладает даром прозорливости, как о нем и говорят в народе.

На следующий день я решил повстречаться с Гришкой, чтобы выяснить для себя окончательно, кто он – больной психически человек или действительно юродивый, святой.

Но ни на следующий день, ни через неделю я Гришку не увидел. Сказали, что он куда-то ушел. Говорили, будто бы он имеет обыкновение проводить зиму в селе Образово у настоятеля

отца Михаила Баженова. Этот приход у нас в епархии слыл самым бедным, в чем я вскоре и сам убедился. Как-то после Пасхи я поехал в епархиальное управление за нотными сборниками и там вижу, стоит у дверей склада батюшка в пыльных кирзовых сапогах, в старом зала-танном подряснике, поверх которого накинута вязаная серая безрукавка. Из-под выцветшей синей бархатной скуфьи выбивались неровные пряди темно-русых с проседью волос. Жиденькая бороденка обрамляла узкое, со впалыми щеками лицо, которое можно было бы назвать некрасивым, если бы не большие голубые глаза. За плечами висел обыкновенный мешок, пере-вязанный веревками по типу рюкзака. Батюшка стоял в сторонке, явно смущаясь своего вида и дожидаясь очереди на склад. Но только выходил один получивший товар, как подъезжал на машине какой-нибудь другой солидный протоиерей или церковный староста, и батюшка снова вжимался в стену, пропуская очередного получателя церковной утвари. Те проходили, даже не замечая его убогой фигуры. Меня это возмутило, и я, подойдя к батюшке, нарочито громко сказал, складывая руки: «Благослови, честной отче!»

Батюшка как-то испуганно глянул на меня и, быстро осенив крестным знаменем, сунул мне для поцелуя свой нательный крест.

Я, поцеловав крестик, потянулся, чтобы взять его руку для поцелуя, как и полагается. Но он, спрятав ее за спину, смущенно улыбаясь, проговорил:

– Она у меня вся побитая и исцарапанная, я ведь крыши односельчанам крою, вот у меня руки и рабочие, недостойные, чтобы к ним прикладываться.

– Зачем же вы крыши кроете, ведь вы же священник? – удивился я.

– Приход у нас небогатый, а храм большой, его содержать трудно, да и прокормиться – деток-то у меня семеро.

Тут я, увидев, что на склад в это время хочет пройти другой священник, подойдя к нему под благословение, сказал:

– Простите, отче, сейчас очередь этого батюшки.

Тот, недовольно глянув на свои часы, пробормотал:

– Ради Бога, я не против, хотя очень спешу.

Батюшка на удивление очень быстро вышел со склада, неся только одну пачку свечей. Подойдя ко мне, он спросил:

– Как ваше святое имя, чтобы помянуть в молитве?

– Меня зовут Алексием, а вас, батюшка, как звать и где вы служите?

– Недостойный иерей Михаил Баженов, а служу я в селе Образово, в трех днях ходьбы отсюда.

– Так вы что же, туда пешком ходите? – воскликнул я. – Ну машины нет – это понятно, велосипед бы купили.

– Что вы, на велосипед еще заработать надо, это мне не по карману. И на автобус билет надо купить, а это тоже денег немалых стоит.

– Да, кстати, отец Михаил, скажите мне, пожалуйста, юродивый Гришка у вас находится?

– Зимовал у меня, а сейчас, после Пасхи, ушел.

– А что, он действительно юродивый или притворяется?

– Что вы, Алексей, как можно так думать! Григорий – святой человек, в этом даже сомне-ваться грех. Он у нас около храма источник с целительной водой открыл.

– То есть как открыл?

– Это давно было, лет десять назад. Я его тогда еще не знал, и он к нам первый раз пришел. Заходит ко мне во двор и говорит: «Дай-ка мне, поп Мишка, воды попить».

Я сразу смекнул, что юродивый передо мной стоит: кто еще меня «поп Мишка» будет называть? Прихожане отцом Михаилом зовут, а нецерковные люди – Михаилом Степановичем. Я вынес ему ковшик воды и в дом на чай пригласил. Но он пить не стал. «Плохая у тебя вода, – говорит, – а на чай тем более не годится. Давай лопату мне, да поживей, я пить сильно хочу».

Я удивился, конечно, но лопату вынес. Он походил с лопатой вокруг храма, потом воткнул ее в одном месте и говорит: «Копай, Мишка, здесь будем сокровище с тобой искать. Ты покопай, а я посижу рядом, а то пока искал, утомился очень». Я даже и перечить не подумал, раз юродивый говорит, значит, что-нибудь там найдем. Пока я копал, он рядом на травке лежит, только подбадривает меня: «Копай-копай, Мишка, найдешь золотишко».

Выкопал я больше своего роста, день уж к вечеру клонится. Матушка несколько раз подходила, беспокоится, чего это я делаю. Уж совсем стемнело. Гришка мне говорит: «Хватит копать, уж пора спать».

Хотя я ничего не нашел, но, думаю, не зря копал, наверное, в этом какой-то смысл есть, мне еще непонятный. Пригласил с собой в дом Григория на ужин. Тот говорит: «Ужин мне не нужен, дай краюху хлеба».

В дом тоже не пошел. «Я, – говорит, – здесь, среди тварей бессловесных заночую».

Утром я проснулся, пошел к яме, а она – полная воды. Да такая вкусная вода, прямо сладкая, как мед. Стало быть, мы до источника святого с Григорием докопались. Теперь сами судите, Алексей, настоящий он юродивый или обманщик.

Мы распрощались с отцом Михаилом, я дал обещание приехать к нему летом, когда будет отпуск, на его престольный праздник – Казанской иконы Божией Матери.

Обычно я уходил в отпуск после Петрова дня, так как в это же время брал отпуск наш настоятель. Здоровье мое, несмотря на молодые годы, оставляло желать лучшего. Я с рождения страдал сердечной недостаточностью. Но в этом году как-то все обострилось, и супруга моя настоятельно потребовала, чтобы я поехал на курорт, в кардиолечебницу, укрепить свое здоровье. Мне же очень хотелось съездить в Питер, чтобы там в библиотеке семинарии переписать для хора новые партитуры да и повстречаться с друзьями времен моей студенческой юности. Но, уступая настоянию своей жены, я согласился ехать на курорт, взяв с нее обещание, что на следующий год, если будем живы, то поедем непременно в Питер. После службы на праздник первоверховных апостолов Петра и Павла я зашел в нашу церковную бухгалтерию, чтобы получить зарплату и отпускные деньги. А когда вышел из бухгалтерии, увидел во дворе Гришку, как всегда окруженного прихожанами. Увидев меня, он разулыбался и, бесцеремонно растолкав бабушек, направился ко мне:

– Ну, Леха, ты – человек грамотный, растолкуй мне про эту тетку, что все свое имение на врачей растратила, а вылечиться так и не вылечилась.

– Какую тетку? – удивился я.

– Ну ту самую, о которой в Евангелии написано.

– А-а, – протянул я, когда до меня дошло, о каком евангельском эпизоде говорит Гришка. – А что там растолковывать? У земных врачей вылечиться не смогла, а прикоснулась к Христовым одеждам – и вылечилась.

– Вот-вот, правильно говоришь, только прикоснулась; некоторым бы тоже не мешало прикоснуться. А этим, на которых мы имение тратим, Господь сказал: «Врачу, исцелися сам». Вот оно как получается, Леха. Так что айда с тобой вместе прикасаться.

Сердце мое радостно забилося, я сразу поверил, что никакие врачи и никакие курорты мне не нужны. При этом поверил: пойду с Гришкой – и обязательно исцелюсь. Даже не спрашивая, куда надо идти, я воскликнул:

– Пойдемте, Григорий Александрович.

Гришка стал испуганно оглядываться кругом:

– Это ты кого, Леха, кличешь? Какого Григория Александровича? Его здесь нет.

Потом, нагнувшись к моему уху, прошептал:

– Я тебе только, Леха, по большому секрету скажу: Григорий Александрович помер. Да не своей смертью, – он еще раз оглянулся кругом и опять зашептал: – Это я его убил, только ты никому не говори, а то меня опять в милицию заберут и посадят.

Я с удивлением посмотрел на Гришку, подумав: «Неужели действительно душевнобольной?»

– Да-да, Леха, не сомневайся, заберут и посадят, у них за этим дело не станет, – он засмеялся, – гы-гы-гы.

Когда он смеялся, я внимательно смотрел на него, и меня поразило, что в его глазах я не увидел веселья, которое должно было, по сути, сопровождать смех. Нет, в глазах его была печаль, даже я бы сказал – какая-то скорбь. И тогда я вдруг понял, что это не смех слабоумного человека, а рыдания того, кто видит страшную наготу действительности, сокрытую от «мудрых века сего».

– Ну дак как теперь, Леха, когда ты узнал правду, пойдешь со мной или передумал? – И он, сощуриив глаза, продолжая гыгыкать, смотрел на меня, ожидая ответа.

Я стоял в растерянности и не знал, что ответить. Но потом все же решительно сказал:

– Не передумал, пойду.

– Вот и хорошо, через пять деньков раненько приходи к церкви. Путь неблизок.

Тогда я вдруг решил спросить:

– А куда мы пойдем?

– Куда пойдем, говоришь? Сам ведь обещал, а теперь забыл небось? К попу Мишке пойдем, он тебя ждет.

Тут я вспомнил про свое обещание отцу Михаилу посетить в отпуск его храм в селе Образово и устыдился: ведь действительно забыл. Узнав о том, что я не собираюсь ехать в санаторий, а еду с Гришкой в Образово, супруга вначале огорчилась, но, подумав, решила, что это даже лучше. Раз блаженный обещает исцеление, то так, наверное, и будет.

Встали рано, и жена собрала мне в дорогу вещи и продукты. Увидев меня, загруженного сумками, Гришка почесал затылок:

– Куда же ты, Леха, собрался, с таким скарбом? За Христом так не ходят. Он ведь налегке с апостолами ходил.

– Тут, Гриша, все самое необходимое в дорогу, ведь не на один же день едем.

– Кто тебе сказал, что едем? Мы туда, Леха, пешим ходом, три дня нам идти.

– Как, – удивился я, – мы разве пойдем пешком? Ведь это восемьдесят с лишним километров.

– Господь пешком ходил, и апостолы – пешком. Сказано ведь: «Идите в мир и научите все народы». Если бы Он сказал: «Поезжайте на колесницах», тогда другое дело. А раз сказал: «Идите», значит, мы должны идти, а не ехать.

– Ладно, – сказал я, – раз такое дело, оставляю часть.

– Нет, Леха, часть за собою целое тащит. Надо все оставить и идти.

– А чем будем питаться в дороге? – недоумевал я.

– Сухарик – вот дорожная пища, он легкий, нести сподручно. А воды кругом много. Что еще нам надо? Поклажу свою вон человеку отдай, – указал он на подошедшего к калитке бомжа, который с утра пораньше пришел занять место для собирания милостыни.

Я безропотно исполнил совет Гришки и обе сумки отдал бомжу. Тот, обрадовавшись, схватил их и убежал, боясь, что могут снова отнять такой щедрый дар.

– Вот теперь пойдем все вчетвером, – обрадованно воскликнул Гришка и быстро зашагал по улице.

Я последовал за ним. Когда вышли за город и двинулись по сельской грунтовой дороге, решил спросить Гришку напрямик, что он имел в виду, когда сказал: «Пойдем все вчетвером».

– Ну а как же мы пойдем без самых близких своих друзей? Без них никуда.

– Каких друзей? – удивленно спросил я.

– Как «каких»? Каждому дает Бог ангела-хранителя, это, Леха, друг на всю жизнь.

– Ах, вон оно что – тогда нас, значит, не четверо, а шестеро. Ведь сатана тоже приставляет к каждому человеку падшего ангела-искусителя.

– Нет, Леха, они любят не пешком ходить, а с комфортом ездить на автомобилях, особенно на дорогах, или в поездах – тут они больше уважают мягкие места в купе. А пешком они ходить не любят, быстро утомляются. А если человек к Богу идет, они этого вовсе не переносят. Потому я их все время мучаю тем, что пешком везде хожу.

Так, за разговором об ангелах и бесах, мы прошли километров пятнадцать, и я уже стал притомляться.

Когда мы вышли к небольшой речке, Гришка сказал:

– Вот, Леха, здесь отдохнем и пообедаем.

Мы присели на берегу, в тени раскидистой ивы.

Гришка достал из своего заплечного мешка две кружки и велел мне принести воды из речки. Когда я вернулся, он уже разложил на чистую тряпку сухари. Мы пропели молитву «Отче наш» и стали есть, размачивая сухари в воде. Когда поели, Гришка аккуратно стряхнул крошки, оставшиеся на тряпке, себе в рот и, объявив сонный час, тут же лег на траву и захрапел. Я тоже пытался уснуть, но не мог: комары меня буквально заели. Гришка при этом спал совершенно спокойно, будто его и не кусали эти кровопийцы. Проснувшись через час, он, позевывая и мелко крестя рот, сказал:

– Ну что, Леха, спал ты, я вижу, плохо. К вечеру, даст Бог, дойдем до деревни, там поспишь.

Когда мы снова тронулись в путь, я его спросил:

– Гришка, ты не знаешь, чем комары в раю питались, до грехопадения человека? То, что животные друг друга не ели, это понятно. У нас дома кошка картошку за милую душу лопает. Так что я могу представить себе тигра, жующего какой-нибудь фрукт. Но вот чем комары питались, мне не понятно.

– Вижу, плохо вас, Леха, в семинариях духовных обучали, раз ты не знаешь, чем комары в раю питались.

– А ты знаешь?

– Конечно, знаю, – даже как бы удивляясь моему сомнению, ответил Гришка. – Комарик – эта тончайшая Божия тварь, подобно пчеле, питалась нектаром с райских цветов. Но не со всех, а только с тех, которые Господь посадил в раю специально для комаров и другой подобной мошкары. Это были дивные красные цветы, которые издавали чудный аромат, подобный ливанскому ладану, но еще более утонченный. Бутоны этих цветов были всегда наполнены божественным нектаром. И вся мошкара, напившись нектара, летала по райскому саду, издавая мелодичные звуки, которые сливались в общую комариную симфонию, воспевающую Бога и красоту созданного Им мира. Но после грехопадения человека райский сад был потерян не только для него, но и для всей твари. Бедные, несчастные, голодные комарики долго летали над землей в поисках райских цветов, но не находили их. Наконец они прилетели к тому месту, где Каин убил своего брата Авеля. А кругом на месте этого злодеяния были разбрызганы алые капли крови. И комарики подумали: «Вот они, эти райские цветы». И выпили эту кровь. Но через некоторое время они вновь жаждали пить кровь человеческую, и кинулись комарики на Каина, и стали его кусать и пить его кровь. И побежал Каин куда глаза глядят. Но не мог убежать от комаров и мошкары. И возненавидел Каин комаров, а комары и прочая мошкара возненавидели человека.

– Откуда ты взял эту историю? Об этом нигде не написано.

– Если бы, Леха, обо всем писали, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг.

– Ну а все-таки, от кого ты слыхал об этом?

– Я не слыхал, Леха, я сам догадался, что так именно и было.

К вечеру мы дошли до какой-то деревни, и Гришка, подойдя к одной избе, уверенно постучал в окошко. Занавески приоткрылись, а вскоре нам навстречу выбежала пожилая женщина и радостно заголосила:

– Гришенька, Гришенька к нам пришел, ну наконец-то, мы уже заждались! Проходите, проходите, гости дорогие!

После ужина Гришка распорядился:

– Ты вот что, Анька, Лехе постели в горнице, он – человек измученный, ему культурный отдых нужен, нам завтра опять в путь. А мне здесь у тебя тесно, пойду на сеновал, послушаю, о чем звезды на небе сплетничают.

– Ой, Гришенька, послушай да нам, глупым, расскажи, – сказала на полном серьезе Анна Васильевна, хозяйка дома, где мы остановились.

– Коли бы я умней вас, глупых, был, то, может, что-то и рассказал. А то ведь я слышать-то слышу, а передать на словах не умею, ума не хватает.

Третий день пути оказался для меня самым тяжелым. Я натер ноги до кровавых мозолей. Снял ботинки, пошел босиком по пыльной сельской дороге – стало гораздо легче. Но бедное мое сердце: оно, по-видимому, не выдержало такой нагрузки. Воздух перед моим взором вдруг задрожал и сгустился. Голос Гришки стал каким-то далеким. Перед глазами поплыли круги, а затем вдруг все потемнело и я провалился в эту темноту. Очнувшись, открыл глаза и увидел, что лежу на траве. Невдалеке от меня я услышал Гришкин голос, который с кем-то спорил и о чем-то просил.

– Нет, возьми вместо него меня, – говорил Гришка, – ему еще рано, а я уж давно жду. Нет, так нельзя, Гришку возьми, а Леху оставь. Лешку оставь, а меня возьми вместо него.

Я понял, что разговор идет обо мне, и повернулся к Григорию. Тот стоял на коленях, прекрестился после каждой фразы, преклонялся лбом до земли. Я догадался, что это он так молится за меня.

– Гриша, – позвал я, – что со мной было?

– Спать разлегся так, что не добудисься тебя, и еще спрашиваешь, что было. Пойдем, хватит лежать, уже немного осталось.

Я поднялся с земли, и мы пошли дальше. Я шел в полной уверенности, что молитва Гришки спасла мне жизнь. Только вот что означает «Гришку возьми, а Леху оставь», я не мог сообразить.

К селу Образово подошли уже к вечеру третьего дня пути. Я видел, как вся семья отца Михаила искренне радуется Гришкиному приходу. Меня они тоже встретили с радушием и любовью. Поужинали картошкой в мундире с солеными огурцами и помидорами. Гришка с нами за стол не сел, а, взяв только две картофелины, ушел.

– Он никогда с нами за стол не садится, – пояснил мне отец Михаил после его ухода, – сколько его ни уговаривал, у него один ответ: «За стол легко садиться, да трудно вставать, а я трудностей ой как боюсь».

Уложили меня спать в небольшой комнате на постель с целой горой мягких пуховых подушек. Утром я проснулся, когда солнце уже взошло высоко. Матушка предложила чаю. Когда я спросил, где отец Михаил, она сказала:

– Да вы садитесь, его не ждите, он никогда не завтракает. Сейчас ушел в сарай – клетки для кроликов мастерить.

– А где Гришка ночевал? – спросил я.

– Он всегда на чердаке ночует, в своем гробу спит.

– Как это – в гробу? – удивился я.

– Да, видать, вычитал, что некоторые подвижники в гробах спали, чтобы постоянно помнить о своем смертном часе и быть к нему готовыми, вот сам выстругал себе гроб и спит в нем.

Вечером мы все пошли на всенощное бдение в честь праздника Казанской иконы Божией Матери. Я помогал матушке петь на клиросе, а Гришка стоял недалеко от входа в храм по стойке «смирно», лишь изредка осеняя себя крестным знамением. Делал он это очень медленно: приставит три пальца ко лбу и держит, что-то шепча про себя, потом – к животу в районе пупка и опять держит и шепчет, затем таким же образом на правое плечо и левое. Когда запели «Ныне отпускаеши», он встал на колени. На следующий день за Божественной литургией Гришка причастился. Когда после службы пришли домой, Гришка сел вместе с нами за стол, чему были немало удивлены и обрадованы отец Михаил с матушкой. Правда, ничего он есть не стал, кроме просфорки, и попил водички из источника. Гришка сидел за столом, радостно глядел на нас и улыбался.

– А у меня сегодня день рождения, – вдруг неожиданно заявил он.

Отец Михаил с матушкой растерянно переглянулись.

– У тебя же день рождения в январе, – робко заметил отец Михаил.

– Ну да, – согласился Гришка, – появился на свет я в январе, а сегодня у меня будет настоящий день рождения.

Все мы заулыбались и стали поздравлять Григория, поддерживая шутку, за которой, мы не сомневались, скрывается какой-то смысл.

– Ну я пойду полежу перед дальней дорогой, – сказал Гришка после обеда.

– Куда же ты, Гриша, уходишь? – спросил отец Михаил.

– Эх, Мишка, хороший ты человек, да уж больно любопытный. Ничего тебе не скажу, сам скоро узнаешь, куда я ушел.

Отца Михаила ответ вполне удовлетворил:

– Ну что ж, иди, Гриша, куда хочешь, только возвращайся, мы тебя ждать будем.

– Я тоже буду вас ждать, – сказал Гришка и ушел к себе на чердак.

До вечера он с чердака так и не явился. Но когда Гришка не пришел на следующий день, отец Михаил забеспокоился и решил проведать Григория. С чердака он спустился весь бледный и взволнованный:

– Ушел Гришка от нас навсегда, – сказал он упавшим голосом.

– С чего ты решил, что он навсегда ушел? – спросила матушка. – Он что, записку оставил?

– Нет, матушка, он здесь свое тело оставил, а душа ушла в вечные селения. – И отец Михаил широко перекрестился. – Царство ему Небесное и во блаженном успении вечный покой.

Гроб с его телом мы спустили с чердака и перенесли в храм.

Отец Михаил отслужил панихиду. На завтра наметили отпевание и погребение. А ночью решили попеременно читать Псалтырь над гробом.

Вечером с отцом Михаилом мы сидели у гроба Григория, а матушка готовила поминки дома. Григорий лежал в гробу в своем стареньком двубортном пиджаке на голое тело и в заплатах коротких брюках, из которых торчали босые ноги. Перед тем как нести Григория в церковь, я предлагал отцу Михаилу переодеть его.

– Что ты, – замахал тот руками, – он мне сам наказывал, как помрет, чтобы его не переодевали: «Это, – говорит, – мои ризы драгоценные, в costume я буду походить на покойника Григория Александровича». А ведь, думаю, он знал о своей смерти, когда говорил за обедом, что пойдет далеко.

– Он знал об этом, еще когда к вам шел, это ведь он за меня умер. У меня сердце в дороге прихватило, а он молился: «Возьми лучше Гришку, а Лешку оставь». Я тогда не понял, о чем он просит.

– Вот оно, какое дерзновение имеют блаженные люди, – вздохнул отец Михаил, – а мы, грешные, все суетимся, все чего-то нам надо. А человеку на самом деле мало чего надо на этом свете.

Первым остался читать Псалтырь я. Когда стал произносить кафизмы, то почувствовал необыкновенную легкость. Голос мой радостно и звонко раздавался в храме. Ощущения смерти вовсе не было. Я чувствовал, что Гришка стоит рядом со мной и молится, широко и неторопливо осеняя себя крестным знамением. Мне вдруг припомнилось, как увидел Гришку в первый раз, читающего на ходу книгу. Эти воспоминания ворвались в мою душу, когда я читал девяностый псалом: «На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою», – это был двенадцатый стих.

Февраль 2002. Волгоград – ноябрь 2003. Самара

Чаю воскресения мертвых

Истинным украшением нашего прихода были несколько стариков-прихожан. Ходили они на службу регулярно, по воскресным дням и праздникам. Цену себе знали: мол, нас, таких, мало. Все старички были опрятные и статные: грудь колесом, борода лопатой. Настоящая порода русских мужиков, не добитая революциями, коллективизацией и войнами. Своей степенностью, важным внешним видом и благопристойностью поведения они как бы бросали вызов расхристанной современности, порождая ностальгические чувства о потерянном великом прошлом.

Но был среди этой группы один старичок, резко выделявшийся среди остальных своим неказистым видом. Он был как опенок среди боровиков и подосиновиков. Худенький, маленький, с кривыми ножками, да и сам весь какой-то кривой. В лице его было что-то нерусское. Личико маленькое, сморщенное, с узкими глазами, как две шелки. Бороденка жиденькая, словно ее выщипали. Голос какой-то хрипловато-писклявый. Ну, словом, живая карикатура на своих братьев-прихожан. Но, несмотря на этот, прямо скажем, непрезентабельный внешний вид, среди прихожан и духовенства он пользовался неизменным уважением и любовью. И то и другое он заслужил своей бескорыстной добротой и постоянной готовностью помочь ближним, всем чем только мог. При этом помогал он всем без различия: и настоятелю, и безродной старушке. Любая работа была ему по плечу. Про таких говорят: мастер на все руки. Он и плотничал, и сапожничал, и кирпич клал, и в электрике разбирался. Трудиться мог с утра и до вечера, казалось, не уставая, а ведь ему было уже за семьдесят. Во время службы он неизменно стоял в правом Никольском приделе и истово молился, старательно клал земные поклоны. Звали его Николаем Ивановичем Луговым.

Как-то раз и мне пришлось пригласить Николая Ивановича к себе домой на помощь, чтобы посмотреть нашу печь, которая ни с того ни с сего начала дымить. Он походил вокруг нее, постучал, послушал, как врач больного, затем вынул один кирпич и залез туда рукой, которая сразу оказалась по локоть в саже. Потом сердито сказал:

– Кто такие печи кладет, руки бы тому поотшибать.

– Не знаю, – говорю я, – мы покупали дом вместе с печкой.

Николай Иванович улыбнулся:

– А вам, Ляксей Палыч, этого знать не надо. Вы мастер по церковному пению. Когда вы хором церковным управляете, любо-дорого послушать.

– Спасибо за высокую оценку моего скромного труда, – сказал я, польщенный похвалой.

– Это вам спасибо, Ляксей Палыч, за ваше умиленное пение. Когда ваш хор поет, от такого пения душа утешается и молитва делается легкая, словно птица небесная порхает под небесами у Бога. Говорю так вам потому, что есть с чем сравнивать. Давеча я ездил в наш областной центр и зашел в архиерейский собор службу послушать. Уж лучше бы я не заходил.

– А что такое? – заинтересовался я.

– Да пение у них какое-то странное. Как после «Отче наш» врата Царские закрылись, тут хор ихний как взвоят, я аж вздрогнул.

– Это они, наверное, концерт запричастный запели, – догадался я.

– Вот, вот, Ляксей Палыч, именно концерт, а не молитва. Потому что, когда хор взвыл, тут у них какая-то баба заголосила, а потом мужик стал ей что-то подвывать. Не выдержал я такого концерта, да убежал из храма. А у вас, Ляксей Палыч, все просто и понятно. А насчет печки я вам вот что скажу. Переделывать за другими – это работа неблагодарная. Предлагаю эту печь сломать, а другую сделать. День будем ломать, день печь класть.

Я от души посмеялся над рассказом об архиерейском хоре, и мы расстались с Николаем Ивановичем, договорившись встретиться завтра. В этот же день я съездил за глиной, песком

и кирпичом. А на следующий день пришел Николай Иванович с двумя своими сыновьями. Я было хотел помогать им печь разбирать, но Николай Иванович решительно воспротивился:

– Работа эта пыльная и грязная, – сказал он мне, – не вам, регенту, свои белые ручки марать, вам ими на хоре махать.

– Я не машу, а регентую, – засмеялся я.

– А раз так, то тем более нельзя, – уверенно сказал он.

Пока его сыновья разбирали печь, Николай Иванович вышел во двор и взял щепотку глины. Размял ее меж своих корявых узловатых пальцев. Потом даже попробовал на язык, пожевал малость, а затем, выплюнув, сказал:

– Глина немного жирновата, ну да ничего, мы в нее песочку поболее добавим и сойдет.

Подошел к кирпичу. Взял один, как бы взвешивая на ладони. Достал из кармана молоток и ударил им по кирпичу. Тот развалился сразу на три части.

– Да, – разочарованно протянул Николай Иванович, – кирпич нонче дрянь. Раньше-то лучше делали. Ну, ничего, топку из старого кирпича, от твоей печки разобранной, соорудим.

На другой день Николай Иванович пришел один. Помолился на угол с образами. Затем перекрестил глину, песок и кирпич. Надел на себя фартук и, засучив рукава рубахи выше локтей, сказал:

– Господи, благослови сей труд, на пользу человекам и во славу имени Твоего святого.

Тут я заметил на запястье его правой руки какую-то татуировку из нескольких цифр. Меня это заинтересовало, но спросить, что это означает, я постеснялся. Работа у него спорилась, я только успевал подавать ему кирпич и глину.

Подшло время обеда. Перед тем как сесть за стол, Николай Иванович долго плескался у умывальника, фыркая и звонко сморкаясь. Подавая ему полотенце, я попытался рассмотреть цифры внимательней. Николай Иванович, заметив мой взгляд, добродушно пояснил:

– Это, Ляксей Палыч, немцы в концлагере мне номер поставили.

– Вы были в концлагере? – удивился я.

– Где только я не был. Везде, кажись, был и все испытал. А понял одно: с Богом человеку завсегда хорошо жить. Любые беды с Ним не страшны. Я вот чего думаю, Ляксей Палыч, уж коли с Богом можно жить в таком аду, как фашистский концлагерь, то как же с Ним в рая-то хорошо!

При этих словах Николай Иванович зажмурил мечтательно глаза, как будто таким образом хотел узреть райское блаженство. Открыв глаза, уже печально добавил:

– Только людей жалко, тех, что без Бога живут. Разнесчастные они люди, их, Ляксей Палыч, завсегда жалеть надо.

– А вы мне расскажите, Николай Иванович, как в концлагерь попали.

– Чего же не рассказать? Расскажу.

После обеда Николай Иванович сказал:

– Ну, коли вам интересно знать о моих мытарствах, слушайте.

Как война началась, мне как раз девятнадцать годков исполнилось. Так что почитай на войну к самому ее началу поспел. Вот я смотрю, нонче войну по телевизору показывают. Там солдаты в кирзовых сапогах да с автоматами. А я вам, Ляксей Палыч, прямо скажу: какие там сапоги? В обмотках мы воевали. Автоматов тех у нас и отродясь не было. Винтовка-трехлинейка, а к ней штык-нож, вот основное вооружение пехоты. Да правду сказать, и винтовка-то не у каждого была. В первом бою, как пошел я в атаку, у нас в роте одна винтовка на троих. Это еще хорошо, в других частях, не знаю правду баяли, не знаю нет, на десять человек одну винтовку давали. Вот и бежим в атаку: один с винтовкой, а мы двое за ним, если его убьют, то винтовка переходит к следующему. Мы-то, конечно, тоже не с пустыми руками в атаку идем, из доски вырезали себе что-то наподобие винтовки и раскрашивали так, что издалека можно было за настоящую принять. В первом же бою я винтовкой обзавелся, хотя вторым на очереди

был. В общем-то, надо признаться, у нас в пехоте редко кто две-три атаки переживал: или ранен, или убит. Бывало, идет в атаку рота, а возвращается столько солдат, что едва на взвод наберется. Но меня Бог миловал, до сорок третьего без единой царапины. В сорок третьем под Сталинградом, правда, малость задело. Месячишко в госпитале провалялся, и опять на фронт. Видать, мой ангел-хранитель, Никола Чудотворец, меня крепко хранил. Я, конечно, ему об этом докучал в своих молитвах. Читаю каждый день «Живые помощи», особенно перед боем. «Отче наш» по сорок раз в день и двенадцать раз «Богородицу», эти-то я молитвы наизусть знал. Ну а к Николе Угоднику так запросто обращался, он ведь свой, деревенский.

– Как это деревенский? – не понял я. – Святитель Николай был епископом большого по тем временам города Миры.

– Не знаю, какого города он был епископом, только я, Ляксей Палыч, не о том речь вел, – засмеялся Николай Иванович. – У нас в селе храм был в честь Николы-угодника. Два раза в год, на зимнего и летнего Николу, престольный праздник. И село-то наше Никольское звалось, потому как он наш особый заступник.

Теперича расскажу, как в плен попал. Тот бой я на всю жизнь запомнил. Накануне того дня дождик цельные сутки как из ведра поливал. Стенки окопов склизкие стали, на дне лужи образовались. Толком не поспать: сыро, неуютно. Сижу мокрый, как зяблик, да с завистью на командирскую землянку поглядываю. Вот, думаю, туда бы попасть, хоть на пару часиков, в тепле пообсохнуть да поспать малость. Так я мечтаю, а кругом кромешная тьма, ни звездочки на небе. А тут вдруг все осветилось. Это фрицы стали в небо ракетами пулять. Одну за другой. Друг мой, ефрейтор Трошкин, сидел рядом со мною и на моем плече дремал, а тут сразу проснулся и говорит: «Никак немчураги наших разведчиков хотят высмотреть, я сам видел, как они с вечера к ним поползли. Языка, наверное, у них взяли, вот немцы и всполошились. С утра наверняка в атаку пошлют, недаром старшина спирт со склада получил». – «Все-то ты, Трошкин, видишь и все-то знаешь, – говорю я, – а знаешь ли ты, когда эта война кончится, больно уж мне домой хочется». – «Это, Лугов, – отвечает он, – наверное, только один товарищ Сталин знает». – «Навряд ли, – говорю я, – он это знает». – «Ты сомневаешься в гениальности нашего вождя?» – удивляется Трошкин. «Что ж тогда, – говорю я, – Гитлер нас врасплох застал». – «Ну разговорился, – сердится Трошкин, – кабы нас кто не услышал, а то и нам будет врасплох».

Мы замолчали, а я стал вспоминать письмо моей матери, которое получил на днях. В письме она сообщала большую радость, о том, что у нас в селе вновь открыли храм. Я-то хорошо помню, как его закрывали. Мне тогда уж десять лет было. Пришли к нам в село военные и увезли нашего священника, дьячка и церковного старосту. Как сейчас перед глазами стоит: батюшку на телеге увозят, а евоная жена бежит за ним с оравой своих ребятишек и что-то кричит, сердешная. Упала, как есть прямо на дорогу, в пыль, и зарыдала. Дети окружили матушку, тоже плачут и зовут ее: «Мама, пойдем домой, будем там за папку молиться». Не помогла, видно, молитва детей, слухи до нас дошли, что батюшку и церковников расстреляли. На церковь власти замок повесили. А потом председатель сельсовета решил из храма клуб сделать. Чтобы, как он сам нам разъяснил, темные народные массы культурой просвещать. Собрал возле церкви сход и говорит: «Товарищ Ленин из всех искусств самым важным считал кино. Вот здание церкви для такого важного искусства как нельзя лучше подходит. Раньше здесь религиозный дурман был, а теперь кино крутить будем. Но для того чтобы здесь было кино, надо снять с куполов кресты, эти символы закабаления трудового народа. Тому, кто их сымет, мы за такую сознательность десять трудодней запишем и еще как-нибудь поощрим». Все, конечно, удивились глупости председателя совета: какой же нормальный человек полезет святые кресты сымать. Но один все же, отчаянный такой, нашелся. Генка Заварзин, известный на все село пьяница, балагур и озорник. «Я, – говорит, – ни Бога, ни черта не боюсь, а кино мне страсть как хочется посмотреть. Да и десять трудодней не помешает». Взял да и полез на

купол. Когда он крест начал спиливать, не знаю, что уж там произошло, но только полетел он оттуда вниз. Так шмякнулся на землю, что мы уже думали, он дух испустил. Но оказался жив, да, видно, бедняга, позвоночник повредил и на всю жизнь обезноженным остался. «Меня, – говорит, – кто-то с купола толкнул». – «Да кто ж тебя толкнуть мог, – говорят ему, – коли ты там один находился». Люди-то, кто поумней, сразу догадались, что это его ангел небесный толкнул. Долго он без движения лежал, все плакал да прощения у Бога просил. Потом уж мне рассказывали, что, когда храм наш открыли, он очень обрадовался и просил его принести на службу. А служба первая в аккурат на Пасху была. Его батюшка поисповедовал и причастил. Когда домой назад его на тележке везли, он, словно пьяный, на все село пел «Христос воскрес» и орал: «Люди добрые, меня Господь простил, я теперь болеть больше не буду». А вечером того же дня действительно перестал болеть, так как помер.

Так и не удалось в нашей церкви клуба устроить, потому как после Генкиного падения охотников снимать кресты больше не нашлось. Рядом с нашим селом находилось татарское село, так наш неугомонный председатель стал татар подбивать на это дело. Мол, сломайте кресты и купола, а я вам хорошо заплачу. Вам ведь, басурманам, все равно, коли вы в Христа не верите. Те обиделись, говорят: «Хотя мы и не христиане, но и не басурмане, потому как в Бога мы веруем. А Николу-угодника тем более обижать не будем, он и нам, татарам, помогает». Так церковь и стояла закрытой, а потом в ней зерно стали хранить. Никто и не думал, что ее когда-нибудь откроют, но пришла война и все по своим местам расставила. Мать в письме писала, что нашему председателю колхоза позвонили из города и велели освободить храм от зерна. Предупредили, что, через неделю придет священник и на Пасху будет служба. Тот, правда, досадовал: «Куда, мол, я зерно дену?» Но начальства послушаться не посмел. Собрал колхозников и велел развезти зерно по домам на хранение. При этом грозил, что, если у кого хоть одно зернышко пропадет, того отправит по этапу, туда, куда Макар телят не гонял. Два раза просить никого не было нужды, все с радостью стали освобождать церковь и готовить ее к службе.

Пока я сидел весь в этих мечтах о доме и вспоминал материно письмо, наступил рассвет. Загрохотала наша артиллерия. Трошкин мне говорит: «Ну, что, опять я оказался прав, слышишь, артподготовка началась, значит, скоро в атаку пойдем». Подбежал старшина Балакирев: «Ребятки, – говорит, – изготовься, через полчаса по сигнальной красной ракете пойдем на фрицев». И стал разливать нам по кружкам спирт, приговаривая: «Не дрейфь, мужики, немцы, они тоже люди и тоже боятся. А мы им жару с вами дадим». Я достал из кармана листочек с молитвой «Живые помощи» и стал чуть слышно читать. Трошкин подвинулся ко мне: «Ты чего, Лугов, шепчешь, давай погромче, я тоже с тобой помолюсь». Подошел к нам политрук, лейтенант Кошелев, и предупредил нас о том, что умирать за Родину большая честь, а кто побежит назад, того он лично пристрелит. Это он нам всегда перед боем говорил, так сказать, вдохновлял нас. Умирать, конечно, никому не хотелось, но то, что он труса самолично пристрелит, мы не сомневались. Хотя политрука у нас в роте все любили. О нас, простых солдатах, он заботился и в бою за наши спины не прятался, а всегда впереди бежал. В это время взвилась сигнальная ракета и политрук закричал: «Товарищи, вперед! За Родину, за Сталина! Ура!» – выхватил пистолет и первым выскочил из окопа. Мы тоже все закричали «ура» и бросились вслед за ним. Я-то мал ростом, для того, чтобы мне из окопа выбраться, заранее подставил ящик из-под патронов. Но когда я на него наступил, дощечка проломилась, и я свалился опять в окоп. Слава Богу, вовремя подбежал старшина Балакирев, он был у нас здоровущий мужик, схватил меня, как кутенка, и выкинул из окопа. Я поднялся, хотел бежать, да наступил на полу собственной шинели и опять упал прямо в грязь. За мною выпрыгивал старшина. Да не повезло ему, только охнуть успел: «Мама родная» – и опять в окоп свалился. Видно, пуля, мне предназначенная, в него угодила. Поднялся я из грязи, перекрестился: «Царство Небесное тебе, товарищ старшина», – заткнул полы шинели за ремень и побежал за своими. Уж чего-чего, а бегать-то я умел. В селе меня никто догнать не мог. И тут я припустил по полю, петляя, словно

заяц, так, чтобы немец прицелиться в меня не сумел. Услышу взрыв, упаду на землю, затем поднимаюсь и снова бегу. Вижу, лежит наш политрук, руками, бедняга, за живот схватился, а сквозь пальцы кровь струится. Ох, думаю, не повезло лейтенанту, ранение в живот самое паршивое дело, редко кто после него выживает. Упал я рядом с политруком на колени и говорю ему: «Товарищ лейтенант, давайте я вам помогу». А он сердится на меня: «Отставить, товарищ Лугов, только вперед, за Родину, за Сталина!» – «А как же вы?» – говорю я. «Меня санитары подберут», – и видя, что я не уйду, как закричит: «Ты что, рядовой, не слышишь приказа», – и за пистолетом потянулся. Тут я вскочил как ошпаренный, ору: «Есть, товарищ лейтенант, только вперед», – и припустил далее. Прибегаю к немецкому окопу, а там уже рукопашная. Я в окоп спрыгнул, вижу, моего друга ефрейтора Трошкина немец душит. Хотел вначале я этому немцу штык в спину всадить, а потом передумал. Развернул винтовку и прикладом его по голове саданул. Каска с его головы сползла, и он как-то удивленно на меня оглянулся. Видать, в это время он хватку свою ослабил, ну и Трошкин вывернулся из-под него и вцепился ему в лицо. Да одним пальцем прямо в глаз ему угодил. Немец как взвыл нечеловеческим голосом, Трошкина совсем отпустил, а сам за лицо схватился и по земле катается и воет бедняга. Трошкин схватил рядом валявшийся автомат и добил немца. А потом на меня накинулся: «Ты что, Лугов, не мог сразу его штыком». – «Так как же штыком в спину? – оправдываюсь я, – все же как-никак, а живой человек». – «А то, что этот живой человек меня мог придушить, в твою глупую башку не пришла такая мысль?» Я, конечно, понимаю, что не прав, но все же оправдываюсь: «Так ведь не придушил же». – «А, что с тобой толку говорить, – махнул он на меня рукой, – ты же у нас блаженный, ладно, айда к своим». Смотрим, бежит по окопу к нам навстречу рядовой Квасов, глаза выпучил и орет не своим голосом: «Братцы, спасайся, «тигры» прямо на нас прут, шесть штук сам видел, передавят нас, как тараканов». С другой стороны бежит старший сержант Языков, весь в крови, видать, раненый. Схватил Квасова за ворот, потрянул как следует: «Ты что, сукин сын, – кричит он на него, – панику тут разводишь. Докладывай обстановку по всей форме». – «Чего докладывать? – кричит тот. – Командир убит, замкомандира тоже, об остальном тебе сейчас «тигры» доложат, вон они уже на подходе». Языков сразу все сообразил и говорит:

«Отступить будем, но организованно. Беги, Квасов, собирай всех оставшихся бойцов, а вы, Трошкин с Луговым, берите противотанковое ружье и гранаты, выдвигайтесь вперед к тому окопу, постарайтесь задержать танки».

Приказ есть приказ, поползли мы вперед и залегли в указанном окопе. «Тигры» от нас уже метров двести. Трошкин ворчит: «Попробуй тут такие махины с ружьишка этого пробить. Придется ближе подпустить». Потом повернулся ко мне: «Ну, что, брат Никола, пришел и наш черед, давай прощаться». Обнялись мы с ним и расцеловались троекратно. А потом вдруг Трошкин говорит: «Христос воскрес!» У меня в ответ само собой вырвалось: «Воистину воскрес!» – а подумав, говорю: «Ты что это, ведь Пасха давно прошла?» – «Да так, – отвечает он, – вспомнил, как в детстве с отцом и матерью христосовался. А сейчас подумал, может, нас тоже Христос когда-нибудь воскресит из мертвых». – «Ты даже, братишка, не сомневайся», – говорю я ему. Трошкин сразу повеселел. «Тогда, Лугов, давай зададим фрицам напоследок жару». Прицелился он и выстрелил по переднему «тигру», тому хоть бы хны, прет на нас, не сбавляя скорости. «Сейчас, Никола, – говорит Трошкин, – я ему по гусенице дам». Выстрелил снова, и гусеница оборвалась. Танк развернуло, и он остановился, а там еще два танка прут. Трошкин передал мне противотанковое ружье: «Давай, братишка, – говорит он, – бери левый танк под прицел, а я правый, гранатой». И пополз в сторону «тигра». Когда метров пять до танка оставалось, он встал, чтобы метнуть гранату, тут-то его из танкового пулемета и подстрелили. Падая, он ко мне развернулся, а на лице его улыбка. Я, уже не таясь, кинулся к нему, схватил его гранату, сдернул чеку и швырнул что было сил в «тигра», танк загорелся. Я кричу Трошкину: «Вася, смотри, смотри, я его подбил!» А Трошкин открыл глаза и говорит мне:

«Лугов, скажи мне лучше еще раз, что Христос воскрес». – «Христос воскрес!» – сказал я и заплакал. «Что же ты, Лугов, плачешь, – говорит он, – ведь Христос действительно воскрес! Я в этом сейчас уже не сомневаюсь! До встречи там...» Сказал и умер. Закрыв я ему глаза, а сам думаю: «Что же мне еще остается, пойду и я умирать». Тот танк, что слева был, уже через окоп наш переваливает, я за ним кинулся вслед. Тут что-то рядом как шарахнуло, меня подбросило вверх, так что показалось, будто я к небу лечу. Но это так только показалось, а на самом деле, конечно, на землю упал и потерял сознание.

Очнулся я оттого, что кто-то мне в лицо тычет. Открыл глаза, а надо мной немец стоит и своим сапогом мне тычет прямо в лицо. Я еле поднялся, стою, шатаюсь. В ушах звон и голова как ватная. Немец ткнул меня в спину автоматом и повел к толпе таких же, как я, горемык. Построили нас в колонну по четыре человека и погнали по дороге. Так я и оказался в лагере для военнопленных.

Тут Николай Иванович, спохватившись, оборвал свой рассказ. «Что-то мы заговорились, Ляксей Палыч, а дело стоит, давайте я вам лучше вечером дорасскажу».

Уже поздно вечером Николай Иванович закончил кладку печки и мы сели с ним пить чай. Мне не терпелось выслушать его дальнейшую историю, а он, как будто забыв свое обещание, спокойно попивал чаек и рассуждал на тему: чего нынче молодежи не хватает? Пока я наконец сам не попросил его продолжить рассказ.

– А я думаю, может, неинтересно вам слушать: ничего особого не привелось совершить, да и мало чего могу вспомнить о том лагере. Помню, что немцы нас каждый день гоняли на какую-нибудь работу. То землю рыть, то камень в карьере долбить, то дороги мостить. Дороги немцы больше всего уважали. Делали их ровными и гладкими, как полы в хорошей избе. К вечеру, когда возвращались в лагерь, нам раздавали какую-нибудь баланду. Но мы приходили такие изголодавшиеся, что нам было все равно, что дают, лишь бы досыта. У меня котелка или чашки не было, так я ходил к раздаче со своим башмаком. Это такие деревянные колодки, которые мы носили вместо обуви. Так вот я этот свой деревянный башмак так вылизывал, что никакая аккуратная хозяйка так хорошо не вымоет. Бывали случаи, когда во время работ некоторые отчаянные головы решались на побег. Если таких ловили, то сразу прямо на наших глазах вешали. И висели они таким образом три дня, это чтобы нас утратить. Меня тоже как-то подбивали на побег, но я отказался, страшно. Да не так страшно, что тебя поймают и повесят, умирать-то все равно один раз. Страшно то, что за твою свободу другие будут расплачиваться. За каждого сбежавшего немцы пять человек расстреливали. Построят всех, отсчитают пять человек и тут же на наших глазах расстреляют. Один раз сразу четверо убежали. Построили нас и давай отсчитывать. Вижу, немец в меня пальцем целит, я только и успел подумать: «Никола-угодничек, неужели отдашь этим супостатам на погибель». Другой офицер что-то крикнул тому немцу, и он свою занесенную руку отвел. Я уже потом понял, что они успели двадцать человек отсчитать, когда ко мне фриц тот подошел. Немцы народ очень аккуратный, ни на одного больше, ни на одного меньше. Но, конечно, не их точность меня спасла, а сам Бог, по молитвам Николы-угодника, от меня ту смерть отвел. Отвести-то отвел, но и новые испытания мне уготовил. Приехало в наш лагерь какое-то высокое начальство. Нас всех построили и говорят: «Кто хочет служить великой Германии и бороться с большевизмом, выходите на три шага вперед». Некоторые стали выходить, хотя надо сказать, не так много их оказалось. Сосед, что рядом со мной стоял, мне и говорит: «А что, может, и правда пойти к ним служить? Кормить небось хорошо будут, а то коммунисты нас впроголодь держали и здесь голодуем». Я ему говорю: «Да как ты можешь думать такое? Коммунисты коммунистами, а Родина нам Богом дана, грех ее за кусок хлеба продавать». – «Ну и подыхай здесь со своей Родиной, – говорит он, – а я пойду». Наверное, он не только к немцам служить пошел, но и на меня им чего-то наговорил. Подзывает меня ихний офицер и через переводчика спрашивает: «Ты коммунист?» – «Какой я коммунист, я простой крестьянин». Смотрит на меня офицер и говорит:

«Ты нас пытаешься обмануть. У тебя не славянская внешность. Ты, наверное, еврей». – «Какой же я еврей, – удивился я, – если я крещеный православный». – «А мы сейчас это проверим», – говорит немец и приказывает спустить мне штаны. Спускаю я штаны, а сам чуть не плачу, потому как видят они, что я обрезанный.

– Как «обрезанный»? – удивленно воскликнул я, прерывая рассказ Николая Ивановича.

– Придется, Ляксе́й Палыч, и эту вам историю рассказать, а то действительно непонятно получается.

Жили мы, как я уже говорил, два села рядом, русское и татарское. Жили мирно. Татары по своим магометанским законам, а русские по христианским. В русском селе землю пахут да хлеб на ней сеют, а в татарском коней разводят да овец пасут. Только так уж вышло, что мои родители из этих двух разных сел повстречались и полюбили друг друга. Да так сильно полюбили, что жизни один без другого не представляли. Родители моего отца вроде бы и не против, чтобы он привел в дом русскую жену. Но зато материны родители ни в какую на такой брак не соглашаются. Лучше, говорят, в девках оставайся, чем басурманкой стать. Отец мой стал уговаривать мою мать сбежать от родителей к нему. Но мать сказала: «Не будет нам жизни без родительского благословения» – и отказалась сбежать. Однако папаня мой был человеком отчаянным и больно уж сильно любил мою мать. «Раз ты от своих родителей уйти не можешь, – сказал он, – тогда я от своих уйду. И веру вашу христианскую приму, потому как жизни без тебя для меня уже нет». И пошел свататься. Родители материны на это согласились и тут же повели его крестить. Батюшка окрестил его Иоанном, а фамилию после венчания ему записали материны – Лугов. Вот так я и родился Николай Ивановичем Луговым. Отец во мне души не чаял, только очень огорчался о том, что я часто хворал. Решил он, что хвори мои оттого, что я не обрезанный. Взял он меня тайно, посадил на коня и поскакал в свое татарское село прямо к мулле. Меня там обрезали, а матери он велел ничего не говорить. Но вскоре я заболел, да так сильно, что все думали, что вот-вот помру. Тут отец, видя, что обрезание не помогло, а стало только хуже, во всем признался матери. Мать стала плакать и укорять отца за то, что он погубил меня. Отец пошел в церковь посоветоваться с батюшкой, как ему быть. Священник его выслушал и сказал: «Христа тоже обрезали, и даже есть такой праздник Обрезания, но потом Христос крестился. А ты, наоборот, вначале крестил сына, а потом обрезал. Сколько лет я служу, а такого у меня еще в практике не было, потому даже не знаю, какую тебе епитимью наложить за твой поступок. Я сельский поп, не шибко грамотный. Поезжай-ка ты в город, там служит архимандрит Нектарий, он академию заканчивал, в семинарии преподавал, может, чего и посоветует». Поехал отец в город, к отцу Нектарию. Тот выслушал его и говорит: «Дьявол колебал твою веру во Христа, и ты не выдержал этого испытания. А теперь Господь, через тяжкую болезнь твоего сына, приводит тебя к истинной вере. Ибо веру христианскую ты принял ради любви земной, к твоей жене, а сейчас ты должен подумать о любви небесной, к Богу». – «Да как же мне о такой любви думать?» – спрашивает отец. «Любовь сия, – говорит старец, – достигается только через бескорыстное служение людям. Иди и с молитвой служи своим ближним. А сын твой жив будет. Но помни, дьявол, видя себя посрамленным твоей верой, будет мстить тебе через скорби твоего сына. Но святой Николай-угодник, имя которого твой сын носит, защитит его от всех напастей». Ободренный такими словами, отец вернулся в село. Я вскоре выздоровел. Отец же очень после этого изменился. Стал ходить по вдовам и сиротам и всем им помогать. Кому избу подправит, кому поле вспашет, а кому и доброе слово скажет. Иногда ведь доброе слово нужнее всяких дел. Платы за свои труды ни с кого не брал, а говорил: «Бога благодарите, а не меня, грешного». Полюбили все в нашем селе моего отца. «Даром что татарин, – говорили о нем, – а и нам, русским, есть чему от него поучиться». Отец же сам о себе говорил: «Я русский татарин, потому что православный». Вот такая была история с моим обрезанием. И вот к чему это привело меня в немецком плену.

Когда немцы увидели, что я обрезанный, спрашивают меня: «Теперь ты не будешь отрицать, что ты еврей?» – «Буду, – говорю я, – потому что я не еврей, а татарин». Тут офицер как захохочет, аж за живот схватился. Хохочет, на меня пальцем показывает и сквозь смех что-то говорит. Когда он закончил смеяться, мне переводчик говорит: «Гер офицер считает вас очень хитрым евреем. Он не верит ни одному вашему слову. Он хотел приказать вас расстрелять, но вы его очень развеселили. Вас не будут расстреливать. Вас отправят умирать вместе с вашими братьями евреями». Вот так я и попал в лагерь смерти Освенцим. В лагере мне этот номер на руке и выкололи. Жил я в еврейской зоне. Не хочу вспоминать всех ужасов этого ада. Скажу только, что дымившиеся с утра и до вечера трубы крематория напоминали нам, что все мы там скоро будем. Смерти я уже не боялся. Даже рад был бы ее приходу, если бы не эти крематории. Уж больно мне не хотелось, чтобы меня сжигали. А хотелось, чтобы похоронили по-человечески, в земле-матушке. Вот и молился денно и ночью, чтобы мне избежать крематория и сподобиться христианского погребения. Шел уже последний год войны. Как-то раз повели нас делать прививки, как нам объяснили, от какой-то заразной болезни. Выстроили всех в очередь по одному. В одну дверь все входят, там им делают укол, а в другую выходят. Немцы стоят в начале и в конце очереди. Тех, кому уже сделали прививки, сажают в машины и увозят. Так мы потихоньку и продвигаемся навстречу друг другу. На душе у меня как-то нехорошо. Зачем, думаю, эти прививки, если все равно и так умирать. Перекрестился я тайком и незаметно перешел во встречную очередь, которая выходила после прививки. Погрузили нас на машины в кузовы и куда-то повезли. Через некоторое время вижу, с заключенными что-то странное происходит. Они как черви беспомощные по кузову ползают и ничего не соображают. Жутко мне стало, понял я, что это у них от прививок. Вижу, машины направляются в сторону крематория. Тут мне все сразу понятно стало. «Господи, – взмолился я, – молитвами Твоей Пречистой Матери и святого Николая Чудотворца, спаси меня, грешного, от такой ужасной кончины». А затем давай читать «Живые помощи». Вдруг как завоют сирены. Это значит воздушная тревога. В концлагере свет погас, машины наши остановились. Налетели бомбардировщики и ну давай бомбы кидать. Тут я под шумок из кузова вывалился да покатился в канавку под куст, лежу не шелохнусь. Закончилась бомбардировка, грузовики уехали, а я остался. Оказалось, что попал на зону, где сидели в основном заключенные немцы. Работали они по большей части в обслуге лагеря, на складах, в столовых. Они меня подобрали и у себя спрятали. Месяц я у них пробыл, а тут уж и освобождение подоспело.

Так вот и сбылось пророчество отца Нектария. Скорбей было много, но от всех их избавил меня Господь, по молитвам моего небесного покровителя Николая-угодника. Все плохое, что в плену претерпел, как-то со временем забывается. А вот гибель друга моего Василия Трошкина не идет из головы. И вот почему. Парень-то он был простой, веселый. Не больно-то скажешь, что верующий. Надо мной часто подтрунивал за мою веру, хотя в то же время и уважал меня. Дружили-то мы с ним крепко. А перед смертью ведь как он всю душу поверил в Воскресение Христово. Тогда я почувствовал, что его вера сильнее моей будет. А до этого я про себя думал, что выше его, потому как верующий и Богу молюсь. Получилось же наоборот, моя молитва и вера была о земном, а он сразу, как в церкви поем: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Давеча я на проповеди слышал, как батюшка говорил, что если Христос не воскрес, то и вера наша напрасна. Как вы думаете, Ляксе́й Палыч, принял Господь моего друга Ваську Трошкина, к себе в рай, яко и разбойника во единый час?

Я, подумав немного, сказал:

– Умом не знаю, Николай Иванович, а вот сердцем верю, что принял.

– Умом-то и не надо, – вздохнул Николай Иванович, – если бы я все в концлагере умом воспринимал, то, пожалуй, и свихнулся бы. Вот и я верю да Бога прошу, чтобы Он сподобил меня когда-нибудь встретить и обнять моего друга, там...

Март 2005 года. Самара

«Нерушимая Стена»

60-летию Победы в двух величайших битвах – Сталинградской и Курской – посвящается

В День Победы, 9 Мая, настоятель и священники ушли после службы возлагать венки на холм Славы, а я задержался в храме, чтобы подготовить ноты к вечернему богослужению, и тут мое внимание привлек статный пожилой мужчина, вошедший в полупустой храм. По наградным планкам и ордену на лацкане пиджака в нем можно было безошибочно угадать ветерана Великой Отечественной войны. В одной руке он держал сумку, а в другой – букет цветов и как-то беспомощно оглядывался кругом.

Затем он подошел к свечному ящику и стал разговаривать со свечницей. Она ему показала на дальний левый угол храма, где располагался канон с панихидным столиком. Купив свечей, он пошел в указанном направлении. Проходя мимо иконы Божией Матери «Нерушимая Стена», мужчина вдруг остановился как вкопанный, устремив взгляд на икону.

Я закончил разбирать ноты и спустился с хоров, чтобы идти домой, а он все еще стоял перед иконой. Когда я проходил мимо, то увидел, что по лицу ветерана текли слезы, но он, по-видимому, их не замечал. Мне вдруг захотелось подойти к нему и что-нибудь сказать утешительное. Подойдя к иконе, я встал рядом с ним. Когда он повернулся ко мне, я приветствовал его легким поклоном:

– С праздником вас, с Днем Победы.

Я был в подряснике, и он, по-видимому, принял меня за священника:

– Спасибо, батюшка. Скажите мне, пожалуйста, что это за икона?

– Я не священник, а регент церковного хора. Это икона Божией Матери, именуемая «Нерушимая Стена».

– Теперь мне все ясно, именно она была с нами на Курской дуге, под Прохоровкой.

– Расскажите, пожалуйста, это очень интересно, – попросил я.

– Как вас зовут, молодой человек?

– Алексей Пономарев, а вас?

– А меня Николай Иванович. Я приехал в ваш город, чтобы повидаться со своим боевым товарищем. Но немного опоздал. Мне сказали, что он недавно умер и похоронен здесь, на кладбище, недалеко от храма. Вот я и зашел в церковь, чтобы свечку поставить за упокой его души.

– На этом кладбище, – заметил я, – давно уже не разрешают никого хоронить. Но совсем недавно сделали исключение, разрешили похоронить нашего церковного старосту – Скорнеева Сергея Викторовича. Он тоже был ветераном Великой Отечественной войны.

– К нему-то я и ехал, да, видать, не судьба, – печально молвил Николай Иванович. – Вы меня, Алексей, не проводите к его могиле?

– Отчего же, провожу, у меня сейчас до вечерней службы время свободное. Кстати, Сергей Викторович всегда перед этой иконой во время службы стоял и молился.

Когда мы подошли к могиле, Николай Иванович, обнажив голову, бережно положил букет цветов на могильный холмик. А потом, снова надев свою кепку, козырнул по-военному:

– Спи спокойным сном, боевой мой друг Сергей Викторович. Вечная тебе память.

Мы присели на скамейку рядом с могилой, и Николай Иванович разложил на столике, стоящем здесь же, у скамьи, нехитрую снедь: яички, пироги, хлеб и луковицу. Затем достал старую металлическую фляжку и две металлические же кружки.

– Слышал, что покойника водкой не положено поминать. Но я не поминать, а хочу с ним выпить наши сто граммов фронтовых за Победу. Сейчас все из пластмассовых одноразовых

стаканчиков пьют, а я не могу, вот специально кружки взял. Фляжка эта у меня еще с фронта осталась. Так сказать, боевая реликвия. У меня ее даже в школьный Музей боевой славы просили отдать. А что, и отдам, все равно скоро за Сергеем следом пойду.

Он разлил по кружкам и предложил выпить мне, но я отказался, сославшись на вечернюю службу. Тогда он поставил одну кружку на могильный холмик, а вторую приподняв, торжественно сказал:

– За Победу, товарищ старший лейтенант!

Выпив, присел к столику и, закусив, молча сидел, не торопясь пережевывал хлеб с луком. Затем достал пачку «Беломора» и, вынув папиросу, так же молча, в какой-то углубленной задумчивости долго разминал ее между пальцев. Наконец, прикурив, сказал:

– Вы, Алексей, просили меня рассказать, что случилось под Прохоровкой на Курской дуге. Хорошо, я расскажу то, что никому еще не рассказывал. Пусть это будет исповедью солдата. Как вы заметили, я – человек нецерковный, но Бога никогда не отрицал. А уж на фронте часто приходилось вспоминать о Нем. Атеистов на войне не бывает.

Школу я окончил перед самой войной. А уж как война началась, сразу в военкомат пошел записываться добровольцем. Меня послали на ускоренные офицерские курсы артиллеристов. А через шесть месяцев надели лейтенантские петлицы – и на фронт. Во время Сталинградской битвы я уже был командиром батареи в звании капитана. Горячие были дни: сегодня ты взводом командуешь, завтра – ротой, а послезавтра... один Бог ведает.

Наш артиллерийский полк стоял чуть выше Калачана-Дону, когда мы завершили окружение армии Паулюса, которое немцы отчаянно пытались прорвать. Наводку орудий нашей батареи нам передавали из штаба полка по телефонной связи. В самый разгар боя получаю из штаба координаты наводки прицела: «Трубка минус пятнадцать». Шарахнули из всех орудий. Через пять минут на связи сам командир полка, кроет меня трехэтажным матом: «Ты что, – говорит, – сукин сын, под трибунал захотел? Так не дождешься. Я сейчас самолично приеду и тебя шлепну».

– Что случилось, товарищ подполковник? – кричу я в трубку.

– Ты еще, сучье вымя, спрашиваешь меня, что случилось? Ты же залпом накрыл два наших взвода пехоты.

Я передал командование заму и бегом к связистам в штаб полка. В голове стучит, бегу, как пьяный. Влетаю к связистам, а там сидят две молоденькие девчонки – одна грузинка, другая русская – и лясы точат с двумя бойцами. А по инструкции во время боя в помещении связистов строго-настрого запрещено быть посторонним. Вид у меня, наверное, действительно, бешеный был. Этих двух бойцов как ветром сдуло. Девчонки ни живы ни мертвы сидят, на меня глаза вытаращили. Я спрашиваю их:

– Какую мне последнюю наводку передали?

– Трубка минус пятнадцать, – говорят они.

– Ой, – вскрикнула грузинка, – простите, ошиблись: не минус пятнадцать, а плюс пятнадцать.

– Ах вы, стервы поганые, это же на полтора километра разница. Из-за того, что вы здесь шуры-муры да амуры крутите, я наших бойцов положил.

Вскидываю свой автомат, передергиваю затвор и очередь – обеих... До сих пор вижу, как они в отчаянии свои руки выставили вперед, словно пытаюсь загородиться ими от пули. Бросил автомат рядом с ними. Вышел, сел на ящик из-под снарядов, и тут меня такое отчаянное безразличие охватило. Сажу, смотрю на все кругом, как в замедленной съемке. Схватили меня, повели на военно-полевой суд. Тогда эти дела быстро решались. Передо мной судили двух дезертиров, так им сразу лопаты выдали, чтобы могилы себе копали. Мне лопату не дали, только подошел один из тройки военно-полевого суда и сорвал с меня капитанские петлицы. Думаю: «Пусть срывает – главное, не расстрел». Короче, присудили мне штрафной батальон,

практически та же смерть, но все же в бою. Здесь, в штрафбате, я и познакомился с лейтенантом Скорнеевым Сергеем Викторовичем. Он у нас был командиром роты. Если мы, рядовые смертники, были из осужденных за разные провинности, то офицеры, нами командовавшие, не были из проштрафившихся.

В это время готовилась грандиознейшая из битв в истории человечества – битва на Курской дуге. Нашей роте поручили во что бы то ни стало удержать одну высоту в районе Прохоровки. Окопались мы на высоте и ждем фрицев. Внизу нас ждут свои же заграничные. Высота господствующее положение занимает, да еще справа от нас артиллерийский расчет расположился. Для дальнейшего наступления эта высота немцам ох как нужна. Бросили они на нас свои отборные силы.

Не помню, сколько нам атак пришлось отбить. Кто бы что ни говорил, но немцы – хорошие вояки, храбрые и дисциплинированные. Нелегко нам пришлось. Атака за атакой. И бойцов-то у нас уже почти не осталось, но мы каким-то чудом продолжаем держаться. Наконец остались от всей роты только трое: наш лейтенант Сергей Викторович да нас двое на пулеметном расчете. Первым номером – бывший подполковник, а я у него вторым номером. Этот подполковник в штрафбат по пьянке залетел. Что-то натворил в части. Сам он мне рассказывал, что бабу они с одним штабным не поделили, вот тот ему и подсуропил.

Сидим, ждем последнюю атаку. Немцы почувствовали, что у нас уже не осталось бойцов, и с новой силой в атаку поперли. Мы их подпустили поближе и дали им прикурить из пулемета. Подзалегли они, и давай по нам из пушек долбить. Мама родная, всю землю рядом перепахали снарядами, а мы, слава Богу, живы. Я во время боя оглядываюсь назад, вижу – стоит женщина с поднятыми руками. «Вот тебе на, – думаю, – что за наваждение, откуда здесь женщина, уж не мерещится ли это мне?» Опять оглянулся – стоит. Да не просто стоит, а как бы своими ладонями, повернутыми к врагу, стену невидимую воздвигла. Вроде как бы немцы на эту стену натываются и назад откатываются.

Батарея, которая от нас справа стояла, умолкла. Видно, побили весь артиллерийский расчет. Тут «тигры» пошли, справа и слева высоту обходят. С левой стороны наши «Т-34» выскочили. Что тут началось, такого я еще на фронте не видывал. Наши танки с ходу на таран «тигров» пошли. Железо на железо. Кругом танки горят, люди, как живые факелы, из них выскакивают, по земле катаются. Не поймешь уже, где наши, где немцы, все перемешались. Но их наступление на левом фланге захлебнулось.

А справа «тигры» продолжают обходить, в тыл наших позиций устремились.

Я говорю: «Товарищ лейтенант, давайте сделаем рывок к батарее, может, там пушка какая целая осталась?» Он говорит: «Ты что придумал? Нам приказ здесь насмерть стоять, еще подумают, что мы отступаем, свои нас же и прикончат». Оглянулся я, а женщина, которая стояла за нами, вправо от нас переместилась, ближе к батарее. Тут лейтенант говорит:

– Пошли, ребята, будь что будет.

Рванули мы в сторону батареи. Прибегаем туда, а там уже немцы хозяйничают. Мы с ходу на них. Вначале очередями из автоматов, а потом врукопашную добились. Момент внезапности сыграл свою роль. Хоть их в три раза больше было, но всех уложили. Тут я взял инициативу в свои руки, лейтенант-то – не артиллерист. Разворачиваем мы одну уцелевшую пушку – и сбоку по «тиграм». Те тоже растерялись, им-то ведь доложили, что артиллерия противника погашена. Три «тигра» нам удалось сразу подбить. Четвертый по нам шарахнул. Меня контузило и легко ранило в левую руку. Смотрю, у моего первого номера осколком голову срезало: жуткая, скажу я, картина. Лейтенанту Сергею Викторовичу ногу перебило. Лежит бледный, от боли землю зубами грызет. «Тигр» прямо на нас прет. Ну, все, думаю, конец. Взял противотанковую гранату и жду. Оглянулся, стоит та женщина над нами, мне легче на душе стало. Откуда-то появилась уверенность, что это еще не конец. Привстал я, метнул гранату в «тигра», под гусеницу угодил. Завертелся танк волчком. Тут и наши «тридцатьчетверки» подоспели.

Из госпиталя лейтенанта домой комиссовали, ногу пришлось отнять. А мне – реабилитация. Ведь в штрафбате – только до первой крови. Звание, конечно, не вернули, так рядовым до Берлина и дошел. А после войны решил своего лейтенанта разыскать. Да все как-то откладывал с одного года на другой. А тут, думаю, откладывать некуда, сердечко стало напоминать, что немного осталось по земле топтаться. В прошлом году нашел его адрес через ветеранские организации. Списались и решили встретиться в этом году на 9 Мая. Как видите, не дождался меня Сергей Викторович. Зашел в ваш храм, гляжу на икону, а на ней – та самая женщина, которая нас под Прохоровкой спасла. Оказывается, это Мать Божия. Я, между прочим, тогда еще об этом подумал. Ну, мне пора, пойду потихоньку на поезд. Спасибо вам огромное, молодой человек. Даст Бог, на следующий год приеду на годовщину Сергея Викторовича.

На следующий год я так и не увидел Николая Ивановича в нашем храме. Наверное, два фронтовых товарища встретились, но уже не в этом мире. Теперь каждый раз, когда я прохожу мимо иконы Божией Матери «Нерушимая Стена», останавливаюсь перед ней и молитвенно поминаю всех воинов, вставших нерушимой стеной на пути врага нашего Отечества под благодатным покровом Царицы Небесной.

Ноябрь 2003. Самара

Божий странник

В отпуск в этом году я наконец-то поехал в Питер. Неделю сидел в библиотеке духовной семинарии, отбирая и копируя ноты для нашего церковного хора. В конце недели решил съездить навестить своих друзей. Какое-то время по окончании семинарии, еще до своей женитьбы, я оставался в Петербурге и работал регентом в одном из вновь открывшихся храмов. Певчих для хора удалось набрать без труда: Петербург – город старых музыкальных традиций. Большинство моих певчих были людьми хотя и одаренными от природы, но, если так можно выразиться, свободными от всех обязанностей, кроме разве одной – просто жить, ничем себя в этой жизни не обременяя. Про себя я называл их «блаженными», не в смысле того, что они святые; грешники, конечно, и водку пьют, и с женщинами амуры себе позволяют. «Блаженные» они для меня были в том смысле, что ничего от этой жизни не требовали, а довольствовались тем, что Бог послал, и этому радовались искренне, как дети. Себя и круг наших общих знакомых мы именовали «петергофской тусовкой». Каждый из этих «тусовщиков» обладал какими-либо достоинствами, впрочем, как и недостатками. Например, Владислав Крылышкин по прозвищу Мефодий слыл искусствоведем, в чем многие сомневались. Но вот в организаторских способностях Мефодия никто не сомневался. Александр Шкловский по прозвищу Шульц был замечательный музыкант, в таланте которого никто не сомневался. Когда он после хорошей чарки начинал импровизировать игрой на флейте, все вокруг замирали в благоговейном восторге. Но самым непосредственным «тусовщиком» был Вадим Садков, по прозвищу Садик. Нигде он постоянно не работал, семьи не имел. Просто жил под небом и радовался этой жизни. Про таких скажут: «Никчемный человек, зря только небо коптит». Однако Садика все очень любили, так как он был совершенно бескорыстным, незлобивым и добродушным человеком, к тому же Бог наградил его многими талантами. Садик, например, прекрасно исполнял под гитару старинные русские романсы. И в связи с этим, а может не только, имел немало поклонниц среди прекрасной половины человечества. Он пел в церковном хоре, да так вдохновенно, что, казалось, еще немного, и он отделится от пола, и там, «на воздушках», даже не заметит свое воспарение. Кроме того, Садик слыл модным художником, картины которого были занесены в зарубежные каталоги, хотя он никогда не обучался художеству. На эту стезю художественных дарований Садика вывел следующий забавный случай.

Когда он обучался в Петербургской духовной семинарии (потом его оттуда выгнали), то вместе с семинарским хором поехал в Германию для концертных выступлений. После окончания программы им раздали по двести марок, и хор вернулся в Петербург. Садик, естественно, напился и решил остаться еще погулять в Германии. Пока он пропивал в баре свой гонорар, к нему подошел русский художник и попросил похмелиться. Садик, естественно, с радостью встретил своего соотечественника, и они напились вместе. Художник посетовал, что приехал в Германию подзаработать, но его картины не берут. «Эти немчуряги в настоящем искусстве ничего не смыслят», – жаловался он. Перед тем как распрощаться, он подарил Садику свои кисти, краски и мольберт, а сам ушел на поезд, чтобы вернуться в Россию.

Утром, когда Садик проснулся, как он сам выразился, «трубы горят, а в карманах ветер гуляет». Взял он мольберт и пошел на городскую площадь. Площадь красивая, как игрушечная, кругом дома с остроконечными крышами и соборы готические. На открытых террасах возле баров и кафе люди сидят, пиво потягивают и говорят что-то на непонятном для Садика языке. Еще он заметил, что на площади художников много: сидят, соборы да дворцы рисуют. Решил и Садик что-нибудь нарисовать. Но дворцы и соборы ему показалось сложным рисовать, кисти-то он никогда в руках не держал, потому решил рисовать людей с натуры, как они пиво пьют. Выбрал себе натуру покрупнее и давай малевать. Но поскольку его взор притягивала больше не живая натура, а кружка с холодным пивом, то вначале он стал рисовать именно

ее. В изображение кружки он вложил всю свою жаждущую похмелья душу. Кружка получилась у него огромная, на две трети листа. Так что для немца, ее держащего, места почти не осталось. Но он все равно его пририсовал. Маленького, толстенького, как таракана. Закончил Садик картину, задумался: что же ему дальше рисовать? Слышит, за спиной кто-то губами причмокивает: «Гут, зер гут».

Это немец подошел, показывает, что картина ему понравилась и он хочет ее приобрести. Обрадовался Садик, думает, если пять марок даст этот немчуряга, то как раз хватит похмелиться. Подает ему картину. Немец сует ему купюру в сто марок. Садик испугался, думает: чем я ему сдачу буду сдавать? «Найн, найн», – и показывает немцу растопыренную ладонь, мол, мне только пять марок хватит. «Энтшuldigен зи», – сказал немец, убрал сто марок, сунул другую купюру и ушел. Разворачивает ее Садик, смотрит, а это пятьсот марок. Так он и стал художником.

Вот этого самого Садика я и решил навестить в первую очередь. Доехал на электричке до остановки «Стрельна», вышел и иду по Петергофскому шоссе в сторону его дома. Тут мимо меня, громыхая и чадя, проехала «победа», раскрашенная темно-зелеными пятнами под маскировку, как у военных автомобилей. Проехала – и остановилась. Из «победы» выскакивает Садик, бежит ко мне, руки растопырил и орет:

– Алешка, друг, наконец-то приехал! Вот радость-то какая, еду, смотрю, ты идешь, я глазам своим вначале не поверил.

Обнимет он меня, потом отойдет на шаг, посмотрит и снова обнимет.

– Ну, браток, садись в мой лимузин, прокачу с ветерком. Видишь, какой он у меня красивый, сам его раскрашивал. Нравится? То-то. Так, куда едем? – спросил Садик, когда я сел в автомобиль.

– Да, собственно говоря, я в гости к вам приехал, так что мне все равно.

– Замечательно, Алеша, друг, значит, тогда гуляем по полной программе. Сейчас едем ко мне домой, пообедаем. Правда, насчет продуктов у меня шаром покати, но это поправимо. Я сейчас при деньгах, все необходимое в магазине купим. Я ведь теперь, Лешка, бизнесом занимаюсь.

– Каким бизнесом? – удивился я.

– Все расскажу, у меня секретов от друзей нет. Я умею, значит, пусть другие люди тоже умеют. Ведь все кушать хотят, и всех Бог сотворил равными.

– А рисовать картины бросил, что ли? – спросил я.

– Нет, рисую помаленьку, для души. Вот приедем домой, я тебе покажу свою последнюю работу.

Он остановил машину около магазина, пошел за покупками. Приходит через несколько минут и радостно сообщает мне:

– Ну, Лешка, живем, закусон – что надо, деликатесный. Вот посмотри.

Я заглянул в пакет, там было три бутылки водки, ананас, крабовые палочки и батон.

– Не многовато ли? – спрашиваю я.

– Что ты, брат, не сомневайся. Ананас – очень полезная штука. Как ты думаешь, почему негры такие боксеры сильные? Потому что ананасы целый день жрут.

– Да я не про ананас, я о водке говорю.

– Водки много не бывает, – засмеялся Садик, – это чтобы потом не пришлось бежать. В самый раз по бутылке на брата.

– Но ведь нас только двое, а здесь три.

– Ты что же, Лешка, нашего Шульца не знаешь? У него нюх, как у собаки. У себя в Александрии обязательно учует и придет, как пить дать придет.

– Ну, если придет, то ладно, – согласился я.

Когда мы прибыли в маленький домик Садика, то еле пролезли в комнату через завалы каких-то вещей. Стол тоже был завален разным хламом.

– Сейчас уберем, – сказал Садик и мгновенно смахнул все на пол, водрузив на стол водку и экзотическую закуску. – Вот, Лешка, полюбуйся на мое последнее произведение искусства.

Он вытащил натянутый на рамку холст, на котором был намалеван яркий клоун, почему-то без одной ноги, вместо которой торчал черный протез-костыль.

– Почему клоун на протезе? – удивился я.

– Краски на ногу не хватило, – признался Садик, одна черная осталась, вот и пришлось костыль рисовать. Но, между прочим, именно из-за этого костыля одна дама покупает у меня эту картину для своего офиса за пятьсот баксов.

– Да ну, – удивился я, присматриваясь к картине повнимательнее. Но так ничего особенного на пятьсот долларов в ней не увидел.

«Наверное, не разбираюсь в современном искусстве», – сделал я о себе печальное заключение.

– Ну, рассказывай, Садик. Каким ты бизнесом занимаешься?

– В Финляндию за шмотками гоняю каждый месяц.

– Да, по-моему, там дороже, чем в наших магазинах, во всяком случае, не дешевле.

– Правильно мыслишь, Лешка, но я ведь не покупаю, а бесплатно беру.

– Как так, – опешил я, – воруешь, что ли?

– Что ты, брат, как можно? Воровать – это грех непростительный. Финны – они же такие простодыры! Мы – дураки, а они еще дурнее. Они свои вещи хорошие выбрасывают на помойку.

Он стал трясти на себе джемпер:

– Вот – с помойки, брюки – с помойки. Все, что на мне, все с помойки. Вот эти узлы, что мы с тобой перешагивали, полные хороших шмоток, – тоже с помойки. Только, конечно, помойка не в нашем смысле. У финнов все культурно. У них стоят специальные ящики на улице, куда они выкидывают только свою одежду и обувь. Правда, в эти ящики трудно забраться, но я приспособился. Беру, значит, палочку, на конец ее прибиваю гвоздик – и в контейнер. Пошарю, пошарю там, наткнусь на солидный пакет, подцеплю его и тяну. Тут целое искусство, Лешка, как на рыбалке – может сорваться. Потому тяну осторожно, со вниманием. В Финляндию также еду не с пустыми руками. Везу с собой кое-какой дефицитный для них товар.

– Водку, наверное? – догадался я.

– Именно ее, родимую. С собой разрешено провозить только две бутылки. А больше – ни-ни. Раз попадешься, и кранты, граница для тебя навсегда закрыта. Так что я только две – на продажу и блок сигарет, у них там они намного дороже. Но ведь в Финляндии я несколько дней бываю, и самому хочется иногда выпить. Потому я и придумал маленькую хитрость, ни один таможенник не докумекает ее. С собой разрешено провозить личные средства гигиены. Я беру флакон из-под одеколона, наливаю туда спирт и добавляю немного одеколона для запаха. Затем беру флакон с анисом из рыбацкого комплекта, для прикормки рыб, выливаю анис, наливаю туда спирт и ароматизирую анисом, тоже для запаха. И спокойно все это провожу через таможню.

– А где же ты там живешь все эти дни?

– Хороший вопрос, Лешка, тебе не регентом работать, а следователем прокуратуры, все на лету схватываешь. Конечно, гостиницы там страшно дорогие, даже очень дорогие. С питанием-то легче, у них в магазинах чуть консервы просрочены, они их на помойку. Но что финну – смерть, нам, русским, на пользу. Ну и гостиницу я себе шикарную и дешевую придумал. Всего две финских марки за ночь.

– Это где такие дешевые гостиницы?

– Я, Лешка, в туалетах для инвалидов ночью. – И он рассмеялся, видя мое растерянное удивление. – Да это же, Лешка, не наши туалеты, это финские. Чистота идеальная, как в ресторане «Астория». Кафель белизной сверкает, зеркала. В зале, где умывальники, стол роскошный, носилки, раскладушки. За столом поел, на носилках выспался, и всего за две финские марки. Опустил их в щель, дверь автоматически открывается, и ты – в раю. Конечно, я выбираю туалет где-нибудь на окраине города. Ну какой инвалид ночью да еще на окраине города в туалет пойдет? Правда, один раз был казус. Прихожу я ночевать в туалет, разложил закусок, хлебнул из фляжки анисовки. Так мне, Лешка, хорошо на душе стало... Допил я свою анисовку, мне еще лучше стало. Смотрю, на стене какая-то кнопка красная. Размечтался я, думаю, нажму на эту кнопку, заиграет мелодичная тихая музыка, и придет ко мне прекрасная девушка в белом бальном платье, и будем мы с ней танцевать. Нажал кнопку, жду. Через некоторое время действительно открылась дверь, входит девушка в белом, смотрит удивленно на меня, что-то лопочет по-фински. Я говорю: «Проходите, проходите, будем танцевать». Вслед за ней заходят еще два верзилы. Оказалось, что эта кнопка срочного вызова санитарной машины. Ну и выпроводили меня, конечно, на улицу. Подождал я, пока они уедут, и пришлось еще две марки израсходовать.

Пока мы разговаривали с Садиком, пришел Шульц с флейтой.

– А я думаю, что это у меня с утра нос чешется, – кричит он с порога, – оно вот, оказывается, к чему! Приметы всегда верный прогноз дают.

– Ну, что я тебе, Алешка, говорил? – смеется Садик. – Я Шульца как облупленного знаю.

Прошло два года после моей встречи с Садиком, и вновь мне с ним довелось встретиться за сотни километров от Питера.

С одними нашими знакомыми мы в летний отпуск отправились в паломническую поездку к преподобному Серафиму Саровскому в Дивеево. По дороге остановились заночевать в Санаксарском монастыре. Выхожу за ворота монастыря и вижу: ко мне навстречу устремился какой-то человек в длинном сером плаще, в широкополой фетровой шляпе, за плечами рюкзак. Но когда он закричал: «Лешка, дружище, дай я тебя обниму», тут я сразу узнал Садика. Подбегает, обнимает меня и говорит:

– Вот, Леха, гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда сойтись могут.

– Ты что тут делаешь, Садик, какими судьбами?

– Я теперь, Лешка, Божиим странником стал, второй год по Руси Святой хожу и все никак не нарадуюсь жизни такой. И чего я раньше не додумался до этого?

Мы с ним присели на скамейку около монастыря, взяли в киоске санаксарских пряников и душистого чая, и Садик поведал мне свою историю.

– Поехали мы, Лешка, к Шульцу в Александрию, его день рождения отмечать. Сидим, выпиваем за его здоровье. Сам знаешь, у Шульца скатертей никогда на столе не бывает. А стол – то старинный, еще с царских времен остался. Дед Шульца в императорском дворце поваром служил. Много чего от его деда осталось. Шульц, конечно, по доброте своей половину раздал, а половину пропил. Но стол этот берег, как память. И уж если у него гулянка, то он обязательно этот стол газетами застилает, чтобы селедкой не перепачкали.

Ты же знаешь, Лешка, я никогда телевизор не смотрю, газет не читаю, а тут вижу, как между моей рюмкой и бутербродом с сыром на газете фотография девочки лет шести-семи. Такая красивая девчушка с двумя огромными бантами, как Мальвина из сказки «Буратино». А над фотографией крупными буквами написано: «Добрые люди, спасите девочку». От чего же, думаю, ее спасать? Ну и пока Шульц на своей флейте улаждал нас музыкой, я заметку под фотографией всю прочел. Девочка эта, оказывается, тяжело больна, и спасти ее может операция за границей, которая стоит двадцать пять тысяч долларов. Досада меня взяла, вот, думаю, какие-то несчастные двадцать пять тысяч долларов – и жизнь этой девочки. Жалко

мне девочку стало и обидно, что у меня нет двадцати пяти тысяч «зеленых», а то бы сейчас прямо отнес.

Сижу, плачу. Шульц перестал на флейте играть. «Садик, друг мой, – говорит он, – из всей нашей тусовки твоя душа тоньше всех музыку воспринимает. Потому я готов для тебя играть хоть всю ночь, если, конечно, водки хватит».

Я ему говорю: «Шульц, играешь ты бесподобно, спору нет, но плачу я совсем о другом». – «О чем же ты плачешь? – нахмурился Шульц. – По-моему, мы здесь собрались на день рождения, а не на поминки». – «Не обижайся на меня, добрый Шульц, ибо плачу я оттого, что у меня нет двадцати пяти тысяч долларов».

Тут все, даже кто сильно был пьян, удивились. А Мефодий говорит: «Уж если наш Садик плачет, что у него нет двадцати пяти тысяч долларов, то я готов рыдать о том, что у меня нет даже одной тысячи».

Встает Димка-скрипач и говорит: «Готов плакать о ста баксах на завтрашнюю опохмелку».

Я говорю: «Хорошие вы люди, но соображения у вас не более, чем у допотопных неандертальцев. Скорбь моя не о деньгах, а о ребенке, которого надо спасти», и зачитал им заметку из газеты.

Тут Таня-художница как зарыдает. Мы стали ее успокаивать: ты-то, мол, чего плачешь? Она говорит: «Я представила себе, что выйду замуж, у меня родится такая же девочка и я не смогу ее вылечить, потому что картины мои никто не покупает, кроме Мефодия, а он мне за них гроши платит».

Мефодий говорит: «Успокойся, импрессионистка лупоглазая, замуж тебя все равно никто не возьмет».

Короче, расскандалились мы все. Таня кричит: «Был бы у меня собственный дом или квартира, я бы продала их и помогла той девочке!» – «Был бы у тебя дом, я бы сам на тебе женился», – говорит Мефодий.

Из всего этого сыр-бора я запал на Танины слова насчет дома. У меня же домик в Стрельне есть, вот оно, решение простое. Взял со стола эту газету и ушел. На следующий день позвонил одному знакомому риелтору, он мне быстро состряпал сделку за тридцать тысяч «зеленых».

Когда я родителям девочки этой деньги привез, они на колени упали, плачут. Но взяли только двадцать три тысячи, остальные уже успели насобирать. На восемь тысяч баксов мы за спасение девочки всей тусовкой целый месяц гудели. Когда деньги закончились, меня хозяйка, у которых квартиру снимал, вежливо попросили освободить жилплощадь. Я думаю: «Не пропаду, буду у друзей-тусовщиков жить: у одного недельку, у второго». Все, конечно, меня хорошо, радушно принимали. Только одно дело собратиться водки попить, другое – постоянно жить. Чувствую, что в тягость всем. Тогда меня идея озарила: взять посох, котомку и пойти по Руси, обойти все монастыри, все святыни. Больше года уже хожу, но и десятой части не обошел. Везде в монастырях меня очень хорошо принимают. А как в хоре монастырском пою, тут меня и вовсе отпустить не хотят. Но я птица вольная: рюкзак за плечи, посох в руки и дальше шагаю. Иду по дорогам, песни русские или молитвы пою, хорошо. Слушай, вот идея пришла мне в голову: пойдём, Лешка, вместе странничать. На два голоса мы с тобой так умильно петь будем, что всю Россию к Богу приведем.

– Я бы с радостью, Садик, да сам понимаешь, у меня семья. Недавно дочка родилась. Ну а художеством не занимаешься сейчас?

– Нет, Лешка, понял я, что это не моя стезя. Я сейчас стихи сочиняю, вот послушай:

Брожу по отчему краю,
Иду от святыни к святыне,

Душой своей ощущаю:
Христос тоже ходит доньне.
Эта вера меня укрепляет,
Эта вера мне душу целит,
А душа моя верит и знает:
Матерь Божья Россию хранит.
Ну, как, сойдет?

– Я, Садик, в поэзии не разбираюсь, но, по-моему, просто и с душой написано.

– Вот именно, Лешка, просто, а где просто, там ангелов со сто. Я уже целую тетрадь насочинял, – он достал пухлую общую тетрадь и подал мне, – на, возьми на память, будет время, считаешь.

– А что же тебе останется, здесь ведь, наверное, все твои стихи?

– Мои стихи здесь, – ткнул он пальцем себе в левый бок, – ты бери, не смущайся, я еще себе насочиняю. Ну, я пойду, Лешка, прощай, друг. Бог даст, свидимся.

Он перекинул за плечи рюкзак, взял в руки свой посох и зашагал по дороге, напевая стихиры Пасхи.

Я долго смотрел ему вслед. Когда он скрылся за поворотом, снова присел на лавочку. Раскрыв тетрадь со стихами Садика, прочел концовку одного стихотворения:

Уходит вдаль дорога,
А даль уходит в небо
Прозрачной синевою.
А небо не уходит,
Оно всегда со мною.

Март – ноябрь 2003

Очень важный поступок

*Посвящается ученикам шестых классов школы № 10 г. Ногинска
Московской области*

Как-то раз после службы меня позвал настоятель. Я быстро собрал ноты в папки и, спустившись в храм, прошел в алтарь. Отец настоятель, благословив меня, сказал:

– Сегодня, Алексей Павлович, тебе надлежит потрудиться на ниве просвещения.

– Как это? – не понял я.

– Да очень просто, пойдешь в четвертую школу и проведешь там беседу с учениками шестых классов. Меня просила директор, но сегодня мне что-то нездоровится.

– Как же я буду с ними беседовать? – совсем растерявшись, ответил я. – Это для вас, отец Евгений, просто. А для меня проще самую сложную четырехголосную партитуру переложить на трехголосную, чем провести беседу со школьниками. Они ведь ждут вас, я даже не священник. Может быть, мне с ними урок пения провести?

– Пение у них есть кому преподавать, а вот дать понятие о вере некому. Семинарию духовную ты закончил, так что, думаю, прекрасно справишься. Расскажи им что-нибудь из Священной истории.

– А что, например? – поинтересовался я.

Настоятель на минуту задумался, а потом, широко улыбнувшись, сказал:

– Расскажи им, как Давид поразил Голиафа из пращи.

Сказав это, настоятель, уже не сдерживаясь, стал прямо-таки сотрясаться от смеха. Меня всегда удивлял его смех. Смеялся он как-то молча, но при этом весь трясся, будто в нем начала работать невидимая пружина. Теперь же, глядя на смеющегося настоятеля, я с недоумением размышлял: что же может быть смешного в убийстве, хотя бы и Голиафа. Наконец пружина внутри настоятеля стала ослабевать, и вскоре тряска совсем прекратилась. Он достал из кармана скомканный носовой платочек и стал вытирать им выступившие на глазах слезы. Видя мое недоумение, он пояснил:

– Да просто я вспомнил, как сам в первый раз попал в школу на беседу с учениками. Прихожу в класс, они смотрят на меня, оробели. Наверное, никогда настоящего священника так близко не видели. Я и сам растерялся. С чего, думаю, начинать? Ну не мастер я рассказывать, и все тут. Стал им что-то о вере говорить, уж не помню что, но только вижу – заскучали мои ученики. Даже завуч, сидевшая в классе, тоже стала позевывать, а потом, сославшись на какое-то срочное дело, ушла. Ученики же всем своим видом показывают, как им неинтересно меня слушать: кто уронил голову и дремлет, кто переговаривается. Кто-то жвачку жует, со скучающим видом глядя в окно. Некоторые даже бумажными шариками стали исподтишка пуляться друг в друга. Тогда я решил сменить тему и рассказать, как Давид Голиафа из пращи убил. Когда я стал рассказывать, один ученик спрашивает: «А что такое праща?» Я попытался описать это орудие на словах, но потом вдруг решил показать образно. Говорю одному ученику: «Ну-ка, сними свой ремень». Тут класс оживился. Некоторые стали посмеиваться. «Сейчас, Сема, тебе батюшка ремнем всыплет, чтобы двоек не получал». Всем стало весело. Я взял кусок мела покрупней, вложил его в ремень и стал им размахивать, показывая, как Давид стрелял из пращи. К несчастью, мел вылетел из моей пращи и прямо в оконное стекло, которое сразу вдребезги. Класс буквально взорвался от смеха. Завуч, привлеченная таким шумом, сразу прибежала. Вбегает она в класс – и что же видит: я стою перед разбитым стеклом, вид бледный, растерянный, а в моих руках брючный ремень. Подходит она ко мне сбоку и шепчет на ухо: «Ремнем, батюшка, непедagogично. Мы сами разберемся и накажем как следует». Я ей шепчу

в ответ: «Марья Васильевна, наказывать надо меня. Это я показывал, как Давид убил Голиафа, да немного неудачно получилось».

Вижу, после моего пояснения, завуч сама еле сдерживается от смеха. Но учителя не нам, священникам, чета, эмоции умеют скрывать. Повернула она к ученикам свое исполненное суровой решимости лицо и строго говорит: «Все, смеяться прекращаем. Давайте поблагодарим батюшку за интересную и полезную беседу». Поворачивается ко мне, при этом выражение лица меняется на прямо противоположное: «Спасибо вам, отец Евгений, приходите еще, когда сможете».

В этот же день я прислал в школу Николая Ивановича Лугова и он вставил стекло. А через две недели, совсем неожиданно для меня, весь класс пришел в церковь. Они говорят: «Пойдемте, батюшка, мы вам покажем, как научились Голиафа из пращи поражать». Действительно, привели меня на школьный стадион. Там у них из фанеры огромный Голиаф вырезан. Лицо Голиафа, разрисованное красками, имело очень свирепый вид, что в него так и хотелось бросить камень. Ребята рассказали, что вначале у них плохо получалось метание камней, но потом они так наловчились, что теперь даже соревнования между собой устраивают. Дали мне самодельную пращу: «Попробуйте, батюшка, у вас должно неплохо получиться». Я раскрутил пращу, но у меня камень полетел в обратном направлении. Ребята довольные, смеются. Сами стали камни метать, хвалиться передо мной. После, как наигрались, я им говорю: «Пойдемте ко мне в храм чай с баранками и конфетами пить». Так мы и подружились.

– Меня, отец Евгений, вы к ним сейчас посылаете?

– Нет, те ребята уже школу закончили. Это давно было, лет семь-восемь назад. Так что давай, Алексей Павлович, теперь твоя очередь в школе окна бить.

И отца Евгения вновь стала сотрясать невидимая пружина.

Послушание превыше поста и молитвы. Делать нечего, хочешь не хочешь, а идти надо. Я для солидности пришел в школу в подряснике. Но вид у меня и в подряснике не солидный. Борода не растет. Так, какие-то клочки непонятные, торчат во все стороны. Жена мне говорит: «Чего ты народ смешишь? Ты не священник и не монах, ты простой регент, и борода тебе ни к чему», и настояла, чтобы я брился. Хотя мне уже двадцать восемь лет, но без бороды и при моей худобе на вид мне больше двадцати не давали. Когда пришел в класс, то, как и ожидал, авторитета моя личность в глазах школьников не вызвала. Посматривают на меня хоть и с интересом, но скептически. Я им говорю:

– Здравствуйтесь, ребята. Сегодня мы с вами проведем занятие по библейской истории.

Тема занятий: Давид и Голиаф.

– Что-то вы на попа не похожи, – прищурившись, говорит мне мальчишка с первой парты.

– Я не священник, но я служу в церкви регентом.

– Кем-кем? – с удивлением переспрашивает парнишка.

– Регентом, – повторил я не без гордости, так как очень ценил свою должность, – я руковожу церковным хором.

– Так выходит, мы с вами петь будем? – не унимается этот вредный паренек.

– Нет, – с досадой отвечаю я, – я буду вам рассказывать про царя Давида.

– Знаем мы про Давида, – машет небрежно рукой этот парнишка, – он крутого одного завалил. Мне родители купили Библию для детей, там все написано.

– Да, – подхватил другой паренек, – клевое дело было. Прямо меж глаз ему засадил камнем, а потом голову мечом отсек, это что-то типа контрольного выстрела.

– Я тоже читал, – сказал толстый паренек с последней парты, – там вообще мокрухи много было, потом Христос пришел и сказал: «Хватит убивать, надо любить друг друга. Это Он правильно сказал, а то люди совсем оборзели, так друг друга и мочат.

– А сейчас что, не мочат? – пропищала девочка, сидевшая рядом с ним. – Вот и вы, мальчишки, только и знаете, что драться, а когда вырастаете, что будете делать?

– Молчи, Надюха, кто бы уж говорил, – обиделся сосед, – вы тоже, девчонки, деретесь почему зря.

Класс загалдел, а я растерянно стоял и слушал. Потом говорю:

– Хватит спорить, ребята. Я и так уже убедился, что вы люди грамотные. Сами тогда мне подскажите, что вам рассказать?

Ребята приумолкли, а девочка попросила:

– Расскажите нам, когда вы сами впервые с Богом повстречались?

– Ну ты, Надюха, даешь, – захохотал ее сосед, – кто же это может с Богом повстречаться.

– А вы знаете, – сказал я, – Надя, как это ни покажется вам странным, права. Каждый человек в своей жизни хоть раз, но встречается с Богом. Правда, не все эту встречу замечают. Я сам воспитывался в семье далекой от Церкви и потому о Боге никогда не задумывался. Слышал от учителей и родителей, что про Бога люди все выдумали, и мне этого было достаточно. Потому, когда произошла моя первая встреча с Богом, я этого хотя и не осознал разумом, но в моей душе эта встреча оставила глубокий след. Теперь-то я уверен, эта встреча в моем раннем детстве повлияла на всю мою дальнейшую жизнь. Я могу вам рассказать об этой встрече, если вы будете слушать.

– Конечно, будем слушать, – закричали все, и в глазах детей я прочел неподдельное любопытство.

– Произошло это со мною, когда я был еще младше вас. Я учился в третьем классе. Главной мечтой в моей жизни было заиметь собаку. Не скрою, я очень завидовал своим товарищам, у которых были собаки. Но моя мама была категорически против собаки в нашей квартире. Мои слезы и уговоры на нее действовали плохо. То есть никак не действовали. Правда, на моей стороне была родная тетка, мамина сестра. Тетя Зина не раз говорила маме:

– Ты неправильно воспитываешь ребенка. Нельзя в детях подавлять хорошие побуждения. Просит сын собаку, значит, она ему нужна. Ему нужен друг, о ком он мог бы заботиться.

– Знаю я эти заботы. Повозится день-два, а потом матери убирай, и корми, и гуляй с собакой. Как будто мне больше делать нечего!

Но вот пришел мой день рождения – и случилось чудо. Мамин начальник подарил мне маленького щенка. Я был на седьмом небе от счастья. А мама причитала:

– Какой же вы догадливый, Петр Игнатьевич, ведь именно о таком подарке мечтал мой сын. Признайтесь же, дорогой Петр Игнатьевич, что вы обладаете телепатическими способностями.

– Да никакой здесь телепатии нет, – смущенно улыбался Петр Игнатьевич, – просто ваша сестра, Зинаида Николаевна, мне подсказала.

– Ну, спасибо, сестра, – церемонно поклонилась мама тете Зине и из-за спины Петра Игнатьевича показала ей кулак.

Щенок был презабавный: толстенький, лохматый, совсем как медвежонок, и к тому же ходил, смешно переваливаясь. Я налил ему в блюдце молочка. Щенок полакал, затем обошел всю комнату и все обнюхал. Сделал на полу лужицу. Еще немного походил, затем улегся возле моей кровати на коврик и заснул. Я быстро вытер лужицу, пока не заметила мама, и лег с ним на коврик рядом. Казалось, что никто мне не нужен на всем белом свете, кроме этого пушистого, мягкого и теплого комочка. Я его поглаживал осторожно рукой, а он иногда приподнимал свою мордочку и благодарно смотрел мне в глаза. Люди так смотреть не умеют. Этот доверчивый взгляд переворачивал всю мою детскую душу. «Вот существо, – говорил я себе, – которое меня понимает лучше всех на свете. Надо придумать, как его назвать». Я лежал возле щенка, пока сам не заснул.

Проснулся я утром в своей постели оттого, что меня кто-то лизнул в нос. Открываю глаза, а это мой щенок. «Вот так бы просыпаться каждое утро», – подумал я радостно, целуя моего щенка в нос. Было воскресенье, в школу идти не надо, и я весь день мог провести со

своим новым другом. Щенок оказался очень сонливым. Он просыпался, только чтобы поесть и сделать лужицу, и снова засыпал в любом положении. За это я прозвал его Засоня. То, что он спал, меня не очень тревожило. Вот, думаю, отоспится хорошенько, и будем с ним играть. Я его носил весь день на руках, а он спал.

Когда на следующий день мне нужно было идти в школу, я вновь ощутил себя несчастным человеком. Мне ужасно не хотелось расставаться с Засоней. Я стоял над своим щенком в глубокой и печальной задумчивости. Засоня, даже не догадываясь о моих душевных муках, мирно посапывал во сне. Когда о чем-то очень глубоко задумываешься, то обязательно в голову придет какая-нибудь хорошая мысль. Такая мысль посетила и меня. Я решил взять Засоню с собою в школу. Между мыслью и делом у меня всегда было расстояние не больше одного шага. Потому я решительно шагнул к своему школьному ранцу, не менее решительно выложил из него все учебники и положил туда своего Засоню. «Зачем мне учебники? – размышлял я. – Ведь у моей соседки по парте Ленки Заковыкиной всегда учебники в полном наборе. Она даже лишнего набирает. Как только не надорвется такой портфель тяжелый таскать?»

Придя в класс, я незаметно засунул своего щенка в парту. Тот даже не проснулся. «Спи спокойно, – шепнул я ему, – у нас сегодня всего пять уроков, а два последних – физра, и мы с тобой сбежим. Ведь когда убегаешь от чего-то, это что-то вроде физкультуры. У нас на физре только и делают, что бегают. Так не все ли равно, где бегать?»

Первый урок Засоня благополучно проспал. На перемене дежурные стали выгонять всех из класса, чтобы его проветрить. Но я так уцепился за парту, что меня можно было унести только с ней из класса, и никак иначе. Дежурные Колька Семкин и Ванька Бирюков всю перемену пытались оторвать меня от парты. Сопели, кричали, но ничего у них не вышло. Когда прозвенел звонок, они сказали, что на следующую перемену позовут Саньку Пыжикова из четвертого класса, известного на всю начальную школу силача, и тогда посмотрят, как я смогу удержаться. «Ничего, – успокаивал я себя, – скоро мой Засоня вырастет, как рывкнет – ваш Санька от страха под парту залезет. А пока буду держаться, как могу».

– Ты чего это учебники не принес? – недовольно проворчала Ленка, когда наша учительница попросила раскрыть учебники и переписать упражнение.

– А тебе что, жалко? – огрызнулся я.

– Жалко у пчелки, а пчелка на елке, а елка в лесу, – при этих словах Ленка высунула язык. «Ну и противная же это девчонка, – подумал сердито я, – как бы мне поменяться с кем-нибудь местами. Кольке Семкину она нравится, вот ему и предложу. Пусть только на перемене ко мне не пристает». Но вскоре мои мысли приняли другой оборот: «Вот у меня в парте лежит живая собака, и никто в целом классе не знает, а жаль».

– Слушай, Ленка, – вдруг неожиданно прошептал я, – отгадай, кто у меня в парте лежит?

– Во-первых, не кто, а что, – назидательно поправила меня Ленка, – «кто» можно говорить только об одушевленном предмете.

– Тоже мне умница нашлась, – язвительно сказал я, – у меня как раз одушевленное и лежит.

– Лягушка! – округлив от страха глаза, чуть не вскрикнула Ленка.

– Сама ты лягушка, – засмеялся я, – у меня кто-то покрупнее.

– А кто? – уже заинтересованно спросила Ленка.

– Дед Пихто, вот кто. Сама отгадай.

– Заковыкина и Пономарев, перестаньте разговаривать, а не то я вас выведу из класса, – строго сказала Клавдия Феофановна, наша учительница.

Мы примолкли. Ленка поерзала-поерзала в нетерпении, но потом все же, не выдержав, попросила:

– Лешенька, ну пожалуйста, скажи, кто там у тебя? Я никому не скажу, честное слово.

– У меня там собака, – прошептал я.

– Врешь и не моргнешь. Ну и дурак, – обиделась Ленка.

– Не веришь? – прошептал я. – Тогда сама протяни руку и пощупай.

– И пощупаю, – сказала Ленка и полезла рукой в парту. – Что это у тебя, зимняя шапка? – сказала с ехидством она, продолжая шарить рукой. – Ой!

– Заковыкина, встать! – взвилась со своего места Клавдия Феофановна. – Что такое там случилось?

– У Пономарева собака, вот я и испугалась, – чуть не плача, сказала Ленка.

– Какая такая собака? Пономарев, встать! Что там у тебя за собака?

Я встал и молча вынул Засою из парты. Тот уже проснулся и с любопытством вертел головой, видно удивляясь, что вокруг так много детей.

– Господи! – всплеснула руками учительница. – Чего только не притащат в школу! Ты бы еще слона принес. Вынеси сейчас же собаку и возвращайся в класс. А завтра без родителей в школу не приходи.

Я, подавленный горем, вышел из класса. Пока я нес на руках своего Засою, он опять задремал. Я вынес его на школьный двор. Здесь в саду было одно потаенное место у забора школы за кучей досок. Я отнес туда своего щенка и, положив за досками, сказал: «Подожди меня, Засою, здесь, я скоро за тобой приду».

Вернувшись в класс, я еле дождался перемены и сразу опрометью бросился во двор. За мной побежали все ученики нашего класса. Даже дежурные, которые должны были проветривать помещение, и те устремились следом. Сердце мое заглохло, когда я увидел, что Засою на месте нет. Я стал искать рядом. Весь класс принял участие в поисках. Мы перерыли все доски. Тут к нам подошел Сережка Скудельников из третьего «Б» класса.

– Чего ищете? – спросил он.

– Щенка ищем. Вот Лешка Пономарев его здесь оставил.

– Бесплезно ищите, я сам видел, как Валерка-дурачок его взял и унес.

Мы переглянулись в недоумении между собой. Валерка когда-то начинал учиться вместе с нами. Был тихим, забитым мальчиком. Школьную программу освоить не мог и остался на второй год. Затем его перевели в специальную школу для умственно отсталых. Он иногда приходил в свою старую школу и сидел во дворе на досках, наблюдая за нашими играми издали. С Валеркой никто не водился, считая для себя зазорным дружить с ненормальным. Его дразнили и обзывали, но он ни на кого не обижался, и потому дразнить его было неинтересно. Однажды, когда мы играли в футбол, мяч отлетел в сторону Валерки. Кто-то из мальчишек закричал ему: «Эй, Валерка, давай сюда мячик». Валерка обрадовался, схватил мячик обеими руками и побежал к нам, но тут же споткнулся и, упав, выронил мяч. «Да ты его ногой пинай», – стали кричать ребята. Валерка поднялся и неуклюже пнул мяч, так, что он полетел в обратную сторону, еще дальше от нас. Все стали кричать на него, обзывая «придурком» и другими обидными прозвищами. Но он только улыбнулся и снова побежал за мячом. Когда Валерка поднял мяч и хотел его нести обратно к нам, к нему уже подбежал Игорь Пестряков, наш голкипер, и, грубо отняв мячик, крикнул: «Пошел отсюда, полоумок». Валерка стоял, улыбался и не уходил. Тогда Пестряков развернул его за плечи в обратную сторону и пнул ногой. Все ребята засмеялись. Валерка побежал, оглянувшись, споткнулся, упал, чем еще больше рассмешил ребят. Поднявшись с земли, он, прихрамывая, снова побежал, но уже не оглядываясь. С тех пор Валерка никогда не приходил во двор школы.

– Ну, я этому дураку покажу, – угрожающе сказал Вовка Бобылев, – куда он пошел, не видел?

– Туда, в сторону железной дороги.

Мы все ринулись к железнодорожному полотну, проходившему недалеко от школы. Когда выбежали на железнодорожную насыпь, Ленка закричала:

– Вижу, вижу, вон Валерка ненормальный идет, и щенок у него на руках.

Мы пригляделись, точно он.

– За мной! – крикнул воинственно Вовка, и все с улюлюканьем, как индейцы, побежали по шпалам.

Валерка обернулся и, увидев нас, тоже припустил вприпрыжку, смешно подбрасывая ноги.

– Он и бегаёт по-дурачки, – захохотал Вовка.

– Ничего себе по-дурачки, – говорила запыхавшаяся Ленка, – вон как бежит, не догонишь.

– Стой, – закричали все, – остановись, Валерка, а то хуже будет.

Но тот припустил ещё сильнее. Позади нас послышался протяжный гудок.

– Поезд! – закричала Ленка.

Мы все, словно горох, посыпались с дорожного полотна на крутую насыпь. Поднялись, глянули – а впереди поезда бежит наш ненормальный Валерка. Поезд гудит, а Валерка ещё пуще бежит. Завизжали тормоза поезда, тот по инерции продолжал надвигаться на Валерку. Мы в ужасе закрыли глаза. А когда открыли, то увидели, что поезд, продолжая гудеть, едет дальше.

– Ну, все, – сказал Вовка, – нет больше нашего ненормального. Перерезало его поездом вместе с собакой.

Ленка как зарыдает, а вместе с ней и мы все завыли. Промчался поезд. Смотрим, на той стороне насыпи к домам железнодорожников бежит наш Валерка со щенком на руках. Мы все как закричим:

– Ура! Ура!

И давай друг друга обнимать на радостях. Я даже на время о щенке своем забыл. Радовался, что Валерка жив остался. Но потом вспомнил о Засоне, и так мне грустно стало, что я чуть было не расплакался, да стыдно нюни перед девчонками распускать. Хотя до этого все плакали. Но одно дело все, а другое – на глазах у всех – одному. Ребята и так заметили мое состояние и стали утешать. Когда уж домой вернулся, то не выдержал и разревелся. Мама стала расспрашивать, что со мной случилось. Пришлось все рассказать без утайки. Конечно, она меня отругала за то, что взял щенка в школу, но потом ей стало жаль меня и она сказала:

– Ладно, не плачь, сынок, я завтра в школе узнаю адрес этого мальчишка, мы с тобой пойдем и заберем щенка.

На следующий день мы пошли к Валерке. Жил он в деревянном ветхом двухэтажном доме железнодорожников. Открыла нам квартиру его бабушка. Узнав, по какому мы делу, сразу разохалась и разохалась:

– Да как же так, мои миленькие, нехорошо получилось, грех-то какой. Я его вчера спрашиваю: откуда у тебя собака? А он молчит и ничего мне не говорит. Ах, батюшки, грех-то какой. Сейчас, сейчас, мои касатики, я пойду, поговорю с ним и верну вам собачку. Он ведь у меня круглый сирота, потому вы его должны простить, ради Бога.

С этими словами старушка из кухни, где мы стояли, пошла в соседнюю комнату. Оттуда хорошо было слышно, как она говорит Валерке:

– Внучек, да разве так можно поступать? Это грех брать чужое. Сказано ведь в Священном Писании: «Не пожелай ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его». А ты, горемычный мой, собаку пожелал. Так ведь и собака скот, значит, это грех. Не тобой положено, не тебе и брать. Давай, давай сюда собачку, я отдам ее мальчику, а то он расстраивается, переживает. Ведь это его собачка, не наша.

Вскоре она вышла к нам, неся на руках моего любимого Засону. Щенок, как всегда, спал. Я взял его на руки и, поблагодарив старушку, быстро пошел вслед за мамой из квартиры. Выйдя из подъезда дома, я оглянулся и увидел в окне Валерку. Он стоял и смотрел на нас широко раскрытыми глазами, а по щекам его текли крупные слезы. Но, увидев, что я смотрю на него,

он как-то нерешительно помахал мне рукой. Что-то дрогнуло в моем сердце, и я помахал ему в ответ. И тогда он вдруг улыбнулся, вытер рукавом слезы и снова замахал рукой. Я поспешил вслед за мамой.

– Мама, а что такое «круглый сирота»? – спросил я у нее, когда мы уже выходили со двора.

– Это, сынок, когда у ребенка нет ни отца, ни матери. Я еще раз оглянулся на окна Валеркиной квартиры.

Он по-прежнему махал рукой. В эту минуту он мне показался таким несчастным и одиноким, что я подумал: «А ведь это не он у меня собаку украл, а, наоборот, я у него сейчас ее краду». Пораженный этой мыслью, я остановился как вкопанный.

– Ну, ты чего встал? Пойдем, – потянула меня мама за руку.

– Подожди, мама, я сейчас быстро вернусь, – крикнул я и побежал к подъезду.

Забежав в квартиру, я столкнулся нос к носу с Валеркой, бежавшим ко мне навстречу. Он остановился, застенчиво поглядывая на меня. А потом, как бы нерешительно, тихо спросил:

– Можно мне еще разок погладить твою собачку?

– Бери, – сказал я, – щенок твой, а зовут его Засоня.

– Ты его отдаешь мне? – в удивлении переспросил Валерка.

– Да, он твой, – глубоко вздохнув, подтвердил я свои слова.

Глаза Валерки светились счастьем. Он смотрел на меня таким благодарным взглядом, что я подумал: «Люди так глядеть не могут, да и собаки, пожалуй, тоже». Валерка бережно взял из моих рук щенка. Признаюсь честно, что, когда он забирал из моих рук Засоню, я на мгновение пожалел о своем поступке. Но только на мгновение, а потом словно гора с плеч свалилась, и я ему говорю:

– Знаешь что, Валерка, приходи к нам на школьный двор играть, вместе с Засоней, я никому не позволю тебя обижать.

Валерка молча кивнул головой, затем повернулся и, так ничего и не сказав, пошел в комнату. А я с легким сердцем вышел на улицу к встревоженной маме.

– Где твоя собака? – спросила она.

– Я отдал ее Валерке, ведь у него нет родителей, а у меня есть и папа, и ты, мама, – сказал я, беря ее за руку.

Мама как-то особо внимательно поглядела на меня, а потом вдруг порывисто обняла и, поцеловав, сказала:

– Сегодня ты совершил очень важный в твоей жизни поступок, сынок, и я тобой горжусь.

Закончив такими словами свой рассказ, я обвел взглядом класс. На меня смотрели широко открытые глаза притихших детей.

– Вот именно тогда я впервые и повстречал Бога. И хотя я Его не видел и даже не думал о Нем, но запомнил, как Валеркина бабушка, крестясь на образа, в умилении шептала: «Господь с вами, детки мои».

Через два дня мы со всем классом пришли в нашу церковь, где я им рассказывал об устройстве православного храма. Из алтаря вышел настоятель, и я стал подводить детей к нему на благословение, уча, как нужно складывать для этого руки.

– Сколько же ты стекол перебил в школе? – спросил удивленный отец Евгений.

– Все стекла пока целы, – заверил я его.

– Ну и ну. О чем же ты им говорил?

– Я им про щенка рассказывал.

– Где это в Священном Писании о щенке говорится? Ну, ты, брат, даешь. Мне так, например, легче стекла в школе бить, чем про щенков рассказывать.

При этих его словах снова исправно заработала пружина.

Октябрь 2006. Самара

«Благоразумный разбойник»

У меня словно земля ушла из-под ног, когда я узнал о смерти Петра Степановича. Пронзившая меня мысль, что именно я виновник его смерти, так и осталась на душе тяжелым бременем запоздалого раскаяния. И что бы мне ни говорили и как бы ни пытались меня убедить, что смерть Петра Степановича наступила в результате прободения язвы желудка, уверенность в собственной вине у меня не проходила, а только с каждым днем более утверждалась. Осознание непоправимости поступка еще более усугубляло мои страдания. Я стал ужасно рассеян, тон задавал на хоре невпопад и путал порядок песнопений. Настоятелю в конце концов это надоело, и он отправил меня во внеочередной отпуск на две недели, посоветовав съездить в монастырь. Раздумывать я долго не стал, тут же сел в поезд и отбыл в Оптину пустынь, надеясь там найти облегчение своей изболевшейся душе.

Глубокой ночью, когда все пассажиры в моем купе спали, я, измаявшись от бессонницы, тихонько слез со своей верхней полки и вышел в тамбур вагона. За окном мелькали мохнатые темные ели, а в неподвижно-черной небесной громаде равнодушным светом искрились звезды. Я прижался разгоряченным лбом к прохладному стеклу тамбурной двери и подумал: «Уж кому-кому, а этим звездам глубоко наплевать на все мои переживания».

Петр Степанович был певцом моего хора. Из своих шестидесяти семи лет жизни, он, почитай, полвека пропел в нашем храме. Не одного регента на своем веку сменил. Ко мне, несмотря на мою молодость, относился уважительно и обращался только по имени-отчеству. Теперь таких певцов не сыщешь днем с огнем. Про Петра Степановича можно смело сказать, что он певец старинного склада, который не просто грамотно поет с листа по нотам, а поет душой, проникая в самый глубинный смысл церковного песнопения. Найти профессионального баса в нашем городке сложно, а чтобы еще церковным человеком был, вообще дело невыполнимое.

Только один недостаток портил все дело. Любил Петр Степанович приложиться к рюмочке. Был он высокого роста и богатырского сложения. С детских лет обладая изрядным здоровьем, Петр Степанович не раз в шутку говорил, что до сих пор не знает дороги в больницу. Про Петра Степановича рассказывали, что по молодости он на спор зараз выпивал в один присест четверть самогона. Махнет трехлитровую банку, словно стопку, потом берет селедку за хвост, как есть, не чищеную, вместе с потрохами, и начинает ее с головы жевать, да так до самого хвоста всю целиком зараз съедал.

Сколько бы Степанович ни выпивал, но к празднику вновь как огурчик на клиросе поет, Бога прославляет. Однако с годами частая пьянка его могучее здоровье все же подточила. Похмелье стало все более затяжным и болезненным. Теперь и на службу стал приходиться изрядно под хмельком. И тогда, как мне ни досадно было оставаться без баса, я все же выпроваживал его с клироса. В следующий раз он приходил с виноватым видом, каялся и просил прощения, и я ему снова разрешал вставать на клирос. Через непродолжительное время все повторялось.

В Неделю о блудном сыне к нам в храм должен был приехать служить архиерей. Естественно, я очень волновался, готовясь к столь ответственной службе, и умолял Петра Степановича не сорваться в эти дни, на архиерейской всенощной я готовился пропеть «Покаяние» Веделя, которое без басовой партии невозможно исполнить. Петр Степанович клятвенно заверил меня, что ни грамма в рот не возьмет, и на спевки действительно приходил трезвый. Но накануне приезда архиерея Петр Степанович опять запил. Тут уж я на него сильно обиделся и решил в наказание вообще до самой Пасхи на хор не пускать.

На Прощеное воскресенье Петр Степанович пришел хотя и помятый, но уже трезвый. Вид его выражал смиренное раскаяние. Так и подошел ко мне, опустив глаза и бормоча от стыда чуть ли не себе под нос:

– Согрешил я, окаянный. Подвел тебя, Алексей Павлович. Виноват, видит Бог, виноват. Прости меня, Христа ради.

Я, отвернувшись от него, с холодком в голосе проговорил:

– Бог вас простит, Петр Степанович, и я прощаю, но на клирос не допускаю.

Степанович вскинул на меня удивленно-вопросительный взгляд:

– Если прощаете меня, то почему же мне на клирос нельзя?

– Это я вас как человек прощаю, а как регент не могу простить, хватит уже. Сколько вас можно прощать? – вспылил я.

– Сколько? – как бы задумавшись переспросил Петр Степанович. – А сколько Сам Христос сказал: семьдесят раз по семьдесят. – И улыбнулся, довольный своей находчивостью.

Но эта улыбка возымела на меня обратное действие:

– Да как же вам не стыдно, Петр Степанович, после всего этого еще и словоблудством заниматься. Я вам не Христос, я грешный человек и ваше недостойное поведение больше терпеть не намерен. Извольте сейчас же покинуть клирос и сюда не приходите больше.

Петр Степанович весь как-то еще больше осунулся, повернулся и медленно побрел к выходу. В эту минуту мне его стало очень жаль, и я, немного поколебавшись, побежал за ним следом. Догнал его уже на выходе из храма.

– Послушайте, Петр Степанович, – начал я, – мы не должны так с вами расставаться в Прощеное воскресенье. Но и вы меня обязаны понять.

– Я понимаю, понимаю, Алексей Павлович, сам виноват. Я ведь как решил для себя: все, с Прощеного воскресенья и весь пост Великий ни грамма. Неужто я не осознаю, что гибнет не только тело мое, но и душа, вот ведь что обидней всего. Я как тот благоразумный разбойник, умом и сердцем понимаю, а сделать ничего уже не в силах. Только и могу восклицать: «Вспомни обо мне, Господи, в Царствии Своем». Я теперь твердое решение принял, с началом поста начну новую жизнь.

– Если вы так действительно решили, то я очень рад. Сказать по правде, я вас хотел до Пасхи не допускать, а теперь решил, если вы до Вербного воскресенья к вину не притронетесь, то в Лазареву субботу приходите.

– Это хорошо, что к Страстной прощаете, уж больно мне «Разбойника» пропеть хочется. Верите ли, Алексей Павлович, когда пою это песнопение перед крестом, то мне так живо представляется, что этот разбойник именно я. От этого такое умиление в сердце настает, что хочется тут же подле Креста Господня умереть. А в сердце только одно звучит: «Ныне же будешь со Мною в раю». И нет в мире более сладостных слов, чем эти.

Так, поговорив с Петром Степановичем, мы разошлись, каждый довольный собой. Я – тем, что проявил какую-никакую, а твердость. А Степанович тем, что прощен, пусть не сразу, но зато теперь есть надежда.

В течение первой недели поста я наблюдал с хоров, как Степанович говел, посещая каждодневно покаянный канон Андрея Критского. В конце недели он причастился. Приходил на службы трезвый, я радовался за него и уже подумывал допустить его на хор раньше времени, но потом все же решил выдержать испытание до конца.

На всенощную под Вербное воскресенье Петр Степанович на хоры не пришел. Я обеспокоился этим, подумав: уж не заболел ли он, о худшем думать не хотелось.

Возвращаясь после всенощной домой, я нос к носу столкнулся с Петром Степановичем, который как раз выходил из пивной. Без особого труда можно было определить его нетрезвое состояние. Увидев меня, он смутился и быстро заговорил:

– Вы только не подумайте чего плохого, Алексей Павлович, я просто немного заболел, можно сказать простудился. А какие нынче лекарства – вы знаете. А мне ведь «Рабойника» петь, надо быть при голосе, вот я и решил подлечиться нашим испытанным народным средством – водкой с перцем. А сейчас я спать иду, утром буду здоров, это уже веками проверенный способ. А вы, Алексей Павлович, как от простуды лечитесь?

Я так был выведен из себя этим поступком Петра Степановича, что от возмущения не мог ничего сказать, а только выпалил:

– Я лечусь тоже народным средством: чаем с медом, – и тотчас, развернувшись, пошел дальше.

– Так мне завтра на хор приходиться? – крикнул вслед Петр Степанович.

Этот, как мне показалось, наглый вопрос почему-то успокоил меня, и я, повернувшись к Петру Степановичу, без всякого раздражения сказал:

– А вы вспомните наш уговор, уважаемый Петр Степанович, раз вы его нарушили, то теперь этот вопрос отпадает сам собою.

– Так вы ведь, Алексей Павлович, знаете, что без пения мне не жить.

– Нет, я этого не знаю, – холодно ответил я.

– Эх, дорогой мой Алексей Павлович, вы еще не родились, а я уже на клиросе пел.

– Что же из того? Это никак не извиняет ваших поступков. Прощайте, Петр Степанович.

– Нет, погодите, у меня последняя просьба. Разрешите мне прийти вечером в четверг и пропеть «Разбойника благоразумного», быть может, это в последний раз в моей жизни.

– Никто не знает, что у него в последний раз, а что не в последний. Больше не будем об этом говорить, я своего решения менять не намерен.

При этих словах я решительно повернулся и зашагал прочь. А Петр Степанович прокричал мне вслед:

– Все в этой жизни нужно делать как будто в последний раз.

Уже поворачивая за угол, я видел, что Петр Степанович все еще стоит посреди улицы, в какой-то растерянности глядя мне вслед. Если бы я только знал, что вижу его в последний раз, то тут же бы и побежал к нему. Обнял бы его и позвал петь «Разбойника». Но я этого не сделал, потому что не думал о «последнем».

Впоследствии мне рассказывали, что, перед тем как умереть, Петр Степанович прямо в пивной пел «Благоразумного разбойника».

Поезд уносил меня в ночную тьму, а в моем воспаленном бессонницей мозгу все звучал голос Петра Степановича: «Во едином часе раеви сподобил еси Господи, и мене древом крестным просвети, и спаси мя».

Январь 2006. Самара

Штрихи к портрету архиепископа Пимена

Только что назначенный Синодом на должность ректора Саратовской духовной семинарии, я со всем рвением начал работу по ее возрождению. Дело в том, что еще никакой семинарии не было, все надо было начинать с нуля. Архиепископ Саратовский Пимен, которому и принадлежала идея о возрождении семинарии в его епархии, пригласил меня из Волгограда в Саратов, чтобы возглавить это дело, он же рекомендовал меня Святейшему патриарху на должность ректора. Дело для меня было очень интересное, и в благодарность владыке Пимену за его доверие я старался изо всех сил. Но, несмотря на это, с передачей здания под семинарию ничего не получалось. Это отдельная тема, целая эпопея, на которой владыка, я думаю, подорвал свое здоровье, – так он сильно переживал за этот вопрос. К началу учебного 1990 года нам так и не удалось открыть семинарию. Когда Святейший патриарх Алексей II прислал телеграмму, в которой поздравлял учащихся и учащихся с началом учебного года, владыка с огорчением послал Святейшему ответ, в котором говорил: «Нет, Ваше Святейшество, ни учащихся, ни учащихся. К великому нашему прискорбию, нет у нас пока даже здания под семинарию».

Конечно, владыка не собирался сдаваться и руки не опускал. Сильный это был человек. И мы продолжили работу по возрождению семинарии с удвоенной силой.

Тогда еще квартиры в Саратове я не имел, семья оставалась в Волгограде, а меня владыка пригласил жить в своем архиерейском доме. Для этого мне выделили комнату на втором этаже с отдельным входом. Но обедал я всегда вместе с архиепископом Пименом.

Владыка Пимен был необыкновенным человеком, уж сколько я архиереев за четверть века служения в Церкви ни встречал, ни с кем сравнить его не могу. В нем удивительным образом сочетался интеллигент той эпохи, когда это понятие не было опошлено советским периодом, и в то же время это был современный человек, в лучшем понимании этого слова. Это был человек добрый и необыкновенно внимательный ко всем окружающим его. Некоторые черты его характера умиляли нас и приводили буквально в восторг. Общение с ним доставляло истинное удовольствие. Кроме епархиальных и богослужебных дел, подлинный интерес он проявлял только к двум вещам: книгам и классической музыке. В остальном он был полный бесребреник. (После его смерти остались только библиотека, большую часть которой он подарил семинарии, и три тысячи редчайших грампластинок с записями классической музыки.) Ему было совершенно безразлично, во что он был одет, лишь бы это было чистым и удобным. Он совершенно не был привередлив в пище: что приготовят, то он и ел. Когда он одевался в цивильное, то независимо от времени года его голову украшал серый берет, под который он прятал длинные волосы. А так обычной его одеждой был старенький шелковый подрясник, обязательно подпоясанный широким пояском, завязанным почему-то сзади нелепым бантом из шелковых ленточек, но это все его совершенно не беспокоило. Владыка быстро мог переходить от одного настроения к другому, все это было написано на его лице. Если он чему-то радовался, то лицо его сияло, как у ребенка. С близкими людьми он мог себе позволить и обижаться, как ребенок. В общении с посторонними вел себя как истинный дипломат, светские, совершенно далекие от Церкви люди приходили просто в восторг от общения с ним и долго потом вспоминали, какой замечательный человек – владыка Пимен. А уж как он ходил, это надо было видеть. До встречи с владыкой, я считал себя самым быстрым ходяком. Но когда мне случилось ходить с владыкой по магазинам (конечно, только книжным, в других он не бывал), я, которому не было сорока, не мог поспеть за человеком, доживающим седьмой десяток лет. Мне в буквальном смысле приходилось поспевать за ним чуть ли не вприпрыжку. Когда он садился в автомобиль, чтобы ехать на какой-нибудь дальний приход, всегда брал с собою кипу свежих газет. Он их быстро просматривал и перекидывал нам на заднее сиденье со словами:

– Читайте, просвещайтесь.

Едва мы успевали развернуть одну газету и углубиться в ее изучение, как в нас с этими же словами летела вторая газета. Когда он откидывал нам последнюю газету, то включал в магнитофоне какую-нибудь кассету с классической музыкой, и тут начинался для меня экзамен.

– Отец ректор, скажите нам, пожалуйста, что это за произведение исполняется и кто его автор?

Бессменный водитель архиерея, он же старший иподиакон Иван Павлович Бабин, незаметно подсовывал мне коробку от кассеты, на которой были написаны названия произведений. Я делал вид, что задумался, потом, как бы неуверенно, говорил:

– Боюсь ошибиться, владыка, но по-моему это Чайковский, концерт для фортепиано с оркестром номер один, си бемоль мажор.

Владыка удивлялся, хвалил и спрашивал о следующем произведении. Я снова отвечал. Владыка приходил в восторг и говорил сидящим в машине:

– Вот видите, не зря я ходатайствовал за назначение отца Николая ректором семинарии.

Кроме книг и музыки, у владыки Пимена были три спортивных увлечения: он был страстный грибник, а в минуты отдыха любил играть в городки или в бильярд. Как мы ни старались, но больше, чем владыка, грибов никому набрать не удавалось.

После сбора владыка заставлял пересчитывать грибы поштучно, а потом говорил с радостью:

– В прошлом году в это время у меня был рекорд триста сорок два гриба, а в этом – триста пятьдесят восемь.

С азартом он играл и в городки, обычно в лесу, после сбора грибов. В этом он тоже был мастером, и обыграть его было трудно. А вот в бильярд хоть он играл и неплохо, но иногда мне удавалось его обыгрывать, тогда он искренне этому огорчался.

Одной из характерных черт владыки Пимена была его пунктуальность и точность. По нему можно было сверять часы. Если служба назначена на девять часов, то, будьте уверены, ровно в девять ноль-ноль его машина подкатывала к порогу храма, ни минутой раньше, ни минутой позже. Если Иван Павлович подъезжал на минуты три раньше, что бывало крайне редко, то владыка просил его сделать лишний круг, с тем чтобы подъехать минута в минуту. За все годы служения под его архиерейским омофором мне ни разу не удалось видеть владыку опаздывающим на какое-нибудь мероприятие. Если обед в двенадцать, то нельзя приходиться даже минутой позже. Поэтому я приходил минут за пять до обеда и проходил в зал, рядом со столовой. Владыка обычно сидел тоже в зале и просматривал какие-нибудь бумаги, делая пометки. Я тоже садился в кресло, брал журнал или газету и читал. Компанию нам обычно составлял архиерейский кот Мурзик. Это был пушистый серый кот, любимец владыки, жирный и наглый. Словно он понимал, что находится под особым покровительством архиерея. Ровно в двенадцать владыка вставал и приглашал меня к столу. Я шел первый, затем заходил владыка, и я читал молитву, он благословлял стол – и уж тут не зевай: другой особенностью владыки Пимена было то, что он быстро ел, ну прямо как метеор. А доев все, начинал подтрунивать:

– Вы кушайте, отец Николай, кушайте, не торопитесь, я подожду.

Я, конечно, торопился, и по озорным искоркам в глазах владыки было видно, что это его забавляет.

Однажды, Великим постом, архиепископ Пимен приболел. Ради болезни владыки приготовили рыбные котлеты. Большой продолговатый стол накрывали для нас с двух его противоположных концов. Я вхожу в столовую, как обычно, первым и вижу, как наглый, жирный архиерейский кот прыгает на стол и стягивает с тарелки владыки Пимена его рыбную котлету. У поварахи, тут же стоящей, глаза округлились от ужаса. Но к ее чести надо заметить, она не растерялась и мгновенно поменяла наши тарелки буквально за секунду до прихода архиерея. Мы помолились, владыка благословил стол, а потом с недоумением обратился к поварахе:

– Скажите, пожалуйста, а почему у меня котлета, а у отца Николая одна только гречка?

Повариха отвечает:

– Простите, владыка, но ваш Мурзик стащил котлету.

Тут владыка весь расплылся в блаженной улыбке и говорит мне:

– Вот видите, отец Николай, в доме архиерея даже кот ученый, знает до тонкости церковные каноны. Ведь я – болящий, для меня пост ослабляется, а вы – здоровый, значит, вам котлета не полагается, и он, чтобы вы не нарушали устав, у вас ее стащил. Какой ты, Мурзик, у меня умный. Надо поощрить котика свежей рыбкой, – обратился владыка уже к поварихе.

– Поощрим, владыка, обязательно поощрим.

Вокруг приезда членов императорского царственного дома Романовых было много шума и суеты. Они плыли вниз по Волге на теплоходе, заходя во все города, где их торжественно встречали.

В Саратов они прибыли в праздник Святой Троицы. Архиепископ Пимен уже отслужил Божественную литургию в кафедральном соборе, который стоит недалеко от речного вокзала. После службы он вместе с сонмом духовенства вышел на причал встречать великую княгиню и ее сына великого князя Георгия. Когда причалил теплоход и отыграл оркестр, владыка (сам потомственный дворянин) произнес приветственную речь, в которой обращался к его высочеству великому князю Георгию как к наследнику императорского престола. Затем все вместе пошли пешком к собору, чтобы там отслужить благодарственный молебен о здравии императорского дома Романовых. Владыка, беседуя по дороге с великой княгиней, шел впереди нас. За ними шел я рядом с великим князем Георгием, по другую сторону от великого князя шел настоятель кафедрального собора митрофорный протоиерей Евгений Зубович. Он обратился к великому князю с вопросом:

– А сколько тебе лет?

Тот ответил:

– Двенадцать.

Одной из особенностей архиепископа Пимена было то, что он ко всем без исключения, начиная от митрофорного протоиерея и заканчивая уборщицей, обращался только на «вы». Уж не знаю, как он услышал вопрос отца Евгения, ведь кругом была большая шумная толпа народа, тем более сам владыка в это время разговаривал с великой княгиней, но только он все равно услышал.

Мы проводили великих князей в дальнейшее путешествие, а на следующий день служили с архиереем в Духосошестввенском соборе на престольный праздник. Вот сидим мы после службы за праздничным обедом, вдруг владыка говорит:

– Как же вы смели, отец Евгений, обратиться к великому князю на «ты»? Что о нас подумают в Европе: если здесь митрофорные протоиереи такие бескультурные, то об остальных гражданах и вовсе говорить не приходится?!

Отец Евгений весь смешался.

– Да я, владыко, да я...

– Да что вы, отец Евгений? Вот представьте себе такую картину: лет через десять приедет в Саратов император России Георгий I и спросит нас: а где тот батюшка, который мне тыкал? А мы, чтобы отвести от себя гнев, скажем: «Ваше императорское величество, не извольте гневаться, вот его могила».

Тут все как грохнули смехом и долго не могли успокоиться. Владыка сам смеялся до слез. Отец Евгений вначале растерянно вертел головой, а потом и он стал смеяться, да, по-моему, громче всех.

Как я поступал в духовную семинарию

Мысль поступить в семинарию у меня возникла в армии. Служил я в стратегических ракетных войсках в Белоруссии. Куда ни глянь, за территорией военного городка только лес и болота. Поскольку я в часть прибыл из «учебки» уже в звании сержанта, то был назначен командиром отделения. А времени у ракетчиков хоть отбавляй. Для меня это была просто находка. Я зарывался в армейскую библиотеку и читал, читал, читал. Читал, в основном, русскую классику. Решил прочесть все, что не охватывала школьная программа. Больше всего меня поразили Достоевский. Его романы, особенно «Братья Карамазовы», «Бесы», стали для меня первыми учебниками богословия. Достоевский по-настоящему пробудил во мне интерес к религии. С этого началось мое богоискательство. Я жаждал как можно больше узнать о православной вере. Но где в армии, да еще в советское время, можно было узнать о религии? О жизни Христа я узнал, прочитав Гегеля. Но больше всего знаний о христианских догматах и Церкви я почерпнул, читая атеистическую литературу. Ее в армейской библиотеке было предостаточно. Заведующий библиотекой как-то мне сказал:

– Товарищ сержант, что это вы так много атеистической литературы читаете? Смотрите, как бы верующим не стали.

Он прямо как в воду глядел. «Словарь атеиста» стал для меня первым учебником христианской догматики. Открываем на букву «В» – «Вознесение», далее рассказывается, что это такое. Я аккуратно выписывал в тетрадку описание этого события и какое значение оно имеет для христиан, а всю нелепую атеистическую критику отбрасывал как ненужный сор. Таким образом я узнал практически все главные догматы Церкви. В этом же словаре я наткнулся на слово – «семинария», где пояснялось, что в переводе с греческого это означает «рассадник», что это учебное заведение Московской Патриархии, где готовят священников и преподавателей богословия. Здесь же, в словаре, говорилось, что в настоящее время на территории Советского Союза действуют три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская. Для меня это открытие было просто радостным потрясением. Я выпилил из медной пластинки нательный крестик и носил его в нагрудном кармане. Появилась потребность молиться Богу, но поскольку я не знал никаких молитв, то, уходя за ограждение из колючей проволоки в лес, молился Богу примерно так: «Господи, помоги мне, наставь меня на правильный путь», – и что-то в этом роде.

У меня появилась мечта учиться в духовной семинарии для того, чтобы потом посвятить свою жизнь борьбе с безбожием и атеизмом. Но когда я в 1975 году демобилизовался из рядов Советской армии, меня увлекла другая стезя. Дело в том, что до армии я мечтал быть моряком, а когда вернулся из армии в ноябре, то как раз был объявлен дополнительный набор в Куйбышевский речной техникум на судоводительское отделение. Мой родственник дядя Миша посоветовал поступать сразу на третий курс, и меня это соблазнило. Я успокоил себя мыслью, что, будучи штурманом или даже капитаном, смогу оставаться верующим человеком. Но, проучившись в речном техникуме три месяца, я понял, что сделал ошибку. К изучению навигации и высшей математики у меня совершенно не лежала душа, тянуло к философии, истории и богословию. Я решил бросить техникум, чтобы готовиться к поступлению в семинарию. Посоветовался со своей бабушкой, Чащиной Музой Николаевной, как быть. Моя бабушка была мудрым человеком, она мне сказала: «Не торопись, внучок, я все разужнаю» – и написала о моем желании своей двоюродной сестре, бабе Нине, которая служила псаломщицей в одной из станиц Ростовской области. Оттуда вскоре мне пришла бандероль с журналом Московской Патриархии, где были напечатаны правила поступления в духовную семинарию и все молитвы, которые надо было учить к экзаменам. Я очень обрадовался и решил ехать в Москву: там устроиться на работу, ходить в церковь и готовиться к экзаменам. Решение ехать

именно в Москву созрело вот по какой причине. Как только я вернулся из армии домой, сразу пошел в Казанскую церковь города Тольятти, чтобы исповедоваться и причаститься. По своей тщеславной наивности я посчитал, что, как только приду, священники мне уделят особое внимание, ведь не так часто молодые люди приходят в храм. Действительно, храм заполняли, в основном, пожилые женщины и несколько стариков. Исповедь проводил пожилой священник. Вначале он что-то говорил народу, призывая его покаяться в своих грехах. Потом к нему стали подходить люди, он каждому покрывал епитрахилью голову и читал над ним разрешительную молитву. Когда я подошел к нему, то хотел исповедовать грехи за всю свою жизнь, но батюшка, не выслушав меня, сразу накинул мне на голову епитрахиль и сказал: «Прощаю и разрешаю...»

Я отошел недовольный и поделился своими сомнениями с рядом стоящей женщиной. Она подошла к батюшке и попросила его исповедовать меня. Тот махнул рукой, мол, чего ему надо, я уже исповедовал его. Но женщина оказалась настырной, и меня подпустили второй раз. В этот раз батюшка выслушал мою исповедь полностью. После причастия я вышел из храма радостный, но в душе оставалось какое-то неудовлетворение. «Наверное, в тольяттинской церкви все священники такие невнимательные, – подумал я, – ничем они мне не помогут». Вот почему у меня появилось желание перебраться в Москву.

Когда мама узнала о моем решении бросить техникум и ехать в Москву, то так огорчилась, что даже всплакнула. Я спросил ее, почему она так расстраивается и почему против моего поступления в семинарию. Она ответила: «Да разве я, Коленька, против твоего поступления в семинарию? Только хочу, чтобы ты вначале светское образование получил, а уж потом поступай куда хочешь». Я стал разьяснять, что не хочу терять драгоценное время и обманывать государство, учась за его счет, если собираюсь идти служить в Церковь. А мама говорит: «Я боюсь, сынок, что ты пойдешь по этому пути, обязательно встретишься с какой-нибудь несправедливостью, разочаруешься и уйдешь из Церкви, а профессии у тебя никакой нет». Я отвечал, что прекрасно понимаю, что люди несовершенные, в том числе и я. Потому иду в Церковь, чтобы самому лучше стать и другим по возможности помочь, и ни в чем разочаровываться не собираюсь. За меня вступилась бабушка: «Отпусти ты его, дочка, не пропадет парень. Может, это его дорога».

В апреле 1976 года я выехал в Москву, завербовавшись на строительство олимпийского комплекса по своей специальности – отделочника. В кармане у меня было тридцать рублей, а в голове кружились самые радужные надежды.

Москва встретила нас, лимитчиков, не очень гостеприимно. Поселили в общежитии, временно, в комнате для приезжих. Забрали паспорта, пообещав вскоре все устроить. Устройство наше затянулось. В комнате для приезжих – сквозняки. Короче, я простыл и разболелся окончательно. Как помню, проснулся в субботу утром, голову от подушки еле поднял. Озноб бьет, температура тридцать девять. Один в огромном многомиллионном городе. Ни родных, ни знакомых. К тому же всего пятнадцать рублей осталось на жизнь. Тоска на меня напала. Потом говорю себе: «Стоп, что это я раскисаю. Я же не один, со мной Бог, Который меня сюда привел». Вспомнил, как в атеистической литературе насмехались над верующими за то, что они верят в возможность исцеления от мощей святых угодников. Значит, думаю, действительно исцеляются, раз так безбожники злопыхают. Где же, думаю, мне мощи святые найти? Вспомнил тут про преподобного Сергия Радонежского, о котором читал в историческом романе Бородинского «Дмитрий Донской». Решил ехать в Загорск, в Троице-Сергиеву лавру, исцеляться от мощей праведника. Узнал, как добраться до Загорска и, несмотря на свое болезненное состояние, тронулся в путь. Когда приехал на станцию в Загорск, думаю, надо спросить кого-нибудь, как пройти в лавру. Но тут одолела меня юношеская стыдливость, мне казалось, что если я буду спрашивать про монастырь, то надо мной будут смеяться: «Такой молодой, и в Бога верит». Пошел сам наугад, вышел к лавре, обрадовался. Зашел в лавру и озадачился: где же здесь гробница с мощами преподобного Сергия Радонежского? Опять стесняюсь подойти спросить.

Решил сам искать. Зашел в один большой храм, а там люди подходят к монахам, крест целуют, подошел и я. После того как приложился ко кресту, мне стало намного легче. Пошел дальше на поиски. Зашел в небольшую беленькую церковь, мне внутренний голос говорит: «Здесь лежат мощи преподобного Сергия Радонежского». Покупаю большую свечку и прохожу дальше в полумрак собора. Вижу, стоит гробница под серебряным балдахином, а рядом монах что-то читает. А люди все по очереди подходят к гробнице, крестятся, кланяются и прикладываются. Сначала я постоял, присматриваясь, как они это делают, а потом и сам пошел. Встал на колени перед ракой преподобного да забыл, для чего сюда пришел. Стал просить преподобного не об исцелении, а о том, чтобы он меня принял в число учащихся семинарии. Приложившись к святой раке, пошел к выходу. Когда я проходил через двери храма, с меня как будто мокрая тяжкая шуба свалилась. Стало так легко, радостно. Болезнь мгновенно куда-то исчезла. Я забыл даже поблагодарить преподобного за исцеление, а почему-то опрометью бросился из лавры и поехал в Москву.

С понедельника все дела мои пошли гладко, как по маслу. Нас поселили в общежитие, при этом мне досталась отдельная комната, выдали деньги и определили трудиться в бригаду плиточников.

Теперь для меня настала другая проблема: как выбрать храм, куда я буду постоянно ходить и где должен буду получить рекомендацию для поступления в семинарию. Нужно заметить, что даже в советское время в Москве было более сорока действующих церквей. Я стал присматриваться к храмам. Примечу какой-нибудь храм, вроде недалеко от станции метро, но почему-то не могу переступить его порог. Мне все кажется, что старухи меня неприветливо встретят: не туда встал, не то делаешь. В общем, ощущение, что это не мой храм. Так я перебрал несколько храмов, но ни на одном не остановился. Тогда я стал молиться Богу: «Господи, укажи мне мой храм».

Ехал я как-то раз с работы в троллейбусе и, заснув, проспал свою остановку. Выскочил на следующей, а передо мной – маленький уютный храм. Звонят колокола, призывая к службе, и народ идет. Пошел и я вместе с ними. Как зашел, так и понял: вот он, мой храм.

Так стал я прихожанином храма Иоанна Предтечи, где настоятелем был протоиерей Николай Ведерников.

Мне повезло, отец Николай был прекрасным проповедником. Многие из его проповедей запомнились мне на всю жизнь. В этом же храме я познакомился с замечательной интеллигентной семьей Волгиных, так много давших моему духовному развитию. Анатолий Волгин, замечательный иконописец, трудился в этом храме чтецом, а его очаровательная умная жена Нина Александровна Волгина – искусствовед, также принимала активное участие в церковной жизни столицы. Это было главное мое везение, ради которого, я думаю, Господь благословил мне этот храм. Первой в храме на меня обратила внимание баба Валя. Она стала приглашать меня к себе домой и обучать читать по-церковнославянски, завершил мое обучение Анатолий Волгин (ныне протоиерей). Это были прекрасные, незабываемые времена, которые Господь дарует всем вновь приходящим к Нему. Когда в Москву приехала мама, я чувствовал себя уже очень уверенно в церковной среде и готовился поступать в семинарию на следующий, 1977 год. Но Господь промыслительным образом, через приезд матери, изменил мои планы. Я провел маму по самым замечательным местам Москвы и повез ее в Троице-Сергиеву лавру. Приложившись к преподобному, я стал ждать около выхода маму.

Придя от святой раки, она сказала:

– Коля, я подумала, почему бы тебе не поступать в этом году в семинарию?

Я засмеялся:

– Что ты, мама? То была против, а сейчас говоришь – поступать, да еще в этом году. Я ведь молитву «Отче наш» впервые узнал в этом году, куда уж мне. Дай Бог хотя бы к следующему году быть готовым.

– Ты знаешь, – задумчиво сказала мама, – когда я стояла около святых мощей преподобного Сергия, мне кто-то сказал, чтобы ты поступал в этом году. Вот тебе мое материнское благословение – поступи именно в этом году.

– Хорошо, мама, раз так благословляешь, значит, буду поступать, – согласился я.

Мама улетела, а я, сдав в канцелярию семинарии документы, стал усиленно готовиться к вступительным экзаменам.

Когда я подошел к отцу Николаю за рекомендацией для поступления в семинарию, то, уйдя в алтарь, он через несколько минут вынес мне листок бумаги, на котором было написано: «Агафонов Н. В. регулярно в течение года посещал богослужения в праздничные и воскресные дни. Протоиерей Н. Ведерников».

Я думаю: ну и рекомендация! А когда приехал на экзамены в семинарию, совсем пал духом. Столько абитуриентов со всего Советского Союза понаехало! Все ребята подготовленные, не первый год в церкви прислуживают. Иподиаконы архиереев ходят особняком, такие важные. «Господи, куда же я попал, простой рабочий паренек?» А потом подумал: «Что это я заранее расстраиваюсь, не поступлю в этом году, на следующий год буду поступать. Не поступлю в следующем году, снова буду пытаться». От этого решения мне сразу стало легко и весело на душе. Хожу каждый день к преподобному Сергию и молюсь. На собеседовании с ректором, архиепископом Владимиром (Сабоданом, ныне митрополит Киевский), когда он меня спросил, что я люблю читать, то я назвал своим любимым писателем Достоевского. Это очень понравилось владыке ректору, и он со мной еще минут десять разговаривал о Достоевском.

Ребята спрашивают:

– Что это ты так долго у ректора делал?

Я говорю:

– Обсуждали богословские аспекты в произведениях Достоевского.

Они смеются:

– Ну ты, Агафонов, заливать мастер!

После сдачи экзаменов сидим в семинарской столовой, а у самих от волнения аппетит пропал, знаем, что после обеда списки поступивших вывешат. Мне ребята два пальца показывают.

Я думаю, что это может значить? Неужто двойку получил? Вроде бы не должно, все же экзамены сдал неплохо.

Бежим наверх списки смотреть. Прочитал весь список, но своей фамилии не нашел. Потом другой список просмотрел, где кандидатов отмечают, которых могут в течение года вызвать на место отчисленных семинаристов, и там меня нет. Отошел огорченный. Мне друзья кричат: «Агафонов, ну куда ты смотришь? Вот твоя фамилия. Тебя сразу во второй класс зачислили».

Точно, подхожу и вижу небольшой списочек зачисленных во второй класс. Моя фамилия – там.

Дивны дела Твоя, Господи.

Историческое событие

Наступил 1988 год, тысячелетний юбилей Крещения Руси. В воздухе носилось чувство перемены в отношении к Церкви в нашем безбожном государстве. Во всяком случае, пресса стала активно муссировать тему: отмечать или не отмечать эту дату? Большинство выступлений было за то, чтобы не отмечать: мол, это дело церковников, а государству до таких событий, как Крещение Руси, по барабану.

Вдруг, как гром с ясного неба для наших властей, международная организация ЮНЕСКО принимает решение праздновать Крещение Руси как событие всемирного значения в ста странах мира. Тут сразу в Кремле зачесались, и чаша весов стала склоняться в пользу участия государства в праздновании юбилея.

То ли в феврале месяце, то ли в другое время – сейчас точно не помню – выхожу я под вечер из регистратуры Казанского собора во двор, подходят ко мне трое молодых людей и спрашивают: где можно увидеть отца настоятеля? В это время вышел настоятель протоиерей Алексей Машенцев, и я его подвел к ним.

– Какие проблемы, молодые люди? – спрашивает он.

– Мы хотим пригласить вас в научно-исследовательский институт сельского хозяйства, – отвечают они, – чтобы вы выступили в нашем молодежно-дискуссионном клубе.

А надо оговориться, что публичное выступление священника вне стен храма было запрещено законом. За это можно было лишиться регистрации уполномоченного, тогда уж ни в какой епархии Советского Союза не устроишься. Отец Алексей это прекрасно знал, поэтому он, дипломатично сославшись на нехватку времени, отказал молодым людям. Те отошли явно огорченные. Не меньше их расстроился и я – такая возможность, о которой мы и мечтать не могли. И я решился – была не была. Дождавшись, когда отойдет отец Алексей, я догнал молодых людей и говорю:

– Я тоже священник и могу у вас выступить.

Они обрадовались, обступили меня. Я спрашиваю:

– На какую тему я должен выступать?

– На тему тысячелетия Крещения Руси, – отвечают они.

Я еще им один вопрос задал, который меня все же волновал:

– С руководством вашего института этот вопрос согласован?

Они беспечно махнули рукой:

– А зачем? Сейчас гласность и перестройка.

– Хорошо, – говорю я, – это ваши проблемы, имейте только в виду, что со своим начальством я этот вопрос буду согласовывать.

– Согласовывайте с кем хотите, – отвечают они. На этом мы и разошлись, предварительно договорившись о времени моего прихода.

Я действительно решил подстраховаться и пошел в областную администрацию к уполномоченному по делам религии за разрешением. Надо отдать должное, что на уполномоченных Волгограду везло. Волгоградская область была, наверное, единственной, где строились сразу три храма: в селе Ахтуба, в городе Фролово и в городе Михайловка. Естественно, такого просто не могло быть без участия уполномоченных. Так, например, в Саратовской области, где была основная кафедра архиепископа, не могли добиться строительства хотя бы одного храма, потому что уполномоченный там был, по выражению многих, «сущий зверь». Если он увидит в городе идущего ему навстречу священника, то непременно перейдет на другую сторону улицы, лишь бы не здороваться: так он ненавидел священников. В Волгограде в то время был уполномоченным Бунеев Юрий Федорович, бывший моряк-подводник. Несмотря на то что он был недавно назначен на эту должность, он уже успел завоевать у духовенства глубокое уважение.

В нем не было никакого чванства и зазнайства. В общении он был прост, искренен и доступен, любил пошутить, прекрасно пел и был человеком начитанным. Мы с ним сразу сошлись на почве любви к книгам. Он мне помог купить тогда страшно дефицитную двухтомную энциклопедию «Мифы народов мира». Юрия Федоровича я повстречал в коридоре администрации, он куда-то спешил, и я на ходу стал объяснять ему ситуацию. Не знаю, насколько он вошел в ее суть, только он махнул рукой: иди, мол, если зовут.

Я тщательно подготовился к выступлению и в назначенное время пришел к институту. У входа меня встретил комсорг института, какой-то весь растерянный.

Поздоровались, он говорит:

– Ой, батюшка, что тут было! Как узнали о вашем намечающемся выступлении, все начальство на ухах который день стоит. Звонят постоянно то из КГБ, то из райкома, то из горкома партии с одним вопросом: кто вам позволил живого священника пригласить в государственное учреждение?

Тут я не удержался и вставил реплику, перефразировав известную американскую поговорку насчет индейцев: мол, хороший священник – мертвый священник. Комсорг говорит:

– Вы шутите, а мне не до шуток, уже выговор влепили, думаю, этим не отделаюсь. Но отменять уже поздно, объявления висят, все в институте знают, в актовом зале народу собралось – не протолкнуться, а вас начальство просит предварительно к ним в кабинет зайти.

Поднимаемся мы на лифте, заходим в просторный кабинет, вижу: ходят по кабинету дядечки солидные, жужжат, как потревоженные шмели, а как меня увидели – жужжать перестали, стали подходить здороваться. Комсорг их всех по очереди представляет: это наш директор, это его зам, это парторг института, это профком. Я им руки жму, а сам уж запутался: кто есть кто. Вдруг все расступаются, выплывает дядечка приятной наружности при галстукке, и мне торжественно представляют его:

– А это наш главный религиовед области: Николай Николаевич (фамилию уже, к сожалению, не помню).

Жмет он мне руку: здрасте, мол, тезка ваш и почти что коллега. Директор всех пригласил присесть к столу, и парторг открыл совещание: как, мол, будем проводить встречу, ведь дело необычное, не каждый день священник в институт приходит, какой у нас будет регламент этой встречи? Тут все сразу зажужжали: да, вот именно, какой регламент? Каждый из сидящих произнес этот вопрос, не давая при этом на него ответа. Один я сидел и молчал, и тут все вопросительно посмотрели на меня.

– Какой регламент нужен – я не знаю, мне все равно, дадите выступить – я выступлю.

Тут инициативу в свои руки взял парторг. Он встал и решительно сказал:

– Значит, так, товарищи, вначале выступит Николай Николаевич, затем батюшка, и его выступление снова замкнет Николай Николаевич, – при этом он наглядно продемонстрировал, как это будет, сомкнув с хрустом пальцы обеих рук в замок.

Я представил себя между двумя клешнями огромного краба, который смыкает их на мне, так что мои кости с хрустом ломаются, и содрогнулся. Но, посмотрев на добродушно улыбающегося Николая Николаевича, которому отводилась роль этого ужасного краба, я сразу успокоился. Всем решение парторга пришлось по душе, они вторили ему, как эхо: да, да, батюшка, а замкнет его Николай Николаевич.

Когда мы спустились в актовый зал, там действительно яблоку упасть некуда было, все места были заполнены и люди толпились в проходах и в дверях. Корреспондент «Волгоградской правды» приотился с блокнотиком на подоконнике. Мы с начальством сели за стол президиума на сцене, и комсорг, открыв встречу, предоставил слово Николаю Николаевичу. Тот встал и давай ругать молодежь, которая проявляет полное равнодушие к истории Отечества.

– Вы только подумайте, – негодовал он, – дата шестисотлетия героической обороны города Козельска прошла незамеченной, трехсотлетие со дня рождения Петра I – великого преобразователя России – тоже прошла без должного внимания.

В конце своей речи он неожиданно вынул из своего портфеля настольный церковный календарь за 1988 год (надо заметить, что в то время это был страшный дефицит: нам, священникам, давали только по одному экземпляру). Потрясая этим календарем, он грозно спросил зал:

– А кто мне скажет, что празднует Церковь 1 января по новому стилю?

«Господи, – подумал я, – что же там может быть 1 января по новому стилю? Если бы по-старому – там все ясно: праздник Обрезания Господня и память святого Василия Великого. Хоть бы меня не спросил, вот опозорюсь».

Из зала раздались голоса:

– Новый год.

– Нет, не Новый год, по церковному календарю новолетие – 1 сентября. – Он торжествующим взглядом обвел притихший зал и провозгласил: – 1 января Церковь празднует память Ильи Муромца – того, кто, согласно русским былинам, Змею Горынычу головы рубил.

После этих слов он сел, посмотрел на меня: мол, знай наших, – и, нагнувшись, спросил:

– Можно, отец Николай, я ваше выступление на магнитофон буду записывать, мне это для областного радио надо.

Я в знак согласия кивнул головой. Действительно, 1 января празднуется память преподобного Ильи Муромца, монаха Киево-Печерской лавры, который был, по всей вероятности, из города Мурома и мог быть воином княжеской дружины, защитником земли Русской, но при чем здесь Змей Горыныч, я так и не понял, но спрашивать не стал.

Я выступал около часа, обозначив главные исторические вехи Русской Православной Церкви и их значение в жизни нашего Отечества. Начал я издали, с крещения великой княгини Ольги и закончил современным состоянием Церкви. Внимание к моему рассказу было предельное – в буквальном смысле пролетевшую муху было бы слышно. Закончив выступление, я сел и с любопытством стал ожидать, как будет меня замыкать в клещи Николай Николаевич, уж если одной клешней был Змей Горыныч, то другой должна быть по логике Баба-Яга. Но Николай Николаевич не стал вводить персонажей русских сказок, а сказал просто, что я, мол, изложил все хорошо, но у них несколько другой взгляд на историю Крещения Руси. Русь познакомилась с христианством еще задолго до крещения при князе Владимире, и мы с Византией еще долго присматривались друг к другу (в этом я с ним согласен), но в чем этот иной взгляд состоит, он так и не объяснил, закончив на этом свое выступление.

После наших выступлений было предложено задавать нам вопросы. Вопросов из зала посыпалось много, но все они были обращены исключительно ко мне, так что мне стало даже неудобно перед главным религиоведом, и если попадался вопрос, который мог входить, по моему мнению, в его компетенцию, я с радостью переадресовывал ему.

Наконец Николай Николаевич сам решил задать мне вопрос.

– А как вы, батюшка, относитесь к борьбе с пьянством, которую бескомпромиссно и последовательно ведет наша партия?

Я высказался положительно за борьбу с пьянством, сославшись на Священное Писание, которое говорит: «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд», но в то же время выразил сомнение по поводу методов этой борьбы, опять же сославшись на авторитет Священного Писания, где говорится: «Доброе вино веселит сердце человека», тем более что Сам Христос совершил Свое первое чудо, превратив воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской, а не наоборот.

– А сейчас что получается, – продолжаю я, – хочу купить себе бутылочку коньяка, чтобы разговеться на Пасху, но не могу стоять по полдня в очереди. Великим постом не в очереди нужно стоять, а в храме на молитве.

Тут весь зал зааплодировал. Видя такой крен на идеологическом фронте, буквально взвился со своего места парторг:

– А вы верите в коммунизм?

«Вот тебе и на, как говорится, приплыли, – думаю я. – Если сказать прямо, что не верю, то поминай как звали, пришью антисоветскую агитацию и пропаганду, УК РСФСР, ст. 70, до трех лет лишения свободы». Решил ответить обтекаемо-уклончиво: мол, я могу допустить, что в будущем будет общество, которое добьется таких результатов в сельском хозяйстве и промышленности, что будет изобилие плодов земных, так что каждому – по потребностям и, естественно, от каждого по способностям. Но вот то, что когда-нибудь будет общество, в котором нет Церкви, я допустить даже в мыслях не могу.

– Вы противоречите сами себе! – вскричал парторг. Я не стал вступать с ним в дискуссию, и на этом встреча наша закончилась.

На следующий день позвонил в собор Юрий Федорович и попросил меня зайти к нему. Я пришел, а он смеется:

– Ты что натворил, отец Николай, весь институт разложил своей агитацией, теперь люди требуют, чтобы им Библию дали почитать. Мне тут покою звонки не дают, наверху возмущаются, требуют разобраться, почему попы по государственным учреждениям расхаживают, как у себя в церкви. Но я им сказал, что дал тебе разрешение, так сказать, принял удар на себя.

– Спасибо вам, Юрий Федорович, что заступились, ведь вы могли и отказаться, говорили-то мы с вами в неофициальной обстановке.

– Что же ты думаешь, у одних священников совесть есть? У нас, моряков, честь превыше всего. Скажу тебе по секрету: в Москве готовится встреча руководства страны с руководством Церкви, так что скоро такие выступления священников будут не редкость. Но твое первое, поэтому давай выпьем за это историческое событие. – И он достал из стола бутылочку коньяка.

Действительно, вскоре произошло поистине историческое событие: за «круглым столом» в Кремле Михаил Сергеевич Горбачев встретился с Его Святейшеством, Патриархом Московским и всея Руси Пименом, и отношения государства и Церкви круто изменились.

Но самое интересное, что через два года эта история получила очень необычное завершение. Отучившись два года в Ленинградской духовной академии, я перешел на экстернат и вернулся по просьбе владыки Пимена служить в нашу епархию, так как планировалось открытие в Саратове духовной семинарии и владыка намеревался поручить мне это дело. Я стал снова служить в Казанском соборе. Как-то раз, когда был мой черед совершать Таинство крещения, наша горластая регистраторша Нина кричит:

– Отец Николай, идите крестить, вас дожидается мужчина.

Вхожу я в крестильню и глазам своим не верю: стоит главный религиовед области Николай Николаевич, держит в руках квитанцию на крещение, свечи и крестик. Я обрадовался ему, как старому знакомому. Он мне говорит:

– Я, отец Николай, подготовился как положено, выучил «Отче наш» и Символ веры наизусть.

Вот такие невероятные истории случаются в обыкновенной жизни.

Чудо в степи

Один, второй, третий толчок, наш «жигуленок» буквально сотрясало от неожиданных порывов ветра. Мы ехали по степной дороге от города Камышина в Саратов. Ветер дул со стороны Волги в правый бок автомобиля. Казалось, что как будто огромные ладони какого-то невидимого великана мягко, но сильно толкают нас в бок, забавляясь автомобилем, как игрушкой. За рулем сидел хозяин машины Сергей Булхов. Находясь с ним рядом, я чувствовал себя спокойно, так как знал: машина в надежных руках опытного профессионала. Сергей работал водителем такси в Волгограде. Старую двадцать четвертую «Волгу» с шашечками, на которой он трудился, можно было нередко видеть возле Казанского собора, куда он приезжал на службу. Там мы с ним и познакомились.

Часто беседуя на богословские темы, я наблюдал, как он возматурал духовно от силы в силу, и радовался за него. Парень он был на редкость сообразительный и умный. Правда, чувствовалось влияние на него индийской теософии с ее йогой, которой, по-видимому, он увлекался до прихода в Церковь, но через это прошли многие неопиты. Я дал ему книгу по исихазму и умной Иисусовой молитве: она стала его настольной книгой. Решил свозить его в Саратов, чтобы представить архиепископу Пимену как возможного кандидата к рукоположению во священника. В Саратов поехали на машине. Если бы мы знали, что с нами может приключиться, то непременно бы сели на поезд. Теперь вот мчимся по заснеженным степям Поволжья, и чувство беспокойства невольно охватывает наши души.

До Камышина мы добрались благополучно, надеясь, что и дальнейший путь у нас протечет так же гладко. Но в этом мы жестоко ошиблись. Вслед за порывами ветра посыпал снег. Сергей обеспокоенно произнес:

– Как бы нам, отец Николай, не пришлось в степи ночевать. Может, повернем назад?

– Обидно, – говорю я, – больше половины дороги проехали. Может, распогодится и, даст Бог, доедем.

Сумерки спустились быстро. Дорога то ныряла вниз затаженным спуском, то поднималась вверх. Когда мы поднялись на очередной холм, перед нами открылась картина: множество огней вдали вереницей уходили за горизонт. Подъехав поближе, увидели, что это были большегрузные «КамАЗы» с прицепами. Мы вышли из машины, спросили: почему все стоят? Водитель крайнего грузовика, матерясь через каждое слово, объяснил нам, что дальше дороги нет, все занесено и они будут ждать до завтра прибытия тракторов.

Про нас он вообще сказал, что мы ненормальные, что, когда вернемся домой, нам надо сходить к психиатру провериться. Мы повернули и поехали назад, в Камышин. Снег все усиливался. Ветер лепил в нас такие хлопья, что стеклоочистители едва справлялись. Видимость ухудшилась до того, что ехали почти что на ощупь. В некоторых местах дорога была перенесена снежными заносами. Эти заносы все чаще стали встречаться нам на пути, и Сергей их таранил, пробивая на скорости. После одного из таких таранов автомобиль развернуло поперек дороги, так что носом он уперся в один сугроб, а сзади его подпер другой сугроб.

– Все, отец Николай, кажется, мы с вами, как говорится, приплыли: ни взад ни вперед, – сказал обреченно Сергей.

Мы вышли из машины. Сильный порыв ветра сорвал с меня меховую шапку и, зловеще свистя, унес ее в снежные дали. На Сергее была лыжная шерстяная шапочка, которую он натянул до самых глаз. Я залез в машину, вытащил из портфеля скуфью и водрузил ее поглубже на свою голову. Рассчитывая от дома до епархиального управления ехать в теплых «Жигулях», я не удосужился надеть зимние ботинки, вырядившись в демисезонные туфли.

– Через два часа нашу машину занесет снегом полностью, если мы не выберемся куда-нибудь на пригорок, где продуваемое открытое пространство и снегу не за что задерживаться.

Уходить куда-то в степь, искать селение – тоже верная смерть, – подытожил Сергей, скептически глянув на мои ботиночки.

Мы стали ногами отгрести снег от машины и рывком, поднимая задок, старались закинуть его влево. Несмотря на невероятные усилия, за один раз нам удавалось продвинуть машину на один-два сантиметра. Окончательно выдохнувшись и задубев, мы садились в машину, включали двигатель и отогревались. Затем вновь продолжали свою работу. Ценой огромных усилий нам удалось развернуть машину так, что можно было ехать вперед. Проехав немного вперед, мы увидели чистую, ровную площадку дороги и остановились на ней. Здесь же стоял кем-то брошенный «газон» с будкой, закрытой на висячий замок.

– Тут будем стоять до утра, – сказал Сергей, – там видно будет. Но у нас, батюшка, другая проблема, и очень серьезная. Бензин на исходе, когда закончится, мы тут окочуримся с холоду. Помощи, по-видимому, ждать неоткуда, трактора подойдут сюда только днем. Так что можно писать завещание родным и близким.

При этих словах мне почему-то припомнилась песня про ямщика, который, замерзая в степи, отдает последний наказ товарищу. Мы очень любили с друзьями петь эту песню во время праздничных застолий. Распевая ее протяжно, не спеша, наслаждались гармоничным созвучием разных голосовых партий. Когда мы пели ее в теплом уютном доме, смерть ямщика казалась такой романтической, умирительно-грустной. Но теперь, когда сплошное белое море бушевало над нами и вокруг нас, заслоняя весь Божий мир, так что реальными казались только этот буран и снег, мне петь несколько не хотелось. И умирать, когда тебе вскоре должно исполниться только тридцать три, тоже не хотелось.

– Ты знаешь, Сергей, нам с тобой надо молиться святому Николаю-угоднику, ибо спасти нас может чудо, а он – Великий Чудотворец.

И для убедительности я рассказал про чудо святителя Николая, которое он сотворил в 1978 году. Я тогда еще служил в Тольятти диаконом и один раз, отправляясь в Москву на экзаменационную сессию, безнадежно опаздывал на поезд. Когда я сел в такси, до отправления поезда оставалось пять минут, а ехать до вокзала минимум двадцать минут. Тогда я взмолился своему небесному покровителю, чтобы он сотворил чудо. Чудо произошло: когда мы приехали на вокзал, поезд стоял там двадцать минут из-за того, что у него заклинило тормозные колодки. За неявку на сессию мне грозило самое большое – отчисление из семинарии, а теперь на кону стояли наши жизни. После моего рассказа стали мы с Сергеем усердно молиться Николаю Чудотворцу. Из снежной пелены выплыла огромная машина – трехосный «Урал» – и остановилась. Мы стали водителю объяснять нашу проблему. Он молча протянул нам двадцатилитровую канистру бензина. Когда я подавал ему пустую канистру назад, то спросил его:

– Скажи, добрый человек, как хочешь твое имя, чтобы мы могли помянуть тебя в молитвах.

Уже отъезжая, он крикнул в приоткрытую дверцу:

– Николаем зовут.

«Урал» растаял за снежной завесой, а я еще долго стоял, не в силах прийти в себя от случившегося.

Утром буран успокоился, Сергей надел на задние колеса цепи, и мы, пробившись до Камышина, благополучно возвратились в Волгоград.

Я отпускаю его с миром

Празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 году – одно из самых волнительных событий последней четверти двадцатого века. На наших глазах происходило что-то необыкновенно важное. Другими словами, мы чувствовали, что наступает новая эпоха для всей полноты Русской Православной Церкви. Мы видели, как стремительно меняется отношение к Церкви со стороны властей и общества. Стало ясно, что будут открываться новые храмы и монастыри, духовные семинарии и училища. Но где же взять такое количество преподавателей для подготовки новых пастырей и церковнослужителей?

Размышляя над этой проблемой, я принял решение поступать учиться в Духовную академию. Семинарского образования для начинающейся эпохи явно было недостаточно. В Московскую духовную академию я пробовал поступить и раньше, однако тройка в семинарском дипломе по литургике портила все дело: не принимали меня в академию, и все тут. Но в 1988 году у меня появилась твердая уверенность, что я поступлю в академию. Я стал просить своего небесного покровителя, святого Николая Чудотворца, помочь в этом деле.

Свой летний отпуск в 1988 году я решил провести в Ленинграде, там я встретил своего однокашника по Московской духовной семинарии Юру Епифанова. К этому времени он уже стал протоиереем Георгием и секретарем митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (будущего Патриарха Алексия II). Сажу я в гостях у отца Георгия, попиваем чаек, вспоминаем свои семинарские годы, вдруг он говорит:

– Ты представляешь, отец Николай, начали нам власти храмы передавать, естественно, в разрушенном состоянии, а ставить настоятелями на них некого. Хороших-то священников много, но они, образно говоря, цемент от песка отличить не смогут.

Тут я встрепенулся, говорю:

– Поставьте меня, я бывший строитель, буду восстанавливать.

– У тебя прописки ленинградской нет, нельзя.

– Вы меня в Духовную академию примите, – говорю я, – мне дадут временную прописку на четыре года учебы и как студента командуйте меня исполняющим обязанности настоятеля храма. Я буду храм восстанавливать и учиться.

– Хорошо, – говорит отец Георгий, – я поговорю с митрополитом.

Слово свое отец Георгий (ныне архиепископ Арсений) сдержал.

В начале сентября пришла телеграмма из Ленинграда о том, что меня принимают в Духовную академию. Сказал об этом своей супруге, матушке Иоанне, она была против, но я уговорил ее. Теперь думаю: как же мне владыку Пимена уговорить отпустить меня учиться? Никакой архиерей на подобное не пойдет. Заочно – пожалуйста, а тут очное обучение, это потерянный для епархии человек. Но что-то надо делать. Еду в Саратов, в епархиальное управление. Подхожу к секретарю-делопроизводителю Евгению Степановичу, поделился с ним своей проблемой. Он мне посоветовал:

– Ты, отец Николай, не подходи сразу с этой просьбой, а побудь в епархиальном управлении, понаблюдай за владыкой. Если увидишь, что у него хорошее настроение, тогда и подходи. А то попадешься под горячую руку – с ходу откажет, второй раз не подойдешь.

Я так и сделал. Хожу по канцелярии, то к машинисткам зайду, то выйду во двор и загляну в гараж к водителям, то на складе посижу, а сам с владыки глаз не спускаю. Архиерей на месте не сидел, из кабинета канцелярии несколько раз в свой дом ходил. Вот вижу, владыка в очередной раз из дома в канцелярию идет и улыбается. Ну, думаю, значит, настроение у него хорошее. Заходит он в свой кабинет, а я за ним следом.

– Разрешите войти?

Как вошел в кабинет – сразу на колени перед архиереем.

– В чем дело, отец Николай? По-моему, сегодня не Прощеное воскресенье в ноги падать, встаньте и говорите.

Встал я и выложил все начистоту. Задумался владыка, потом подходит к двери кабинета, распахивает ее и кричит:

– Идите скорее все сюда!

Да так громко крикнул, что все епархиальные работники, от секретаря до уборщицы, вмиг сбежались, словно только и ждали этого момента. Я думаю: ну все, сейчас при всех пристыдит меня, как дезертира. Короче, приготовился к самому худшему. Владыка говорит:

– У меня сегодня самый печальный день. Отец Николай Агафонов просится, чтобы я отпустил его учиться в Духовную академию. Но мне он нужен здесь, столько работы начинается в епархии, а он священник грамотный, способный. А ему хочется учиться. Что же мне делать?

Все работники управления смотрят на меня с осуждением, качают головами: вот, мол, какой нехороший отец Николай – владыка столько для него добра сделал, а он, неблагодарный...

– Я ведь могу не отпустить его, имею на то полное право. Если б это нужно было только для него, я так бы и поступил. Но поскольку это нужно для Церкви, я отпускаю его с миром.

Что тут началось! Все меня стали обнимать и поздравлять, откуда-то появилось шампанское. Владыка провозгласил тост:

– За будущие успехи нового студента!

Тогда, в 1988 году, еще никто не знал, что через три года владыка Пимен будет возрождать в Саратове духовную семинарию и благословит меня как выпускника Санкт-Петербургской духовной академии быть ее ректором.

Собрание

Шел 1989 год. Я учился в Ленинградской духовной академии и одновременно без отрыва от учебы восстанавливал переданный советской властью полуразрушенный собор Архангела Михаила в городе Ломоносове под Ленинградом. Как-то после окончания Божественной литургии ко мне подошла женщина лет сорока– сорока пяти, прилично одетая, и попросила принять участие в предстоящем собрании учителей городских школ.

Мне уже приходилось бывать в разных коллективах с лекциями и беседами на духовные темы. Я всегда делал это с радостью и в этот раз с благодарностью принял приглашение. Но когда узнал, что разговариваю с парторгом и меня приглашают на партийное собрание, то был немало озадачен.

– Помилуйте, – воскликнул я, – но в каком качестве я могу быть участником вашего собрания, если я не только беспартийный, но и никогда не разделял коммунистических взглядов?

Женщина-парторг заволновалась, боясь, что я откажусь, и, торопясь, стала объяснять:

– Видите ли, батюшка, у нас на повестке дня собрания тема: «Атеистическое воспитание на современном этапе». Городок у нас небольшой, потому наша парторганизация состоит из учителей города и офицеров-отставников. Люди все грамотные. Как узнали о повестке дня, заявили, что коли сейчас гласность и перестройка, то для альтернативного мнения хотим послушать, что скажет священник по этому вопросу.

– Ну, раз так обстоит дело, то обязательно приду, – заверил я женщину. Договорившись о времени и месте собрания, мы расстались.

На следующий день я пришел в школу на собрание. Народу был полный актовый зал. Я занял место в первом ряду. Рядом со мной уселся какой-то мужичок с портфелем, как потом выяснилось, специалист по атеизму, присланный райкомом партии. Собрание началось с необходимых формальностей и оглашения повестки дня. Затем слово предоставили представителю райкома. Он выступал в течение получаса. Речь его мне показалась бессодержательной, я даже не могу припомнить, о чем он говорил. Но центральной мыслью его выступления был тезис: «Атеистическое воспитание нужно проводить на основе научных знаний». Затем он сел и слово предоставили мне. Зал как-то весь оживился, даже отставники, до этого мирно дремавшие в своих креслах, встрепенулись. Все с любопытством воззрились на меня, ожидая, что я буду противопоставлять научным знаниям. Но я и не собирался противопоставлять что-либо научным знаниям. У меня созрел другой план. Выйдя к трибуне, я предупредил, что мое выступление будет очень коротким.

– Здесь в основном сидят люди грамотные, – начал я свое выступление, – а многие даже преподают научные знания, на основе которых предыдущий оратор призывал вас вести атеистическое воспитание. Может быть, я что-то недопонимаю, поэтому прошу кого-нибудь из сидящих в зале ответить на один вопрос: какая наука доказала, что Бога нет? Если кто-нибудь приведет мне такое научное доказательство, то я здесь, при вас, снимаю крест и рясу и пишу заявление о приеме в партию.

Зал заволновался. Учителя и военные-отставники стали перешептываться между собой. А потом все как один разразились аплодисментами. Конечно, с трибуны меня после этого не отпустили, а стали засыпать вопросами на разные духовные темы. Так что собрание затянулось до позднего вечера.

На другой день подходит в соборе ко мне одна наша постоянная прихожанка и со слезами на глазах говорит:

– Отец Николай, как мне вас благодарить?!

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Да мой-то муж, он у меня подполковник в отставке, все время меня ругал, что я в церковь хожу. А вчера пришел с собрания и говорит: «Выступал ваш священник, всех наших атеистов в лужу посадил. Так что, жена, ходи в церковь, да за меня там молись Богу».

Плавающий храм

В воскресенье 7 июня 1998 года жителям поселка Нариман, что стоит на берегу Волго-Донского канала, почудился колокольный звон.

– Ты слышала колокольный звон? – осведомилась одна женщина у своей соседки.

– Вроде слышала. Наверное, радио у кого-то громко включено, ведь сегодня праздник Святой Троицы.

Действительно, откуда еще мог слышаться колокольный звон в поселке, где никогда не было храма, да и сам поселок Нариман возник в пятидесятые годы, во время строительства Волго-Донского канала?

Конец мая и начало июня в этом году выдались необыкновенно жаркими даже для этих мест. Пять жительниц села договорились пойти с утра купаться. Шли привычной тропинкой на пляж бывшего пионерлагеря. Самого лагеря давно уже не было, о нем лишь напоминали асфальтированные дорожки да фундаменты от летних корпусов. Тропинка вывела их к высоким камышам, а уж за камышами узкая полоска песка обрамляла берег канала с удобным местом для купания. Женщины уже хотели по тропинке обогнуть камыш, но то, что они увидели, было до того невероятно, что они, растерявшись, остановились в удивлении, воззрившись на серебряный купол с позолоченным восьмиконечным крестом, возвышавшимся над камышами. До их слуха донеслось церковное пение. Сознание женщин отказывалось воспринимать действительность. Еще вчера за камышами находилась только вода. Как там сейчас может быть храм? Кто его может построить за ночь, да еще на воде? Удивленные и напуганные женщины осенили себя крестным знаменем: «Чур меня». Им захотелось быстрее убежать от этого, как они думали, бесовского наваждения. Но любопытство все же пересилило страх, и они прошли на пляж. Тут им открылась дивная картина: у самого берега, покачиваясь на воде, стояла баржа, а на ней возвышался храм. Сквозь открытые двери этого плавающего храма мерцали огоньки свечей, отблескивая в позолоченных резных столбцах иконостаса. В Царских вратах стоял священник в зеленой парчовой ризе, ароматный дым от его кадила струился из дверей храма и, подхваченный легким утренним ветерком, стелился над зыбкой рябью канала. Женщины, зачарованные увиденным, прислушивались к доносившемуся торжественному пению: «Благословен еси Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святого и теми уловлей вселенную, Человеколюбче слава Тебе».

Осторожно ступая по шатким мосткам, женщины перешли на баржу и зашли в церковь. Это были первые прихожане плавающего храма «Святитель Иннокентий», совершающего свое первое миссионерское путешествие по великой русской реке Дон.

Идея построить плавающую церковь зародилась после того, как меня в 1997 году архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман (ныне митрополит) назначил заведовать миссионерским отделом епархии. Я стал обдумывать, каким образом обустроить миссионерское дело и куда прежде всего направить свои усилия. Несомненным для меня являлось одно: главным направлением миссионерской работы должно быть воцерковление людей, долгие годы искусственно оторванных от Матери-Церкви. Бога наш народ в своей душе еще не потерял, а вот Церковь в большинстве своем потерял: «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец», – гласит русская народная пословица, верно отражая догматическую истину: без Церкви нет спасения. Жестокая политика расказачивания в первую очередь ударила по Церкви. Были разрушены храмы почти во всех станицах донской земли.

Воцерковление без храмов – дело немыслимое, а строительство новых храмов ввиду обнищания людей – дело такое же маловероятное даже в перспективе ближайшего десятилетия. «Вот если б сам храм мог прийти к людям», – подумал я. Большинство сельских населен-

ных пунктов Волгоградской области находятся вблизи берегов Волги и Дона, так и возникла идея строительства плавучего храма.

Вдохновителем этой идеи явился голландский православный священник протоиерей Федор Ван Дер Ворд. В то время он был сотрудником благотворительной церковной организации Kirche in Not, что в переводе означает «Церковь в беде». Этот удивительный иностранец в русской рясе, которую он никогда не снимал, объездил всю Россию вдоль и поперек, осуществляя программу помощи православным епархиям в России через Kirche in Not. Отец Федор был веселым и обаятельным человеком, неутомимым тружеником на церковной ниве. Мы с ним подружились, когда я еще был ректором Саратовской духовной семинарии.

Надо честно признаться, что финансирование семинарии было настолько скудным, что, если бы не помощь со стороны Kirche in Not, семинарию пришлось бы закрывать уже на второй год ее существования. Помню, как в 1993 году к нам в семинарию по протекции моего однокашника архиепископа Арсения прибыл один из руководителей «Kirche in Not» отец Флориан. Он увидел нашу нищету и горько заплакал, а потом сказал: «Отец Николай, мы будем вам помогать». И действительно, сдержал свое слово. На деньги, переданные Kirche in Not, мы закупили столы для аудиторий, оргтехнику, сделали кое-какой ремонт, кормили семинаристов и оплачивали труды преподавателей, закупили книги для библиотеки семинарии. «Царство Небесное тебе, дорогой отец Флориан! Благодарная и молитвенная память о тебе сохранится в моем сердце до конца дней».

Какое-то время связь с нами осуществлял Андрей Редлих, сотрудник Kirche in Not, умный, мягкий и тактичный человек. Андрей родился в Германии в семье эмигрантов из России и впитал, благодаря своим родителям, лучшие качества русского интеллигента. Об этом человеке у меня сохранились самые добрые воспоминания от общения, которое принесло много пользы для моего ума и сердца.

Но подлинно масштабный размах в благотворительной поддержке русского православия со стороны западных христиан осуществил сменивший его протоиерей Федор Ван Дер Ворд. Многочисленные просветительные и миссионерские программы, задуманные и осуществленные с его помощью, это уже свершившийся факт: не только плавучие Церкви, но и железнодорожные храмы на поездах и в автомобилях, помощь десяткам семинарий, да всего и не перечислишь. Такого неутомимого труженика с неукротимой энергией души я никогда не встречал в своей жизни. Мы часто спрашивали отца Федора, кем он себя больше ощущает: голландцем или русским? На что он, смеясь, отвечал: «Больше всего я ощущаю себя православным, и потому я люблю Россию».

Когда я перевелся на служение из Саратова в Волгоград, отец Федор приехал ко мне в гости. Здесь я его познакомил со своим другом, директором железнодорожного предприятия Корецким Владимиром Ивановичем. Это удивительный и бесстрашный человек, в свое время пересекший Атлантический океан на маленькой семиметровой яхте, стал для меня истинным подарком судьбы, когда я приехал в Волгоград. Его неуемная энергия зажигала вокруг себя сердца многих, а неистребимая жажда новизны в его душе постоянно искала себе выход в каких-то самых невероятных предприятиях. Меня он сразу стал уговаривать отправиться с ним на яхте через Тихий океан к аборигенам Австралии, чтобы просвещать их христианской верой. Об этом человеке можно написать целый приключенческий роман. И вот когда мы встретились все трое, то у нас появились десятки проектов и планов. Отец Федор рассказал, как в Новосибирске организовали миссионерскую поездку по Енисею на пассажирском теплоходе. Я рассказал, что до революции по Волге плавал корабль с обустроенным на нем храмом «Святитель Николай». Этот плавающий храм обслуживал рыбаков на Каспии. «Чем же мы хуже?» – сказал Владимир Иванович и предложил построить плавучий храм сейчас. Мы сразу с отцом Федором ухватились за эту идею, и я стал ее разрабатывать теоретически. Корецкий помог

приобрести буксирный катер, который мы назвали в честь князя Владимира, и дебаркадер, который стали перестраивать под храм.

В мае было закончено строительство плавучего храма, и мы его отбуксировали на центральную набережную Волгограда, где владыка Герман при большом стечении народа торжественно освятил его в честь памяти великого миссионера девятнадцатого века митрополита Иннокентия Московского. Под звуки военного духового оркестра плавучая церковь отшвартовалась от центральной набережной Волгограда и направилась в сторону Волго-Донского канала в свое первое миссионерское путешествие.

Кроме меня, в нашу первую миссионерскую команду входили священник Сергей Тюпин, диакон Геннадий Ханькин (ныне священник), капитан буксира «Князь Владимир» Иван Тинин, два юноши-матроса, кок, он же звонарь, Анатолий.

Мы спустились по Волге до Волго-Донского канала и заночевали у третьего шлюза. Начало канала от Волги проходит через городские кварталы, и когда мы вечером проплывали мимо прогуливающихся по набережной горожан, те с удивлением и восторгом взирали на это необычное явление. Некоторые осеяли себя крестным знаменем, кто-то просто радостно махал руками.

На рассвете 6 мая мы снялись с якоря и двинулись дальше. У восьмого шлюза мы с диаконом Геннадием сошли на берег и поехали в город на подошедшей к нам церковной машине, чтобы запастись просфорами и кагором для службы. Предварительно мы договорились, что встретимся в поселке Нариман, куда плавучий храм должен прибыть к вечеру. Уже в вечерних сумерках мы с отцом Геннадием приехали в поселок Нариман и стали разыскивать храм. Но за высоким камышом, да еще в темноте ничего не было видно, к тому же мы угодили в какое-то болото и брели по колено в вонючей жиже. Проходив час-полтора и ничего не найдя, мы уже отчаялись попасть на корабль и тогда, возложив упование на Бога, стали молиться святителю Иннокентию, надеясь, что он нам поможет выйти к своему храму. И тут услышали недалеко от нас колокольный звон. Возрадовавшись, мы пошли на звон и вышли к плавучему храму. Оказывается, это моя дочь Ксения, обеспокоенная нашим отсутствием, стала звонить во все колокола.

А утром произошло то, что я описывал в начале рассказа. Мы продвигались несколько дней по каналу, останавливались в каждом населенном пункте. Везде нас радостно встречали люди и толпами шли на богослужение. Многие исповедовались и причащались, некрещеные принимали крещение прямо в водах канала.

Наконец мы прибыли в город Калач-на-Дону. Здесь местный настоятель отец Николай привез нам свежих просфор, которым мы были очень рады.

Из Калача-на-Дону мы вышли в широкий и полноводный Дон. Первая станица на нашем пути – Голубинская. Мы решили в нее не заходить, так как там есть действующий приход и свой священник, а наша задача – посещать населенные пункты, в которых нет храмов. Но неожиданно на буксире «Князь Владимир» произошла поломка гребного винта, и нам пришлось причалить к Голубинской, а катер отправить на судостроительный завод в Калач-на-Дону.

Когда пришвартовывались к берегу у станицы Голубинской, то первым, кто нас встретил, была женщина-мусульманка с двумя своими девочками. Это была семья беженцев, поселившаяся в казачьей станице. Они стали нам помогать налаживать мостки с берега на плавучий храм. Женщина-мусульманка по пояс в воде самоотверженно трудилась вместе со своими дочками. Когда все было налажено, она попросила крестить ее вместе со своими детьми. «Раз уж мы живем среди православных, то и сами хотим быть православными», – объясняла она. Отец Сергей Тюпин крестил их.

Настоятель Голубинской встретил нас с радостью. Храм в станице был полуразрушенный, а восстанавливать его было не на что, временно службы совершали в церкви, устроенной в бывшем клубе. К нам в плавучий храм стали приходить жители Голубинской с просьбой

окрестить детей. Когда мы их спрашивали, почему они не крестят в домово́й церкви у своего священника, то они отвечали, что считают эту церковь ненастоящей, так как она в клубе и на ней нет купола, а наш храм им очень нравится.

В Голубинской еще произошла забавная история. Июнь выдался очень жарким, и уровень воды стал падать. Создалась катастрофическая ситуация. Один борт плавучей церкви упирался в берег, и когда стал падать уровень воды, вся баржа угрожающе накренилась на один бок так, что казалось, вот-вот храм опрокинется в воду. Буксира, который мог бы оттащить церковь от берега, у нас не было. Мы уже не знали, что и делать, но тут неожиданно помог один случай.

На плавучую церковь пришли два фермера и стали просить отслужить молебен о ниспослании дождя, так как их урожай может погибнуть от засухи. Отец Сергей с диаконом Геннадием отслужили молебен, а после обеда разразился сильный летний ливень с грозой. Уровень в реке сразу поднялся, и плавучий храм выровнялся. Так миссионеры помогали фермерам, а оказалось, что помогли себе. Потом отец Сергей и отец Геннадий удивлялись: почему же они паниковали, а не догадались сами помолиться о дожде?

Вскоре «Князь Владимир» был отремонтирован, и мы двинулись дальше, вверх по Дону.

Как-то нам на пути попала турбаза железобетонного завода номер шесть. Завидев нас, отдыхающие повыскакивали на берег и стали нам махать руками, прося пристать к берегу. Но у нас не было в планах останавливаться возле турбазы, так как там отдыхают в основном городские жители, у которых есть возможность посещать храмы, а мы считали своим долгом плыть к обездоленным сельским жителям. Отдыхающие радостно прыгали на берегу, как дети, и махали нам руками, прося пристать к турбазе. Но мы с колокольным звоном проплывали мимо них и не думая приставать к берегу. Поняв, что мы намерены пройти мимо них без остановки, один молодой человек в шортах и с видеокамерой в руках в отчаянии упал на колени прямо на берегу в воду и с мольбой воздел к небу свои руки. Я не выдержал такой трогательной сцены и распорядился капитану причалить к берегу. Все отдыхающие с радостью устремились к нам в храм. Но мы их остановили, сказав, что в шортах и купальниках в храм не пустим. Тогда они все побежали переодеваться. Мы им отслужили молебен. Пришел и тот человек, который падал на колени. Он захлеб нам рассказывал, что услышал наш колокольный звон и, схватив видеокамеру, выбежал к нам навстречу, потому что догадался, что это плавучий храм: он видел нас по телевизору. Он попросил окрестить его жену и дочку, так как видит в нашем прибытии особый знак Божий. Мы их окрестили прямо в реке, взяв обещание, что теперь они будут ходить в храм Божий и воспитывать ребенка в православной вере.

Мы шли вверх по Дону, останавливаясь в хуторах и станицах. Наш миссионерский плавучий храм прошел до хуторов, стоящих на Верхнем Дону, у самой границы с Воронежской епархией, а затем пошел вниз по Дону, заходя в те же самые станицы. Своеобразие миссионерской работы состояло в том, что проповедовал сам храм, устроенный по православным канонам, с куполом, позолоченным крестом, благолепием внутреннего убранства: резной позолоченный иконостас, красивая церковная утварь. Причалив к берегу, храм звоном семи колоколов созывал людей под свой кров. Священник отправлялся в поселок, чтобы встретиться с людьми, побеседовать с ними, пригласить на богослужение. Люди при виде храма плакали, становились на колени, осеняя себя крестным знамением, а дома готовились к исповеди впервые за многие годы безбожной власти. И почти повсюду люди просили оставить храм навсегда именно в их селе. Что же это, как не живое свидетельство необходимости иметь церковь в каждом населенном пункте?!

В течение ста двадцати дней первого миссионерского плавания плавучая церковь побывала в двадцати восьми населенных пунктах. За это время четыреста пятьдесят человек приняли крещение, около полутора тысяч участвовали в Таинствах исповеди и причастия Святых Христовых Таинств. Богослужения посетили более трех тысяч человек.

Вернулась плавучая церковь в Калач-на-Дону уже осенью с началом холода. На следующий год весной владыка опять отслужил молебен на путешествие по водам и благословил нас во второе миссионерское плавание. На зиму мы стали останавливаться в поселке Пятиморск, рядом с Калачом-на-Дону. В небольшом заливишке, скованная льдами, наша церковь стала как бы приходским храмом этого поселка. Постоянно в плавучей церкви служил сотрудник миссионерского отдела иерей Геннадий Ханыкин. А я занимался уже строительством второго плавучего храма в честь святителя Николая. Храм вышел очень красивый, с тремя позолоченными куполами. Мы его отбуксировали к военному городку Октябрьский, который стоит возле Волго-Донского канала, и там плавучий храм «Святитель Николай» стал как бы приходским храмом, передвигаться по Дону он не мог из-за отсутствия буксира.

Когда мы начали подготовку к четвертому миссионерскому путешествию, я почему-то почувствовал, что это последнее мое путешествие, и, отпустив отца Геннадия в отпуск, сам отправился на «Святителе Иннокентии» в пределы Верхнего Дона.

Пока я шел до Верхнего Дона, по заведенной традиции вел судовой журнал, который, скорее, напоминал дневниковые записи, которые ведет священник-миссионер во время плавания, записывая в него все события, произошедшие за день, а также свои размышления.

Судовой журнал миссионерской плавучей церкви «Святитель Иннокентий»

Запись в журнале производил заведующий миссионерским отделом Волгоградской епархии протоиерей Николай Агафонов

05.05.01. Суббота.

Пос. Пятиморск

В 9:20 приехал митрополит Волгоградский и Камышинский Герман. Он отслужил молебен «Путешествующим по водам» и благословил 4-е миссионерское путешествие.

Молебен прошел торжественно и завершился крестным ходом к месту закладки камня под строительство в Пятиморске храма в честь равноапостольной княгини Ольги. Затем, так же крестным ходом, мы проследовали до детского садика, где стараниями отца Геннадия Ханькина и его супруги матушки Марии была организована воскресная школа для пятидесяти детей поселка. Дети показали нам замечательный концерт. Я с радостью думал, что все это плоды более чем трехлетней деятельности плавучей церкви. Было заметно, что архиерей тоже доволен таким хорошим устройством духовной жизни в Пятиморске.

06.05.01. Воскресенье

В 9:30 к нам на «Святитель Иннокентий» в поселок Пятиморск прибыл православный священник из Голландии протоиерей Федор Ван Дер Ворд, руководитель отдела благотворительных программ по России организации Kirche in Not. Вместе с ним прибыли фотокорреспондент из Польши Андрей, корреспондент французского журнала Paris-Match Клодина и фотограф этого издания Томас.

Я отслужил в плавучем храме Божественную литургию, по окончании которой мы в каюткомпании устроили праздничный прощальный обед.

После обеда отшвартовались от стоянки в Пятиморске и двинулись вверх по Дону. Плавучую церковь буксирует «Горноста́й», его дал Попов И. М. Наш буксир «Князь Владимир» находится на ремонте.

Заночевали около берега напротив города Калач-на-Дону. Мы с Дионисием, нашим псаломщиком, пошли в храм совершать вечерние молитвы, а затем вместе с ним совершили крестный ход по палубе плавучей церкви.

Слава Богу за все!

07.05.01. Понедельник

Проснулись рано. Пошли с Дионисием в храм на утренние молитвы, к нам присоединился отец Федор.

В 7:00 отшвартовались и последовали далее вверх по Дону.

В 12:00 причалили к берегу возле станицы Голубинской. Это довольно большая станица, в которой красивый каменный храм (русско-византийская эклектика), но там служить невозможно. Был закрыт в начале 60-х годов XX века, в нем хранили химические удобрения. Сейчас стоит без крыши и потихоньку разрушается. Местный священник отец Сергей служит в помещении бывшего клуба. Вместе с иностранцами пошли пешком по станице посмотреть храм. По дороге встретили настоятеля священника Сергея и Суровикинского благочинного отца Геннадия, а также настоятеля города Калача отца Николая. Благочинный издали закричал (полусерьезно): «Что это вы делаете на моей земле без моего ведома?» Я ему представил журналистов, он стал пыжиться и важничать, а когда они спросили, что такое благочинный,

он разъяснил иностранцам, что благочинный – это малый епископ!!! (Чудеса, хорошо еще, что не малый папа римский!)

От Голубинской отправились вверх по Дону и в 18:00 остановились около хутора Малая Голубинка (9 км от станицы Голубинская). В хуторе всего 80 дворов. Церкви у них нет, да и никогда не было, а жители хутора всегда ходили в церковь станицы Голубинской. На берегу нас встретили несколько пожилых женщин и попросили отслужить у них панихиду. Нам они принесли сушеную рыбу, картошку, зелень. Сетовали, что давно не причащались, и просили нас на обратном пути остановиться вновь в Малой Голубинке для служения Божественной литургии. Отслужив заупокойную литию мы отправились дальше.

По пути к нашей плавучей церкви на моторной лодке причалили два рыбака, подарили нам огромного толстолобика и попросили помолиться за них. Иностранцы удивились размерам рыбы и сфотографировали ее. (Господи, пошли этим добрым людям здоровья и богатого улова!!!)

После вечерней молитвы и крестного хода еще долго сидел с иностранцами в кают-компании и вел беседы на духовные темы.

Слава Богу за все!

08.05.01. Вторник

Проснулся рано, в 5:30, и дал распоряжение капитану отшвартоваться от берега, где мы ночевали, чтобы следовать далее вверх по Дону.

Пока капитан отшвартовывался, я стал созывать всех на утреннюю молитву звоном в колокол. В храм пришли только отец Федор и Дионисий. После утренней молитвы пили кофе с голландским сыром, который привез из Голландии отец Федор. Очень вкусный, не чета тем сырам, которые готовят у нас под названием «Голландский». Когда проходили мимо какой-то турбазы, отец Федор попросил причалить. На берегу к нам подошли два парня с хутора Вертячий – просто из любопытства. Они впервые видели храм на воде. Постояв у турбазы минут 10–15, мы снова тронулись вверх по Дону.

8:15. Все отправились поспать часок-другой, а я сел заполнять журнал.

В 14:00 прибыли к станице Трехостровской. Здесь произошел непредвиденный случай, чуть не приведший к аварии и затоплению плавучего храма. «Горноста́й» буксировал нас на длинном тросе. Когда подошли к станице, он отцепил трос, чтобы сманеврировать к борту плавучей церкви и отбуксировать ее к берегу на жесткой бортовой сцепке. Но сильное течение развернуло плавучий храм раньше, чем подоспел буксир, и нас понесло вниз по течению прямо на водозаборную станцию. При столкновении со станцией у нас неминуемо порвался бы металлический корпус дебаркадера и церковь могла бы затонуть. Иностранцы, не понимая всей опасности, радовались, как дети, щелкая затворами фотоаппаратов. Я видел, что столкновение неизбежно, и буквально взмолился Богу о сохранении плавучей церкви. Господь смиловился над нами. Недалеко от станции плавучая церковь наткнулась на затопленные деревья, которые смягчили удар. Нас еще раз стало разворачивать и теперь уже несло вниз по течению к новой опасности. Никем не управляемая плавучая церковь двигалась навстречу огромной барже, груженной щебнем. Катастрофа казалась неминуемой, но в последний момент капитан «Горноста́я», изловчившись, подошел к борту церкви и экипаж умудрился привязать храм на жесткую сцепку. Избежав этой катастрофы, мы благополучно причалили к станице Трехостровской. Иностранцы так и ничего не поняли, а приняли всю ситуацию как запланированную развлекуху. На плавучий храм стали приходить люди, узнавать о службе. Иностранцы пошли погулять в станицу. После обеда нас покинул отец Федор Ван Дер Ворд. За ним на автомобиле приехал моторист-рулевой с нашего буксира «Князь Владимир», чтобы отвезти отца Федора в Волгоград. Иностранцы пошли на паром проводить отца Федора, а заодно и сделать фотоснимки плавучего храма со стороны воды. Отец Федор был грустным, ему не хотелось уез-

жать, но что поделаешь. Я проводил паром звоном во все колокола. Огромный паром, груженный автомобилями, тянул маленький катерок, ну прямо как муравей. Этот «малыш» пыхтел и кренился от натуги на один бок, но все же достиг противоположного берега. Со стороны это выглядело странно и смешно. Мне рассказали, что еще во время Великой Отечественной войны эти катера наводили понтонные переправы.

В 18:00 начали служить вечернюю службу. Было 5 пожилых женщин и 7 детей. Все женщины и дети исповедовались. После службы я разрешил детям позвонить в колокола и они очень этому радовались. Вечером у меня разболелся желудок, Елена Владимировна дала мне две таблетки, и я пошел спать.

За все слава Богу.

09.05.01. Среда.

День Победы

В 6:30 ко мне в каюту постучал Денис. Я пошел в храм читать правила к литургии.

7:30 – часы, в 8:00 – литургия. Прихожан – 9 женщин и 7 детей. Все причащались. После литургии – крестный ход и водосвятный молебен на Преполование Пятидесятницы. После молебна – панихида по всем воинам, погибшим в Великую Отечественную войну. Затем покрестил мальчика девяти лет. Едва покрестил мальчика, как на крещение пришел молодой парень. Он с удовольствием погрузился в прохладные воды Дона. После крещения венчал пожилых людей, которые прожили в браке 45 лет.

12:00. Отплыли от Трехостровской. Вместе с иностранцами пошел на буксир «Горно-стай» поздравить капитана и команду с Днем Победы. После обеда ушел в свою каюту поспать. В 17:30 проснулся и увидел, что причаливаем к турбазе. Иностранцы-журналисты решили вернуться в Волгоград, чтобы осмотреть город. Вместе с ними отбыла переводчица Инна. Поужинали при свечах. После ужина причалили к берегу, где привязали церковь к большому дереву. Вечерняя молитва, крестный ход и на покой.

За все слава Богу.

10.05.01. Четверг

7:00. Отшвартовались и направились вверх по Дону. Я встал, умылся и начал звонить в колокола, созывая всех на утренние молитвы. В 7:20 начали утренние молитвы. Наша ближайшая остановка намечена в хуторе Белужно-Колдаиров, который стоит на левом берегу Дона, почти напротив станицы Сиротинской. Пока храм плывет, я сижу в кают-компании и изучаю карту нашего маршрута. Если бы была такая возможность, то я бы остался здесь, в плавучей церкви, навсегда. Но это неисполнимые мечты и, отмахнувшись от них, начинаю расчерчивать график миссионерского плавания. Пока Дон не обмелел, наш плавучий храм должен подняться до самой крайней точки, которой является хутор Крутовской. Затем при спуске вниз по Дону можно не торопясь посетить следующие населенные пункты, простаивая в каждом из них не менее 10 дней:

- 1) хутор Крутовской;
- 2) хутор Зимовой;
- 3) хутор Бобровский I;
- 4) станица Усть-Хоперская;
- 5) хутор Рыбный;
- 6) хутор Ярской II;
- 7) Усть-Медведицкий монастырь, г. Серафимович;
- 8) хутор Бобровский II;
- 9) станица Кременская;
- 10) хутор Белужно-Колдаиров;

- 11) станица Сиротинская;
- 12) станица Трехостровская;
- 13) хутор Малоголубинский.

В 14:30 пришвартовались к берегу возле Белужно-Колдаирова. Берег живописный, зеленый, с небольшими деревьями, очень удобное место. Капитан пошел на хутор, чтобы купить масло для двигателя. Я попросил его по прибытии с хутора сразу же отдавать концы и двигаться дальше. Во время движения к нам подошли две моторные лодки, сидящие в них люди попросили разрешения осмотреть храм. Я разрешил. К нам на палубу поднялись четверо мужчин из Москвы и одна молодая женщина-художница. Они каждый год отдыхают здесь, на Дону, в палатках – рыбачат. Нашу плавучую церковь видели в Москве по телевизору. Когда они вошли на палубу, то сразу подошли под благословение. После осмотра храма я пригласил их в кают-компанию. Мы сидели с ними за столом, пили чай и беседовали на духовные темы. Двое мужчин просили исповедать их. Но поскольку они были немного выпившие, я предложил им прибыть завтра рано утром на молитву, и тогда, после молитвы, буду их исповедовать. Мы уже подходили к турбазе мясокомбината на ночлег. Я предложил гостям звонить вместе со мной в колокола. Потом пригласил их на вечернюю молитву. По окончании молитв вместе с ними совершили крестный ход, они несли запрестольные образа и старались нам подпевать, но слов молитвы не знали.

На турбазе меня радостно встретили мои хорошие знакомые, которые здесь работают. В 1999 году они помогли мне принимать здесь, на турбазе, журналистов из 10 стран мира от Kirche in Not. Я пообщался с ними, попил чаю и пошел спать.

За все слава Богу.

11.05.01. Пятница

Проснулись в 6:00, я умылся и стал звонить на утреннюю молитву. Подошел капитан «Горностая» Николай Иванович, и я благословил его отчаливать сразу после утренних молитв. На молитву пришли мои знакомые сторожа с турбазы – два Александра, но вчерашние рыбаки так и не появились. После молитвы оба Александра написали записки для поминовения и поставили свечи.

6:30 – отшвартовались от берега и направились вверх по Дону.

7:50 – подошли к станции Новогригорьевская. Я пошел в магазин купить хлеба, так как все старые запасы хлеба закончились. Капитан пошел в администрацию станицы, чтобы добыть масло для двигателя (у него сестра замужем за главой Новогригорьевской администрации). Магазин находился рядом с храмом. Храм действующий, недавно отремонтированный (если не считать станицы Перекопской, то это единственный храм от Калача до Серафимовича).

11:50 – купив масло для двигателя, отшвартовались и направились к станице Кременской. Дай Бог до темноты дойти до нее.

14:00 – мы причалили к хутору Каменский (несколько домов), здесь контрольная связь с Калачом-на-Дону – прямо на берегу в какой-то металлической будке телефон. Капитан пошел позвонить диспетчеру. Через 5 минут мы продолжили наш путь вверх по Дону. Когда мы причалили к берегу, несколько змей прыгнули в реку, а когда мы отходили, ветки деревьев задели за колокола, и они мелодично зазвенели, прощаясь с хутором Каменским.

16:00 – повстречали баржу, груженную щебнем, наш капитан договорился по радиации, чтобы они дали два ведра масла для двигателя. (Что за прожорливый двигатель, мне уже кажется, что он работает не на солярке, а на чистом моторном масле!!!) Капитан оставил нашу плавучую церковь около берега в кустах, а сам на буксире пошел к самоходной барже со щебнем. Вернулся с тремя мужчинами, которые попросили окрестить одного из них. Я провел

краткую огласительную беседу, взял с крещаемого слово, что он будет изучать Закон Божий, который я ему вручил после крещения. Крещение, как обычно, совершил в реке.

18:25 – пошли вверх по Дону.

20:50 – наступили сумерки, пишу при свете двух свечей. Мы причаливаем возле станицы Кременской, идет мелкий дождь. Нет уверенности, что успеем прибыть в Усть-Медведицкий монастырь к обеду в воскресенье. Дай Бог хотя бы к вечеру.

Пока мы шли по Дону, нас сопровождала прекрасная симфония, состоящая из голосов разных птиц и соловьиной трели, исполняемая под аккомпанемент лягушачьего кваканья. Если бы я был музыкантом, то наверняка, вдохновленный этими звуками, написал бы какую-нибудь увертюру на тему этой природной симфонии. Господи! Почему я не музыкант?

Меня не покидает радостное чувство свободы, это чувство порождается осознанием удаленности от суетной цивилизации. Все это низводит некую умиротворенность в душу и ощущение покоя. Здесь хорошо спится и легко молится. Очень походит на ощущения беззаботных лет раннего детства. Я все время ловлю себя на мысли, что понятие времени очень относительно. Там, в цивилизованной суете, время бежит очень быстро, можно сказать – летит. Не успеешь оглянуться, а прошли уже сутки, недели, месяцы. Да что там месяцы, целые годы проходят, то ли жил, то ли не жил. Здесь же время движется неторопливо, можно даже сказать, что время плавно плывет, как эти чистые воды Дона. А иногда время вообще замирает, словно путник в дороге, остановившийся полюбоваться красотами природы. Порой мне казалось, прошел целый день, а посмотришь на часы, нет еще и одиннадцати дня.

Теперь наш буксир не тянет плавучую церковь, как ранее, а толкает ее сзади. Я поставил стул на самом краю борта, под звонницей, вода от меня в полуметре, а перед моим взором вся панорама реки с ее обоими берегами. Я читаю книгу. Надо мной – бездонное голубое небо, прямо подо мной плещется вода, слева – крутой берег Дона, а справа – пологий, поросший кустарником, в котором невидимые глазу соловьи заливаются весенними трелями. Нет, невозможно это все описать пером, тем более таким неумелым, как мое.

22:00 – совершили с Дионисием вечерние молитвы и крестный ход. 22:30 – отбой.

Слава Богу за все.

12.05.01. Суббота

6:20 – подъем.

6:30 – утренняя молитва. Всю ночь шел дождь, идет до сих пор. Капитан сказал, что будет ждать до 8:00, пока не подойдет мотороллер с маслом для двигателя. (Опять это масло!!!) В 8:45 дождь почти прекратился, но мы все еще стоим, капитан ушел в станицу за хлебом, погода пасмурная. Сажу в кают-компанию, читаю.

В 9:15 капитан пришел, наконец-то мы отчаливаем, ура!

В 14:15 прошли мимо станицы Перекопской. В ней есть действующая церковь. Купол и остроконечную крышу колокольни я увидел еще издалека, так как она стоит на правом крутом берегу. Левый берег пологий, лесистый, а правый крутой, весь в зеленой траве, и на этой крутизне стоит белый пятикупольный храм с шатровой колокольней недалеко от воды у залива. Очень красиво. Как хочется, чтобы такие храмы стояли в каждой станице и хуторе. Снова пошел мелкий дождь, думаю, что это надолго. Мы продолжаем двигаться вверх по Дону. Следующий по нашему маршруту – хутор Мелоклецкий.

16:30 – прямо во время движения корабля начали всенощное бдение. На клиросе – Дионисий, в храме единственная прихожанка – повариха буксира Надежда. Дождь закончился перед началом Великого Славословия. Когда я провозгласил «Слава Тебе, показавшему нам свет», в иллюминаторы храма неожиданно брызнул свет заходящего солнца и осветил весь храм. До этого были тучи. Свет этот был такой яркий, что стало возможно читать молитвы без свечей. После всенощной попили чаю в кают-компанию и пошли в церковь вычитывать

правило к святому причастию. После окончания вечерних молитв совершили крестный ход и в 22:10 разошлись по кельям на сон.

За все слава Богу.

13.05.01. Воскресенье

Проснулся в 6:45, наша плавучая церковь находилась уже в пути. Дионисий мне сказал, что от хутора Мелоклецкого отшвартовались в 5:15 утра. Умылся, иду в храм совершать утренние молитвы и Божественную литургию. Божественную литургию отслужили молитвенно, под звуки плеска волн, во время хода корабля. Миссионер Дионисий пел на клиросе. Они с поварихой Надеждой причастились, предварительно пройдя Таинство исповеди. После литургии мы с Дионисием позавтракали, в 10:00 подошли к плавучему крану, который грузил щебенку на баржу. Капитан пошел на плавучий кран, надеясь взять у них масло для двигателя. Я сказал капитану, что это уже смешно с маслом получается, а он только пожал плечами и ответил: «Вам смешно, а мне не очень, двигателю нужен капитальный ремонт». На теплоходе, который буксирует баржу со щебенкой, оказался Владимир Иванович, наш бывший капитан буксира «Князь Владимир», долгое время проработавший в миссионерской команде. Он весь в мазуте, но мы очень рады встрече, обнялись по-братски, он сложил свои черные от мазута руки и попросил благословения. Взяли масло и через час – в 11:00 – пошли дальше. Что-то нас ждет впереди? Одному Богу известно. Вот уже ровно неделя, как мы вышли из Пятиморска, никакой связи с внешним миром, ни телефона, ни телевизора – красота.

Стал размышлять об итогах трех миссионерских путешествий. Нет сомнений, что плавучая церковь очень необходима для воцерковления казачьих поселений Верхнего Дона. Но главная трудность для миссионерской работы упирается в отсутствие финансов. За все три года епархия не выделила ни копейки на это столь нужное для просвещения людей дело. Самые большие затраты приходится на солярку для буксира. Чтобы, к примеру, плавучему храму подняться по Дону из поселка Пятиморск до хутора Крутовского (самая верхняя точка в миссионерском маршруте), необходимо, как минимум, примерно три тонны солярки, а это уже 21 тысяча рублей, да еще спуститься по Дону – примерно 1,5 тонны солярки (10,5 тыс. рублей), масло для двигателя тоже дорогое. Итого выходит не менее 35 тысяч рублей. Таких огромных денег, естественно, нет. Того, что набирается от пожертвований прихожан плавучей церкви, едва хватает на оплату капитана и матросов буксира, также необходима зарплата священнику (ведь у него семья) и псаломщику.

В четвертом миссионерском путешествии нам повезло: отец Федор привез на оплату горючего для буксира 28 тысяч рублей. В прошлом году из-за нехватки финансов плавучая церковь смогла подняться только до станицы Трехостровской, а это лишь половина маршрута. Учитывая опыт предшествующих лет, я к четвертому миссионерскому путешествию разработал следующий план, который предполагал, что начинать миссионерский поход надо в первой половине мая и следовать, пока Дон полноводный, до самой верхней точки, то есть до хутора Крутовского, не совершая длительных остановок, а уже оттуда, не торопясь, спускаться по Дону к зимней стоянке в поселке Пятиморск, простаивая в каждом населенном пункте по 10–12 дней. Таковых населенных пунктов двенадцать, значит, на весь маршрут уйдет примерно 120–140 дней, то есть к концу сентября можно возвратиться в Пятиморск и еще походить по селам Цимлянского водохранилища.

13:15 – сама природа на нашей стороне. Наверное, Бог услышал наши молитвы о том, чтобы успеть сегодня прибыть в Усть-Медведицкий монастырь. Выглянуло солнце, но дует сильный ветер, к счастью попутный. Дон, который до этого плавно нес свои воды по течению, встретившись с противным ветром, ошетинился гребнями волн. Но для нас это хорошо, так как у плавучей церкви большая парусность, и скорость хода от этого значительно возросла, и

это радует. Благодарение Богу, если мы и не прибудем сегодня в монастырь, то все равно будем ночевать где-то недалеко от него.

Сию в кают-компания за обеденным столом и делаю эти записи в судовой журнал, а наш корабельный котенок-озорник залез мне на плечо и мурлыкает под самое ухо, внимательно наблюдая, как быстро движется авторучка, оставляя на бумаге эти строчки.

14:30 – идем хорошо. Ярко светит солнце сквозь белые пушистые облачка, которые весело несутся в небесной лазури. Игра солнечных бликов на гребнях волн щедро насыщенного весенними водами Дона создает необыкновенную картину гармонии красок: белого, голубого, желтого и зеленого. Теперь я сожалею о том, что не художник, потому что, кроме как в своей душе, нигде не могу запечатлеть эту дивную красоту, созданную Богом. В моем сердце постоянно звучат строки из бессмертной поэмы Алексея Константиновича Толстого «Иоанн Дамаскин»:

Не той он прежде мнил идти дорогой,
Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединенье,
Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, пенопению.

Наверное, какой-нибудь монах, который в поспешности выбрал для себя иноческий путь, сожалея об этом, завидует белому духовенству и думает: «Им хорошо, у них жены, дети – семья». Я же, наоборот, стал раздумывать, правильно ли поступил тогда, двадцать четыре года назад, не выбрав монашеский путь, а с головой окунувшись в этот суетный мир, мир, в котором человек живет в вечном стремлении достигнуть цели земного, временного содержания. Достигнув же, сразу разочаровывается и вновь устремляется к новой, временной, суетной цели, чтобы потом убедиться, что и она не приносит полного счастья. Пора бы уже сделать для себя вывод, что счастье на земле призрачно и недостижимо. Сидя на палубе, я невольно размечтался о том времени, когда мои дети определятся самостоятельно в этой жизни и я смогу со спокойной совестью уйти на дальний, глухой, сельский приход. И там наконец-то обрести самого себя и мир с Богом, в простоте сердца исполняя свои пастырские обязанности и замаливая у Бога свои грехи, коим несть числа.

Так, предаваясь пустым мечтам, я прогуливался по палубе плавучего храма, как вдруг, к своему огорчению, заметил, что ветер переменялся и дует теперь прямо в противоположном направлении, замедляя наш ход. Мысли мои также изменили свое направление. Теперь я уже думал, что напрасно сетую на свое положение, так как спасение души не зависит от внешних обстоятельств, которые лишь суть те испытания, которые посылаются Богом для нашего же блага. Человек должен трудиться там, куда его Господь определил в данный момент. А если это будет угодно Богу, то Он Сам изменит обстоятельства и саму нашу жизнь, но не так, как мы этого желали, а как это действительно нужно для нашего же спасения.

Размышляя таким образом, я вспомнил мое любимое произведение А. П. Чехова «Степь». Один из самых светлых героев этой повести отец Христофор говорит: «Счастливей меня во всем городе человека нет... Грехов только много, да ведь один только Бог без греха. Ежели б, скажем, царь спросил: «Что тебе надобно? Чего хочешь?» – Да ничего мне не надобно! Все у меня есть, и все слава Богу».

Ветер опять переменялся и уже дул с правого борта. Тут я сообразил, отчего ветер все время меняется. Оказывается, это не ветер, а русло реки меняет направление, а ветер как дул

в северном направлении, так и дует. Ну и пусть дует, все равно ведь идем вперед, и за это слава Богу.

22:00 – почти в полной темноте подошли к хутору Бобровский II. С помощью ломов, воткнутых глубоко в песок, мы закрепили плавучую церковь, и я, взяв фонарик, сошел на берег, чтобы сходить на хутор, поискать там телефон и дозвониться до монастыря. Поднявшись на косогор, я повстречал подвыпившего местного жителя Павла на машине «УАЗ». Он почему-то был без брюк, в одной фуфайке и трусах, но оказался добрым, веселым и разговорчивым человеком.

Павел рассказал мне, что живет у самой реки, телефона у него нет, но он согласен подвезти меня до хутора к дому, где есть телефон. В машине по дороге я разговорился с ним и узнал, что Бобровский II называется так потому, что есть еще хутор Бобровский I. «Здесь живет много бобров, – объяснял мне Павел, – потому и Бобровский хутор». Поведал он мне также о том, что у них никогда не было церкви, и верующие раньше, до революции, ходили в хутор Баски в семи километрах отсюда, там был храм. Жителей в обоих хуторах было не более шестисот человек. Как называлась церковь в Басках, он не знает, да ее уже давно разломали. Еще Павел сказал: «Хотя нас воспитывали без Бога, но Бога я не отрицаю, а живу по понятиям». – «Что такое жить по понятиям?» – поинтересовался я. Павел тут же разъяснил мне, что это означает делать добро. А когда я спросил, что он понимает под добром, он мне сказал: «Добро – это когда человек созидает, а не разрушает». Потом он попросил помолиться за него Богу, чтобы у него все было хорошо. Свое нетрезвое состояние он коротко охарактеризовал следующими словами: «Я, батюшка, сегодня согрешил». Подивившись этому хуторскому философу, я подумал о том, что раз есть такие люди, как Павел, то не все еще потеряно.

До монастыря я так и не дозвонился, там никто не брал трубку. Вернувшись в плавучую церковь, пошел в храм на вечерние молитвы. Затем мы совершили традиционный крестный ход по палубе вокруг церкви, под пение пасхального тропаря. Этот крестный ход еще в первом миссионерском путешествии ввел в практику наш псаломщик из церкви Св. великомученицы Параскевы – Валерий. Я послал его во временную командировку в плавучую церковь. Несколько раз на плавучую церковь нападали подвыпившие хулиганы, от которых приходилось отбиваться нашей малочисленной миссионерской команде. Валерий, человек глубокой религиозности, высказал предположение, что они не просто так нападают на храм, а действуют, подстрекаемые бесами, то есть на плавучую церковь нападают сами бесы, а от них можно защититься только молитвой, и предложил каждый вечер обходить с иконами вокруг церкви крестным ходом. С тех пор такие крестные ходы, совершаемые после вечерних молитв, стали для нас неукоснительной традицией. Кстати, нападения после этого прекратились.

23:15 – разошлись по каютам на отбой.

14.05.01. Понедельник

6:20 – отшвартовались от берега хутора Бобровский II и пошли вверх по Дону к Усть-Медведицкому монастырю.

6:40 – начало утренних молитв. Погода пасмурная, прохладная. Палуба мокрая от прошедшего ночью небольшого дождя.

12:00 – прошли под мостом города Серафимовича, бывшей Усть-Медведицкой станицы. Скоро должны прибыть в монастырь, но особой радости я не испытываю, ведь из монастыря мне предстоит выехать в Волгоград. И ничего не поделаешь, там меня ждут неотложные дела. Утешаюсь мыслью, что, как только освобожусь от дел, сразу приеду в плавучую церковь, а пока сюда должен прибыть священник миссионерского отдела Геннадий Ханькин, помощи ему Господи в нелегком миссионерском деле.

13:15 – из-за деревьев показался купол монастырского собора, а затем и весь монастырь открылся нашему взору. Я стал звонить сначала в большой колокол, а потом совершил пере-

звон во все колокола. Когда наши колокола умолкли, послышался звон монастырских колоколов. Нас заметили и радостно приветствовали ответным звоном.

13:40 – причалили к берегу у монастыря. Навстречу к нам уже спешили иеромонах Хрисагон (Шляпин), монах Ананий (Сирож) и юродивый странник Георгий с депутатским значком советских времен на лацкане пиджака. Наместника иеромонаха Савина не оказалось в монастыре, он уехал по срочным делам в Волгоград еще 10 мая.

Трогательно распрощались с капитаном буксира «Горностай» Николаем Ивановичем и матросами Игорем и Александром, а также с коком Надеждой. Кто знает, увидимся ли еще? Буксир завтра будет возвращаться в Калач-на-Дону, а к плавучей церкви в ближайшие дни должен прибыть наш буксир «Князь Владимир», который все это время стоял на судоремонтном заводе, где ему чинили вал винта.

Слава Богу за все!

Об авторе

Протоиерей Николай Агафонов родился в 1955 году. Окончил Московскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию. Был ректором Саратовской Духовной семинарии, возглавлял в Волгоградской епархии миссионерский отдел, построил две плавучие миссионерские церкви. Награжден орденом Святителя Иннокентия III степени. В 2004 году принят в Союз писателей России. В настоящее время является настоятелем храма в честь святых Жен-мироносиц в Самаре.